Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ, НОРМОТВОРЧЕСТВА И ПРАКТИКИ

V Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) (16 июня 2022 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2022

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022
ISBN 978-5-9694-1199-9

УДК 343
ББК 67.73
В74

Рецензенты:
ведущий эксперт отдела уголовно-процессуального законодательства
и информационного права Уголовно-правового управления ДПД МВД России
кандидат юридических наук **А. И. Мысина**; эксперт 2-го отдела
(нормативно-правового обеспечения) УОГЗ МВД России
кандидат юридических наук **В. В. Шишов**

Составитель *Р. Б. Осокин*

В74 **Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики** : V Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя), 16 июня 2022 г. : сборник научных трудов / [сост. Р. Б. Осокин]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 487 с. − 1 электронный опт. диск (CD-R). – Системные требования : CUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1199-9

В сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики» (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя) (16 июня 2022 г.) вошли статьи, посвященные наиболее значимым вопросам профессионального образования по гуманитарному профилю подготовки кадров. В статьях рассмотрены актуальное состояние и перспективы развития юриспруденции, экономической безопасности, психологии служебной деятельности, юридической психологии и педагогики.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России, а также учащимся и сотрудникам юридических, психологических и педагогических вузов. Определенный интерес может представлять для практических сотрудников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Лосева О. С.*
Компьютерная верстка *Лосева О. С.*

Подписано к изданию 21.09.2022
Объем издания: 5 032 Кб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1199-9



Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

П. В. Бойцов
Контрольно-надзорная деятельность в сфере миграции
как функция органов внутренних дел Российской Федерации 14

М. О. Галястов
Исполнение отдельных видов административных наказаний (общий анализ) .. 18

А. О. Горлов
История законодательства об административных правонарушениях
городов федерального значения Российской Федерации 22

И. С. Горшков
Административно-правовой статус организаций, осуществляющих
подготовку лиц в целях изучения правил безопасного обращения
с оружием и приобретения навыков безопасного обращения оружием 25

С. Ю. Давыдова
Административная деликтность как социально-правовая система 29

М. С. Кузнецов
Реализация правовых позиций Конституционного Суда
Российской Федерации судами Российской Федерации..... 31

О. Н. Кузьмина
Процессы цифровой трансформации общества
в контексте обеспечения безопасности личности..... 35

И. К. Лобанова
Анализ судебной практики в области реализации миграционных амнистий..... 39

С. А. Малахов
Коллизии норм субинститута административной ответственности
юридических лиц и их устранение 43

К. Е. Мараев, А. В. Цветков
Планирование: понятие, признаки и принципы..... 46

А. А. Семенова
Административно-правовой аспект противодействия
опасным увлечениям современной молодежи 50

А. И. Серпионова
Роль правоохранительных органов и миграционных служб
в защите прав и свобод человека и гражданина
при реализации реадмиссионных отношений..... 53

С. А. Сивов
К вопросу об административно-правовом регулировании службы в полиции .. 56

О. А. Юркова
О некоторых проблемах в организации деятельности МФЦ
и возможные направления совершенствования..... 59

РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М. В. Братко
Совершенствование механизма выявления преднамеренного банкротства 63
С. А. Веселкина
Анализ деятельности правоохранительных органов
по выявлению налоговых преступлений 66
В. А. Кузнецова
Проблемные вопросы предупреждения преступлений
в сфере агропромышленного комплекса..... 70
А. А. Кушхова
Опыт миграционной политики зарубежных стран
и его применение в Российской Федерации 75
Г. Р. Мамедова
Правовое регулирование предоставления отпуска
по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет 79
Л. А. Пантюхина
Возможные пути релизации права на жилище
сотрудниками органов внутренних дел 82
Н. А. Петраков
К вопросу о субъектах правоотношений, возникающих
по поводу цифровых прав 86
С. В. Суровцева
Импортозамещение как фактор трансформации системы
государственных закупок 89
А. В. Терентьев
Экономическая преступность в эпоху цифровой экономики 94
Я. А. Шаповалов
Модель правового режима объектов, находящихся
в собственности (владении) участников гражданского оборота
и подлежащих обязательной антитеррористической защите 98
О. Н. Шутова
Важность института права частной собственности
на земельный участок в современном гражданском праве..... 103
И. М. Яковлев
Проблемы, возникающие на этапе проверки по сообщениям
о преступлениях в сфере экономической безопасности 107

РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ю. Д. Васькина
Компоненты психологической устойчивости личности сотрудников органов внутренних дел (следователей) 110

А. А. Гаврилина
Подготовка будущих инспекторов ПДН к профилактической работе с применением квиза 116

П. А. Гагарина
Цифровая культура курсантов образовательных организаций МВД России как фактор их информационной безопасности 119

О. В. Гарманова
Роль наставника в формировании профессионально важных качеств личности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции 123

А. М. Голубкина
Особенности профессионально-личностного саморазвития курсантов образовательных организаций МВД России 127

Е. И. Ерохина
Механизмы формирования индивидуального стиля деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции 129

А. К. Журавлева
Уровень притязаний и локус контроля в Я-концепции сотрудников органов нутренних дел 132

М. С. Лаврова
Стресс трудовой деятельности как один из факторов развития профессионального выгорания психологов органов внутренних дел 136

В. В. Литовских
Понятие и классификация субъектов негосударственной сферы безопасности 138

М. В. Пешков
Средства и методы самообразования курсантов ОО ВО МВД России в современных условиях 142

Ю. С. Пучкова
Уровень межличностной интолерантности к неопределенности среды в зависимости от управления чужими эмоциями 146

М. О. Титова
Социально-психологическая помощь сотрудникам полиции с разным уровнем профессионального выгорания 149

В. А. Тихомиров
Педагогические условия изучения ударов и бросков на занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России 152

Д. С. Ушакова
Психологические механизмы формирования мотивации
у сотрудников полиции 157
А. А. Феоктистова
Игровая технология в организации курсантского коллектива 160
Д. А. Харламова
Мастер-класс как эффективная технология в подготовке
будущего инспектора по делам несовершеннолетних 163
В. М. Шулимова
Актуальность наставничества в современной системе ОВД 167
М. В. Шустикова
Развитие социально-коммуникативной компетентности
курсантов образовательных организаций системы МВД России 170

РАЗДЕЛ IV. ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)

А. В. Бескоровайный
Профилактика экстремизма в Германии 174
Ф. А. Бехзоди
Методы оценки численности нелегальных иммигрантов 178
А. А. Бурмистрова
Правовые основы оперативно-разыскной деятельности. Зарубежный опыт ... 182
Д. В. Жоков
Вовлечение несовершеннолетних в деятельность
организованных преступных группировок 186
М. Б. Кузнецов
Влияние административных наказаний Европейского Союза
на систему административных наказаний Эстонии 191
С. В. Мельникова
Незаконная миграция как многогранная угроза национальной безопасности:
актуальные проблемы и пути регулирования 194
Е. И. Третьяченко
Норма и нормативность: осмысление собственных позиций влияния
в школе и создание ненормативных пространств в преподавании 197
Л. М. Хренова
Анализ наркопреступности в Германии 201

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Е. В. Анненков
Некоторые вопросы взаимодействия элементов правосознания в современном российском обществе 204
Е. С. Елисеева
Преобразование идеи служения в зависимости от трансформировавшихся государственно-властных отношений в истории государства 209
Ю. В. Кеменяш
Симулякры и регулирование общественных отношений 213
В. И. Колтунова
Правовая идеология в осуществлении идеологической функции государства 216
И. М. Напольских
Доверие к праву и государству: основные подходы к пониманию 219
В. А. Рыжак
Роль организации договора о коллективной безопасности в области противодействия терроризму 222
А. С. Соловьева
Искусственный интеллект и цифровые технологии в судебном процессе: проблемы обеспечения права на справедливое судебное разбирательство 227
А. В. Хвостова
Ограничение как неотъемлемый элемент механизма действия права 231
К. А. Чернигин
Практика реализации федерального законодательства в нормативных актах МВД России 235
Г. А. Шитов
Нормативность как существенный признак ведомственных нормативных правовых актов в процессе их систематизации 239
П. О. Шлегель, О. А. Юшина
Дискурс об основаниях обязательности правовых требований Г. Л. А. Харта 246

РАЗДЕЛ VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Л. Ш. Абдюшев
Роль органов внутренних дел в предупреждении насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений 249
В. А. Аксенов
Меры индивидуальной профилактики мошенничеств, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий 254

Р. И. Бажанов
Предупреждение рецидива преступлений как одна
из важнейших сторон противодействия преступности 258
Е. В. Василькова
Определение момента окончания преступления,
предусмотренного статьей 193^1 УК РФ 263
В. А. Виссаров
Некоторые вопросы квалификации незаконных производства
и оборота этилового спирта, алкогольной
и спиртосодержащей продукции 267
Н. А. Гонтарева
К вопросу о квалификации хищений колесных пар путем
их подмены: уголовно-криминологический аспект 270
А. В. Карпушкин
К вопросу об опыте оценки правомерности причинения вреда
при задержании лица, совершившего преступление,
по законодательству стран СНГ 275
В. С. Ковригин
Вопросы совершенствования деятельности
органов внутренних дел Российской Федерации
по противодействию преступлениям, предусмотренным статьей 215^2 УК РФ 280
Я. О. Корчегова
Причины и условия совершения преступлений
в сфере незаконного оборота наркотиков 284
А. А. Котова
Ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов
и камней по российскому и зарубежному уголовному законодательству 288
Д. А. Маненкова
К вопросу об уголовно-правовом противодействии кибертерроризму 293
Е. В. Мануйлова
Причины формирования психических расстройств,
не исключающих вменяемости, у лиц,
совершающих насильственные преступления 297
Д. В. Маркова
Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия экстремизму 300
Р. М. Мустакимов
Некоторые вопросы квалификации преступления,
предусмотренного статьей 322^3 УК РФ 302
Ю. Д. Налимов
Квалификация вандализма, совершенного группой лиц 306
И. А. Новиков
Понятие преступлений, связанных с незаконным привлечением
денежных средств и (или) иного имущества 310

М. С. Орлова
Скулшутинг: причины и профилактика 314
М. В. Панов
Уголовно-правовая характеристика действий,
угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств,
совершаемых из хулиганских побуждений 319
Т. Г. Сироткина
Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений
экстремистской направленности 324
Е. И. Таранина
Преступления, связанные с неприкосновенностью частной жизни,
совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных
технологий: криминологическая характеристика 327
А. С. Титова
К вопросу об объективной стороне провокации преступления 331
Д. Э. Трошкина
Сущность и особенности революционной законности
в советском государстве 334
С. А. Христофорова
Уголовно-правовые меры противодействия
принуждению к даче показаний 338
Ф. Л. Чан
Система наказаний по уголовному законодательству
Социалистической Республики Вьетнам 342
К. Б. Чернова
К вопросу о причинах преступного поведения
при совершении киберпреступлений 345
У. С. Юдина
К вопросу об отграничении умышленных уничтожения
или повреждения чужого имущества от вандализма 349

**РАЗДЕЛ VII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, КРИМИНАЛИСТИКИ
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Е. М. Абрамочкина
Особенности проверки сообщений о сбыте наркотических средств,
совершенных с использованием
информационно-телекоммуникационных технологий 353
А. И. Алымова
Оперативно-разыскное противодействие организованным
преступным группам этнической направленности 358

В. Р. Ахметгалеев
Проблемы тактического использования результатов оперативно-разыскной деятельности при рассмотрении вопроса о применении мер пресечения, связанных с лишением или ограничением свободы 361
Т. Ю. Баранова
К вопросу об элементах криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на объектах воздушно-транспортного комплекса с использованием ИТТ 364
Д. В. Богатырев
Принцип недопустимости злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве 367
Е. П. Вознюк
Некоторые проблемы определения критериев оценки достаточности доказательств в уголовном процессе 370
Н. А. Воронина
Доступ к правосудию: о пробелах и противоречиях в правовом регулировании 375
Д. С. Гольченко, А. А. Детков
О коллизии принципов конспирации и законности при регистрации результатов оперативно-разыскных мероприятий 379
А. С. Грачева
Поводы и основания реализации попечительных и обеспечительных мер в уголовном судопроизводстве 383
Т. С. Демичева
Особенности использования информационных технологий на начальном этапе уголовного процесса: опыт зарубежных стран 387
А. Д. Елизарова
Сравнительная характеристика запрета определенных действий и домашнего ареста 391
Н. Ю. Емельянова
Отдельные вопросы реализации мер государственной защиты при использовании особого порядка судебного разбирательства 394
А. А. Ендольцева
Совершенствование процедуры принятия судом решения о законности или незаконности произведенного следственного действия 397
М. С. Игнатьева
Фигура заподозренного в уголовном судопроизводстве 401
Д. И. Изюмский
Запрет определенных действий в уголовном процессе 406

П. А. Кононов
Использование специальных знаний в расследовании
дорожно-транспортных происшествий
с участием средств персональной мобильности 410
М. В. Кучин
Проблема обеспечения безопасности западных регионов России
в условиях конфликта. Значение исторического опыта 413
А. П. Лисова
Бремя доказывания в уголовном процессе некоторых
зарубежных государств 417
А. А. Любимова
Особенности защиты имущественных прав личности
в досудебном уголовном судопроизводстве некоторых зарубежных стран 420
В. С. Мичурин
Деятельность прокурора по устранению
нарушений уголовно-процессуальных норм 424
К. А. Московцева
Вопросы оптимизации полномочий руководителя следственного органа
и прокурора на этапе окончания предварительного расследования 428
С. В. Петлицкий
Экспертно-криминалистическая и судебно-экспертная виды
деятельности в Республике Беларусь: история, современность, будущее 431
К. С. Плахота
К вопросу о возможности дистанционного производства
следственных действий следователем (дознавателем) 435
Д. А. Степаков
Особенности получения объяснений на стадии
возбуждения уголовного дела 439
Е. А. Такмаков
Научное обеспечение взаимодействия следователя
и органа дознания на стадии возбуждения уголовного дела 444
Д. О. Тарабрин
Правовые основы производства осмотра места происшествия
по экологическим преступлениям 451
Ю. С. Тютерева
Актуальные вопросы применения систем ВКС при производстве
следственных и иных процессуальных действий 455
Ю. А. Черкасова
К вопросу о недопустимости разглашения данных
предварительного расследования участниками уголовного судопроизводства
с неопределенным процессуальным статусом 459
К. Ю. Яковлева
Копия электронной информации в уголовном процессе России
и зарубежных стран 462

А. С. Ушаков
К вопросу о проблемах освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления 466
Ю. О. Горобцова
К вопросу о регламентации условий освобождения от уголовной ответственности за квалифицированные виды неосторожного причинения смерти или тяжкого вреда здоровью 470
А. А. Филонова
К вопросу о совершенствовании законодательства в области информационной безопасности Российской Федерации 473
Д. В. Немтинов
К вопросу об обоснованности криминализации внесения в реестр владельцев ценных бумаг в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг к системе депозитарного учета 476
Ю. В. Николаева
Особенности семейного консультирования курсантов образовательных организаций МВД России 479
О. Б. Алпатова
Формирование учебной мотивации студентов как условие подготовки специалистов системы профилактики девиантного поведения детей и молодежи 484

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Бойцов П. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогическихи научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Нурадинов Ш. М.****,*
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ КАК ФУНКЦИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях глобализации усиление миграционных процессов стало определяющей чертой его изменчивости и нестабильности. На фоне нарастающих диспропорций в жизни различных социальных групп одной страны, а также серьезных расхождений в уровне развития разных стран и регионов одной из актуальных проблем современности является угроза стихийных миграционных процессов. Если в прошлые века трудовая миграция была в основном обусловлена экономической отсталостью, бедностью населения в некоторых регионах планеты и последствиями мировых военных конфликтов, то в начале XXI в. рост трудовой миграции коррелирует с переселением ученых, представителей IT-индустрии, высококлассных менеджеров и т. д. в развитые страны мира. Эти тенденции, с одной стороны, объективны, поскольку они связаны с процессом качественного перераспределения трудовых ресурсов в эпоху постиндустриализма. Однако, с другой стороны, они свидетельствуют о дальнейшей деградации экономически отсталых стран мира.

В условиях глобализации общества миграционные процессы следует рассматривать как чрезвычайно сложное социальное явление, функционирование которого определяется комплексом факторов, вызывающих такие виды миграции, как трудовая, профессиональная и интеллектуальная.

Демографические факторы определяют гендерную, возрастную дифференциацию миграционных процессов, а также в значительной степени количественный состав населения как в странах-донорах, так и в странах-акцепторах. Политические факторы способствуют возникновению такой особой группы мигрантов, как лица без гражданства, которые часто становятся нелегальными работниками, и беженцы, которым приходится уезжать из своих домой в связи с проведением боевых или возникновения стихийных бедствий.

---

[1] © Бойцов П. В., 2022.

И, наконец, этнические и культурные факторы являются причинами системных репатриаций или случаев геноцида.

Согласно данным, предоставленным Росстатом, в период времени с 2005 по 2021 г. в Российской Федерации было замечено увеличение ключевых показателей миграции. Количество въезжающих и убывающих продолжало увеличиваться, приостанавливаясь исключительно в критические годы и возобновляя свой рост в период времени посткризисного возрождения [3].

Статистические данные МВД России свидетельствуют о динамике миграционных потоков иностранных граждан и лиц без гражданства, что является одной из государственных форм миграционного учета. Таким образом, в 2018 г. в результате миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства было зарегистрировано 17 764 489 человек, в 2019 г. – 19 518 304 человека [4]. На конец 2020 г. на миграционном учете состояло 9 802 448 человек, что связано с ростом заболевших COVID-19 в период пандемии с марта 2020 г. и ограничением въезда и выезда из Российской Федерации. Согласно статистическим данным социологических исследований можно отметить, что в январе-феврале 2021 г. миграционный приток населения на территории Российской Федерации составил 26,8 тыс. человек, удерживаясь ориентировочно на уровне аналогичного периода прошлого года (27,1 тыс.). На этом фоне незначительно сократилась как численность прибывших (на 4,8 %), так и численность убывших (на 6,3 %). При этом рост миграционных потоков из стран СНГ увеличился на 6,7 %, а из стран дальнего зарубежья значительно уменьшился. Принимая во внимание, что сравнительный анализ месяцев 2020 г., на которые еще не смогли повлиять введенные во время пандемии COVID-19 ограничения, можно сделать вывод о том, что в этом году режим пандемии незначительно повлиял на динамику долгосрочной миграции. С марта 2021 г. учет мигрантов осуществлялся в отношении иностранных граждан, которые не смогли выехать за пределы Российской Федерации, а нормативные документы, регулирующие правоотношения в сфере миграции, в этот период предоставляли иностранным гражданам возможность легализовать свой правовой статус.

В связи с необходимостью обеспечения соблюдения законодательства в сфере миграции значительную роль приобретает государственный механизм регулирования правоотношений в указанной сфере, заключающийся в контрольно-надзорной деятельности уполномоченных органов исполнительной власти. На федеральном уровне государственный контроль (надзор) осуществляет МВД России, а также его территориальные подразделения, деятельность которых определяется административным регламентом по исполнению государственной функции контроля и надзора за соблюдением положений законодательства Российской Федерации в сфере миграции. Функция государственного контроля реализуется в форме проверок, которые осуществляются в соответствии с положениями федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных и индивидуальных предпринимателей при осуществлении

государственного контроля (надзора) и муниципального надзора», а также федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Однако, как показывает практика, осуществление контрольно-надзорной деятельности уполномоченными органами государственной власти в сфере миграции и выполнение поставленных государством задач не обеспечивается на должном уровне, и зачастую являются низкоэффективными, в силу неусовершенствованного законодательства, а также формального подхода в деятельности контролирующих органов, бюрократии и коррупции.

Исходя из вышесказанного, необходимо активизировать работу по профилактике коррупции в сфере миграции. Важно понимать, что совершенствование и унификация миграционного законодательства Российской Федерации должно основываться на понятных и доступных правилах, обязательных для исполнения иностранными гражданами, в строгом соответствии с целями, принципами и задачами, определяющими миграционную политику в Российской Федерации [7]. Указанные миграционные правила должны быть предельно ясными и максимально унифицированными – именно эти положения легли в основу перечня поручений Президента Российской Федерации государственным органам по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. по реформированию миграционных режимов и института гражданства Российской Федерации и совершенствованию механизмов контроля в миграционной сфере.

В целях совершенствования деятельности федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора) в сфере миграции, необходимо выдвинуть предложения, способствующие решению имеющихся в настоящее время проблем:

1. Требуется усовершенствовать контроль за мигрантами, осуществляющими трудовую деятельность на территории Российской Федерации со стороны органов исполнительной власти. Целесообразно разработать механизмы взаимодействия органов, уполномоченных на осуществление государственного контроля (надзора) в сфере миграции, с органами в сфере труда и занятости населения.

2. Необходима подробная регламентация процедуры мониторинга, проводимого органами государственного надзора, и обеспечение контроля за соблюдением его требований, в случае установления фактов нарушения миграционного законодательства со стороны работодателя, заказчика работ (услуг), принимающей (приглашающей) стороной.

3. Необходимо применять своевременные и эффективные меры в отношении лиц, занимающихся организацией незаконной миграции, привлекающих к трудовой деятельности иностранных граждан, незарегистрированных в установленном законном порядке на территории Российской Федерации.

4. Создать централизованную информационную систему на основе современных цифровых технологий, позволяющих осуществлять идентификацию лично-

сти иностранных граждан, используя биометрические данные, с целью осуществления государственного контроля (надзора) в сфере миграции и профилактики преступлений.

5. Обязанность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, нуждающихся в привлечении иностранных граждан к трудовой деятельности, регистрироваться в государственной информационной системе и размещать в ней сведения о такой потребности, для обеспечения возможности заключать трудовой или гражданско-правовой договор с иностранным гражданином, имеющим единый документ.

Список литературы

1. Конституционное право России / под науч. ред. В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. Е. Н. Хазова, Н. М. Чупурновой. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити, 2019.

2. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов / под ред. проф. А. С. Прудникова. М. : Юнити, 2020.

3. Флоринская Ю. Ф., Мкртчан Н. В. Миграция: основные тренды января-февраля 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. № 6.

4. Статистические данные МВД России за январь-декабрь 2020 г. о количестве пресеченных административных правонарушений на территории Российской Федерации. М. : ГИАЦ МВД России, 2021.

5. Конин Н. М. Административное право России. Общая и Особенная части : курс лекций. М. : Юристъ, 2004. С. 234–236.

6. Студеникина М. С. Государственный контроль в сфере управления (проблемы надведомственного контроля). М. : Юридическая литература, 1974.

7. Галанина Л. А. Организационно-правовое обеспечение контроля за исполнением нормативно-правовых актов в субъектах Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001.

Галястов М. О.[1],
адъюнкт Уральского
юридического института
МВД России

Научный руководитель: ***Осинцев Д. В.***,
профессор кафедры административного
права и административной деятельности
органов внутренних дел Уральского
юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ИСПОЛНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ (ОБЩИЙ АНАЛИЗ)

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) административное наказание определено как мера ответственности за совершение административного правонарушения, направленная в том числе на предупреждение новых противоправных деяний как правонарушителем, так и другими лицами. Действующим законодательством установлено десять видов (в соответствии со ст. 3.2 КоАП РФ) административных наказаний, порядок исполнения которых определяется гл. 32 КоАП РФ.

В данной работе рассматриваются вопросы исполнения отдельных видов административных наказаний, а именно конфискации орудия совершения или предмета административного правонарушения и обязательных работ.

В соответствии со ст. 3.7 КоАП РФ под конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения является принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей.

Конфискация может применяться как в качестве основного, так и дополнительного наказания по делу об административном правонарушении. Соответствующее решение принимается исключительно судьями. В подавляющем большинстве случаев используется как дополнительное наказание в совокупности с более строгим, основным (как правило, административным штрафом), наказанием.

Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения без наложения денежного взыскания, на наш взгляд, является недостаточно эффективным способом дальнейшей профилактики административных правонарушений.

Порядок исполнения постановлений о конфискации определен ст. 32.4 КоАП РФ и имеет ряд нюансов, вызывающих вопросы в повседневной деятельности. Постановление о конфискации исполняется судебным приставом-исполнителем в порядке, предусмотренном федеральным законодательством, а постановление о конфискации оружия и боевых припасов – представителями Росгвардии.

---

[1] © Галястов М. О., 2022.

Обращаясь к статистическим данным деятельности сотрудников органов внутренних дел, дислоцированных на территории Нижегородской области (без учета статистики по линии ГИБДД и УВМ), установлено, что наибольший массив орудий совершения или предметов административного правонарушения приходится на алкогольную и спиртосодержащую продукцию, а также товары легкой промышленности. За 5 мес. 2022 г. было изъято 20 508 л спиртосодержащей продукции, на сумму свыше 6,2 млн руб.; контрафактной продукции – 20 915 единиц, на общую сумму более 14 млн руб.

Что касается алкогольной и спиртосодержащей продукции, то исходя из положений ст. 3.7 КоАП РФ и ст. 25 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» она подлежит изъятию, а не конфискации. При этом конфискация орудий совершения и предметов административных правонарушений, находящихся в незаконном обороте, не подлежит применению даже в том случае, когда она предусмотрена санкцией соответствующей статьи в качестве безальтернативного (обязательного) дополнительного административного наказания [1, с. 7].

Порядок исполнения постановлений о конфискации товаров легкой промышленности [3] утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 23.09.2019 № 1238 «О распоряжении имуществом, обращенным в собственность государства», в соответствии с которым конфискованная продукция подлежит утилизации, переработке или реализации.

Если говорить об одежде и обуви, то в соответствии с п. 2.1 ч. 3 ст. 29.10 КоАП РФ она подлежит обязательному уничтожению. В качестве примера: в 2021 г. на территории одного из районов г. Н. Новгорода, в одном из торговых центров была пресечена деятельность предпринимателя М. по реализации одежды, маркированных известными товарными знаками, с признаками контрафактности. Из оборота было изъято 4 068 единиц продукции. Решением арбитражного суда Нижегородской области предприниматель привлечен к административной ответственности в виде основного наказания – штрафа в размере 50 000 руб., и дополнительного наказания – конфискации продукции [4].

Вместе с тем, на наш взгляд, в условиях текущей социальной напряженности в рамках исполнения решения о конфискации такого рода продукции необходимо рассматривать вопрос о ее безвозмездном использовании либо переработке.

К примеру: для приема беженцев из ДНР, ЛНР и с Украины на территории Нижегородской области организовано 42 пункта временного размещения, на 1 620 человек, которые постоянно пребывают. В качестве гуманитарной помощи принимаются исключительно новые вещи, являющиеся предметами первой необходимости и которых зачастую не хватает. Аналогичная ситуация с малоимущими гражданами, детскими домами и другими нуждающимися организациями.

Исполнение еще одного административного наказания, а именно – обязательных работ, вызывает ряд вопросов в социальной и трудовой сферах. Под обязательными работами понимается выполнение физическим лицом, совершившим

административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ.

За 2021 г. судами Нижегородского региона было вынесено 1 688 постановлений о привлечении к административной ответственности в виде обязательных работ. Наибольшее количество постановлений было вынесено по ст. 19.24 КоАП РФ – 947; по ст. 6.1.1 КоАП РФ – 200; по ст. 7.27 КоАП РФ – 151; далее идет обобщенная гл. 20 КоАП РФ – 373.

Обязательные работы назначаются судами и исполняются судебными приставами-исполнителями в порядке, предусмотренном ст. 109.2 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

Лицо, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, привлекается к отбыванию обязательных работ не позднее десяти дней со дня возбуждения судебным приставом-исполнителем исполнительного производства. Виды обязательных работ и перечень организаций, в которых происходит исполнение административных наказаний, определяются органами местного самоуправления по согласованию с территориальными органами федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по принудительному исполнению исполнительных документов и обеспечению установленного порядка деятельности судов.

При этом четкий перечень организаций, в которых возможно отбытие наказания в виде обязательных работ на федеральном уровне законодательно не установлен и их выбор попадает на откуп органам местного самоуправления. Кроме того, не урегулирован вопрос об охране труда лиц, привлекаемых к обязательным работам.

Учет и контроль за исполнением административного наказания в виде обязательных работ возлагается на судебного-пристава исполнителя, а также на администрацию организации, в которой отбываются обязательные работы. За уклонение лица от отбывания обязательных работ лицо привлекается к административной ответственности по ч. 4 ст. 20.25 КоАП РФ.

Срок обязательных работ исчисляется в часах, а время обязательных работ в выходные дни и дни, когда лицо, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, не занято на основной работе, службе или учебе, не может превышать четырех часов; в рабочие дни – двух часов после окончания работы, службы или учебы. По письменному заявлению правонарушителя данное время может быть увеличено. Время обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее двенадцати часов.

Также диспозицией ч. 10 ст. 32.13 КоАП РФ установлено, что при наличии уважительных причин судебный пристав-исполнитель вправе разрешить лицу, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, отработать в течение недели меньшее количество часов. Вместе с тем законодатель не дает пояснения понятия «уважительных причин» и не предоставляет их перечень, а также список подтверждающих документов.

Кроме того, в порядке исполнения постановления о назначении обязательных работ не рассматривается возможность нахождения лица в состоянии временной нетрудоспособности в связи с заболеваниями, не являющихся тяжелыми и препятствующими отбыванию наказания. Данную проблематику уже отмечал в

своих работах С. Е. Чаннов, говоря о том, что привлеченное к ответственности лицо может заболеть и нетяжелыми в принципе болезнями, которые тем не менее требуют соблюдения постельного режима и плохо сочетаются с трудовой деятельностью, связанной с серьезной физической активностью (грипп, ОРВИ, бронхит и т. п.) [7, с. 30].Данный вопрос имеет особую актуальность при сложившейся санитарно-эпидемиологической обстановке в последние годы в связи с распространением новой коронавирусной инфекции.

На наш взгляд в данной ситуации необходимо рассматривать вопрос о приостановлении исполнения административного наказания, а в ряде случаев (при наличии осложнений) – прекращении.

Учитывая вышесказанное прихожу к выводу, что в настоящее время порядок исполнения постановлений о назначении отдельных видов административных наказаний имеет существенные пробелы, которые нуждаются в корректировке и могут быть устранены только при внесении соответствующих изменений в законодательство.

Список литературы

1. Обзор практики рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с назначением административного наказания в виде конфискации, а также с осуществлением изъятия из незаконного владения лица, совершившего административное правонарушение, вещей и иного имущества в сфере оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, явившихся орудием совершения или предметом административного правонарушения (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19.09.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

2. Панкова О. В., Егорова О. А. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел о административных правонарушениях. М. : Статус, 2014.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 марта 2014 г. № 180 «Об утверждении перечня товаров легкой промышленности, изъятых из незаконного оборота или конфискованных при производстве по уголовным делам или делам об административных правонарушениях и подлежащих уничтожению, а также о порядке их уничтожения» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/.

4. Решение Арбитражного суда Нижегородской области, дело № А43-17610/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/bc57ca1e-6548-4de7-9170-8c8c86d8109c.

5. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=l7ojey0btr358447400.

6. Селезнев В. А. Исполнение отдельных видов административных наказаний // Журнал Российского права. 2016 № 4. С. 93–104.

7. Чаннов С. Е. Применение административного наказания в виде обязательных работ: возможные проблемы // Административное право и процесс. 2013. № 10. С. 27–34.

Горлов А. О.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Попугаев Ю. И.****,*
профессор кафедры административного
права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ГОРОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Необходимость административно-деликтного законодательства объясняется его активным применением для поддержания общественного порядка и безопасности путем выявления и принятие установленных законом мер к наказанию за наиболее распространенные проявления неправомерно поведения в обществе, а именно административные правонарушения. Описанная выше подотрасль административного права отвечает за комплексное оформление общественных отношений, возникающих в процессе, после и во время совершения административных правонарушений, формулируя составы административных правонарушений, систему и полномочия субъектов административной юрисдикции, устанавливая систему и виды административного наказания. В своей совокупности административно-деликтное законодательство закрепляет административную политику государства и является формой реализации той самой политики.

На местном региональном уровне административно-деликтное законодательство позволяет учесть особенности региона принятия и расширить предмет ведения административно-деликтного права в пределах предмета ведения субъекта принятия, который определен ст. 1.3.1 КоАП РФ.

Развитие законодательства об административных правонарушениях городов федерального значения Российской Федерации нельзя рассматривать отдельно от развития административно-деликтного законодательства в целом – необходим комплексный подход. Анализируя научные труды административистов, а также нормативно-правовую базу в исторической плоскости, можно говорить о том, что эволюцию административно-деликтного законодательства принято разделять на три ключевые этапы развития данного типа законодательства.

Этап до кодификации административно-деликтного законодательства – это исторический период с 1917 до 1984 г. можно охарактеризовать разграничением понятий «преступления» и «проступка», наличием многочисленных разрозненных нормативных правовых актов, устанавливающих административную ответственность, подкрепленное отсутствием единого порядка и механизма реализации такого законодательства.

---

[1] © Горлов А. О., 2022.

Данный этап, безусловно, важен для регионального законодательства об административных правонарушения городов федерального значения, а также для субъектового законодательства в целом, так как постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР 30 марта 1931 г. было утверждено «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушения взысканий в административном порядке» (данный нормативный правовой акт можно считать этапом зарождения правового усмотрения на местном уровне). Анализ указанного нормативного правового акта не охватывается рамками данной научной статьи, но вклад в развитие регионального законодательства об административных правонарушениях подчеркивается как исторический этап данной подотрасли права.

Этап кодификации административного законодательства в 1984 г. Итогом работы по объединению и кодификации многочисленных разрозненных нормативных правовых актов стал Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, который можно назвать комплексным, так как он объединил и структурировал материальные, процессуальные и компетенционные нормы административно-деликтного законодательства.

Этап второй кодификации и принятие действующего уже более 20 лет КоАП РФ. В данном контексте, безусловно, необходимо говорить о принятии Конституции Российской Федерации как для административно-деликтного законодательства в целом, так и для законодателей в субъектах Российской Федерации. Так, ст. 72 было определенно совместное ведение Российской Федерации и субъектов в вопросах административного и административно-процессуального законодательства, но на тот момент законодатель в КоАП РФ определил только предмет ведения Российской Федерации, в чем и заключалась проблема для регионального законодателя.

Данный этап можно назвать условно разработкой нового комплексного нормативного правового акта об административных правонарушениях, закрепленного распоряжением Правительства Российской Федерации № 631-р о создании межведомственной рабочей группы для подготовки нового комплексного законодательства об административных правонарушениях, итогом которой стал подготовленный Министерством юстиции России проект нового КоАП РФ. Этот этап важен и для законодательства об административных правонарушениях городов федерального значения Российской Федерации, так как еще в 2009 г. Федеральным законом № 380-ФЗ был определен предмет ведения субъектов Российской Федерации в области административно-деликтного законодательства, что послужило важным этапом развития регионального законодательства об административных правонарушениях в целом.

Проанализировав историю становления и развития законодательства об административных правонарушениях городов федерального значения Российской Федерации, можно сделать вывод что данные нормативные правовые акты и акты иных субъектов Российской Федерации вместе с действующим КоАП РФ

создают единую нормативно-правовую базу административно-деликтного законодательства. Это позволяет эффективно принимать меры к возникающим угрозам общественного порядка и безопасности в области административных правонарушений.

Список литературы

1. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. «Положение об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушения взысканий в административном порядке» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base =ESU&n=23318#H6BGY5T71fhUtFPO.

2. Шергин А. П. Тенденции развития Российского законодательства об административных правонарушениях // Актуальные вопросы публичного права. 2012. № 8.

3. Кирин А. В. Этапы развития института административной ответственности в СССР // История государства и права. 2011. № 18. С. 36–41.

4. Салищева Н. Г. Проблемы правового регулирования института административной ответственности в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 9–22.

Горшков И. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНИЗАЦИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПОДГОТОВКУ ЛИЦ В ЦЕЛЯХ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ОРУЖИЕМ И ПРИОБРЕТЕНИЯ НАВЫКОВ БЕЗОПАСНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОРУЖИЕМ

Система государственного управления сферой оборота гражданского огнестрельного оружия является чрезвычайно важной социальной сферой, предъявляющей требования как к качеству административно-правового регулирования, так и к организационно-исполнительскому компоненту ее практической реализации. Последнее напрямую имеет отношение к субъектному составу отдельных административных правоотношений режимного регулирования, складывающихся в сфере оборота гражданского огнестрельного оружия и закрепления административно-правового статуса его участников. Административно-правовой статус субъектов правоотношений в юридической конструкции любого административно-правового режима является ее центральным звеном, позволяющим посредствам своих прав и обязанностей обеспечить реализацию самого административно-правового режима [1, с. 188].

В 2018 г. в ч. 17 ст. 13 Федерального закона от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» [2] внесены изменения, которые обязывают граждан Российской Федерации, впервые приобретающих гражданское охотничье или спортивное огнестрельное длинноствольное оружие (за исключением граждан Российской Федерации, проходящих отдельные виды государственной службы и имеющих специальные и воинские звания, классные чины юстиции, а также уволенным с правом на пенсию), проходить обучение в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием, а также обучению безопасному самостоятельному снаряжению патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию. Требования к содержанию программ подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием и порядок согласования этих программ устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия.

На сегодняшний день требования к содержанию программ подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием утверждены приказом Министерства

[1] © Горшков И. С., 2022.

просвещения Российской Федерации от 14.12.2018 № 298 (далее – Образовательные программы) [3]. Перечень же организаций, имеющих право проводить подготовку лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием, а также проверку знаний указанных правил и наличия соответствующих навыков (далее – образовательные организации), утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 05.09.2011 № 731 [4].

Образовательные организации, реализующие программы подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием – есть субъекты, которые нормами административного права наделяются определенной функцией – специфический набор административных прав и обязанностей. Анализ указанных элементов позволяет охарактеризовать правовое положение образовательных организаций как участников административных правоотношений в сфере оборота оружия.

В доктрине под административно-правовым статусом устойчиво понимают совокупность прав и обязанностей субъекта, определяющим его правовое положение в административных правоотношениях. Административные правоотношения – специфический тип правоотношений управленческого типа. Их главной особенностью является неравенство сторон: одна из сторон всегда наделена юридически властными полномочиями (публичный орган или должностное лицо) [5, с. 70]. Административные правоотношения – это власть-отношения. И с этих позиций все субъекты административного права можно разделить на властные и невластные, между которыми образуется специфическая взаимосвязь. Последняя характеризуется не только правоотношениями управленческого типа, в основе которых положено служебное подчинение, но и правоотношениями управленческого типа, где служебная подчиненность между субъектами отсутствует. В последнем случае властные полномочия субъекта над иными участниками административных правоотношений исходят из выполнения субъектом определенной публичной функции.

Анализ норм административного права, регулирующих деятельность образовательных организаций приводит нас к выводу о том, что такие организации выполняют двойственную функцию. В первую очередь необходимо выделить функцию обучения граждан правилам безопасного обращения с оружием и формирования практических навыков безопасного обращения с ним. Данная функция носит гражданско-правовой, вспомогательный и обеспечительный характер. Реализуется на основании гражданско-правового договора, заключенного между образовательной организацией и гражданином Российской Федерации.

Функция обучения как содержание деятельности некоторых субъектов в структуре отдельных административных правоотношений представляет собой образовательную услугу по реализации утвержденного образовательного стандарта. Эта функция обеспечительная и осуществляется как часть публично-правового механизма процедурной формы реализации субъективных прав граждан в тех общественных отношениях, в основу которых положено государственное регулирование разрешительного типа по предоставления специального права.

Специальные права граждан возникают не на основе положений нормативного правового акта, а на основе акта применения права органа исполнительной власти. Частью такого механизма является разрешительная система, конструкция которой и предъявляет требования к получению лицом специальных знаний, умений и навыков (например, предоставления специального права на управление транспортным средством).

Однако особенным правовое положение образовательных организаций в сфере оборота оружия делает контрольная функция. Согласно структуре образовательной программы она состоит из трех разделов: правовая подготовка, огневая подготовка и итоговая аттестация. При этом образовательная программа, достаточно подробно регламентируя первые два раздела, не содержит требования к порядку проведению итоговой аттестации и не раскрывают его инструментальный смысл. Такие требования обнаруживаются уже в специальном нормативном правовом акте, которым является Порядок проведения проверки у граждан Российской Федерации знаний правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием (утвержден приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 26.12.2018 № 661) (далее – Порядок) [6].

Положения рассматриваемого Порядка, а именно пп. 1, 19, 23 и 25 фактически наделяют образовательную организацию публичными функциями государственной оценки полученных гражданином знаний, навыков и умений, которая принимается в виде специального решения. Решение по результату итоговой аттестации гражданина Российской Федерации принимается комиссией, в состав которой входит должностное лицо федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере оборота оружия. Однако положениями рассматриваемого нормативного акта прямо определено, что такие комиссии образуются и действуют в составе образовательной организации и принимают решение от ее имени. Положениями п. 22 данного нормативного акта предусмотрена возможность обжалования, принятого комиссией решения. Поскольку предметом обжалования будет являться отдельный акт управленческого характера, принятый в сфере государственного управления, то обжалование таких решений образовательных организаций осуществляется в соответствии с положениями ст. 218 КАС РФ [7].

По нашему мнению, наделение подобными контрольными функциями принятия решения негосударственных организаций, осуществляющих свою деятельность как юридические лица, не является корректным и обоснованным, в том числе и с точки зрения механизма делегирования контрольных полномочий (без заключения каких-либо административных договоров). Считаем, что необходимо разделение обучающей и контрольной функции, где функция обучения реализуется образовательными организациями с выдачей документа о прохождении обучения, а функция контроля полученных знаний, умений и навыков должна реализовываться федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия в виде приема квалификационного экзамена.

При этом проведение квалификационного экзамена предлагается нами перенести в рамки единой процедуры аттестации (как его структурный компонент), связанной с оценкой как компетентностных критериев кандидата, так и состоянием его здоровья (по результатам медицинского освидетельствования), а также репутационных (характеризующих) и технической оснащенности места предполагаемого хранения оружия.

Список литературы

1. Долгополов А. А. Теоретические и организационные основы административно-правовых режимов оборота оружия и взрывчатых веществ в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.

2. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // СПС«КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_12679/?ysclid=l7ok9tmeul900504416.

3. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 14 декабря 2018 г. № 298 «Об утверждении требований к содержанию программ подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием и порядка согласования программ подготовки лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием и приобретения навыков безопасного обращения с оружием» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/-Document/View/0001201812250057?ysclid=l7okblqpht443229209.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 сентября 2011 г. № 731 «Об утверждении перечня организаций, имеющих право проводить подготовку лиц в целях изучения правил безопасного обращения с оружием, а также проверку знания указанных правил и наличия соответствующих навыков» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/12189488/?ysclid-=l7okdjgsw3108869769.

5. Волков А. М. Административное право России : учебник. М. : Проспект, 2015.

6. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 26 декабря 2018 г. № 661 «Об утверждении Порядока проведения проверки у граждан Российской Федерации знаний правил безопасного обращения с оружием и наличия навыков безопасного обращения с оружием» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/72176514/?ysclid=l7okklabps-336560576.

7. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/?ysclid=l7okigj-ku6816954212.

Давыдова С. Ю.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Бочаров С. Н.****,*
профессор кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЛИКТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

Преступность не раз рассматривалась как системно-структурное образование. Так как административная деликтность и преступность имеют схожую правовую природу, можно провести некую параллель с исследованиями преступности. Преступность являет собой систему, имеющую взаимосвязанные структурные элементы, также ей свойственна относительная самостоятельность и эмерджентность. Преступность имеет закономерность в развитии ее элементов, изменения внешней среды влияют на качественные и количественные характеристики [2, с. 74].

М. И. Никулин рассматривает деликтность как систему социально-правовых параметров, в которую входит множество взаимосвязанных, взаимовлияющих друг на друга элементов. Автор выделил следующие элементы деликтности как системы:

1. Состояние преступности и административной деликтности, охраны общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

2. Условия внешней среды, т. е. социума, значимые для правоохранительной деятельности социальные процессы и различного рода факторы.

3. Организационно-правовые меры воздействия органов административной юрисдикции на преступность и деликтность и оценку эффективности их применения [3, с. 152]. Условия внешней среды и организационно-правовые меры воздействия влияют на преступность и административную деликтность.

К элементам административной деликтности будут относится также непосредственно административные правонарушения как официально установленные, так и латентный массив [1, с. 38], административно-деликтная деятельность правонарушителей, сами субъекты, совершающие административные правонарушения, административно-правовые нормы и отношения.

Особенностью административного деликта является то, что он в большей степени связан с преступлениями. Немалое количество составов административных правонарушений являются смежными с преступлениями, отличия проявляются

[1] © Давыдова С. Ю., 2022.

в основном в степени вреда, способе совершения деяния или в факте того, что лицо подвергнуто административной ответственности за аналогичное деяние.

Административная деликтность как негативное социальное явление тесно взаимодействует с внешней средой, социальными процессами, а также зависит от экономических, политических, демографических факторов, в частности от оперативной обстановки на местности и множества иных обстоятельств. Более конкретно внешнюю среду взаимодействия можно определить как среду функционирования органов административной юрисдикции. Взаимодействие с внешней средой и влияние различных факторов обусловливает динамику административной деликтности. Вся взаимообусловленность административных правонарушений и различных внешних факторов определяет административную деликтность как целостную постоянно изменяющуюся систему. Составляющей единицей административной деликтности является административное правонарушение. Административное правонарушение представляет собой противоправное поведение конкретного лица или группы лиц.

Административная деликтность как социально-правовая система обладает следующими признаками:

1. Взаимозависимость элементов административной деликтности, ее детерминированность и способность к самовоспроизводству за счет приспособления к изменившимся обстоятельствам [2, с. 87], отражает изменения окружающей среды.

2. Административная деликтность имеет динамику, т. е. ее уровень и структура постоянно изменяются в зависимости от внешних факторов.

3. Суммарность, массовость. Административная деликтность включает в себя совокупность не только обнаруженных и зафиксированных административных правонарушений, но и латентных. Латентные административные правонарушение важно учитывать, так как их массив также влияет на оценку достоверности обрабатываемой информации и оценку предупредительной деятельности [3, с. 152].

4. Противоправный характер.

5. Социально-негативное явление.

Список литературы

1. Денисенко В. В. Административная деликтность как элемент оперативной обстановки и объект организационно-правового воздействия органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. М., 1998.

2. Долгова А. И. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005.

3. Никулин М. И. Проблемы науки административной деликтологии : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. М., 2005.

Кузнецов М. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Нурадинов Ш. М.****,*
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В 2020 г. были внесены поправки в Конституцию Российской Федерации. В течение последующих лет происходила значительная модернизация судебной системы государства. Помимо этого, после перенесенной человечеством пандемии, внедрение различных технологий ускорилось в системах правосудия многих стран. Остаются некоторые скептики и критики, но в свете опыта во время кризиса сейчас, безусловно, больше, чем в феврале 2020 г., среди юристов, судей, должностных лиц и пользователей судов признается, что судебная работа может осуществляться совершенно по-разному.

Наша судебная система в настоящее время сталкивается с тремя основными проблемами. Две из них возникают непосредственно из-за внесения изменений в Основной закон страны и поэтому являются новыми, а третья существует давно. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации применяются судами Российской Федерации с целью вынесения решений по различным спорам. Обзор действующей судебной практики показал, что Верховный Суд Российской Федерации при вынесении определения по каким-либо спорам опирается на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Представители системы правосудия играют важную роль в соблюдении прав граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. В частности, система правосудия способствует влиянию на разъяснение прав и обязанностей в конкретном национальном контексте, устранению пробелов в законодательных гарантиях этих прав и обеспечению определения ответственности за нарушение прав человека. Хотя судебная практика крайне индивидуальна и различается в разных регионах нашего государства, роль судов в обеспечении соблюдения прав человека, включая экономические, социальные и культурные права, является фундаментальной.

Конституционный Суд Российской Федерации, как правило, решает вопросы, связанные с соблюдением Конституции Российской Федерации, федеральных и

---

[1] © Кузнецов М. С., 2022.

некоторых региональных законов и нормативных актов, если они относятся к вопросам, отнесенным к компетенции федеральных органов власти. Конституционный Суд Российской Федерации также правомочен осуществлять контроль за исполнением решений иностранных и международных судов и арбитражей, а также решений межгосударственных органов, обеспечивать их соответствие конституционному строю Российской Федерации.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ) регулирует порядок разрешения споров в судах общей юрисдикции. Большинство исков, подлежащих рассмотрению в судах общей юрисдикции, рассматриваются в первой инстанции либо мировым судьей, либо районным судом. ГПК РФ прямо предусматривает рассмотрение отдельных видов исков по первой инстанции федеральными судами общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации.

Решение первой инстанции после пересмотра в суде апелляционной инстанции может быть обжаловано в суд кассационной инстанции (суд третьей инстанции) в двухмесячный срок со дня вступления в законную силу такого решения, постановления. Суд кассационной инстанции не пересматривает дело и не переоценивает доказательства, а рассматривает только вопросы права. По результатам кассационного рассмотрения решение может быть оставлено в силе, отменено или изменено, либо дело может быть возвращено в суд, вынесший решение, на новое рассмотрение.

Обратимся к практике по спорам, возникающим вследствие причинения вреда. Так, А. обратился в суд с иском к управляющей компании, Л. о взыскании утраченного заработка, компенсации морального вреда, судебных расходов. Исковые требования обоснованы неисполнением ответчиками обязанностей, связанных с надлежащим содержанием территории, прилегающей к объектам недвижимости, в результате чего истцу причинен средней тяжести вред здоровью.

В итоге, с учетом приведенных положений ст. 15 ГК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по применению этой нормы и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации судам следовало оценить совокупность имеющихся в деле доказательств, подтверждающих размер причиненных А. убытков (определение № 18-КГ17-257).

Касаемо споров, возникающих из жилищных отношений: например, Б. обратилась в суд с иском к органу исполнительной власти субъекта Российской Федерации, местной администрации о возложении обязанности предоставить жилое помещение по договору социального найма во внеочередном порядке. Действующим законодательством предусмотрена возможность реализации права инвалидов на предоставление жилых помещений в другом порядке не из муниципального, а из государственного жилищного фонда.

Минюст подготовил законопроект, вносящий изменения в положения ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ относительно фактов, которые могут быть основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных решений. Согласно внесенным изменениям в перечень новых фактов войдут случаи, когда консти-

туционным судом установлено, что толкование правового акта или его положения, лежащее в основе оспариваемого судебного решения (не осуществленное в полной мере на момент конституционного постановление суда) являются неконституционными или несовместимыми с толкованием, примененным конституционным судом.

Опираясь на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, суд постановил, что отсутствие в законодательстве указания на срок, в течение которого жилье должно быть предоставлено гражданам, имеющим право на его внеочередное предоставление, свидетельствует о том, что жилое помещение гражданам указанной категории должно быть предоставлено незамедлительно после возникновения соответствующего субъективного права – права на получение жилого помещения вне очереди.

Отметим, что Российская Федерация является участником Киевской конвенции о порядке разрешения споров, связанных с предпринимательской деятельностью («Киевская конвенция»). Согласно Киевской конвенции решения государственных судов некоторых стран СНГ подлежат исполнению в Российской Федерации. Российская Федерация также является участником ряда двусторонних соглашений о признании и приведении в исполнение судебных решений.

Решения третейских судов, вынесенные арбитражными судами, находящимися в Российской Федерации или за рубежом, исполняются службой судебных приставов после признания таких решений и направления их к исполнению российскими судами. Как правило, российские суды не могут пересматривать любое иностранное арбитражное решение по существу. Основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений те же, что и в Нью-Йоркской конвенции. Процедура медиации может применяться к гражданско-правовым спорам (в том числе спорам, возникающим из хозяйственных отношений), трудовым спорам (за исключением коллективных трудовых споров) и семейно-правовым спорам. Однако медиация невозможна, если они затрагивают общественный интерес или права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации. С момента начала медиации течение срока исковой давности приостанавливается.

Таким образом, оставаясь в эпоху неизведанного, с рисками модернизирующейся судебной системы, значительно развитым доступом к правосудию и, в свою очередь, потенциальным возвышением верховенства права. Мы живем в эру возможностей: возможности смело опираться на смену отношения и очевидные недавние успехи в области технологий, а также внедрить улучшенные, устойчивые судебные услуги, которые гораздо более доступны, чем сегодня.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7or85e25t220917133.

2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/?ysclid=l7or9ncwai897144028.

3. Шелегов Ю. В. Конституционный суд Российской Федерации в механизме конституционно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1. С. 59–69.

4. Зуев В. И. Конституционный Суд РФ – судебный орган Конституционного контроля // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 1. С. 73–76.

Кузьмина О. Н.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Прудников А. С.****,*
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Первоначальный этап становления информационно-коммуникационных технологий действительно предвещал новую эпоху и модель существования общества со стремительными инновациями в информационном пространстве. Стоит отметить тот факт, что помимо глобального взаимодействия и революционных изменений, а также в принципиально новом технологическом этапе посредством цифровых и информационных технологий сложилась непростая ситуация во взаимодействии между людьми – реализация информационных отношений, затрагивающая национальную безопасность.

Несомненно, процессы цифровой трансформации порождают возникновение всестороннего онтогенеза, соперничества и усиление стран на международной арене. К сожалению, современные реалии наложили свой негативный отпечаток на становление процесса трансформации общества, а именно в результате пандемии коронавируса COVID-19 произошла атомизация общества. Но люди научились жить и справляться с непростыми условиями жизни. Эти условия не оставили выбора гражданам кроме как изменить привычный образ жизни, начав активно и рационально применять и использовать современные информационные технологии с наращиванием информационного потенциала. Люди овладели цифровыми навыками – новыми средствами приобретения соответствующих знаний и опыта взаимодействия между людьми.

Безусловно, современная цифровая реальность в трансформации жизни общества, а также использование информации в интересах пользователей нацеливает на необходимость переосмысления содержания и гарантий основных прав и свобод человека и гражданина, чтобы адаптировать их к новому информационному полю как в режиме онлайн, так и офлайн.

Ключевым понятием в процессе цифровой трансформации общества является понятие «информация». Ведь именно информационный обмен, обмен различного рода данными, формами представления информации являются теми самыми звеньями взаимодействия между людьми. Информация – основа современного процесса цифровой трансформации общества.

---

[1] © Кузьмина О. Н., 2022.

Действительно, развитие цифровой трансформации общества и цифровой (информационной) инфраструктуры принесли огромную пользу обществу, снизив барьеры для обмена контентом с более широкой аудиторией людей и доступа к огромному массиву различной информации. Информационные процессы создавали новые «географические» сообщества, позволившие внедрить существенные инновации в технологической и информационной сфере. Цифровая трансформация общества неразрывно связана и является частью информационной системы, которая представляет собой систему регулирования общественных отношений по поводу всех процессов, проходящих в информационной сфере.

Рассматривая процесс цифровой трансформации общества во всех аспектах и с учетом всех факторов жизнедеятельности людей, стоит отметить, что в связи с растущей зависимостью современного общества от цифровых технологий и уязвимостью цифровых систем к киберугрозам, кибербезопасность превратилась в важнейшую проблему национальной безопасности, породив развивающуюся индустрию, которая исследует технические, государственно-правовые и политические проблемы современности.

Быстрое развитие и распространение передовых информационных технологий за последние несколько десятилетий породило кибернетическое измерение сложной взаимозависимости, которое имеет свои собственные уникальные характеристики. Эта информационная революция привела к радикальным изменениям в политике, бизнесе, культуре и других аспектах общества, породив новые типы сообществ, стимулируя рост организаций как сетей, создавая требования к новым ролям в системе, порождая тенденцию к децентрализации всего общества.

Процесс цифровой трансформации общества затронул такие средства взаимодействия, которые используют цифровые процессы, ресурсы и сервисы на основе цифровых инноваций. Данный процесс в разы упростил ежедневное взаимодействие между людьми, тем самым добавив скорости и легкости в обмене данными.

Разумеется, уникальная природа цифровой трансформации общества, его относительная недолговечность как среды и отсутствие общепринятых норм для работы в нем будут создавать новые вызовы, которые повлияют на эти отношения и потенциально изменят динамику сложной взаимозависимости новыми и непредсказуемыми способами.

Цифровая трансформация общества стала повсеместной чертой современной жизни, одновременно причиной и следствием растущей взаимозависимости, определяющей международную систему. Формирующиеся технологии проникают во все сферы жизни общества и позволяют использовать их. Взрывной рост подключения компьютеров и оборудования с компьютерной поддержкой к сетям, позволяющим быстро передавать огромные объемы информации при неуклонно снижающихся затратах, вызвал настолько глубокие изменения, что развитие и распространение этих технологий многие считают сравнимым по масштабам и последствиям с промышленной революцией. Цифровые технологии сегодня лежат в основе функционирования нашего мира, предоставляя средства для глобального общения, покупки и продажи товаров и услуг, осуществления

финансовых операций, управления воздушным движением, отслеживания и прогнозирования погоды, эксплуатации критически важной инфраструктуры, управления промышленными системами, руководства операциями военных подразделений и выполнения тысяч других жизненно важных функций с беспрецедентной скоростью и точностью. Эти разработки принесли огромную пользу всему миру, но не обошлось и без сопутствующих проблем.

Наиболее заметной из этих проблем является кибербезопасность, включающая набор связанных между собой технических, политических и правовых вопросов, которые в совокупности могут угрожать положительным результатам, достигнутым в рамках нынешней сети глобальной взаимозависимости, и тем самым изменить основу многих нынешних ключевых отношений в международной системе. В совокупности информационно-технологические сети и составляющие их аппаратные средства, программное обеспечение, соединительные линии и данные, которые способствуют нашей цифровой взаимосвязи, стали называться информационной средой – сложной и постоянно меняющейся рукотворной средой, которая является частично физической, а частично виртуальной. Уникальная природа цифровой трансформации общества делает его простую концептуализацию сложной задачей, и достижение консенсуса в отношении точного определения информационного пространства – труднодостижимым.

В настоящее время затрагивается важный и актуальный вопрос – является ли киберпространство международным сообществом. Те, кто утверждает, что киберпространство является общим достоянием, делают это потому, что оно имеет общие характеристики с другими глобальными общими достояниями: воздушным, морским и космическим, а также потому, что идея глобального общего достояния широко понимается и принимается. Наиболее значительный вклад идеи киберпространства как общего достояния заключается в том, что, по определению, глобальные общие достояния не подпадают под юрисдикцию одной страны, а их совместное использование регулируется международными нормами – примерно так, как, по мнению многих авторитетов, обстоит дело с киберпространством сегодня.

Разрешение этой дискуссии повлияет на дальнейшее развитие киберпространства, его архитектуры, управления и ценностей, которые его формируют. Информационно-коммуникационное соединение было спроектировано децентрализованным образом, чтобы способствовать масштабируемости, конфиденциальности и простоте общения, но функция обеспечения безопасности прав и свобод человека и гражданина была поставлена, к сожалению, не на первое место. Изобретатели информационной сети предполагали, что она свяжет тысячи умов по всему миру и ученых для обмена результатами поиска, а не миллиарды машин и пользователей, выполняющих жизненно важные, а иногда и более сложные функции на сегодняшний день.

Таким образом, по мере становления, роста размеров и распространения информационно-коммуникационных систем от академических кругов до правительственных учреждений и широкого гражданского использования, основной проблемой процесса цифровой трансформации общества в контексте обеспечения

прав личности стал тот факт, что его технологические компоненты были разработаны без учета требований безопасности прав и свобод человека и гражданина. Открытость и простота использования неизбежно привлекли злоумышленников, чья изощренность и амбиции росли вместе с цифровой трансформацией общества, эволюционируя от легкой порчи веб-страниц в 1990-х гг. до высокоорганизованных киберпреступных группировок и программ по шпионажу и кибератакам на информацию людей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7or85e25t220917133.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.

3. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/.

4. Информационное общество и глобальная информационная телекоммуникационная инфраструктура : монография. Н. Новгород : Профессиональная наука, 2018. URL: http://scipro.ru/conf/monographIT.pdf.

Лобанова И. К.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Прудникова Т. А.****,*
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ АМНИСТИЙ

В соответствии с ч. 2 ст. 18.8 КоАП РФ [1] нарушением миграционного режима является несоответствие заявленной цели въезда в Российскую Федерацию фактически осуществляемой деятельности в период пребывания (проживания) или роду занятий. Такое нарушение влечет наложение административного штрафа в размере от 2 тыс. до 5 тыс. руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового. Данная санкция применяется к иностранному гражданину лично как к физическому лицу.

На практике это нарушение проявляется так: цель въезда, которая указывается в визе, не соответствует фактической. Виды виз определяются ст.ст. 25.4–25.8 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ [2], и отличаются они именно целью въезда и пребывания на территории Российской Федерации. Например, иностранному гражданину законом запрещено получить деловую или туристическую визу и осуществлять при этом трудовую деятельность.

Согласно ч. 4 ст. 18.9 КоАП РФ, если принимающая сторона не выполняет обязанности, связанные с осуществлением миграционного учета, такое нарушение влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 2 тыс. до 5 тыс. руб., на должностных лиц – от 40 тыс. до 50 тыс. руб., на юридических лиц – от 400 тыс. до 500 тыс. руб.

Проведенный анализ судебной практики показывает, что решения и постановления по делам об административных правонарушениях, предусмотренные ст. 18.8 КоАП РФ, имеют неоднозначный характер принимаемых решений в действиях судей по части вынесения приговоров и не являются аналогичными. Такая разрозненность действий правоприменителя обусловлена отсутствием механизма реализации в части исполнения миграционной амнистии в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства.

В подтверждение своих слов рассмотрим конкретные примеры решений и постановлений по административным делам, предусмотренных ст. 18.8

---

[1] © Лобанова И. К., 2022.

КоАП РФ за период с 2015 по 2022 г. Для этого введем условные категории: удовлетворили, не удовлетворили и частично удовлетворили.

Удовлетворили по амнистии:

Санкт-Петербургский городской суд рассмотрел дело № 12-2220/2017 по жалобе на постановление судьи Московского районного суда Санкт-Петербурга от 15 сентября 2017 г. в отношении уроженца и гражданина Республики Таджикистан, который был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП РФ, и ему назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 5 000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда за пределы Российской Федерации.

В обоснование жалобы защитник указал, что в период с 25 марта 2017 г. по 24 апреля 2017 г. было принято решение о миграционной амнистии граждан Таджикистана. Данная амнистия распространялась на иностранных граждан, нарушивших сроки пребывания на территории Российской Федерации. В связи с этим иностранный гражданин обращался в Управление по вопросам миграции ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области с заявлением о легализации и ему была выдана новая миграционная карта [3].

Таким образом, сроки пребывания иностранный гражданин не нарушал, соответственно, постановление по делу об административном правонарушении было отменено.

Не удовлетворили по амнистии:

Некрасовский район суд рассмотрел постановление № 5-19/2-19 от 13 марта 2019 г. по одноименному делу в отношении гражданина Ш., признанного виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ.

В судебном заседании лицо, привлекаемое к административной ответственности, Ш. вину не признал, пояснил, что умысла на нарушение закона не имел, между Президентами N. и России достигнуто соглашение о миграционной амнистии, согласно которому лицам, подвергнутым административному выдворению и выехавшим с территории России, вернуться в Россию можно после указанного срока, о чем имеется публикация в газете, также перед въездом в Россию обращался на многоканальный круглосуточный телефон, номер которого указан в газете, где ему подтвердили данную информацию. На территории России проживает брат и родители.

В судебном заседании принял участие должностное лицо главный специалист-эксперт миграционного пункта ОМВД России по Некрасовскому району О.Д. Ержанова пояснила, что про миграционную амнистию не знает, никаких нормативных правовых актов не принималось, разъяснений по поводу применения миграционного законодательства в данной области правоотношений не приходило [3].

Таким образом, гражданин Ш. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 18.8 КоАП РФ, также ему было назначено наказание в виде административного штрафа в размере

2 000 (две тысячи) руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации в виде контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации за счет собственных средств.

Частично удовлетворили:

Тамбовский областной суд, рассмотрев жалобу защитника N. на постановление судьи Мичуринского городского суда Тамбовской области от 13 апреля 2019 г. по делу об административном правонарушении в отношении гражданина Таджикистана, признанного виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, и которому было назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере 2 000 руб. с административным выдворением за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения.

В процессе обоснования жалобы защитник указывает, что гражданин N. не нарушал режим пребывания в Российской Федерации, так как он принял меры к выезду в страну гражданской принадлежности до окончания срока законного нахождения в Российской Федерации. Полагает, что суд ошибочно признал гражданина N. виновным во вмененном ему правонарушении, а также незаконно применил меры административного принуждения.

Также защитник просил прекратить производство по делу об административном правонарушении согласно пп. 4 п. 1 ст. 24.5 КоАП РФ – на основании издания акта об амнистии, поскольку в отношении граждан Таджикистана в 2019 г. Российская Федерация приняла решение о повторной миграционной амнистии на период с 24 марта по 24 апреля 2019 г. [3].

Таким образом, постановлением судьи Мичуринского городского суда Тамбовской области от 13 апреля 2019 г. по делу по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ, назначенное наказание – административное выдворение за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения из Российской Федерации было заменено на выдворение в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации. В остальной части постановление оставлено без изменения.

Резюмируя проведенный краткий анализ судебной практики в рамках применения норм в области миграционного законодательства, можно отметить разрозненность действий судей. Это обусловлено прежде всего отсутствием нормативно закрепленного механизма реализации миграционной амнистии. Поэтому, оценивая решения судей, которые отменили постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренные ст. 18.8 КоАП РФ, по причине того, что были приняты решения о проведении миграционных амнистий на основе достигнутых устных соглашений глав-государств, нельзя сказать о том, что кто-то из них поступил правомерно или неправомерно. Такие амнистии распространялись на иностранных граждан, которые нарушили сроки пребывания на территории Российской Федерации и могли обратиться в Управление по вопросам миграции ГУ МВД России с заявлением о легализации, чтобы получить новую миграционную карту.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=l7ojey0btr358447400.

2. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/-?ysclid=l7otfwgcad273398001.

3. База судебных актов «судакт». URL: https://sudact.ru/regular/doc/.

Малахов С. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кисин В. Р.****,*
доцент кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОЛЛИЗИИ НОРМ СУБИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ИХ УСТРАНЕНИЕ

Институты административного правонарушения и административной ответственности составляют содержание системы административно-деликтного законодательства. Данные правовые институты несвободны от недостатков, которые негативно сказываются на правоприменительной деятельности субъектов административной юрисдикции, что в конечном итоге порождает нарушение прав, свобод человека и гражданина (которые являются высшей ценностью и подлежат защите в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Представляется, что к одним из наиболее существенных недостатков можно отнести наличие коллизий между административно-деликтными нормами. Коллизии представляют собой противоречия между правовыми предписаниями, их взаимоисключающий характер. Как правило, коллизии являются результатом ошибок законодателя.

Поиск путей устранения коллизий между нормами законодательства об административных правонарушениях обусловлен множеством объективных и субъективных факторов, к некоторым из них можно отнести: большое количество органов исполнительной власти (их должностных лиц), наделенных компетенцией по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях; имеющейся тенденцией к росту количества совершаемых правонарушений; а также инициированным процессом реформирования законодательства об административных правонарушениях.

Последним фактором обусловлено обращение не только к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), но и к проекту КоАП РФ.

В действующем законодательстве об административных правонарушениях, а также в проекте КоАП РФ юридическое лицо выступает в качестве субъекта административной ответственности. Совокупность норм, регулирующих основа-

[1] © Малахов С. А., 2022.

ния, особенности и другие правила административной ответственности юридических лиц представляет собой относительно обособленный субинститут административной ответственности.

Еще на стадии проекта КоАП РФ (2002 г.) В. Д. Сорокиным административной ответственности юридических лиц, была дана негативная оценка с указанием на целесообразность финансовой ответственности для юридических лиц, которая бы связывалась с дисциплинарной, административной или уголовной ответственностью для виновных должностных лиц организации [4]. Многими авторами высказывалась обоснованная критика различных сторон правового регулирования административной ответственности юридических лиц и выдвигались предложения по ее совершенствованию. Анализ большого числа научных публикаций [1, 2, 3], судебной практики (включая постановления Конституционного Суда Российской Федерации) позволяет заключить, что фактически административная ответственность юридических лиц наступает за противоправные деяния связанных с ними физических лиц, но адекватно в нормах КоАП РФ данное правило не установлено.

Для публично-правовой ответственности характерно психологическое понимание вины (предполагающее субъективное вменение), однако правовая конструкция «юридического лица» является юридической фикцией – юридическое лицо не может быть виновным в совершении административного правонарушения (иметь психическое отношение к содеянному противоправному деянию).

Исходя из этого, ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ вступает в противоречие с предписаниями ст. 2.2 КоАП РФ (о формах вины).

Представляется, что в КоАП РФ, как и в проекте КоАП РФ необходимо установить, что административная ответственность юридического лица наступает за совершение противоправного деяния связанными с ним различными корпоративными, трудовыми и иными отношениями физическими лицами. Стоит отметить, что такое правило имеется в ст. 110 НК РФ.

Другой коллизией является противоречие ч. 2 ст. 2.1, ч. 7 ст. 2.10 КоАП РФ, которая устанавливает, что при реорганизации юридического лица административная ответственность за совершение правонарушения наступает независимо от того, было ли известно привлекаемому к административной ответственности юридическому лицу о факте административного правонарушения до завершения его реорганизации.

Таким образом, административная ответственность юридического лица при реорганизации может наступать в случае, если ему неизвестно о факте административного правонарушения, но при этом не может быть реализовано правило о том, что у юридического лица имелась возможность для соблюдения правил и норм, за которые предусмотрена ответственность и оно сделало все возможное для их соблюдения (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ).

Устранение данной коллизии видится в исключении из КоАП РФ ч. 7 ст. 2.10 КоАП РФ. Представляется, что некоторые правила о привлечении юридического лица к административной ответственности были буквально перенесены из НК РФ (ст. 50) в КоАП РФ (ст. 2.10). Но если функция НК РФ фискальная, то

функция КоАП РФ является правоохранительной и прежде всего нацеленной на предупреждение правонарушений. Видится, что нормы НК РФ, включенные в КоАП РФ, предопределили появление коллизии.

Исключение ч. 7 ст. 2.10 из структуры КоАП РФ в совокупности с закреплением правила о привлечении юридического лица к административной ответственности за деяния находящихся в связи с ним виновных физических лиц устранит имеющуюся коллизию.

Нельзя не обратить внимание на относительно недавние изменения в субинституте административной ответственности юридических лиц (Федеральный закон от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»). В ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ были внесены поправки, а также были добавлены чч. 4 и 5. Часть 4 одновременно буквально противоречит ее ч. 3, и повторяет ч. 2 данной статьи. Представляется, что чч. 4 и 5 должны быть исключены из КоАП РФ.

Многие из указанных коллизий имеются и в нормах проекта КоАП РФ, поэтому в дальнейшем представляется целесообразным его более глубокий анализ на предмет осуществления гармонизации правовых норм субинститута административной ответственности юридических лиц.

Список литературы

1. Кисин В. Р. Некоторые размышления о положении юридического лица как субъекта административно-деликтного отношения // Административное право и процесс. 2019. № 1. С. 41–44.

2. Панова И. В. Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2007. № 8. С. 1–30.

3. Россинский Б. В. Почему в Российской Федерации утвердился институт административной ответственности юридических лиц и пришло ли время его ликвидировать? // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 5–13.

4. Сорокин В. Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 1(224). С. 46–54.

Мараев К. Е.[1]**,**
преподаватель кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Цветков А. В.[2]**,**
старший преподаватель кафедры
административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПЛАНИРОВАНИЕ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРИНЦИПЫ

Успешное функционирование государственных и муниципальных органов во многом зависит от способности руководства ставить цели и задачи развития, а также выстраивать четкую последовательность мер, необходимых для их достижения, в ситуации быстро меняющейся экономической и политической конъюнктуры. Использование руководством этой способности невозможно в условиях отсутствия необходимого ресурсного обеспечения.

Основным условием для обеспечения возможности достигать цели при наиболее эффективном и оптимальном использовании имеющихся ресурсов является выстроенная система планирования, позволяющая наиболее оптимально распределить ресурсы, имеющиеся у субъекта управления, выстроить эффективную систему мер, реализация которых делает возможным выполнение поставленных задач, а также, что является самым важным, спрогнозировать возможные последствия осуществляемых действий, что позволяет контролировать исполнение принимаемых решений и управлять складывающейся ситуацией.

В связи с этим невозможно не оценить важность планирования в процессе управленческой деятельности, предоставляющего возможность существенно повысить результативность государственного или муниципального органа, а также хозяйствующего субъекта.

«Поскольку планирование есть органически неразрывный структурный элемент управления, часть его важнейшей функции, то вполне обоснованно говорить о том, что планирование – центральное звено в системе управления» [1, с. 17].

Учитывая вышесказанное, считаем необходимым рассмотреть понятие планирования, выделив значимые признаки, а также его принципы.

В науке в настоящее время понятие планирования является дискуссионным.

Одни авторы рассматривают планирование с точки зрения инструментария при руководстве деятельностью хозяйствующего субъекта. Так, по мнению

[1] © Мараев К. Е., 2022.
[2] © Цветков А. В., 2022.

Т. В. Голиковой, планирование – разработка и корректирование плана, включающие предвидение, обоснование, конкретизацию и описание деятельности хозяйственного объекта на ближайшую и отдаленную перспективу» [2].

Другие авторы исследуют планирование с точки зрения функционала государственного управления. Например, О. Н. Горбунова, Т. А. Вершило рассматривают планирование как функцию государственного управления, которая «представляет собой разработку планов и формирование стратегий государства на основе отношений с внешним окружением, отражающих выбор миссий, сфер деятельности. Также это процесс обеспечения нововведений и изменений, включающий разработку проектов распределения ресурсов, адаптацию к внешней среде, внутреннюю координацию» [3].

Д. А. Сергеев считает, что «планирование в контрактной системе – это разновидность управленческой деятельности, направленной на оптимальное распределение и использование бюджетных средств с целью наиболее эффективного обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4, с. 1].

В целом все представленные определения выражают ключевую специфику планирования, заключающуюся в возможности для субъекта управления последовательно реализовывать свою волю при решении поставленных задач и достижению целей. Анализ же приведенных определений позволяет выделить содержание планирования, которое составляет: выработку мероприятий, определение стратегии и тактики по их реализации, разработку плана.

Планирование – неотъемлемая часть управления, так как без должной проработки мер и их последовательной реализации невозможно выполнение задач, приводящих к достижению желаемых результатов. В связи с этим можно констатировать, что планирование имеет властную природу, позволяющую выделить такой его признак, как властно-организующий характер.

Властно-организующий характер планирования выражается том, что оно в первую очередь должно связывать между собой субъектов разного характера отношений, вовлеченных в решение общих задач и целей, достижение которых обеспечивается наличием ответственности каждого из привлеченных в заданную работу субъектов, а также наличием некоего центра, осуществляющего контроль за реализацией этими субъектами принятых решений и за должным и полным осуществлением в рамках таких решений мер.

Из вышесказанного ярко прослеживается установка планирования на достижение желаемого результата, которая говорит о его целенаправленности. Цель является тем связующим звеном, вокруг которого объединяются субъекты разного рода отношений. Более того, исходя из поставленной цели выбирается стратегия, тактика, а также способы наиболее эффективного ее достижения. Например, вопрос выбора способа осуществления закупочной процедуры и оценка ее эффективности зависит от решаемой субъектом управления цели [5].

Кроме того, планирование затрагивает определенные временные и пространственные размерности и горизонты. Временная и пространственная размерность означает, что планирование осуществляется в конкретный отрезок времени и на определенной территории, а под временными и пространственными горизонтами

понимается то, что мероприятия, выработанные и включенные в план, рассчитаны к реализации в соответствующие временные и пространственные рамки.

Перейдем к рассмотрению принципов, в соответствии с которыми вырабатывается наиболее приемлемая для субъекта управления программа действий.

Французский специалист в области административного права Анри Файоле, исследуя менеджмент, предложил, наряду с перечнем принципов управления, принципы планирования, среди которых он выделил: необходимость, единство, непрерывность, гибкость, точность [6].

Под необходимостью он понимал обязательность использования планов при планировании деятельности на любом уровне деятельности. Начиная от действия конкретного исполнителя, заканчивая деятельностью государственного муниципального органа.

Принцип единства означает взаимосвязанность планов на различных уровнях осуществляемой деятельности, т. е. из плана государственного органа должны вытекать планы подразделений, входящих в структуру этого органа, а из последних планы должностных лиц и наоборот.

Принцип непрерывности исходит из постоянства управленческой деятельности, в соответствии с которым приходится выполнять выработанные планы и формировать новые, приходящие на смену тех, которые были выполнены.

Принцип гибкости придает управленческой деятельности оперативный характер, позволяющий адаптировать управление к логике складывающихся обстоятельств, направленное развитие которых приводит к смене вектора планирования, что выражается в корректировке мер, закрепленных в плане.

Принцип точности заключается в строгой, конкретной формулировке мероприятия, внесенного в план, с детальным описанием формы его воплощения в жизнь.

Помимо представленных пяти принципов Р. Акоффом был предложен еще один принцип – участия [7, с. 8]. Данный принцип предполагает вовлечение в планирующую деятельности, наряду с субъектом управления, тех лиц, которые буду участвовать в его воплощении.

Таким образом, среди признаков планирования можно выделить: целенаправленность, властно-организующий характер, оценку имеющихся ресурсов, последовательную выработку мер, временные и пространственные размерности и горизонты.

С учетом выделенных признаков можно сформулировать определение планирования – это властно-организующая деятельность субъекта управления, осуществляемая в конкретных временных и пространственных размерностях, заключающаяся в выработке на основе имеющихся ресурсов последовательных мер, рассчитанных к реализации в назначенные временные и пространственные горизонты, направленных на достижение поставленной цели, и нашедших отражение в плане.

Принципами планирования являются: необходимость, единство, непрерывность, гибкость, точность, участие.

Список литературы

1. Стратегическое планирование / под ред. Э. А.Уткина. М. : ЭКМОС, 1999.
2. Голикова Т. В. Планирование как важнейшая функция менеджмента / Проблемы современной экономики. 2009. № 1 (29).
3. Горбунова О. Н., Вершило Т. А. Планирование в бюджетных отношениях как функция государственного управления: правовые проблемы и пути решения // Финансовое право. 2018. № 2.
4. Сергеев Д. А. Планирование в контрактной системе: теоретико-методологический подход // URL: https://www.researchgate.net/publication/-327904776_PLANIROVANIE_ZAKUPOK_V_KONTRAKTNOJ_SISTEME_TEORETIKOMETODOLOGICESKIJ_PODHOD.
5. Мараев К. Е., Цветков А. В. Цель – критерий эффективности закупочной модели в контрактной системе закупок // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 2. С. 160–161.
6. Файоль А. Общее и промышленное управление. М., 1924. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5783/5788.
7. Бутов Г. Н. Планирование на предприятии : учебное пособие. Казань : Волжск. гос. акад. водн. тр-та, Казанск. филиал, 2010.

Семенова А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОПАСНЫМ УВЛЕЧЕНИЯМ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Современная молодежь – особая возрастная социальная группа, которая восприимчива к влиянию негативных тенденций в обществе. В последние годы экстремальные увлечения стали особенно популярны. Для подростка быть экстремалом, «не таким как все» означает «идти в ногу со временем», прогрессом, совершенством. Экстремальный досуг без соблюдения правил безопасности создает различные социальные риски, которые ставят под угрозу жизнь и здоровье современной молодежи.

Подростки – наиболее уязвимая социальна группа, которая в силу своего возраста отличается своей непостоянностью, противоречивостью. Они наиболее подвержены склонности к асоциальному поведению. К опасным увлечениям современной молодежи можно отнести: руффинг, сталкинг, диггерство, трейнсерфинг и многие другие. Перечисленные виды опасных для жизни и здоровья увлечений требуют должного внимания со стороны государственных органов, государственных учреждений и общества в целом.

Согласно ежегодной статистики федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, каждый день в мире гибнет более трех тысяч юношей и девушек в возрасте от 10 до 25 лет [3]. Ежегодная смертность оценивается в сотни тысяч человек в России. В то же время проведенная статистика и исследования показывают, что большинство смертей можно было бы предотвратить. Игнорирование правил дорожного движения или безопасности, чтобы продемонстрировать собственную лихость, – это прямой путь к трагедии. В моде лихие, «безрассудные», опасные увлечения, показывающие равнодушие к жизни и смерти.

Есть определенные категории подростков, которые с большей вероятностью увлекаются экстремальными увлечениями, такими как:

1. Чрезмерно опекаемые подростки. В попытке избавиться от давления родителей, чтобы доказать свою самостоятельность и независимость, подростки готовы на все.

2. Подростки, которые не получают достаточного внимания от родителей и сверстников, готовы пойти на рискованные шаги, чтобы заявить о себе.

3. Одинокие подростки. Такие необычные увлечения позволяют ребятам без особых усилий вступить в «крутую компанию».

[1] © Семенова А. А., 2022.

4. Подростки из неблагополучных семей с низким доходом. Большинство опасных увлечений доступны для подростков любого возраста и не требуют денежных расходов.

5. Подростки, ищущие социального признания и славы. XIX в. – это эпоха быстрого развития социальных сетей. Многие дети действительно хотят иметь минуту своей славы в сети Интернет, получая просмотры и «лайки», выкладывая в социальные сети фотографии и видеоролики.

А. В. Лакреева и Л. В. Варуха, анализируя исследования американского психолога Лоуренса Стайнберга, доказывают, что в присутствии сверстников подростки рискуют в два раза больше. Эту особенность Стайнберг связывает с незрелостью нейронной сети, отвечающей за процесс оценки и анализа ситуации. Несовершеннолетние не способны принять разумные решения, дать адекватную оценку опасности в кругу друзей. Их показные действия совершаются «на свой страх и риск», чтобы получить общественное признание [1].

В ходе исследования мы провели анализ подростковых групп в социальных сетях и определили наиболее опасные экстремальные увлечения подростков, которые описаны ниже.

Одним из самых опасных видов увлечения среди молодежи является руфинг. Руффинг (от англ. roof – крыша) – лазание по крышам домов, зданий, сооружений. К сожалению, далеко не всегда крыши и лестницы находятся в хорошем состоянии – одно неловкое движение, и подросток летит вниз. Причиной гибели может стать любая, даже самая безопасная игра, если речь идет о пятиэтажном доме. Что уж говорить о высотках и небоскребах. Более того, прогулки по крышам незаконны. Поэтому, если подростка поймают за этим занятием, то родителям или законным опекунам придется его забирать из отделения полиции и платить административный штраф в размере от трех до пяти тыс. руб., согласно ст. 20.17 «Нарушение пропускного режима охраняемого объекта» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ).

В 2021 г. по ст. 20.17 КоАП РФ судами было рассмотрено 654 административных дела, из них подвергнуто наказанию 380 лиц, доля наказанных составила 58 %, доля оправданных 13 % [4].

Можно привести в пример смерть 18-летнего фотографа-руфера Алексея Подчуфарова, студента МГУ. В 2012 г. он забрался на крышу Главпочтамта, чтобы сделать панорамный снимок, и провалился сквозь стеклянный купол крыши здания. Буквально за два месяца до смерти Алексей и несколько фотографов-руферов сумели забраться на вершину звезды, установленной на главном здании МГУ.

Следующий вид опасного увлечения – скайуокинг. Он заключается в покорении самых высоких точек в городе без специального снаряжения и страховок. Скайуокеры, так же, как и руферы, любят высоту, однако им недостаточно просто залезть на крышу. Они ставят себе цель залезть на самую высокую точку в городе. Заброшенная вышка в Электростали высотой 215 метров считается са-

мой культовой. Одни ищут вверху адреналин, другие – избавление от страха высоты. Это опасное увлечение является незаконным и опасным экстремальным среди подростков, особенно если это касается охраняемой территории.

Еще один вид опасного увлечения – сталкинг (изучение заброшенных зданий). Такие заброшенные и недостроенные дома, здания и сооружения существуют во всех городах и населенных пунктах. Объектами юных сталкеров могут стать заброшенные фабрики, больницы, склады, военные объекты, заводы и др.

Работа над федеральными законодательными инициативами продолжается по сей день, так как санкции в области административного противодействия опасным увлечениям неэффективно действуют на практике. Так как отсутствие административного регулирования и противодействия в области противодействия руфингу, дигерству, сталкерству, при одновременном росте желающих рискнуть, приводит, кроме несчастных случаев среди подростков, к постоянным нарушениям закона, конфликтам с жильцами домов, актам вандализма и обрушению кровель заброшенных зданий.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в настоящее время среди молодежи стали популярны опасные виды увлечений, которые с каждым годом развиваются и распространяются в молодежной среде. Тем самым перед государственными органами, полицией, родителями и опекунами стоят важнейшие задачи по предупреждению и противодействию опасных видов увлечений. Замена опасных увлечений различными видами спорта помогут предотвратить угрозу жизни и здоровью подрастающему поколению – нашему будущему.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=l7ojey0btr358447400.

2. Лакреева А. В., Варуха Л. В. Склонность к риску как фактор девиантного поведения подростков // Концепт. 2016. Т. 24. С. 141–146. URL: http://ekoncept.ru/2016/56427.htm.

3. Официальная статистика смертности федеральной службы государственной статистики Российской Федерации за 2021 г. // URL: https://rosinfostat.ru/smertnost/.

4. Судебная статистика административных правонарушений за 2021 г. // URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1.

Серпионова А. И.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Прудников А. С.****,*
профессор кафедры конституционного
и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И МИГРАЦИОННЫХ СЛУЖБ В ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕАДМИССИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (Концепция), утвержденной Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г., одной из ее задач является противодействие незаконной миграции. В соответствии с Концепцией под незаконной миграцией понимаются перемещения в Российскую Федерацию с нарушением законодательства, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации и (или) осуществления ими трудовой деятельности.

Правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации определяется как общим, так и специальным законодательством. Вопросы реадмиссии регулируются Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», гл. 28 КАС РФ.

Федеральный орган исполнительной власти в сфере миграции, ведающий вопросами реадмиссии, является Главное управление по вопросам миграции МВД России. Соглашения о реадмиссии представляют собой двусторонние или многосторонние официальные соглашения, которые позволяют повторно назначать своих граждан и граждан других стран, – «иностранцев», находящихся на нелегальном положении на территории другого государства. Российская Федерация имеет двусторонние соглашения о реадмиссии с множеством иностранных государств, включая страны – участницы ЕС.

В соглашениях о реадмиссии повторяется и определяется обязательство страны по реадмиссии своих собственных граждан и устанавливаются условия, при которых государства-участники таких соглашений обязаны реадмиссировать граждан третьих стран, проехавших через их территорию. Они облегчают и ускоряют исполнение решений о возвращении незаконных мигрантов, а также

[1] © Серпионова А. И., 2022.

могут выступать в качестве стимула для стран происхождения или транзита к усилению своего миграционного контроля. В зависимости от точки зрения соглашения о реадмиссии можно рассматривать либо как важный элемент стратегии управления миграцией государств – членов Совета Европы, либо как средство содействия сомнительным решениям о возвращении и часть критикуемого «аутсорсинга миграционного контроля» европейских стран.

Можно утверждать, что соглашения о реадмиссии обеспечивают прозрачность, поскольку в них четко указаны процедурные условия реадмиссии до приведения в исполнение решения о возвращении. При осторожном применении соглашения могут способствовать сокращению периода неопределенности или задержания мигранта за счет облегчения и ускорения исполнения решений о возвращении. Сторонники соглашений о реадмиссии заявляют, что они нейтральны с точки зрения прав человека и представляют собой всего лишь инструмент для высылки нелегальных мигрантов. Стадия, на которой может возникнуть проблема с правами человека, обычно наступает тогда, когда принимается решение о высылке соответствующего лица, решение о возвращении, а не когда это решение приводится в исполнение посредством соглашения о реадмиссии, если только ситуация в принимающей стране не изменилась в это время.

Однако существует риск того, что соглашения о реадмиссии представляют прямую или косвенную угрозу правам человека незаконных мигрантов или лиц, ищущих убежища. Это касается, в частности, риска того, что отправляющая или реадмиссирующая страна не выполняет свои обязательства по Женевской конвенции о статусе беженцев (Женевская конвенция 1951 г.), Протоколу к ней 1967 г. и Европейской конвенции о правах человека (СЕД № 5), а затем использует соглашение о реадмиссии для принудительного исполнения ошибочного решения. Процесс возвращения следует рассматривать как единое целое, одним из важных элементов которого являются соглашения о реадмиссии.

Однако существует риск того, что соглашения о реадмиссии представляют прямую или косвенную угрозу правам человека незаконных мигрантов или лиц, ищущих убежища. Это касается, в частности, риска того, что отправляющая или реадмиссирующая страна не выполняет свои обязательства по Женевской конвенции о статусе беженцев (Женевская конвенция 1951 г.), Протоколу к ней 1967 г. и Европейской конвенции о правах человека (СЕД № 5), а затем использует соглашение о реадмиссии для принудительного исполнения ошибочного решения. Процесс возвращения следует рассматривать как единое целое, одним из важных элементов которого являются соглашения о реадмиссии.

Несмотря на активизацию научной работы, ре-проблематизирующей так называемый беженец, миграционный или шенгенский кризис в Европе, внутренние шенгенские границы и, в частности, инструменты сотрудничества полиции, используемые для обеспечения соблюдения прав на дифференцированную мобильность, оставались довольно второстепенными для основных проблем. Этот вклад необходим для восполнения этого пробела. Вместо того, чтобы сосредотачиваться на введении и поддержании внутреннего пограничного контроля или

на новых специальных административных соглашениях для более быстрой реадмиссии в Дублине, необходимо внимание к нескольким «обычным» мерам правительства, которые все чаще используются для контроля несанкционированных подвижности.

На внутриевропейских границах, помимо политически более спорного введения пограничного контроля, государства-члены реагировали на дальнейшую мобильность посредством контроля в приграничных районах и двустороннего административного (ускоренного) реадмиссии и, все чаще, путем совместного патрулирования приграничных районов основных трансграничные маршруты. Национальный пограничный контроль в соответствии со ст. 23 Шенгенского кодекса о границах (SBC) привлек определенное внимание в юридических и криминологических исследованиях. Это положение SBC устанавливает правила осуществления полицейских полномочий во время проверок на территории и в приграничных районах, чтобы гарантировать, что такие полицейские меры неравносильны пограничному контролю. Тем не менее вопрос о том, как осуществляется управление миграцией на внутренних границах Шенгенской зоны, также требует учета трансграничного сотрудничества полиции как средства правоприменения, а также его регулирования на множестве уровней управления.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Сазонова О. А. Реадмиссия как механизм передачи иностранных граждан и лиц без гражданства в запрашиваемое государство // Studia Humanitatis. 2021. № 1.

4. Ястребова А. Ю. Международно-правовой механизм реадмиссии и применение универсальных стандартов прав человека по отношению к иностранным гражданам (с учетом опыта Российской Федерации) // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 2. С. 625–637.

5. Плюгина И. В. Проблемы заключения и реализации соглашений о реадмиссии: международно-правовой аспект // Журнал российского права. 2010. № 4 (160). С. 114–124.

Сивов С. А.[1]**,**
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ольшевская А. В.,***
доцент кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СЛУЖБЫ В ПОЛИЦИИ

На сегодняшний день полиция выступает в качестве неотъемлемого элемента современного демократического государства, функционирование которого невозможно без данного органа.

Полиция, являясь правоохранительным органом, имеет в своем арсенале множество обязанностей, ключевой из которых является охрана и обеспечение безопасности и правопорядка, а также борьба и профилактика преступности. Реформирование органов внутренних дел обусловлено позицией законодателя в отношении повышение престижа и авторитета служба в полиции.

В прошедшем 2021 г. правоохранительными органами было зарегистрировано 2004,4 тыс. преступлений, данный показатель ниже предыдущего года на 1,9 % [5].

Правовое регулирование службы в полиции осуществляется на основе множества нормативных правовых актов, в содержании которых заложен правовой фундамент порядка поступления и прохождения службы, гарантии для сотрудников полиции, заключение и основания расторжения контракта и прочие особенности.

Правовое регулирование службы в органах внутренних дел имеет определенную специфику. Правовая основа, в пределах которой осуществляется регулирование службы в полиции, составляет большой перечень нормативных правовых актов, при этом они также относятся к сотрудникам юстиции и внутренней службы, а также частично и к гражданам, которые осуществляют свою деятельность на основании трудового договора в органах внутренних дел.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» регулирует следующие правоотношения: принципы деятельности; обязанности и права; применение полицией отдельных мер государственного принуждения; применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; правовое положение сотрудника полиции; правовое регулирование службы в полиции; гарантии социальной защиты; финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности; контроль и надзор [1]. Рассматриваемый выше закон был принят в 2011 г. в целях унификации правового регулирования деятельности по-

[1] © Сивов С. А., 2022.

лиции. По истечении 11 лет можно констатировать тот факт, что цель законодателя во многом достигнута, однако правовое регулирование службы в полиции по сей день основано на множестве различных нормативных правовых актов. Так, глава 7 данного закона ссылается на положения Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в отношении регулирования службы в полиции [2].

На сегодняшний день порядок несения и прохождения службы в полиции, а также служебная дисциплина и многие прочие аспекты регулирования службы в полиции осуществляется на основе положений вышеуказанного Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. Так, отдельная глава 3 посвящена правовому положению сотрудника органов внутренних дел, к которому и относится сотрудник полиции в том числе, глава 5 – порядку прохождения службы в органах внутренних дел, глава 7 – служебной дисциплине, глава 9 – гарантии социальной защиты сотрудников органов внутренних дел.

Закон «О службе в органах внутренних дел» устанавливает определенные квалификационные требования к сотрудникам органов внутренних дел. Положение ст. 9 данного закона устанавливает следующие требования: уровень образования, стаж работы, профессиональные знания и навыки, состояние здоровья, которое необходимо применительно к выполнению обязанностей.

В отношении сотрудников органов внутренних дел законодатель устанавливает целый перечень требований, которые обусловлены спецификой возложенных на них задач. Ключевыми из них является профессионализм и законность. Принцип законности является основополагающим: при несении службы сотрудник органов внутренних дел должен обеспечивать соблюдение и защиту прав и свобод граждан, а также юридических лиц. Законодатель устанавливает не только требования в отношении профессионализма, но также и обязывает их поддерживать квалификацию на основе замещаемой ими должности.

Процедура поступления на службу в полиции также регулируется Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации». Положения ст. 20 устанавливают правоотношения между государством и сотрудникам полиции на основе контракта. Такое положение характерно:

– для поступления на службу в полицию по итогам конкурсного отбора;

– зачисления в вуз МВД России по очной форме на основании итогов прохождения вступительных экзаменов;

– назначения на должность в органах внутренних дел;

– восстановления в должности в органах внутренних дел на основе действующего российского законодательства.

Таким образом, конкурсный и внеконкурсный способ поступления на службу в полицию определяется действующим законодательством о службе в органах внутренних дел. Поступление или непоступление на службу в органы внутрен-

них дел определяется на основе прохождение тестов и испытаний кандидата, тесты могут быть психологического и физиологического характера. Такого рода тесты направлены на выявление употребления потенциальным сотрудником психотропных или наркотических веществ, не имея на то назначения врача. На первых этапах реформирования службы в органах внутренних дел была закреплена проверка кандидатов на полиграфе, т. е. на детекторе лжи. На сегодняшний день такая практика не распространена, проверка проводится выборочно [4].

Регулирование порядка прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации регулируется положениями Федерального закона «О полиции» и приказа МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» [3].

Гражданин, при поступлении на службу в правоохранительные органы, становится гарантом выполнения определенных прав и обязанностей, возложенных на него законодателем. Также в отношении кандидата установлены определенного вида гарантии и требования. Совокупность всех вышеуказанных элементов составляет административно-правовой статус сотрудника полиции и регулирует его должностное положение.

Таким образом, законодателем не раз вносились изменения, регулирующие службу в органах внутренних дел. Такая позиция законодателя обусловлена его стремлением к совершенствованию административно-правового статуса сотрудника полиции, повышению авторитета и статуса правоохранительных органов в глазах общества, обеспечению и созданию эффективной системы в рамках противодействия и борьбы с преступностью, унификации международных норм и имплементации их в российское законодательство.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-110165/?ysclid=l7ptzh9ksi86119275.

2. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/?ysclid=l7pu16-bh9i483363400.

3. Приказ МВД от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации».

4. Писарев О. М., Концидалова Н. П. Личностные особенности кандидатов на службу в уголовно-исполнительной системе с выявленным в ходе проверки на полиграфе фактором риска «факты употребления психоактивных и наркотических веществ в немедицинских целях» // Прикладная юридическая психология. 2021. № 2 (55). С. 92–102.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. // URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/.

Юркова О. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Комахин Б. Н.***,
профессор кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МФЦ И ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Одной из основных задач, стоящих перед МФЦ, является увеличение охвата населения России своими услугами и создание условий для того, чтобы житель любой самой отдаленной местности мог легко получить доступ к государственным и муниципальным услугам.

Основным принципом деятельности учреждений МФЦ является принцип «одного окна», когда максимальное количество государственных услуг предоставляется в одном месте, что достигается представительством различных государственных учреждений и ведомств в одном МФЦ.

При этом с точки зрения правовой доктрины неясен правовой статус учреждений МФЦ и их сотрудников, поскольку в правовом поле они занимают место так называемых посредников между государством и обществом. С одной стороны, учреждения МФЦ призваны снизить нагрузку на органы власти, а с другой – они принимают запросы и заявления от граждан и передают их в те же самые государственные органы и ведомства, что и предоставляют данные услуги.

Таким образом, нагрузка на эти органы, по сути, не снижается, однако заявитель и государственный орган не контактируют напрямую, а лишь опосредованно, через МФЦ.

Согласно ст. 33 Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Две эти конституционные нормы создают теоретический базис для возникновения права гражданина на обращение в государственные органы с целью получения информации в виде государственных услуг. Однако далее необходимо было связать информацию, получаемую государственным органом от гражданина, а также информацию, направляемую от государства гражданину по его запросу с правом на обращение. Это было достигнуто с принятием Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан» (далее – ФЗ № 59) [3].

---

[1] © Юркова О. А., 2022.

Согласно ч. 1 ст. 2 ФЗ № 59 было предусмотрено, что граждане получили право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения, включая обращения объединений граждан, в том числе юридических лиц, в государственные органы, органы местного самоуправления и их должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, и их должностным лицам. По сути, это было имплементацией нормы ст. 33 Конституции Российской Федерации в рамках ФЗ № 59. Нормой п. 3 ст. 2 ФЗ № 59 было закреплено право на бесплатное предоставление государственных услуг, если за них не требуется уплата государственной пошлины.

Проблем в организации и в деятельности МФЦ за время существования данных учреждений выявлено достаточно. Прежде всего это проблема поиска места учреждений МФЦ в правовой системе государства, неопределенность правовой природы их статуса и правового статуса их сотрудников. По сути, сейчас МФЦ занимает промежуточное положение между государственными органами и заявителями, которые обращаются с заявлениями о предоставлении им государственных услуг, т. е. реализуют свое право, предусмотренное ст. 33 Конституции Российской Федерации [1].

Однако детальное исследование данной нормы прямо указывает, что граждане имеют право обращаться в государственные органы за предоставлением государственной услуги, но МФЦ не является государственным органом, оно не включено в состав государственных органов, является посреднической структурой.

Кроме того, подобной подменой учреждений и организаций достигается некое искажение и ложная трактовка этой нормы Конституции Российской Федерации. Гражданин, по сути, обращается в МФЦ на основании Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – ФЗ № 210) [4], который дублирует в себе право на обращение в государственный орган из норм ФЗ № 59, однако конституционное право на обращение, предусмотренное ст. 33 Конституции Российской Федерации, является более высшим по своему правовому статусу, и оно наиболее обязательно для государственного органа. Снижение императивности и обязательности такого права достигается государством путем его искусственного перевода в категорию прав, предусмотренных федеральным законом.

Таким образом, вместо наивысшего по своей юридической силе конституционного права на обращение в государственный орган гражданин-заявитель получает «эрзац», его подмену правом на обращение в учреждение МФЦ, которое даже не является государственным органом. Такая девальвация конституционного права на обращение влечет за собой дискредитацию всего соответствующего конституционного института права на обращение, которая хотя и создает определенные удобства в виде межведомственного взаимодействия между различными органами. Однако же допускает и обратную сторону вопроса – обжаловать незаконные и необоснованные решения и действия государственного органа, когда запрос направлялся через МФЦ, представляется достаточно сложным и проблематичным.

Согласно нормам главы 2.1 ФЗ № 210 установлен досудебный порядок обжалования заявителем решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную или муниципальную услугу, а также самого МФЦ. Согласно нормам данной главы обжалование может происходить только в рамках наличия предмета обжалования, к которому относятся:

– нарушение срока регистрации запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги;

– нарушение срока предоставления государственной или муниципальной услуги;

– требование у заявителя документов или информации либо осуществления действий, представление или осуществление которых не предусмотрено нормативными правовыми актами;

– отказ в приеме документов;

– отказ в предоставлении государственной или муниципальной услуги, если основания отказа не предусмотрены федеральными законами;

– требование у заявителя при предоставлении государственной или муниципальной услуги излишних документов или информации, которая не требовалась вначале.

Согласно п. 1 ст. 11.2 ФЗ № 210 жалоба подается в письменной форме на бумажном носителе, в электронной форме в орган, предоставляющий государственную услугу, либо орган, предоставляющий муниципальную услугу, многофункциональный центр, либо в соответствующий орган государственной власти (орган местного самоуправления) публично-правового образования, являющийся учредителем многофункционального центра.

При этом наличие внесудебного порядка обжалования ослабляет возможности и правовые позиции судебного способа и порядка обжалования решений и действий (бездействия) органа государственной или муниципальной власти. Такое обжалование производится по нормам административного судопроизводства, и для него нет никакой необходимости устанавливать наличие или отсутствие предмета обжалования.

Так, согласно ч. 1 ст. 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями (включая решения, действия (бездействие) квалификационной коллегии судей, экзаменационной комиссии), должностного лица, государственного или муниципального служащего (далее – орган, организация, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями), если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности [2].

Таким образом, очевидно, что в случае общего судебного порядка решений и действий (бездействия) государственного органа, его должностного лица

не имеется никакой необходимости для заявителя устанавливать, есть ли ограниченный предмет обжалования.

Основанием для жалобы является то, полагает ли сам заявитель нарушенными свои права и свободы или нет. В рамках ФЗ № 210, конечно же, такой механизм отсутствует. При этом вовлечение посреднической структуры МФЦ в спор между гражданином и государством заведомо и целенаправленно лишает эту процедуру судебного статуса административного спора, поскольку нужно сначала пройти досудебный порядок обжалования. Но затем уже могут пройти все сроки, и заявитель просто не сможет защитить свои права. Очевидно, что данная проблема также прямо связана с правовым статусом МФЦ и его отдельным правовым регулированием по нормам ФЗ № 210, а также различным межведомственным соглашениям с государственными органами.

Таким образом, практика работы МФЦ показала, что имеется целый ряд проблем, которые требуют решения, однако их решение будет означать перевод МФЦ из неопределенного правового статуса либо в статус государственного органа, что означает противоречие всей административной реформе, либо в статус самостоятельной автономной гражданской организации, которая должна извлекать прибыль из своей деятельности, и это также повлечет недостижение изначальных целей создания МФЦ в России.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7pur6okle379445320.

2. Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/?ysclid=l7puuj6nhk501942137.

3. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/?ysclid=l7puvz1egn24877404.

4. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/?ysclid=l7puxe82in810172091.

РАЗДЕЛ II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Братко М. В.[1],
слушатель факультета подготовки
сотрудников для подразделений
экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Михеева М. В.,***
доцент кафедры
экономической безопасности, финансов
и экономического анализа
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат экономических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА

Процесс выявления преступлений в сфере криминального банкротства, в частности преднамеренного, имеет особенности и недостатки, препятствующие привлечению к ответственности злоумышленников. Анализ практической деятельности оперативных сотрудников подразделений ЭБиПК позволил выделить следующие проблемы.

Сложность в доказывании умысла на совершение преступления. Преднамеренное банкротство – преступление, предусмотренное ст. 196 УК РФ, имеет обязательный признак – умышленная форма вины, которая подразумевает, что преступник намеренно доводит хозяйствующий субъект до процедуры банкротства. Но совершение экономически нецелесообразных сделок может быть результатам управленческой некомпетенции руководителя и не содержать в себе корыстного мотива. Умысел, как правило, нацелен на неуплату большого объема налоговых платежей и избавления от обязанности погашения кредиторских задолженностей, а банкротство в данном случае – лишь средство достижения цели. Следовательно, выявить данное преступление можно лишь на основании заявления лица, заинтересованного в непризнании организации или индивидуального предпринимателя банкротом, путем получения косвенно подтверждающей факт совершения преступления оперативной информации посредством наведения справок об объеме задолженностей перед хозяйствующим субъектом или завуалированным опросом сотрудников предприятия или запросом информации в ИФНС России. В качестве косвенного признака может служить информация об образе жизни руководителя коммерческого предприятия, который явно не соответствует характеру его деятельности и вытекающим из этого материальным возможностям [2].

---

[1] © Братко М. В., 2022.

Недостаточность в поступлении оперативно значимой информации и отсутствие возможности с учетом этого осуществлять эффективное документирование противоправных действий субъектов в режиме реального времени [4]. Важным аспектом привлечения к уголовной ответственности нарушителя является заключение эксперта, который проводит финансово-аналитическую экспертизу в рамках уже возбужденного уголовного дела. В данном документе эксперт рассчитывает коэффициенты, характеризующие уровень финансового состояния хозяйствующего субъекта, интерпретирует их с указанием степени корреляционной зависимости. На основе заключения эксперта строится позиция обвинения предполагаемого нарушителя, рассматривается возможность доказывания субъективной стороны преступления (имело ли возможность лицо, управляющее компанией, выстроить хозяйственную деятельность таким образом, чтобы снизить уровень экономической устойчивости фирмы). Однако возникает логичный вопрос: «Как убедить следователя, исходя только из косвенных признаков наличия преступления, что возбуждение уголовного дела необходимо?». Таким образом, получает цикличность проблемы: следователю необходимы веские основания для начала уголовного производства, а самые достоверные данные о финансовом состоянии хозяйствующего субъекта может дать лишь финансово-аналитическая экспертиза, назначаемая, как правило, в рамках возбужденного уголовного дела.

Некомпетентность следователей. Данная проблема довольно субъективна, но имеет место быть: сотрудники подразделений экономической безопасности, как правило, имеют высшее экономическое образование в независимости от вида высшего учебного заведения (гражданское или ведомственное), следовательно, разбираются в вопросах наличия признаков, которые могут свидетельствовать о факте преднамеренного банкротства, органы предварительного расследования – следователи в данном случае – получают высшее юридическое образование. В системе образования МВД России существует дифференциация учебных групп и специально для расследования экономических преступлений формируется одна учебная группа на учебный курс, которая изучает основы экономики и бухгалтерского учета. Но этого количества будущих сотрудников, понимающих экономические взаимосвязи, недостаточно. Следовательно, в большей мере на должности следователей экономической направленности назначаются сотрудники, получившие образование в области юриспруденции, что само по себе не совсем корректно.

Аффилированность арбитражных управляющих. Нередко руководители юридических лиц, которые заявляют о намерении начать процедуру банкротства, ходатайствуют о назначении конкретного арбитражного управляющего, заинтересованного в признании неплатежеспособности хозяйствующего субъекта. Как правило, такой арбитражный управляющий не преследует цель финансового оздоровления компании, а наоборот, использует весь вверенный ему законом инструментарий для придания легитимности своим действиям, удовлетворяя «пожелания» руководителя юридического лица. Таким образом, активы предприятия распродаются по заниженной себестоимости (дочерним компаниям и т. п.),

а требования контрагентов исполняются в меньшей мере, если это вообще происходит, так как первоочередными кредиторами выступают государство (обязательные платежи в бюджеты различных уровней) и финансово-кредитные учреждения [3].

Некомпетентность конкурсных управляющих. Статья 20 ФЗ № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» определяет требования к арбитражным управляющим, основными из которых является необходимость вступления в саморегулируемую организацию, а также ежегодное внесение страховых взносов в размере 30 000 руб. и разового вступительного взноса в размере 200 000 руб.), однако, данный Федеральный закон не содержит норм, позволяющих оценить обоснованность принимаемых решений и результативность деятельности [1].

Арбитражные управляющие, которые зафиксировали нарушения законодательства в деятельности хозяйствующего субъекта, не направляют информацию в правоохранительные органы, детерминируя это обстоятельство тем, что основная цель – это удовлетворение требований кредиторов, которые голосуют против обращения в органы внутренних дел ввиду возможности усмотрения в действиях подконтрольной арбитражному управляющему фирмы незаконных действий с ее последующим привлечением к уголовной ответственности [5]. В таком случае обязательства перед кредиторами не будут исполнены.

Вышеуказанные аспекты бесспорно оказывают негативное воздействие на выявление преднамеренного банкротства подразделениями ЭБиПК.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/185181/.

2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15 августа 2003 г. № 74 «Об отдельных особенностях рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/12132294/.

3. Братко М. В., Лошаков А. С. Актуальные направления деятельности органов внутренних дел по диагностике и выявлению признаков преднамеренного банкротства предприятия // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник. М., 2021. С. 280–285.

4. Демьяненко М. С. Финансовые аспекты предупреждения банкротства // Аллея науки. 2017. № 8.

5. Кучерова А. А. Банкротство предприятия. Признаки, причины, последствия и проблемы // Бенефициар. 2018. № 21. С. 46–48.

Веселкина С. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Бобошко Н. М.****,*
профессор кафедры
экономической безопасности, финансов
и экономического анализа
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, профессор

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Налоги – важнейших источник формирования государственного бюджета России, в связи с чем возможность финансирования основных направлений деятельности государства напрямую зависит от объема налоговых поступлений. Согласно официальным данным на сайте Счетной палаты Российской Федерации по результатам на конец 2021 г. налоговые доходы составили 19 112,15 млрд руб. (75,58 от общего объема доходов бюджета (25 286,5 млрд руб.) [3]. В сравнении с 2020 г. данный показатель увеличился на 3 % (бюджет 2020 г.: 18 722,2 млрд руб. – налоговые доходы: 13 576,1 млрд руб.).

Отметим, что, несмотря на нестабильную экономическую обстановку, выразившуюся в финансовых потерях, связанных с распространением вируса Covid-19 (по разным подсчетам материальный ущерб для бюджета страны составил от 7 до 18 трлн руб. и от 8 до 12 % ВВП за два квартала 2020 г.) и введенными санкциями в отношении России со стороны стран ЕС, фактические показатели доходов бюджета за 2021 г. превышают плановые на 34,8 %. Из них налоговые доходы превысили прогнозируемые показатели на 28,5 %. Например, сумма поступлений по НДС на товары (работы и услуги) превысила плановый показатель на 1 629,69 млрд руб.

Структура налоговых доходов на протяжении трех последних лет существенно не менялась. Стабильно высокими остаются доли поступлений НДС, налога на прибыль и налог на добычу полезных ископаемых (рис. 1).

[1] © Веселкина С. А., 2022.

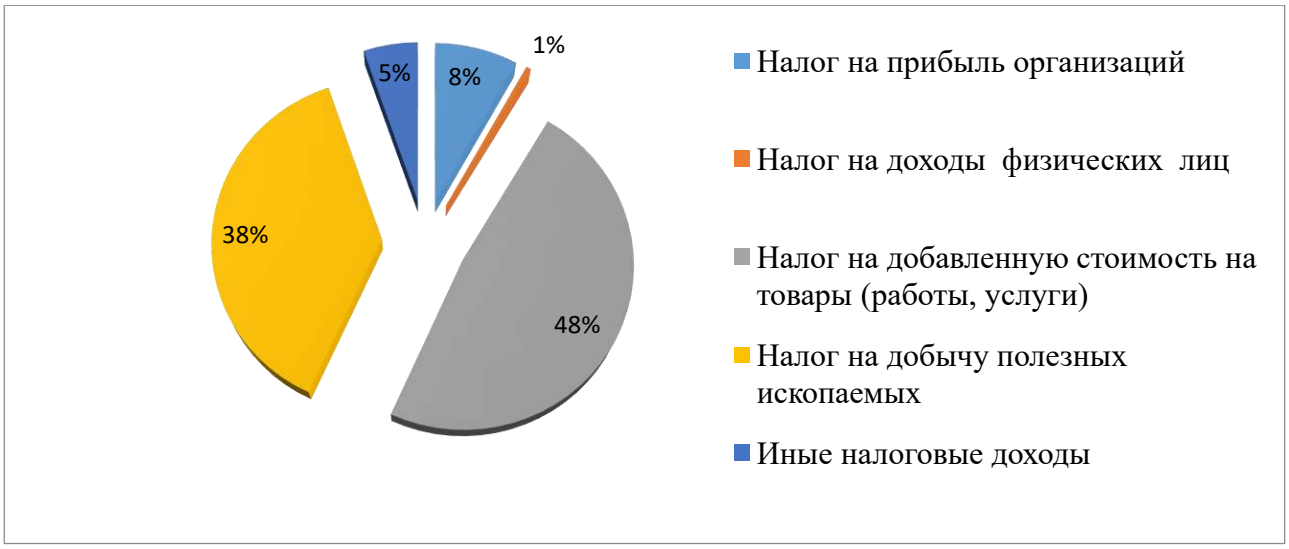


Рис. 1. Структура налоговых доходов бюджета России за 2021 г.

Наряду с ростом зависимости бюджета страны от налоговых поступлений, отмечается и негативные изменения в области нарушения законодательства. По словам зампредседателя Следственного комитета генерал-полковника юстиции Елены Леоненко ущерб от налоговых преступлений за последние десять лет (2011–2020 гг.) составил 450 млрд руб., при этом вернуть в бюджет получилось только 208 млрд руб. (46,2 %). Представим официальные данные по величине материального ущерба от налоговых преступлений за последние четыре года [2] (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о материальном ущербе от преступлений за 2018–2021 гг., млн руб.

Год	Всего	Экономической направленности (в т. ч. налоговые)	Налоговые	Удельный вес гр. 4 в гр. 3,%
2018	563 079,02	403 811,65	94 922,38	23,5
2019	627 697,44	447 186,1	85 242,71	19,1
2020	512 835,43	339 475,25	82 488,58	24,3
2021	834 470	641 926,27	84 915,54	13,2

На протяжении всех 4 лет ущерб от налоговых преступлений колебался в районе 85 млрд руб., при этом его удельный вес в разрезе экономических преступлений уменьшился в 2021 г. на 11 %. Необходимо учитывать, что статистика приведена только по раскрытым налоговым преступлениям, т. е. к этому значению прибавится вред от налоговых и административных правонарушений, а также от невыявленных противоправных деяний. В совокупности все это наносит колоссальный ущерб бюджету страны, что создает серьезную угрозу экономической безопасности Российской Федерации [1].

Для оценки деятельности правоохранительных органов обратимся к официальным статистическим данным по раскрываемости налоговых преступлений за 2019–2020 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о налоговых преступлениях выявленных подразделениями ЭБиПК за 2021–2020 гг.

Налоговые преступления		Выявлено преступлений в отчетном периоде, ед.			в том числе по ним возбуждено уголовных дел	в том числе в крупном или особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб		
		2021	2020	Темпы прироста, %		2021	2020	Темпы прироста,%
	ВСЕГО	3 884	3 519	**10,4**	3460	2 282	2 126,0	**7,3**
из них	уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физ. лица (ст. 198)	192	254	**–24,4**	170	192	254,0	**–24,4**
	уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199)	1 113	956	**16,4**	1040	1 106	941,0	**17,5**
	неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1)	18	18	**0,0**	15	18	18,0	**0,0**
	сокрытие ден. ср-в либо им-ва организации или ИП, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199.2)	561	561	**0,0**	547	559	557,0	**0,4**

Из данных таблицы 2 мы видим, что каждое второе налоговое преступление совершено в крупном или особо крупном размере, а по ст.ст. 199, 199.1 и 199.2 данный показатель достигает 100 %. О росте эффективности деятельности правоохранительных органов в налоговой сфере свидетельствует увеличение удельного веса возбужденных уголовных дел в разрезе выявленных в 2021 г. – 89,1 %, в 2020 – 64,85 %.

В заключение отметим, что налоговая сфера одна из самых модернизируемых в современном обществе: это и введение новых налоговых обязательств, изменение ставок, корректировки налоговых льгот в рамках поддержки граждан в тяжелой экономической обстановке, в связи с чем необходимо не только выстроить отлаженную систему государственного контроля налоговых отношений, но и систематически проводить анализ и вносить корректировки в связи с изменяющимися условиями «среды применения».

Список литературы

1. Бобошко Н. М. Анализ отдельных аспектов организационно-правовых проблем расследования преступлений правоохранительными органами в налоговой сфере // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 3. С. 11–16.

2. Официальный сайт МВД России // Статистика и аналитика. URL: https://мвд.рф/reports/item/19655871/.

3. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: https://ach.gov.ru.

Кузнецова В. А.[1]*,*
слушатель факультета подготовки
сотрудников для подразделений
экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Агапова Т. Н.****,*
профессор кафедры
экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Продовольственная безопасность государства, которая представляет собой ситуацию, при которой экономика страны способна обеспечивать продовольствием абсолютно все свое население в необходимом для нормальной жизнедеятельности количестве и обеспечивается продовольственная независимость страны от других экономически развитых государств, находится в сильной зависимости от экономической безопасность более мелких звеньев, а именно предприятий агропромышленного комплекса. Агропромышленный комплекс (далее – АПК), который выступает основой продовольственной безопасности страны и является обширной системой, состоящей сразу из нескольких отраслей экономики, таких как сельское хозяйство, промышленность и других промежуточных отраслей, является еще и системой экономических отношений, привлекающей большой оборот денежных средств, выделяемых из федерального или регионального бюджетов на свое развитие, поэтому он и создает повышенный интерес со стороны преступных структур. Наличие в экономических отношениях в сфере АПК преступных форм наносит серьезный ущерб экономике государства и добросовестным предпринимателям, подрывая продовольственную безопасность России.

По мнению ученых, экономические преступления являются самыми интеллектуальными, мощными и распространенными, в то же время они самые скрытые и организованные. Наиболее распространенными экономическими преступлениями в исследуемой сфере являются различные формы мошенничества и нецелевое расходование бюджетных средств. Такие преступления причиняют вред экономике государства, ее агропромышленному сектору, предпринимательской деятельности, а также экономическим интересам конкретных групп граждан.

Современное состояние криминогенной ситуации в АПК в России имеет как схожие, так и особенные характерные черты, которые отличают ее от других

[1] © Кузнецова В. А., 2022.

сфер экономических отношений. Такие особенности связаны со спецификой социально-экономических процессов, происходящих в исследуемой отрасли. Учет, изучение и анализ всех факторов, порождающих экономическую преступность в сфере АПК, имеет весомое значение для предупреждения и пресечения преступности в данной сфере. Поэтому сотрудники ОВД РФ во всех подразделениях должны осуществлять аналитическую работу с целью выявления причинных связей, закономерностей и тенденций в преступной среде и перевода своей деятельности на более высокий уровень.

Правоохранительным органам следует активно совершенствовать методы борьбы с общественно опасными деяниями в исследуемой области, так как на сегодняшний день в деятельности ОВД РФ по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности в АПК имеется множество пробелов, которые необходимо ликвидировать в ближайшем будущем, чтобы спасти наше государство от продовольственного кризиса. К основным из таких пробелов в организации деятельности ОВД РФ по противодействию криминализации АПК, которые автору удалось выделить в ходе написания данной статьи, можно отнести проблемы, представленные на рисунке ниже.

Из рис. 1 можно выделить следующие проблемные стороны. Во-первых, низкий уровень научно-методического обеспечения данной деятельности. Такой вывод можно сделать, проведя анализ научной деятельности, которая касается проблемных вопросов нормативно-правового регулирования и организационных основ деятельности сотрудников подразделений ЭБиПК МВД России, ведущих борьбу с преступлениями в АПК. Такой анализ показывает, что современных научных исследований по данной тематике проводится крайне мало и проблемные вопросы не находят своего решения в научных трудах.

Кроме того, отсутствует даже научное определение понятия «организация деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России по противодействию преступлениям в АПК», что, в свою очередь, тормозит функционирование аппарата управления по выработки оптимальных управленческих решений и контролю за их надлежащим исполнением. Справится с данной проблемой можно путем повышения уровня научной деятельности по решению вопросов противоречия нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность ОВД РФ в рассматриваемой области, и увеличения количества научных исследований, связанный с организационными моментами деятельности сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

Во-вторых, слабый уровень совершенствования правовых и организационных основ деятельности ОВД России, противодействующих преступлениям в АПК. В условиях быстро меняющейся политической ситуации как внутри страны, так и во всем мире, и, как следствие, постоянного изменения государственного законодательства, правовое регулирование деятельности правоохранительных органов требует такого же постоянного совершенствования для более эффективной ее организации [1]. Повышение уровня и скорости обновления нор-

мативно-правовой базы, регламентирующей деятельность ОВД РФ с целью повышения эффективности их функционирования, а также совершенствование нормативно-правовой базы в сторону ужесточения ответственности должностных лиц сельскохозяйственной сферы экономики за незаконную выдачу субсидий будет являться серьезным шагом по улучшению антикоррупционного законодательства.

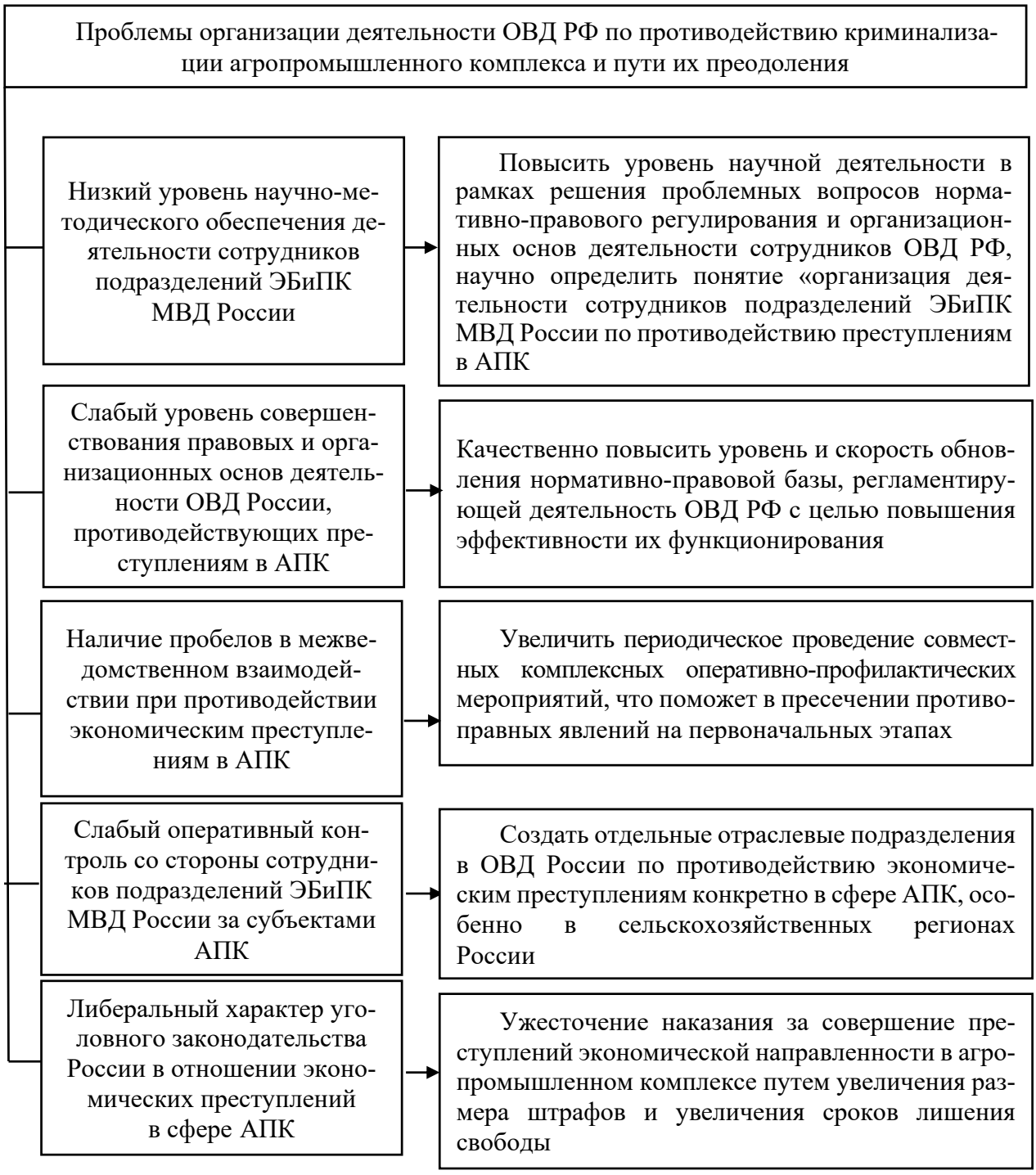


Рис. 1. Проблемы организации деятельности ОВД РФ по декриминализации АПК и пути их преодоления

В-третьих, наличие пробелов во взаимодействии ведомственных структур, связанных с функционированием и развитием агропромышленной сферы экономики, а также структур, занимающихся противодействием преступлениям в данной сфере, а именно между ОВД России (в лице подразделений ЭБиПК МВД России) и Министерствами сельского хозяйства субъектов России. Преодолеть данный пробел можно путем создания комплекса правовых мер, целью которого станет улучшение взаимодействия ведомственных структур, чья деятельность связана с противодействием криминализации АПК, который будет включать в себя издание нормативных правовых актов, содержащих цели, задачи и направления организации сотрудничества правоохранительных структур, федеральных органов государственной власти, органов местного самоуправления и Министерства сельского хозяйства России и субъектов Российской Федерации по декриминализации АПК, разграничение функций данных субъектов сотрудничества, в том числе в рамках проведения комплексных оперативно-профилактических мероприятий по вопросам противодействия преступным деяниям в сфере АПК, организацию быстрого обмена оперативной информацией и создание единой информационной базы. Значимость совершенствования процесса взаимодействия при противодействии экономическим преступлениям в АПК данных ведомственных структур обусловлена возможностью более качественного, эффективного и своевременного предупреждения общественно опасных деяний в АПК, что играет важную роль в минимизации количества преступлений, совершаемых в исследуемой сфере [3].

В-четвертых, слабый оперативный контроль со стороны сотрудников подразделений ЭБиПК МВД России за субъектами АПК. Хочется отметить, что за последние годы в ОВД РФ произошли некоторые реформирования, которые не лучшем образом отразились на осуществляемой ими деятельности. Такой вывод можно сделать, во-первых, потому что в значительной степени сократилась штатная численность сотрудников подразделений ЭБиПК МВД России, причем во всех регионах нашего государства; во-вторых, такое реформирование стало причиной перераспределения функциональных обязанностей сотрудников рассматриваемого подразделения и утраты уже хорошо выработанных у них навыков и связей. На сегодняшний день действующие подразделения ЭБиПК МВД России не способны в полной мере противостоять преступности. Это связано с тем, что они пытаются противодействовать экономическим преступлениям в целом, а не отдельным ее составным элементам. Таким образом, преодолеть данную проблему в организации работы ОВД России можно путем создания отдельных отраслевых подразделений по противодействию экономическим преступлениям конкретно в сфере АПК. Особенно важно уделить внимание созданию подобных отраслевых подразделений ОВД России в регионах нашего государства с хорошо развитой агропромышленной сферой экономики, так как на их территории осуществляется больше всего подобных преступных форм.

В-пятых, либеральный характер уголовного законодательства России за экономические преступления любого рода. Уголовная ответственность за экономические преступления в сфере АПК имеет либеральный характер и стимулирует

злоумышленников совершать преступные деяния и снижает уровень их правовой дисциплины. Преодолеть данные пробелы в уголовном законодательстве Российской Федерации возможно благодаря ужесточению санкционных мер по отношению к виновникам в преступлениях экономической направленности в агропромышленном комплексе путем увеличения размеров штрафов и увеличения сроков лишения свободы.

Таким образом, реализация предложенных методов совершенствования деятельности ОВД РФ по противодействию экономическим преступлениям в АПК, будет способствовать уменьшению рисков в области экономической безопасности агропромышленного комплекса, повысит уровень продовольственной независимости государства и тем самым снизит уровень криминализации данной экономической сферы.

Список литературы

1. Колесникова Е. Н., Трушина Н. Н. Проблемы выявления и документирования мошеннических действий в агропромышленном комплексе // Вестник Удмуртского университета. 2019. С. 861–867.

2. Кубанов О. С. Организационно-правовое обеспечение деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России при предупреждении преступлений в сфере агропромышленного комплекса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 91. С. 53–62.

3. Светлаков А. Г., Воронин Б. А., Воронина Я. В. Совершенствование системы декриминализации сферы АПК региона // Аграрный вестник Урала. 2018. № 179. С. 74–81.

Кушхова А. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Купрещенко Н. П.***,
профессор кафедры
экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук

ОПЫТ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На сегодняшний день практика государств в отношении миграционной политики постоянно меняется. Это обусловлено происходящими глобальными политическими и социальными процессами, динамика которых ускоряется на фоне общемировых событий. В целом, за последние 50 лет произошло увеличение численности международных мигрантов в 3,2 раза (с 2,3 % до 3,5 % чел. от населения мира) [3, с. 25–26]. Однако динамика миграционных потоков постоянно меняется. Так, с началом пандемии COVID-19 интенсивность миграционных потоков (внутренняя и внешняя миграция) снизилась на фоне разрыва межгосударственных связей [5, с. 3]. В связи с этим государствами предпринимались различные ограничительные меры по сокращению миграционных потоков – как в отношении трудовых и иных категорий мигрантов, так и в отношении беженцев, вынужденных покидать места постоянного проживания.

Происходящие социально-политические события способствуют некоторому смешению потоков беженцев и мигрантов – легальных и нелегальных, «желательных» и «нежелательных» для стран-реципиентов, критерии оценки и отбора которых должны различаться. Так, на фоне росийско-украинского кризиса и возникшего кризиса украинских беженцев массовый поток прибывающих в европейские страны вынуждает в оперативном порядке пересматривать политику приема иностранных граждан [4].

Таким образом, можно видеть, что миграционная политика государств остается достаточно адаптивной, вынужденной приспосабливаться к меняющимся условиям. Целью настоящей же статьи является анализ общих подходов различных стран к организации миграционной политики как в периоды кризиса, так и в целом, в относительно стабильные периоды, для выявления возможных для применения в российской практике инструментов, методов и подходов.

---

[1] © Кушхова А. А., 2022.

Сразу же необходимо отметить, что зарубежный опыт, безусловно, не может быть абсолютно применим к российским реалиям – не только по причине социокультурных и политических особенностей стран, но и вследствие неэффективности многих решений, принимаемых иностранными государствами, в отношении регуляции миграционных потоков.

Так, миграционный кризис в Европе 2015 г., в ходе которого государства ЕС столкнулись с многократным притоком беженцев из стран Ближнего Востока и из Африки, в том числе стал проявлением неэффективности европейских организационных структур и институтов, регулирующих миграционные потоки, сигнификатором неработающей политики «управляемой миграции» [2, с. 11]. Что касается стран СНГ, здесь также существуют множество «пробелов» в области государственной миграционной политики. Например, в Армении отсутствуют как таковые четкие институциональные критерии распределения обязанностей по решению вопросов миграции, помимо активной поддержки института диаспоры как инструмента влияния на внутреннюю и внешнюю миграционную политику. Украина также не считает миграционные вопросы приоритетными, фокусируясь в основном на обеспечении поддержки иммиграционных процессов, при этом государство – один из лидеров по числу граждан, работающих за рубежом, до сих пор не имеет консолидированной и эффективной политики поддержки трудовых мигрантов. В Азербайджане основные правовые и организационные механизмы сосредоточены на борьбе с нелегальной миграцией и регулировании иммиграционных потоков. Также недостаточно внимания уделяется поддержке и регулированию трудовой миграции [1, с. 18–19].

Таким образом, государственная политика Российской Федерации в сфере регуляции миграционных потоков должна тщательно анализировать любой опыт иностранных государств, как применяя продуктивные инструменты регуляции, так и учитывая недостатки иностранного опыта.

Ключевой аспект, на который стоит обратить внимание при анализе иностранного опыта – ориентация миграционной политики на привлечение высококвалифицированных мигрантов, ориентируясь на потребности внутреннего трудового рынка, что позволяет:

– сократить долю безработных мигрантов в общем количестве приезжих;

– обеспечить направленность миграционных потоков на реализацию внутренних интересов и задач государства и регионов;

– сократить потоки незаконной и нелегальной миграции;

– снизить риски для экономической и общей безопасности общества и государства в целом.

В данном контексте интересен опыт развитых стран – прежде всего Германии и США, до недавнего времени вполне успешно проводивших политику регуляции миграционных потоков.

В первую очередь, на наш взгляд, применим может быть опыт ФРГ, миграционная политика которой, вследствие старения населения и демографических процессов, ориентирована на привлечение высококвалифицированных мигрантов, в связи с чем еще в 2000-х гг. введена система «Грин кард», направленная

на привлечение специалистов в сфере информационных технологий. Критерии въезда и пребывания на территории государства носят «поэтапный» характер, который обеспечивает достижение определенных критериев, характеризующих ценность специалиста для общества, работодателя, государства в целом.

Важным направлением миграционной политики Германии является организация внутренних интеграционных курсов для приезжих по общественно-правовым, языковым вопросам. Таким образом обеспечивается мотивация для мигрантов для того, чтобы влиться, интегрироваться в общество, выполняя предписанные законом правила и достигая частных задач качественного обустройства жизни в новой стране [7, с. 140–144].

Для обеспечения эффективности данных механизмов должны быть выделены достаточные административные ресурсы, обеспечены законные каналы перемещения и средства их эффективного контроля.

Миграционная политика США, некогда наиболее популярного региона для переселенцев, также в последнее время ужесточается, фокусируясь на привлечении специалистов более высокого класса в тех или иных отраслях, способных оперативно адаптироваться в местном обществе, обеспечивая свой вклад в экономическое развитие регионов.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в российской практике применима модель дифференцированного отбора, модель которой, например, успешно реализована в Канаде и Великобритании (системы EES и PBS). Причем, опираясь на опыт этих стран, можно сказать, что одним из важных свойств такой системы должна стать ее быстрая адаптируемость с учетом меняющихся условий социально-экономических и политических условий.

Единственной «поправкой» для применения перечисленных направлений в российской практике должна стать адаптация системы под потребности динамично развивающейся цифровой экономики. В этих условиях миграционная политика должна в качестве основного инструмента задействовать цифровые инструменты регуляции, контроля и организации на всех уровнях реализации государственной политики. В первую очередь в определении приоритетности въезжающих на территорию страны: должна быть внедрена интегрированная оценка мигранта с определением приоритетности въезда на основе ряда ключевых критериев отбора [6, с. 7].

Таким образом, современный институт регулирования миграционных процессов может и должен перенимать успешный иностранный опыт, а также принимать во внимание недоработки и ошибки, допущенные другими государствами в данной области. Базисом для внедрения нововведений должны стать развитые современные информационные системы, работающие на основе big data, искусственного интеллекта, видеоаналитики и других цифровыхе решений и инструментов, способных кардинально улучшить качество реализации миграционной политики, переведя ее в новую плоскость с учетом актуальных тенденций.

Список литературы

1. Андерсон К., Барбоне Л. Международный опыт в сфере защиты прав трудовых мигрантов и его применение в Кыргызстане // Open society foundations.

2. Гасанов Р. М. Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения // Актуальные проблемы современных международных отношений. М., 2016. С. 11–22.

3. Доклад о миграции в мире // Международная организация по миграции.

4. Матюхова Е. И. Общеевропейская миграционная политика: новый поворот? // ИМЭМО РАН. URL: https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/obshteevropeyskaya-migratsionnaya-politika-noviy-povorot.

5. Полетаев Д., Коробков А. Международная миграция в эпоху пандемии: разрыв связей, денежные переводы и мигрантофобия // Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай».

6. Савина Н. В., Пипия Ю. С. Перспективы применения зарубежного опыта при решении проблем трудовой миграции в современной России // Сибирская финансовая школа. 2020.

7. Тарасенко Е. Н. Зарубежный опыт государственного регулирования миграционных процессов // International Journal of Advanced Studies. Т. 8. № 1. 2018. С. 129–156.

8. Цапенко И. П. Миграционная политика США в отношении государств североамериканского континента // Вестник МГИМО-Университета. 2021.

Мамедова Г. Р.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Рузакова О. А.***,
профессор кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ОТПУСКА ПО УХОДУ ЗА РЕБЕНКОМ ДО ДОСТИЖЕНИЯ ИМ ВОЗРАСТА ТРЕХ ЛЕТ

На основании ст. 256 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) по заявлению женщины ей предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Однако нередкими бывают ситуации, когда работодатель сталкивается с отсутствием заявления о предоставлении вышеуказанного отпуска.

В этом случае возможны два варианта развития событий: во-первых, женщина может приступить к исполнению своих служебных обязанностей сразу после окончания отпуска по беременности и родам; а во-вторых, может воспользоваться правом уйти в отпуск. Сотрудница может оформить отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет (трех лет), или же оформить ежегодный оплачиваемый отпуск независимо от стажа работы у своего работодателя.

И в первом и во втором случае, для целей исключения трудовых споров, женщине необходимо уведомить работодателя о своих намерениях. Но, учитывая растущую судебную практику по вопросам увольнения сотрудниц, не представивших информацию об уходе в отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет (трех лет) после окончания отпуска по беременности и родам, наблюдается потребность изменения трудового законодательства.

При анализе подборки консультаций горячей линии информационной системы «КонсультантПлюс» одним из вариантов выхода из сложившейся ситуации предлагается увольнение женщины за прогул: «Невыход на работу без уважительных причин фактически является прогулом, за который можно уволить работника» [2]. Но, ст. 261 ТК РФ запрещает увольнение по инициативе работодателя беременных женщин, исключением являются только случаи ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем [1].

Анализ судебной практики показывает, что если работник был уволен работодателем за прогул в период беременности, временной нетрудоспособности или в момент нахождения в отпуске, то такое увольнение будет признано неправо-

---

[1] © Мамедова Г. Р., 2022.

мерным [3]. В качестве примера предлагается к рассмотрению определение Верховного суда Республики Татарстан от 20 сентября 2012 г., где был поднят вопрос восстановления уволенной за прогулы сотрудницы. Как следует из определения, прогулы сотрудницей в установленном порядке не оспаривались, а работодатель считает, что увольнение законно. Сотрудница от дачи объяснений о причинах своего отсутствия на рабочем месте отказалась, в момент увольнения на учете в лечебном учреждении как беременная не состояла, а работодатель о беременности своей сотрудницы уведомлен не был.

В настоящее время положения трудового законодательства запрещают увольнение беременных женщин (при этом не важно, был ли работодатель уведомлен о положении сотрудницы). Следовательно, «то обстоятельство, что истица не поставила работодателя в известность о своей беременности, а также то, было либо не было работодателю известно о состоянии беременности увольняемого работника, правового значения не имеет и не может влиять на соблюдение гарантий, предусмотренных законом для беременных женщин при увольнении» [5], суд принял решение, что увольнение было незаконным.

Существует и противоположная точка зрения, например, можно расценивать как злоупотребление правом тот факт, что сотрудницей был открыт листок нетрудоспособности в момент увольнения. И если подобный факт будет установлен как злоупотребление, то суд может не принять позицию уволенной работницы и отказать в восстановлении на службе.

Возвращаясь к вопросу о предоставлении отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет (трех лет), законодатель позволяет использовать его полностью или по частям не только женщине, но лицам, которые фактически осуществляют уход за ребенком. Конечно, это не случайные люди, а близкие родственники или лицо, которое осуществляет заботу о ребенке, оставшемся без попечения своих родителей – опекун. Таким образом, отсутствие информации для работодателя о намерениях сотрудницы по окончании отпуска по беременности и родам порождает проблемные вопросы и спорные ситуации, так как возможность оформления такого отпуска не является обязанностью сотрудницы и к тому же доступна расширенному кругу лиц.

Апелляционное определение Московского городского суда устанавливает, что предоставление отпуска по уходу за ребенком является предусмотренной законом гарантией, направленной на защиту материнства и детства, и не зависит от воли работодателя [4].

Конечно, именно на работодателя возложена ответственность за предоставление отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, и данные действия находятся вне пределов компетенции сотрудницы. Но отсутствие социальных выплат по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет порождает конфликтные ситуации между работником и работодателем. В случае отсутствия заявления от сотрудницы работодатель также не вправе оформить ей декретный отпуск, так как согласно нормам действующего законодательства только по заявлению работницы ей предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. А без оформления вышеуказанного отпуска не представляется возможным и выплата соответствующих пособий.

Следовательно, материальная сторона данного вопроса побуждает сотрудниц к рациональным действиям с их стороны, но длительность данных процедур порождает сложности со стороны работодателя.

Известно, что оформление вышеуказанного отпуска несет разного рода последствия для работодателя. В то время, когда сотрудница будет находиться в декретном отпуске, за ней сохраняется рабочее место, однако работодатель может нанять на данное место нового временного сотрудника для исполнения служебных обязанностей. В случае же неоформленного сотрудницей отпуска по уходу за ребенком временная должность отсутствует.

Исходя из вышеизложенного, необходима одновременная защита трудовым законодательством и работодателя, и сотрудницы. Внедрение дополнений в ст. 256 ТК РФ об обязательном уведомлении работодателя об оформлении отпуска по уходу за ребенком или к возвращению на службу по окончании отпуска по беременности и родам, а также внесение изменений в ст. 261 ТК РФ в части возложения ответственности на сотрудницу за непредставление вышеуказанных уведомлений, способны снизить число судебных споров, расположить работодателя к приему на работу женщин детородного возраста, а также обеспечить социальные гарантии женщин, сократив число незаконных увольнений.

Решение данной проблемы также можно найти в оформлении отпуска по уходу за ребенком до 1,5 (трех) лет без заявления сотрудницы по окончании дородового больничного листа, в последний день которого работодателю не представлено иной информации.

Однако предоставление пособий по уходу за ребенком необходимо рассматривать с момента подачи сотрудницей дополнительного заявления, во избежание переплат, ведь порядки и сроки выплат пособий определяются нормативными правовыми актами на федеральном уровне.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ «Трудовой кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=l7pylm4n4q957024328.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=189366&dst=100204.

3. Определение Верховного суда Республики Татарстан от 20 сентября 2012 г. по делу № 33-9387/2012 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6pzValB8kioM/?ysclid=l7pynldgjl870312308.

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 12 ноября 2012 г. по делу № 11-6805 // Кадровая служба предприятия. URL: http://daywork.ru/fas2/44257B06005C4ACF44257B01006AA46E.html.

5. Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников : учебное пособие / под ред. Ю. П. Орловского // URL: http://lawlibrary.ru/izdanie2291301.html?ysclid=l7pyrm4zce293345417.

Пантюхина Л. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Чеговадзе Л. А.***,
профессор кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Право сотрудников органов внутренних дел (ОВД) на жилищное обеспечение входит в число основных социальных гарантий, предоставляемых государством такой категории граждан. В основном законе, регулирующем деятельность ОВД, Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», говорится о том, что обеспечение сотрудника ОВД жилым помещением осуществляется за счет средств федерального бюджета и предусматривает несколько возможных путей удовлетворения потребности сотрудника в жилье, а именно: предоставление жилого помещения по договору социального найма либо перечисления ему единой социальной выплаты на приобретение жилья.

Из норм федерального законодательства (от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ; от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ) следует, что субъектами права на предоставление жилого помещения по договору социального найма на общих основаниях в ОВД являются:

– сотрудник ОВД, нуждающийся в жилом помещении и поставленный на соответствующий учет в федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел до вступления в силу действующего Жилищного кодекса, т. е. до 1 марта 2005 г.;

– гражданин Российской Федерации, уволенный со службы в ОВД, нуждающийся в жилом помещении и поставленный на учет в федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел до 1 марта 2005 г.

Наряду с предоставлением жилого помещения по договору социального найма, для решения жилищного вопроса сотрудников ОВД Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ предусмотрено предоставление единой социальной выплаты для приобретения и строительства жилого помещения нуждающимся в жилье сотрудникам. «Сотрудник, имеющий стаж службы в органах внутренних дел не менее 10 лет в календарном исчислении, имеет право на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения один раз за весь период государственной службы, в том числе

[1] © Пантюхина Л. А., 2022.

службы в органах внутренних дел» [1]. Для этого должны быть соблюдены условия постановки на учет на получение выплаты, предусмотренные п. 2 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, которые частично пересекаются с основания постановки на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Так, сотрудник ОВД не должен являться нанимателем жилого помещения по договору социального найма, а если и является таковым, то должен быть обеспечен общей площадью менее 15 квадратных метров на человека, либо проживает в жилье, которое не соответствует требованиям, предъявляемым к жилому помещению (площадь такого помещения при этом не имеет юридического значения), проживает в коммунальной квартире или общежитии независимо от площади такого жилья и ряд других оснований.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение вопроса сохранения права на жилище за сотрудниками, уволенными из ОВД. В Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определен ряд оснований по прекращению службы в ОВД. Увольнение сотрудника может произойти по разным причинам и не всегда связано с инициативой самого сотрудника. Сотрудник может быть уволен из ОВД, а контракт расторгнут в связи с грубым нарушением служебной дисциплины в связи с утратой доверия, нарушением условий контракта сотрудником, несоблюдением сотрудником ограничений и запретов, установленных федеральным законодательством и в соответствии с рядом других оснований. В Федеральном законе от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ до 1 января 2022 г. речь шла только о сотрудниках, уволенных из ОВД с правом на получение пенсии. С 1 января 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В Закон о социальных гарантиях внесено изменение о том, что за гражданами Российской Федерации сохраняется право на получение единой социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения в случаях увольнения со службы по сокращению штата и невозможности предоставить другую должность в ОВД, а также по состоянию здоровья. Полагаем, что целесообразно внести изменения и в ст. 6 Федерального закона № 247-ФЗ «Предоставление жилого помещения жилищного фонда Российского Федерации по договору социального найма» и определить аналогичные нормы в части сотрудников, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Невозможность дальнейшего прохождения службы по независящим от сотрудника обстоятельствам (ухудшение состояния здоровья, сокращение штата) не должна препятствовать реализации права на жилище сотрудниками ОВД.

Общим для субъектов правоотношения по предоставлению жилого помещения по договору социального найма и правоотношения по получению единой социальной выплаты является обязательное наличие правового состояния нуждаемости, подтвержденного документально. Различием с правоотношением на

предоставление жилого помещения по договору социального найма является то, что субъектом в правоотношении по предоставлению единой социальной выплаты может быть только сотрудник ОВД, который имеет выслугу не менее 10 лет. Размер выплаты рассчитывается на каждого члена семьи сотрудника ОВД и исчисляется исходя из нормы предоставления площади жилых помещений, установленных законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ с учетом среднерыночной стоимости 1 квадратного метра, определенного в каждом конкретном регионе, установленного постановлением Правительства Российской Федерации. При выплате денежных средств учитывается еще один показатель – поправочный коэффициент, зависящий от выслуги лет конкретного сотрудника (например, при выслуге от 11 до 12 лет такой коэффициент составляет 1,05, при выслуге лет от 22 до 23 лет – 1,35 и т. д.).

Не вызывает сомнений, что гражданские правоотношения, где объектом выступает не жилое помещение, а его финансовый эквивалент, имеют целью решить жилищные вопросы сотрудников ОВД. Но все-таки истинная цель сотрудника – получить жилое помещение, годное для проживания, обладающее конкретизированными характеристиками: положенный по нормам предоставления метраж помещения, количество комнат, номер квартиры и жилого дома. Жилищное правоотношение – это в первую очередь имущественное правоотношение, конечной целью которого является реализация правоотношения по владению, пользованию, распоряжению жилым помещением. Одновременно это право является и вещным. Жилищное право будет реализовано субъектом только в том случае, когда он приобретет права на объект недвижимости. В рассматриваемых выше правоотношениях по предоставлению единой социальной выплаты объектом является не само жилое помещение, а получение денежной суммы, которая характеризуется некоторой относительностью. На приобретение объекта недвижимости за счет средств единой социальной выплаты будет влиять цена квадратного метра, которая варьируется в зависимости от региона, и ряд других экономических факторов. Вступая в такие правоотношения, субъект может реализовать свое право на жилище опосредовано. Выплаты на приобретение или строительство жилья только способствуют реализации права на предоставление жилого помещения, но не реализуют его.

Таким образом, существует несколько вариантов решения потребности в жилье сотрудника ОВД: предоставление сотруднику жилого помещения по договору социального найма либо перечисление ему единой социальной выплаты. Можно заключить, что только в правоотношении по предоставлению жилого помещения по договору социального найма сотрудник ОВД может непосредственно реализовать свое субъективное гражданское право на жилое помещение.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116988/?ysclid=l7pzcvxbhx905308136

2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/?ysclid=l7pzek5dz175085230.

3. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405469/?ysclid=l7pzg5bgvy558457023.

Петраков Н. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Тумаков А. В.****,*
начальник кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПО ПОВОДУ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

Научная дискуссия о том, является ли «цифровое право» самостоятельным объектом гражданских прав и насколько действующее законодательство, а именно федеральные законы о ЦФА, цифровых правах и краудфандинге, соответствует складывающимся по поводу токенов и криптовалюты гражданским правоотношениям, еще не завершена. Очевидно, что законодательство в данной сфере подлежит доработке. Однако не меньший научный интерес представляет не только объект данных правоотношений, но и их субъектный состав.

Несмотря на кажущуюся схожесть правоотношений по поводу виртуальной валюты с правоотношениями, возникающими при обращении безналичных денежных средств, права и обязанности субъектов едва ли могут быть сопоставлены в виду особенностей объекта.

Представляется разумным выделить следующие разновидности правоотношений, возникающих в связи с оборотом токенов и криптовалют:

– правоотношения, связанные с обладанием цифровым правом (ЦФА, криптовалютой, токенами);

– правоотношения, возникающие в связи оборотом цифровых прав.

В каждом из указанных правоотношений возможны некоторые вариации, в связи с чем субъектный состав в рамках одних и тех же правоотношений, например связанных с оборотом виртуальной валюты, может меняться.

Рассмотрим первую группу правоотношений, возникающих в связи с обладанием цифровыми правами. Поскольку цифровые права осуществляются в рамках информационных систем, то необходимо отметить, что важную роль играют правила информационных систем. Так, необходимо разграничивать информационные системы на централизованные и децентрализованные. Архитектура централизованных информационных систем основана на том, что в ней предусмотрен администрирующий субъект, наделенный правом вносить изменения в информационные реестры. Поскольку одной из составляющей цифрового права является его существование и осуществление в рамках информационной системы, что напрямую связано с размещением администрирующим субъектом

[1] © Петраков Н. А., 2022.

соответствующей информации, то правоотношения по обладанию цифровыми правами в централизованных информационных системах носят относительный характер. Администрирующий информационную систему субъект является или лицом, к которому может быть предъявлено право требования по цифровому праву, или лишь посредником, носящим статус лишь оператора информационной системы. Таким образом, можно выделить как минимум трех субъектов в правоотношениях по обладанию цифровыми правами в централизованных информационных системах: обладатель цифрового права, оператор информационной системы, эмитент цифрового права (может совпадать с оператором информационной системы в одном лице).

Говоря об обладании цифровым правом в рамках децентрализованной информационной системы нельзя сказать однозначно, что данные правоотношения носят исключительно относительный характер и, следовательно, круг субъектов тот же. Поскольку обработка, передача, изменение и хранение информации о наличии цифровых прав происходит децентрализовано с использованием различных алгоритмов верификации (PoW, PoS, PoA и др.), то и перечень субъектов правоотношений, как и сами правоотношения внутри процессов подтверждения подлинности реестра, отличаются друг от друга. В рамках данной статьи ограничимся лишь рассмотрением субъектов правоотношений в алгоритме PoW – алгоритма, используемого при майнинге криптовалюты биткоин.

Ввиду того, что в децентрализованной сети подлинность записей о возникновении, обладании или переходе цифрового права другому лицу подтверждается самими пользователями с помощью криптографических методов, то, очевидно, что в данных правоотношениях оператор информационной системы, исполняющий административно-депозитарные функции, отсутствует. Вместо этого пользователи хранят копии реестра, в котором учитываются цифровые права самостоятельно или через посредников. Единообразие копий реестра обеспечивается информационной системой таким образом, что истиной признается та версия реестра, которую ведут пользователи в количестве 50 % + 1. Таким образом, обладание цифровым правом и его сохранность в децентрализованной сети зависит напрямую от его обладателя. Тот факт, что пользователи подобных информационных систем хранят у себя их резервные копии, говорит о том, что цифровое право становится не только объектом относительных, но и абсолютных правоотношений, поскольку возникает заинтересованность в том, чтобы цифровое право, удостоверенное в копии реестра, могло быть в случае необходимости, например при попытке фальсификации, противопоставлено неограниченному кругу лиц. Однако имеет ли ценность цифровое право, содержащееся в копии реестра, если большинство пользователей не подтверждает его подлинность и, следовательно, наличие права вообще. Этот вопрос следует исследовать дополнительно. При этом можно предположить, что наличие цифрового права в децентрализованных информационных системах зависит как от действий иных участников данной системы, так и от самого пользователя, поскольку случаи потери цифрового права при так называемых хардфорках уже известны, и в данных

процессах следует говорить не столько о потере цифрового права, сколько о его изменении.

Таким образом, в рамках децентрализованных PoW информационных системах в правоотношениях по обладанию цифровым правом участвуют следующие субъекты: обладатель цифрового права, майнеры, иные обладатели цифровых прав, посредники (криптовалютные биржи).

Список литературы

1. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/08b8673b58e230c76f6-1b3a81736d4b2fd9ea3d2/.

2. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 60 (7818).

Суровцева С. В.[1],
старший специалист отделения
централизованного снабжения
ЦСН БДД МВД России

Научный руководитель: ***Дианов Д. В.***,
профессор кафедры
экономической безопасности,
финансов и экономического анализа
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Экономические санкции как фактор дестабилизации национальной экономики требуют выявления возможностей повышения ее устойчивости.

Вообще под экономической безопасностью понимается защищенность экономики от угроз (внешних и внутренних), а также такой порядок функционирования, при котором обеспечивается суверенитет государства, устойчивое развитие, удовлетворение общественных потребностей.

Существует несколько определений импортозамещения, которые в целом сводятся к тому, что импортозамещение – это снижение объемов импорта товаров путем развития локального производства и ограничения ввоза из других стран.

Если рассматривать импортозамещение в качестве одного из экономических механизмов, то в его основе может лежать задача как по вытеснению с рынка иностранных конкурентов, оптимизация структуры национальной экономики, так и реакция на изменение международной политической и экономической ситуации.

Фактически Российская Федерация живет в условиях санкций с 2014 г., когда в состав страны вошли Республика Крым и город федерального значения Севастополь. Вопросы импортозамещения как фактора роста отечественного производства актуальны, во-первых, из-за геополитической напряженности, а во-вторых, из-за пандемии, разрушившей налаженные производственные и кооперационные связи и цепочки поставок. Таким образом, в настоящее время для Российской Федерации импортозамещение – особый тип экономической стратегии.

В качестве позитивного результата импортозамещения можно указать снижение фактора политических рисков в результате снижения импортозависимости, модернизацию отдельных секторов экономики, развитие внутрихозяйственной кооперации. Негативный результат импортозамещения проявляется в дефиците и снижении уровня качества отдельных видов товаров, временная изоляция от прогрессивных технологий, возможна потеря ориентиров научно-технического

[1] © Суровцева С. В., 2022.

прогресса, а также снижение эффективности производства, в том числе и за счет ошибок в организации производства и завышения издержек.

Отдельно можно указать на издержки, связанные с поиском новых контрагентов на отечественном рынке и выстраиванием логистики с учетом новых реалий. С точки зрения финансов необходимо отметить проблему возможного неэффективного использования субсидий.

Одним из направлений реализации импортозамещения является опора на внутренние резервы и поиск источников экономического роста. Это требует активизации механизмов управления потенциалом предприятий в части роста производства и решения задач импортозамещения [1, с. 283–287]. Одной из проблем этого направления является значительная по времени подготовка инженерно-технических и производственных кадров для отечественной промышленности. Особенно это касается наукоемких и высокотехнологичных производств.

Теоретические основы импортозамещения были заложены немецким экономистом Фридрихом Листом в труде «Национальная система политической экономии» [2, с. 95–98]. В своих трудах, посвященных экономическому развитию России и проблемам свободной торговли, на выводы Ф. Листа ссылался Д. И. Менделеев [3, с. 282–284].

Известный экономист Адам Смит считал, что основными мотивами предпринимательства были частная собственность и свободная конкуренция. Поэтому его исследования были направлены против всевозможных монополий и любого вмешательства в экономику. Насколько актуальными становятся положения теории А. Смита в условиях западных санкций, ухода компаний из России? Ведь не всегда лица, принимающие решения, стратегически верно способны оценить последствия перекосов проводимой экономической политики. Так, засилье крупных торговых сетей, сетей общепита типа «Макдоналдс» в случае поддержки антироссийских санкций, если и не приведут к серьезным последствиям, тем не менее в среднесрочной перспективе способны создать ряд проблем, которых можно было избежать, поддерживая обычных предпринимателей. Об этом говорит пример Сербии – государства, которое подверглось беспрецедентным санкциям после разрушения Югославии. Так, в Сербии государство целенаправленно поддерживает именно мелкий бизнес. В стране существует целый ряд проектов, где большой популярностью, в том числе и у молодежи, пользуются программы по выбору профессии в сельской местности, которые связаны с развитием и сохранением традиционных промыслов.

Решение проблем импортозамещения требует консолидации усилий государства и общества. Одним из направлений могло бы стать развитие и общественная поддержка национального бренда «Сделано в России», нацеленные на придание отечественным товарам позитивного образа.

Необходимы значительные усилия в развитие инфраструктуры, это могут быть кластеры, технопарки, транспортно-логистические комплексы и особые экономические зоны. В части финансирования речь должна идти о льготном кре-

дитовании, системе грантов, субсидий и т. д. Должен усилиться акцент на контроль за промежуточными результатами, а нормативные документы следует максимально конкретизировать.

Госдумой разработан пакет законопроектов по защите бизнеса и населения в условиях санкций, направленных на достижение главных текущих целей экономики – увеличение и укрепление импортозамещения, налаживание отечественной промышленности.

Важным законодательным актом об импортозамещении является приказ Министерства финансов Российской Федерации от 4 июня 2018 г. № 126н «Об условиях допуска товаров, происходящих из иностранного государства или групп иностранных государств, для целей осуществления закупок товаров для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Исходя из приказа, участникам, заявки или окончательные предложения которых содержат предложения о поставке товаров в соответствии с приказом Минфина России от 4 июня 2018 г. № 126н только из ЕАЭС и предложения которых соответствуют установленным требованиям, предоставляется преимущество по цене в 15 %, по сравнению с иностранной продукцией. Он распространяется только на конкурентные госзакупки.

Необходимо также рассмотреть положения, регулируемые постановлением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 «О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами».

Данный документ устанавливает приоритет товаров российского происхождения при закупке товаров/работ/услуг, путем проведения конкурса, аукциона и иных способов закупки, кроме закупок у единственного поставщика.

При подаче заявки на участие, которая содержит предложение на поставку товаров российского производства (или работ/услуг, выполняемых российскими лицами), цена контракта, предложенная участником, на момент подведения итогов, снижается на 15 % (при поставке радиоэлектронной продукции российского происхождения – на 30 %). Договор в этом случае заключается по цене, предложенной участником.

Подтвердить происхождение товара можно при помощи его паспорта, а также сведениями из различных реестров товаров российского происхождения (промышленных, радиоэлектронных и других видов товаров).

Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 616 «Об установлении запрета на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства» является логичным шагом в последователь-

ной реализации стратегии импортозамещения и призвано мотивировать производителей на локализацию производства. В то же время, как показывает практика, несмотря на существующие запреты, во многих случаях государственные заказчики обращаются к исключениям для закупки товаров иностранного производства.

Постановление предусматривает ряд исключений, предоставляющих государственным заказчикам пространство для маневра. В частности, указанный запрет не распространяется на закупку промышленных товаров, производство которых не осуществляется в России, а также на закупку одной единицы товара стоимостью не больше 100 тыс. руб.

Согласно постановлению запрет на закупку промышленных товаров иностранного производства не будет применяться при необходимости обеспечить взаимодействие продукции с товарами, уже используемыми заказчиком (в случае их несовместимости с товарами, имеющими другие товарные знаки), и в отдельных случаях закупки запасных частей и расходных материалов к машинам и оборудованию.

Для допуска к закупкам для государственных и муниципальных нужд поставщику необходимо подтвердить, что страной происхождения и производства товара является Россия или страна – член Евразийского экономического союза. Подтверждением страны происхождения товара может выступать соответствующий сертификат и подтверждение включения товаров в реестр промышленной продукции Министерства промышленности и торговли Российской Федерации.

Для некоторых групп товаров предусмотрены дополнительные требования: помимо подтверждения страны производства и происхождения самих товаров, в их производстве обязательно должны быть использованы комплектующие, сырье либо услуги, страной происхождения которых также является Россия либо страна – член Евразийского экономического союза. Например, такие требования предусмотрены при производстве отдельных видов автомобильной продукции, некоторых видов продукции отрасли специального машиностроения, а также компрессорного и холодильного оборудования.

На практике нередко возникают ситуации, когда подтверждение страны происхождения товара не так однозначно, например, для товаров, содержащих комплектующие производства разных стран, либо, когда производственные процессы одного и того же товара распределены между несколькими странами. В таких случаях необходимо прибегать к комплексному анализу, который позволяет установить степень достаточной переработки товара в конкретной стране и влияние иностранных комплектующих на конечную стоимость продукции. Для допуска некоторых групп товаров к участию в государственных закупках постановление устанавливает дополнительное требования, помимо подтверждения производства (происхождения) данных товаров на территории Российской Федерации либо стран – членов ЕАЭС.

Список литературы

1. Кузнецова Е. И. Управление экономической безопасностью хозяйствующего субъекта на основе финансового планирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1.

2. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М. : Европа, 2005.

3. Менделеев Д. И. Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. // URL: http://samoderjavie.ru/mendeleev-tarif?ysclid=l7q3ahl5n264485006.

Терентьев А. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кузнецова Е. И.,***
профессор кафедры
экономической безопасности, финансов
и экономического анализа
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, профессор

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время, в эпоху тотальной цифровизации и неудержимого развития IT-индустрии и в целом компьютерных технологий общество, кроме получения явной выгоды от подобного прогресса, также сталкивается с рядом неизвестных до недавнего времени трудностей.

Цифровые технологии оказали свое влияние на все сферы социальной жизни, включая и экономику. Новые тенденции привели к появлению такого явления, как «Цифровая экономика».

Ряд исследователей, занимающиеся вопросами цифровизации экономики и экономической преступности, склонны понимать под цифровой экономикой хозяйственной деятельности, в которой ключевыми факторами производства являются данные в цифровом виде, что позволяет повысить ее эффективность в отличие традиционных форм хозяйствования [1]. Цифровизация проникла во все отрасли экономики, в том числе и в такую стратегически важную, как система государственных закупок.

Вместе с появлением новой формы хозяйственной деятельности стала активно изменяться и подстраиваться под новые реалии такая разновидность противоправной деятельности, как экономическая преступность.

В эпоху всеобщей цифровизации среди преступлений экономической направленности участились случаи совершения преступлений с использованием компьютерных технологий, что привело к развитию относительно нового вида преступной деятельности – киберпреступности.

В современной правовой практике под данным видом преступности принято понимать ограниченный ряд противоправных действий, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем и сетей и хранящихся в них данных [2].

---

[1] © Терентьев А. В., 2022.

Следует отметить, что новый уровень общественных отношений в IT-сфере дал толчок к появлению нового объекта правонарушений, новых средств и способов совершения правонарушений.

Преступность развивается не меньшими темпами во всех отраслях народного хозяйства, не исключая сферу финансов.

Противодействие ей становится одной из самых актуальных проблем, особенно в контексте экономической безопасности, в том числе и системы государственных закупок, как стратегически важной отрасли экономики.

Учитывая темпы развития телекоммуникационных технологий и глобальных характер цифровизации общества, можно говорить о таком явлении, как экономическая киберперступность.

Прежде всего следует пояснить, чем является киберпреступность, и рассмотреть некоторые присущие только ей черты.

Преступление в сфере цифровых технологий характеризуются рядом особенностей, осложняющими процесс их выявления и нейтрализации, а именно [3]:

1. Высокий уровень латентности. Компьютерные преступники имеют возможность эффективно скрывать следы своей деятельности и долгое время оставаться неустановленными.

2. Высокий процент неосведомленности потерпевших о факте воздействия.

3. Независимость от географических границ. Преступник, потерпевший и объект, например база данных, банковский счет, сервера цифровых торговых площадок, могут быть расположены как в разных субъектах Российской Федерации, так и в разных государствах.

4. Автоматизированность. Совершение преступлений возможно в автоматизированном режиме без непосредственного участия злоумышленников.

5. Интеллектуальный характер деятельности. Как правило злоумышленники являются экспертами в области цифровых технологий и осведомлены о наличии слабых мест в цифровых системах, чем пользуются при совершении преступлений.

6. Необходимость применения нестандартных подходов и специальных технических средств для предотвращения или пресечения преступлений данного вида.

По данным источников, в период с 2013 по 2020 г. в Российской Федерации наблюдался почти двадцатикратный рост киберпреступности [4], что привело к значительному росту убытков в банковском секторе. Так, по данным Центробанка, в конце 2020 – начале 2021 гг. злоумышленниками было выведено из оборота, другими словами похищено, более 9,77 млрд руб., из которых вернуть удалось только 11,3 % [5].

Несмотря на большой объем ущерба, финансовая сфера как объект киберпреступности стоит не на первом месте.

По данным статистики доля преступлений подобного рода в финансовом секторе составляет не более 10 %. Более привлекательными сферами являются сфера высоких технологий, различные блокчейн-проекты, а также транспортная инфраструктура и государственные учреждения [6].

Несмотря на относительно небольшой процент совершения экономических киберпреступлений в финансовой сфере, на наш взгляд, ей следует уделить особое внимание в контексте обеспечения экономической безопасности системы государственных закупок как небольшой, но стратегически важной отрасли экономики.

Вопросы безопасности финансовой сферы предусмотрены в специальной программе «Цифровая экономика России», принятой Правительством Российской Федерации в 2017 г.

В ней определены два основополагающих направления развития экономической системы, направленные на обеспечение ее безопасности в условиях цифровизации. Это цифровая безопасность и создание инфраструктуры в информационном пространстве.

В программе, рассчитанной до 2024 г., предусмотрено развитие сферы цифровой экономики в стране за счет системного подхода и решения ряда основополагающих задач, а именно [7]:

1. Построение инфраструктура в информационных системах.
2. Обеспечение защищенности информационных систем от несанкционированного доступа и иных негативных воздействий.
3. Совершенствование технологической базы.
4. Формирование у работников финансовой сферы компетенции в отрасли инноваций.
5. Совершенствование законодательной базы.
6. Подготовка научных и профессиональных кадров.

Решение приведенных выше задач носит комплексный характер и чрезвычайно важно для обеспечения безопасности системы государственных закупок, принимая во внимание высокий процент ее цифровизации. Сегодня понятия «экономическая безопасность» и «цифровая (информационная) безопасность» практически тождественны.

Таким образом, можно утверждать, что на сегодняшний день, в эпоху глобальной цифровизации, экономическая преступность также все больше переходит в цифровое пространство, приводя к появлению нового вида преступности – киберпреступность.

При этом, с одной стороны, благодаря техническому прогрессу, имеет место рост активности злоумышленников, прибегающих к высокотехнологичным способам совершения и сокрытия следов преступлений при помощи информационно-телекоммуникационных технологий.

В противовес этому наблюдается совершенствование способов контроля финансовых операций и сделок, увеличение прозрачности взаимодействия граждан с государством и многое другое. Последняя тенденция достаточно важна с точки зрения обеспечения безопасности системы государственных закупок и следование ее возможно только при качественном взаимодействии государственных, правоохранительных органов, общественных и коммерческих организаций.

Список литературы

1. Жиронкин Д. С. Влияние цифровой экономики на киберпреступность // Молодой ученый. 2019. № 30.

3. Агаркова А. А., Синицына В. А. Киберпреступность в современной России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-3. С. 13–16.

4. Бондарь Е. О. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 155–158.

5. Приходько А. А., Керопян Г. Б. Потери банков от киберпреступности // StudNet. 2020. Т. 3. № 12. С. 212–217.

6. Потери россиян от действий кибермошенников достигли почти 10 млрд руб. // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/-11124421.

7. Лобач Д. В., Смирнова Е. А. Состояние кибербезопасности в России на современном этапе цифровой трансформации общества и становление национальной системы противодействия киберугрозам. Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. № 4 (11). С. 23–32.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы „Цифровая экономика Российской Федерации”» // URL: http://government.ru/docs/all/112831/.

Шаповалов Я. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Шаронов С. А.****,*
профессор кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОБЪЕКТОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОБСТВЕННОСТИ (ВЛАДЕНИИ) УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА И ПОДЛЕЖАЩИХ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЕ

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена возросшим уровнем террористической угрозы. Фактически еженедельно в средствах массовой информации появляются сообщения о пресечении террористических актов на различных объектах инфраструктуры [4] и в местах массового пребывания людей [12], во многих случаях представляющих собой объекты гражданских прав. При этом координационные органы по противодействию терроризму подчеркивают значимость выполнения мероприятий по антитеррористической защите (АТЗ) объектов топливно-энергетического комплекса, спорта, образования, отдыха и иных социально значимых территорий [2]. Важность АТЗ определена и проведением специальной военной операции, вследствие чего возрастают угрозы диверсий и терактов, совершаемых по указанию украинских эмиссаров [13].

В соответствии с действующим законодательством мероприятия по АТЗ выполняют собственники и владельцы таких объектов, а требования к их АТЗ устанавливаются Правительством Российской Федерации [10]. Однако вопросы безопасности урегулированы различными нормативными правовыми актами, а единый перечень объектов не определен, что создает проблемы в определении их правового режима, от которого, в свою очередь, во многом зависит объем и содержание мер по АТЗ [14, с. 69–72]. Следовательно, необходима разработка модели правового режима объектов, подлежащих обязательной АТЗ, так как они входят в структуру складывающихся в настоящее время правоотношений по АТЗ – субъекты, содержание (права и обязанности) и объекты.

Следует обратить внимание на то, что в настоящей статье рассматриваются только частноправовые аспекты этих правоотношений. Например, субъектами таких отношений являются физические и юридические лица. Поскольку изучаемые отношения подлежат правовому регулированию при помощи соответствую-

[1] © Шаповалов Я. А., 2022.

щих правовых средств, то необходимо акцентировать внимание на их частноправовой природе, проявляющейся в системе гражданского и трудо-правового регулирования. Наиболее распространенными из них являются: локальный или корпоративный акт, трудовой договор, акты саморегулирования, договоры гражданско-правового характера как индивидуальные регуляторы отношений и др. Динамика фактически складывающихся отношений показывает актуальность перечисленных средств для их легитимации обществом и частноправовой наукой. Это обусловлено тем, что в отличие от органов государственной власти субъекты частного права при выполнении своих обязанностей не могут использовать арсенал публично-правовых средств противодействия террористический угрозе.

Разработка модели правового режима объектов, подлежащих обязательной АТЗ, и является целью настоящей публикации, которую предлагается достичь путем установления их характерных признаков.

Первым элементом модели является законодательное закрепление правового режима таких объектов. Он может регламентироваться как законами, так и подзаконными актами. Так, например, Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [11] содержит общие положения в сфере обеспечения безопасности транспорта и транспортной инфраструктуры, а требования к АТЗ отдельных видов объектов (автомобильного, железнодорожного, воздушного, морского транспорта) и правила их категорирования установлены подзаконными актами – постановлениями Правительства Российской Федерации.

Второй элемент представляет собой такой признак правового статуса, как «собственник» или «владелец» объекта. Так, с частноправовой точки зрения рассматриваются лишь те объекты, собственниками (владельцами) которых являются физические или юридические лица. Публично-правовые образования осуществляют АТЗ принадлежащих им объектов своими силами и средствами.

Третий элемент связан с характеристикой оборотоспособности защищаемого имущества. По аналогии с тем, как в целом цивилистическая конструкция предполагает свободный оборот большинства объектов гражданских прав [1, с. 120], так и отношения по АТЗ в основном возникают по поводу разрешенных в обороте вещей. Ограниченные или изъятые из оборота объекты либо принадлежат государству, либо охраняются публично-правовыми способами и средствами (например, ядерные объекты или предприятия по производству оружия), что делает их рассмотрение в рамках частноправового поля недостаточно обоснованным.

Четвертым элементом выступает существование высокой степени опасности совершения террористического акта на таком объекте. Анализ законодательства позволяет выявить два основополагающих фактора, влияющих на установление обязательных для выполнения требований к АТЗ.

Во-первых, это объекты, эксплуатация которых связана с повышенной опасностью для окружающих. Таковыми, например, являются объекты топливно-энергетического комплекса. Однако их правовой режим многогранен: с одной стороны, он регламентирован специальным законом [9], с другой – переработка

и хранение опасных веществ позволяет отнести их к опасным производствам [8], кроме этого, влияние на безопасность жизнедеятельности или экономику административно-территориальных единиц Российской Федерации предопределяет статус некоторых из них как критически важных объектов [7].

Во-вторых, к объектам, подлежащим обязательной АТЗ, законодатель относит места одновременного скопления граждан. Данный характерный признак является основным при категорировании объектов, используемых физическими и юридическими лицами для осуществления предпринимательской деятельности, а также в культурных, социальных, образовательных и иных общественно полезных целях. Правовой режим объектов спорта, торговли, размещения и иных видов не закреплен в едином законе, а регулируется отдельными подзаконными актами Правительства Российской Федерации, в которых именно показатель количества возможных человеческих жертв взят за основу для установления категорий объектов и, как следствие, перечня необходимых для выполнения физическими и юридическими лицами мероприятий по АТЗ.

Выделение *пятого элемента* исследуемой модели обусловлено необходимостью (обязанностью) выполнения требований к АТЗ объектов. Участники гражданского оборота обеспечивают правовой режим объекта посредством выполнения комплекса мероприятий, в который входят организация процесса АТЗ (в виде принятия локальных актов, устанавливающих внутриобъектовый и пропускной режимы), использование трудо-правовых средств (возложение определенных трудовых функций на работников), инженерно-техническое оснащение (установка систем видеонаблюдения, оповещения, контроля и управления доступом), физическая охрана (заключение договора на оказание охранных услуг), принятие мер производственной безопасности (соблюдение строительных, технических, противоаварийных норм и использование соответствующих средств безопасности).

Шестым элементом выступает признак специального контроля за АТЗ рассматриваемых объектов. Он выражается в двух аспектах. Во-первых, это контроль со стороны уполномоченных органов государственной власти и координационных органов по противодействию терроризму разных уровней. Во-вторых, это лицензирование частных охранных организаций, оказывающих услуги по физической защите объектов, необходимость которого обусловлена такими «конституционно значимыми факторами», как «защита основ конституционного строя» и «обеспечение обороны и безопасности страны» [15, с. 29].

Наличие норм юридической ответственности за невыполнение обязательных требований к АТЗ объектов является *седьмым элементом* исследуемой модели. Так, ст.ст. 9.1, 11.15.1, 20.35, 20.30 КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушение требований обеспечения АТЗ и безопасности различных категорий объектов, а ст. 19.5.1 – за неисполнение решения Национального антитеррористического комитета [3]. Кроме того, за совершение деяния, повлекшего общественно опасное последствие, предусмотрена и уголовная ответственность (ст.ст. 217, 217.1, 238, 263.1 УК РФ) [6]. Так, после массового

убийства на территории Пермского государственного национального исследовательского университета, совершенного в сентябре 2021 г., уголовному преследованию был подвергнут руководитель учебного заведения за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 238 УК РФ) [5].

Подводя итоги публикации, необходимо сделать вывод о том, что правовой режим объектов, находящихся в собственности (владении) физических и юридических лиц и подлежащих обязательной АТЗ, характеризуется семью основными признаками. Эти черты формируют модель искомого правового режима, что привносит новые положения о нем в частноправовую науку, позволяет участникам гражданского оборота определять порядок АТЗ таких объектов в складывающихся отношениях.

Список литературы

1. Актуальные проблемы гражданского права : учебное пособие / под ред. проф. А. Я. Рыженкова. Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2012.

2. В Москве прошло заседание Национального антитеррористического комитета // НАК. URL: http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/v-moskve-proshlo-zasedanie-nacionalnogo-27.html.

3. Федеральный закон «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=-l7q3y00d5p663058185.

4. В Ленинском районе Махачкалы проведена контртеррористическая операция // НАК. URL: http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/nak-v-lenin-skom-rayone-mahachkaly-provedena.html.

5. Руководителям университета раздали следственные задания // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5358912.

6. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=l7q401eqjg696798508.

7. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/?ysclid=l7q417rkb0655790057.

8. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15234/?ysclid-=l7q42c-4l3e918213813.

9. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docment/cons_doc_LAW_117196/?ysclid=l7q43821xk4-33253283. Режим доступа: по расписанию.

10. Федеральный закон от 6 марта 2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/?ysclid=l7q44af1pk693231976.

11. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/.

12. ФСБ России предотвращен теракт в городе Сочи // НАК. URL: http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/fsb/fsb-rossii-predotvrashchen-terakt-v-gorode.html.

13. ФСБ России совместно с МВД России предотвращен теракт в Курске // НАК. URL: http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/fsb/fsb-rossii-sovmestno-s-mvd-rossii.html.

14. Шаронов С. А. Антитеррористическая защищенность опасных производств как условие осуществления предпринимательской деятельности в преддверии Чемпионата мира по футболу 2018 г. // Власть закона. 2018. № 1. С. 61–84.

15. Шаронов С. А. Соотношение лицензирования и саморегулирования охранной деятельности как разновидности предпринимательства // Юрист. 2016. № 8. С. 25–30.

Шутова О. Н.[1],
курсант факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина

Научный руководитель: ***Старосельцева М. М.,***
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент

ВАЖНОСТЬ ИНСТИТУТА ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Современное гражданское законодательство Российской Федерации обладает рядом особенностей в сфере развития данной области права, которая характеризуется переходом к общему правовому режиму земельных отношений. Рассматриваемый нами важный этап совершенствования законодательства ставит вопрос о соотношении и верховенстве права в совместимости нормы. Для конкретной разработки всеобъемлющих законов в области регулирования основой служит право частной собственности на землю (табл. 1).

Таблица 1

Понятие права собственности

В объективном смысле	*В субъективном смысле*
Право субъекта владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащими ему материальными благами по своему усмотрению в пределах закона	Система правовых норм, закрепляющих принадлежность материальных благ определенным субъектам, регулирующих владение, пользование и распоряжение ими, а также защиту правомочий собственника

Земельный участок входит в систему классификаций вещей гражданско-правового оборота. Однако земля может выступать совместно с другой недвижимостью предметом гражданских отношений в области земельного права. Существуют различные показатели и критерии, по которым можно выделить отличия земельного участка от других объектов недвижимого имущества. В юридическом понимании такими объектами выступают сооружения, объекты незавершенного строительства и другие построенные здания. В свою очередь земельный участок обладает уникальными свойствами: ограниченностью, незаменимостью и неразрушимостью [1].

Дуализм правового регулирования имущественных отношений является характерной особенностью института права частной собственности на земельный участок. Данный принцип может определить специфику самого объекта. Это проявляется в том, что, с одной стороны, земельные участки являются объектами

[1] © Шутова О. Н., 2022.

гражданского оборота, а с другой – земля может выступать в качестве природного ресурса и объекта для потребления человеком [2] (рис. 1).



Рис. 1

На протяжении длительного времени совокупность прав собственника дополняется и изменяется в зависимости от степени совершенствования общественных отношений. Данная тенденция хорошо прослеживается на мировом опыте регулирования права частной собственности на земельные участки. Следовательно, можно охарактеризовать такой процесс, как сужение содержания прав частной собственности, что служит следствием введения различных ограничений, отвечающих общественным интересам, которые значительно усилились в XX в. [3].

Следует отметить, что законодательство в сфере публичного права и нормы законов, помимо усмотрения характерных запретов и ограничений в области земельного права, способствуют множеству способов развития института частной собственности на земельные участки. Рассматриваемую тенденцию можно увидеть в установленных преимуществах земельных участков в соответствии с правовым регулированием, так как происходит процесс переоформления их в собственность граждан.

Помимо законодательной обособленности, наиболее отличительными чертами правового института являются единство его содержания и сложность регулирования.

Модернизированное представление о системе института частной собственности на землю формируется благодаря отсутствию структурной целостности и объема составляющих норм, следовательно, множество важных проблем остаются нерешенными. Поэтому возникает вопрос о действии такого термина, как «право частной собственности на землю», потому что в соответствии с современным законодательством данное конституционное понятие было реформировано в совокупности с имущественными правами граждан и организаций.

Таким образом, законодатель сформировывает новый подход к совокупности прав собственника: содержание и объем полномочий варьируются в зависимости: от формы и предмета.

Гражданское законодательство в области земельного права определяет объекты частной собственности лиц, которые являются собственниками земельного участка и имеют право приобретать данное имущество в соответствии с законодательством Российской Федерации, а не фактическое осуществление права частной собственности на земельный участок. По какой-либо причине это невозможно осуществить.

Кроме того, необходимо разграничивать понятия «субъект права частной собственности на землю» и «собственник земельного участка», а также разделять гражданскую и земельную правоспособность.

С точки зрения правовой герменевтики понятие «собственник земли» в публично-правовом регулировании не раскрывается. В соответствии со ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации «Участники земельных отношений» [4] владельцы земельных участков признаются лицами, владеющими землей, участками.

Упоминая оборотоспособность, в части доходов от продажи земли как объекта гражданского оборота, в качестве основного критерия, предлагается включить статью «Собственники земли, земельного участка» в ГК РФ при этом указав:

1. Граждане, юридические лица, публично-правовые образования (Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования) признаются собственниками земельных участков и земли, которые не были изъяты из оборота.

2. Публичные юридические лица признаются владельцами оборотных земель.

3. Лицо признается собственником земельного участка в порядке, установленном Федеральным законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» [1].

Возможность участия земельного участка в гражданско-правовом регулировании в сфере оборота определяется исходя из его социальной значимости и установленных отношений в рассматриваемой сфере.

Таким образом, объем прав и осуществление полномочий собственником земельного участка в гражданском праве не различаются в зависимости от содержания имущества.

Расширение владения юрисдикцией землевладельца может быть результатом включения полномочий по управлению. В данном случае мы не можем говорить о частной собственности. Земельный участок находит свое отражение в способах господства собственником – лицом или организацией, таких как владение, распоряжение и пользование.

Следовательно, можно сделать вывод, что проблема содержания полномочий собственника земли, объема его прав связана с неоднозначностью в разъяснении того, что нужно воспринимать под предметом института права.

Таким образом, механизм современного правового регулирования вследствие введения запретов на использования отдельных полномочий собственника земельного участка обеспечивается для правового осуществления соблюдения

норм и правил природоохранного комплекса, а также для удовлетворения жизненно важных интересов не только всего общества, но и отдельного лица в частности.

Список литературы

1. Гавва А. А. Институт права частной собственности на земельный участок в современном гражданском праве : монография. Уфа : БАГСУ, 2014.

2. Ерофеев Б. В. Земельное право России : учебник. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014.

3. Мозолин В. П. О дальнейших путях развития гражданского права // URL: http://www.juristlib.ru/book_3071.html.

4. Федеральный закон «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/?ysclid=l7q75cq4th454191411.

5. Федеральный закон «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=l7q775vwi7448664587.

Яковлев И. М.[1],
адъюнкт заочной формы обучения
факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Иванов Д. А.***,
начальник кафедры
предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ЭТАПЕ ПРОВЕРКИ ПО СООБЩЕНИЯМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Преступления в сфере экономической деятельности, как и все преступления в сфере экономики, подрывают стабильность экономики и государства в целом. В результате ущерба экономике страдают все сферы деятельности, начиная аппаратом управления государством и закачивая частным предпринимательством. Согласно открытым источникам ущерб от экономических преступлений в России за 2021 г. составил свыше 641 млрд руб. Если взять в расчет, что расходы федерального бюджета за указанный период составляют 21,52 трлн руб., то путем нехитрых вычислений выясняется, что ущерб от преступных действий составляет 3 % от всего бюджета страны. На первый взгляд, ущерб не столь значительный, однако следует обратить внимание, что эта сумма эквивалента денежным средствам, выделенным на ЖКХ и охрану окружающей среды.

Основная доля экономических преступлений пришлась в 2021 г. на преступления в сфере экономической деятельности и составили значительную часть всех преступлений данной категории (41 %). Большая часть преступлений в рассматриваемой сфере составили сбыт и изготовление поддельных денег и ценных бумаг.

Треть преступлений приходится против различных форм собственности (кража, мошенничество, присвоение или растрата).

Порядка 17,5 % экономических преступлений совершены против органов власти и интересов госслужбы. Речь идет о составах ст.ст. 290–291 УК РФ.

Почти 6 % в статистике заняли налоговые преступления.

Общее количество экономических преступлений выросло на 11,6 % в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. При этом процент латентных преступлений в сфере экономической деятельности в статистике не учитывается и может составлять ущерб даже больший.

Проверка сообщений о преступлениях занимает весьма важную роль для достижения конечного результата в виде направления уголовного дела в порядке

---

[1] © Яковлев И. М., 2022.

ст. 222 УПК РФ для рассмотрения по существу и вынесения решения о виновности лица, совершившего преступление. В соответствии со ст. 144 УПК РФ срок проверки сообщения не может составлять более 30 суток, при этом полномочия следователя, дознавателя, руководителя следственного органа или органа дознания являются исчерпывающими. При проверке сообщений дел общеуголовной направленности этот срок вполне разумный, но при рассмотрении сообщений о преступлениях экономической направленности возникают обстоятельства, не позволяющие уложиться в срок, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством. Причиной этому могут служить различного рода ревизии, экспертизы (в большинстве своем судебно-бухгалтерские), разумный срок которых составляет свыше одного месяца, а также судебные разбирательства в судах общей юрисдикции. Здесь стоит отметить положения ст. 90 УПК РФ, согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки [1]. В настоящее время ввиду невозможности принятия решения в установленный срок сотрудниками органов внутренних дел выносится неправомерное решение. Сотрудник ОВД либо следователь оформляет решение в форме вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии со ст. 24 УПК РФ, что само по себе не может быть правильным, потому как невозможно утверждать в отсутствие события/состава преступления без проведения соответствующих ревизий. Формально это служит поводом для направления надзорным органам представления об устранении причин и условий, повлекших к нарушению уголовно-процессуального законодательства и, как следствие, назначением служебной проверки, что негативно сказывается в мотивации сотрудников в сборе материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Другой негативный момент при проведении проверки – это невозможность получения органом дознания сведений, которые могут быть получены лишь по запросу руководителя следственного органа. Так, территориальными органами ФНС России по мотивированному запросу следователя, руководителя следственного органа представляются в течение семи дней заверенные копии запрашиваемых документов. Кроме того, справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются при наличии согласия руководителя следственного органа – органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве [2]. Вместе с тем ч. 4 ст. 21 УПК РФ затрагивает момент обязательности исполнения требований, поручений и запросов прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, но не указывает срок их исполнения, что также негативно отражается на общем сроке проверки.

В соответствии с ч. 2 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» сотрудник подразделений ОЭБиПК может проводить ОРМ «Наведение справок». Для этого необходимо обратиться в суд для выдачи разрешения на изъятие документов, составляющих банковскую, коммерческую и иную тайну. На первый взгляд все достаточно просто и понятно, однако, если провести аналогию с полномочиями следователя при

расследовании возбужденного уголовного дела, то можно отметить, что следователь вправе не только обратиться в суд с мотивированным ходатайством о проведении обыска или выемки, но так же и в случаях, не терпящих отлагательств, вправе провести обыск на месте или изъять необходимые документы, т. е. провести неотложные следственные действия с целью обеспечения сохранности предметов и объектов, имеющих отношение к совершенному противоправному деянию. Сотрудники оперативных подразделений лишены этой возможности – ведь данные действия приведут к нарушению действующего законодательства, даже если действия направлены на сохранение возможных доказательств и исключают их уничтожение.

Возвращаясь к ФЗ «Об ОРД», а именно к ст. 6, следует отметить, что законодателем не предусмотрен осмотр места происшествия как оперативно-разыскное мероприятие. Хотя формально оперативники и относятся к органу дознания и вправе проводить следственные действия, предусмотренные до возбуждения уголовного дела, но в некоторых подразделениях данная процедура находится под запретом ввиду толкования оперативно-разыскных мероприятий строго в соответствии с данным законодательным актом, где отсутствует возможность проведения ОМП. Вместе с тем стоит отметить доказательственное значение опроса (объяснения). В отличии от допроса объяснение в случае дальнейшего отказа показания не могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его дальнейшем отказе.

В заключение хотелось бы отметить, что при изучении законодательства и действующей практики положение сотрудника органа дознания, в частности оперуполномоченного УЭБиПК, во многом зависит от его возможности взаимодействия с органами следствия, начальником органа дознания и прокуратуры, что может негативно сказаться на результате проверки. Согласно ст. 17 УПК РФ лишь судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, при том что в данной статье отсутствует какое-либо упоминание оперативного сотрудника, которым собиралась основа, послужившая фундаментом в расследуемом уголовном деле.

Список литературы

1. Федеральный закон «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7q80j7ndr965047147.

2. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_5842/?ysclid=l7q82ylzf5462197578.

РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Васькина Ю. Д.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Федотов С. Н.****,*
начальник учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, профессор

КОМПОНЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (СЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

В свете политических, социальных, экономических событий в стране и в мире развитие психологической устойчивости личности является одним из наиболее актуальных вопросов современного общества и прежде всего личного состава органов внутренних дел. Это необходимо прежде всего для возможности сотрудникам ОВД успешно и эффективно выполнять профессиональные задачи, так как от каждого из них зависит общий результат работы подразделения, а следовательно, и Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Служба в ОВД предъявляет особые требования к личности сотрудника, как защитнику правопорядка, как специалиста. В нашем научном исследовании особый интерес представляет категория сотрудников, проходящих службу в следственных подразделениях МВД России. В связи с этим наглядно представим структуру профессиограммы следователя по В. Л. Васильеву [2] (рис. 1).

Вместе с тем мы провели опрос 39 сотрудников следственных подразделений МВД России (по Москве и Московской области) на предмет выявления трудностей в их служебной деятельности и представили результаты в виде «Облака слов» (рис. 2).

[1] © Васькина Ю. Д., 2022.



Рис. 1. Структура профессиограммы следователя

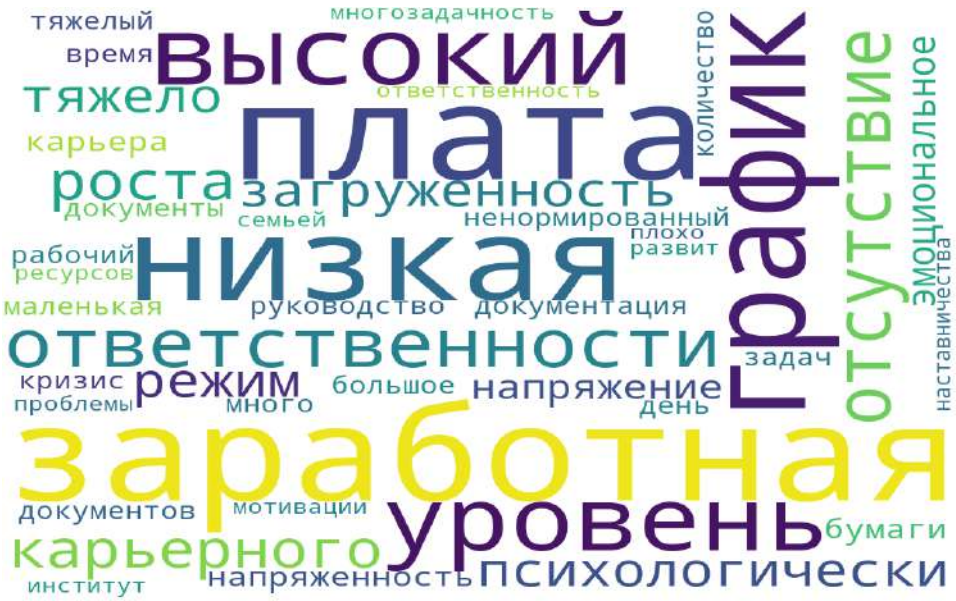


Рис. 2. «Облако слов» (трудности служебной деятельности сотрудников следственных подразделений МВД России)

По результатам опроса наиболее часто встречающимися трудностями служебной деятельности следователей стали: низкая заработная плата, высокий уровень постоянного эмоционального и психологического напряжения, высокий уровень ответственности, многозадачность, большое количество работы с бумагами, отсутствие карьерного роста и многое другое.

В связи с этим мы говорим о том, что для преодоления различных профессиональных трудностей служебной деятельности сотруднику необходимо обладать психологической устойчивостью, высокий уровень сформированности которой позволит сотрудникам ОВД при возникновении стрессовой ситуации самостоятельно обеспечивать психическое и эмоциональное благополучие как самому себе, так и товарищу по службе, гражданину и т. д.

В психологической литературе понятие психологической устойчивости рассматривается как интегральное проявление личности, определенной системы качеств, свойств и состояний в процессе повседневной и профессиональной деятельности. Выделим наиболее известные подходы к определению понятия «психологическая устойчивость» (табл. 1).

Таблица 1

Научные подходы к определению психологической устойчивости личности

Л. И. Божович	«Устойчивость личности – это уровень сформированности личности, на котором человек приобретает способность сохранять в различных условиях свои личностные позиции, обладать определенным иммунитетом по отношению к внешним воздействиям – чуждым ему личностным установкам, взглядам и убеждениям» [3]
Л. М. Аболин	«Эмоциональная устойчивость – системное качество, приобретаемое человеком и проявляющееся у него

	в напряженной деятельности в единстве рациональных, эмоциональных и телесных компонентов» [1]
В. Э. Чудновский	«Устойчивость – свойство целостного организма, она есть активность самоорганизации. Факторами устойчивости являются избирательная деятельность организма, определенная направленность ее мотивационных установок, иерархизация этих установок; устойчивость – следствие усложняющихся связей между организмом и средой» [5]
К. К. Платонов	«Устойчивость личности детерминирована темпераментом, который, в свою очередь, влияет на индивидуальные особенности психических процессов и проявляется относительно независимо от содержания деятельности индивида» [7]

Анализ психологической литературы показывает, что понятие «устойчивость» не имеет единого значения и приобретает различные особенности в зависимости от научной концепции и точки зрения, с которой он анализируется, в частности в контексте «эмоциональной, психической и психологической».

В нашем же исследовании за основу берется именно «психологическая устойчивость», поскольку, по нашему мнению, данное понятие гораздо шире и включает в себя и эмоциональный, и психический аспект.

Под психологической устойчивостью мы понимаем «интегрированную личностную характеристику, позволяющую индивиду выполнять профессиональные задачи в любых условиях жизнедеятельности, что позволяет принимать решения, адекватные жизненной ситуации» [8].

Существует множество различных подходов к исследованию структуры психологической устойчивости личности, среди которых выделим следующие: 1) *психоаналитический подход*, основной сутью которого является установление причинно-следственных взаимосвязей между внутренним переживанием и источником стресса с целью выбора наиболее подходящей стратегии поведения [2]; 2) *бихевиористический подход*, который характеризуется возможностью воздействовать и видоизменять поведение человека в различных ситуациях посредством контроля и подкрепления стимулов, вызывающих определенную реакцию [10]; 3) *экзистенциально-гуманистический подход*, который предполагает значимость развития, самореализации и профессионально-личностного становления индивида, в частности в концепции А. Маслоу личность, удовлетворяя первичные потребности, приспосабливается к возникновению негативных факторов, вместе с тем сохраняет психическое благополучие [6]; 4) *подход гештальт-терапии*, заключающийся в том, что индивид способен приспособиться, повлиять или изменить ситуацию в том случае, если он принимает реальность такую, какова она есть со всем ее многообразием и непредсказуемостью [9].

Путем обобщения теоретического анализа научных подходов к изучению проблемы развития психологической устойчивости, нами были выделены четыре компонента:

1) **эмоционально-волевой**, характеризующийся динамикой проявления эмоций, чувств, а также способностью к их регуляции в различных ситуациях, в том числе в стрессовой;

2) **деятельностно-познавательный**, характеризующийся единством восприятия ситуации, развитием теоретического и практического мышления при выполнении предметно-практических действий, также проявляется в процессе профессиональной деятельности, взаимоотношениях и взаимодействии индивида в коллективе, группе, с руководителем;

3) **деятельностно-развивающий**, характеризующийся способностью и готовностью к саморазвитию; реализации творческого потенциала в деятельности; наличием коммуникативных компетенций; овладением способов познания; развитием профессионально важных качеств в процессе профессиональной деятельности; способностью к сознательному управлению своими действиями, состоянием и побуждениями; способностью к аналитической деятельности;

4) **рефлексивно-оценочный**, характеризуется устойчивой мотивацией к самопознанию, саморазвитию и самосовершенствованию; готовностью брать ответственность за собственные решения и действия; анализировать собственную профессиональную деятельность; способностью анализировать свою деятельность, результаты и т. д., а также их прогнозировать.

Данные компоненты присущи каждому сотруднику ОВД в процессе профессиональной деятельности, но развиты и проявляются в различной степени, от чего также зависит результат профессиональной деятельности, в том числе эффективность выполнения служебных задач и успешное преодоление профессиональных трудностей служебной деятельности.

В связи с этим, на наш взгляд, актуальным является развитие компонентов психологической устойчивости у сотрудников – выпускников образовательных организаций МВД России с целью того, чтобы по окончании обучения и приступая к выполнению служебных обязанностей в территориальных подразделениях МВД России, при возникновении профессиональных трудностей (на ранних этапах, а также при последующем прохождении службы в ОВД) они могли успешно их преодолевать. Для этого нами была разработана программа профессионально-личностного развития сотрудников-выпускников образовательных организаций МВД России, которая включала в себя два блока: теоретический и практический.

Теоретический блок носит ознакомительный характер (ознакомление слушателей с профессиональными трудностями служебной деятельности, с которыми им предстоит столкнуться; выявление в ходе беседы уровня сформированности психологических качеств и др.). Практический блок включает в себя квазипрофессиональное моделирование служебных ситуаций, просмотр видеосюжетов с последующим анализом и разбором служебных ситуаций, использование элементов психофизического и социально-психологического тренингов, аутосуггестивные методы и др.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что существует множество трудностей профессиональной деятельности, которые являются неотъемлемой частью службы у сотрудников ОВД (следователей), и наличие высокого уровня

сформированности компонентов психологической устойчивости позволит более эффективно и успешно выполнять служебные задачи. Вместе с тем мы предполагаем, что осуществление регулярной «предметной» психологической работы со слушателями в процессе обучения в образовательных организациях МВД России, а также непосредственно перед выходом на службу в территориальные подразделения МВД России, позволит им быть наиболее успешными, а также способными как можно дольше сохранять собственное психическое благополучие сотрудниками. И, как следствие, возможно уменьшение текучести кадров в органах внутренних дел Российской Федерации.

Список литературы

1. Аболин Л. М. Эмоциональная устойчивость в напряженной деятельности, ее психологические механизмы и пути повышения : автореф. дис. … д-ра психол. Наук : 19.00.01. М., 1989.

2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995.

3. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М. : Просвещение, 1968.

4. Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник для вузов. 6-е изд. СПб. : Питер.

5. Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности : сборник научных статей международной научно-практической конференции / под ред. Р. В. Кадырова. Владивосток : Мор. гос. ун-т им. адм. Г. И. Невельского, 2011.

6. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Евразия, 1999.

7. Маюров Н. П., Ороева О. Д. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4 (54). С. 198–213.

8. Милюкова Ю. Д. Специфика развития психологической устойчивости к негативным факторам служебной деятельности молодых специалистов органов внутренних дел // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : IV Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых : сборник научных трудов, Москва, 16–17 июня 2022 г. / сост. Р. Б. Осокин. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 532–535.

9. Перлз Ф. Гештальт-подход и Свидетель терапии / пер. с англ. М. Папуша. М., 1996.

10. Уотсон Дж. Поведение как предмет психологии (бихевиоризм и необихевиоризм) // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М. : Изд-во МГУ, 1980.

Гаврилина А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ерофеева М. А.,***
профессор кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, профессор

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ ИНСПЕКТОРОВ ПДН К ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ КВИЗА

На сегодняшний день важное значение приобретает проблема подготовки кадров по работе с несовершеннолетними правонарушителями, а именно будущих инспекторов по делам несовершеннолетних (далее – инспектор ПДН). Одной из наиболее значимых задач, стоящих перед правоохранительной системой сегодня, является совершенствование деятельности по профилактике правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних. Отметим, что одним из инструментов повышения эффективности в данной сфере является подготовка квалифицированных сотрудников, которые будут выполнять должностные обязанности, применяя научно обоснованные, современные формы и методы деятельности [3, с. 94].

Также стоит отметить, что в настоящее время одним из приоритетных направлений развития системы образования является цифровизация. В связи с этим актуальным является подготовка инспекторов ПДН к применению цифровых технологий, цифровых сервисов, цифровых ресурсов, цифровых инструментов в профилактической деятельности.

Квиз (от англ. – quiz) по своей сути аналогичен викторине. В основе онлайн-квиза находится игровая составляющая, позволяющая решать задачи, находить ответы на вопросы в форме увлекательного сюжета.

В ходе проведения занятия с курсантами 1 курса по специальности 44.05.01 института-факультета психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя нами была использована платформа My Quiz – бесплатный образовательный сервис, с помощью которого можно создавать онлайн-квизы и викторины.

Также были определены основные критерии онлайн-квиза для несовершеннолетних:

– актуальность темы онлайн-квиза;

---

[1] © Гаврилина А. А., 2022.

– согласование темы с поставленными задачами и целью профилактической деятельностью инспектора ПДН;

– учет возвратной категории несовершеннолетних, а также их особенности;

– учет принципа последовательности (от простых вопросов (заданий) к сложным);

– вопросы и задания должны быть конкретными и понятными для подростков;

– онлайн-квиз должен включать в себя несколько блоков (модулей), а также различные формы вопросов (открытый вопрос, с вариантом ответа, с изображением и т. д.);

– равное количество вопросов (заданий) в блоках или модулях;

– фиксирование времени на предоставление ответа (таймер).

Курсантами были разработаны с учетом вышеперечисленных критериев следующие онлайн-квизы: профилактика табакокурения, профилактика употребления наркотических средств и психотропных веществ, профилактика интернет-зависимости, права и обязанности подростка.

Каждый разработанный онлайн-квиз, включает в себя четыре блока.

Первый блок включает вопросы с вариантами ответов. Вопросы легкие, и есть возможность выбрать из предложенных вариантов.

Второй блок вопросов включает в себя изображения, фотографии или явления. Необходимо догадаться, что изображено на фотографии и правильно написать название. Сложность вопросов выше.

Третий блок затрагивает когнитивную сферу подростков. Предлагается разгадать ребус, загадку или продолжить пословицу (поговорку).

Четвертый блок содержит фрагменты фильма/мультфильма, по которому необходимо дать название произведения, откуда взять представленный фрагмент. После прохождения онлайн-квиза автоматически подсчитывается количество баллов и определяется победитель.

Следует отметить, что на 2-м курсе обучения курсанты проходят практику, в ходе которой им предстоит самостоятельно разрабатывать, организовывать и проводить профилактические мероприятия с различной возрастной категорией несовершеннолетних.

Для разнообразия форм, методов и средств, а также для оптимальности и эффективности проведения профилактической работы инспектором ПДН с несовершеннолетними целесообразно использовать онлайн-квиз.

Список литературы

1. Гаврилина А. А. К вопросу о применении цифровых инструментов в профессиональной деятельности инспектора по делам несовершеннолетних // Современные исследования проблем семьи и детства : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 24 ноября 2021 г. / сост. А. А. Базулина. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 42–47.

2. Дивина Т. В., Маймина Э. В. Возможности и перспективы использования цифровой трансформации в образовании // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 1 (25). С. 38–48.

3. Ищенко Е. В. Квалификационные требования и особенности подготовки выпускников федеральных государственных образовательных организаций, находящихся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации по узкой специализации «инспектор по делам несовершеннолетних» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (278). С. 93–99.

Гагарина П. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ананьин О. Ю.***,
начальник кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ КАК ФАКТОР ИХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Современный этап развития общества характеризуется быстрым темпом цифровизации и информатизации. Данные процессы влияют на все сферы общества, включая экономическую, социальную, политическую и духовную, постепенно меняя не только образ жизни людей, но и их мировоззрение. Однако развитие высоких технологий, доступность информации, снижение возраста пользователей ПК привели к незащищенности человека от информации, наносящей вред нравственному и духовному развитию, а также несущей угрозу его жизни и здоровью.

В информационно-коммуникационном пространстве происходят не только такие процессы, как буллинг, изъятие персональных данных, но и обострение межнациональных конфликтов, как следствие социальная напряженность, также существуют такие проблемы в современном обществе, как этнические разногласия, конфликты на основе непринятия существования другой религии, порождающие ненависть и вражду религиозного характера, особенно остро выделяются вопросы пропаганды экстремистской идеологии, так называемой вербовки для осуществления террористической деятельности, доведение до суицида и еще многие ужасающие процессы, жертвами которых может стать человек.

Совместно с ростом и темпом технологического прогресса важно отметить нюансы развития личности и человека в целом. Современность предъявляет серьезные требования к восприятию, созданию, обработке и распространению информации, игнорируя человеческие возможности, оказывая давление на собственно человеческие возможности, такие как усвоение знаний, снижается уровень избирательности информации (это объясняется качеством выбираемой информации), собственно смещение акцентов на инновации в техноиндустрии в условиях цифровизации обосновано, но главной проблемой является деформация мышления. Формирование компонентов в искаженных условиях приводит к

[1] © Гагарина П. А., 2022.

созданию искаженной компоненты. На примере познавательных функций человека: поверхностность мышления, фрагментарности восприятия информации, нарушение функции запоминания и др. «Клиповый» тип мышления (отдельными короткими порциями) пользователей сети Интернет значительно упрощает возможность влияния на их взгляды и предпочтения, навязывания моделей поведения, которые необходимы владельцам технологий распространения информации.

Опираясь на данные статистики, справедливо сказать, что высокий уровень преступности, помимо правонарушений, характерен для всего интернета в целом, а не только лишь «Даркнета», как одной из сторон основной сети. Все чаще поступают сообщения о зафиксированных призывах к суициду, прирост которых составляет на данный момент 104 %, аномальный рост вовлечения в азартные онлайн-игры – 1065 %, распространение детской порнографии – 30 %, незаконный оборот наркотических веществ – 8 %.

Следовательно, ресурс глобальной сети используется как инструмент не только в общественных целях или публичной жизнедеятельности, но и в личных целях как законных, так и противозаконных [4, с. 14].

Описанные факты объясняют необходимость изучения информационного пространства, влияния его контента на личность в целом и поведение человека.

Изучив информационно-коммуникационную сеть, как фактор, несущий угрозу для человека, актуальным становится вопрос об обеспечении его информационной безопасности.

Термин «информационная безопасность» в науке не унифицирован, существует множество трактовок различных авторов.

Е. Б. Белов и В. П. Лось определяют информационную безопасность как способность государства, общества, личности обеспечивать с достаточной вероятностью достаточные и защищенные информационные ресурсы и информационные потоки для поддержания своей жизнедеятельности и жизнеспособности, устойчивого функционирования и развития; противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические источники информации; вырабатывать личностные и групповые навыки и умения безопасного поведения; поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано [5, с. 57].

Однако данное определение описывает информационную безопасность с точки зрения защищенности государства, нам же интересен подход, описывающий информационную безопасность личности.

Личная ИБ – защищенность человека от факторов опасности на уровне его личных интересов и потребностей имеет множество разновидностей. Это связано с тем, что личность является биосоциальной системой и выступает одновременно в роли и человека как члена общества, и человека как живого организма, существующего в ограниченных параметрах окружающей среды.

Информационную безопасность курсантов помимо мер административного характера, реализующихся государством, на наш взгляд, рационально обеспечить посредством формирования его цифровой культуры.

Применительно к сфере высшего профессионального образования термин «цифровая культура» можно раскрыть как совокупность личностных качеств, позволяющих «эффективно участвовать во всех видах работы с информацией: получении, накоплении, кодировании и переработке любого рода, в создании на этой основе качественно новой информации, ее передаче, практическом использовании, – и включающую грамотность и компетентность в понимании природы информационных процессов и отношений, гуманистически ориентированную информационную ценностно-смысловую сферу развитую информационную рефлексию, а также творчество в информационном поведении и социально-информационной активности» [2, с. 42].

Большое количество отечественных и зарубежных исследований на тему цифровой культуры в основном посвящены терминологическому аспекту вышеуказанной темы. Вопрос формирования цифровой культуры рассматривается в трудах Е. В. Гнатышиной, Р. А. Шаухаловой, Е. О. Никитиной, Б. Н. Паньшина.

Согласно Е. О. Никитиной сформированность цифровой культуры подразумевает собой накапливание составляющих элементов всех уровней цифровой культуры. Таким образом, курсант, обладающий цифровой культурой, должен обладать цифровой грамотностью и профессиональной цифровой компетенцией.

Б. Н. Паньшин, в свою очередь, выделяет три уровня сформированности цифровой культуры:

1. Базовый.

Базовый компонент цифровой культуры курсанта относится к когнитивному компоненту его личности. На данном уровне сфомированности цифровой культуры курсант имеет элементарные знания о цифровой среде, понимает закономерности ее развития, обладает базовыми навыками работы в цифровой среде.

2. Функциональный.

Функциональный компонент цифровой культуры курсанта подразумевает собой умение формировать базы данных и базы знаний, работать с искусственным интеллектом, фиксировать и использовать информацию в своей профессиональной деятельности.

3. Представительный.

Представительный компонент цифровой культуры курсанта подразумевает собой в первую очередь культуру поведения в цифровом пространстве, включая социальные сети. Необходимость обладания этикой, культурой диалога и академического письма особенно актуальны для курсантов образовательных организаций МВД России, поскольку они являются представителями закона.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: https://rkn.gov.-ru/news/rsoc/news42205.htm.

2. Каракозов С. Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности // Педагогическая информатика. 2000. № 2. С. 41–55.

3. Котельникова М. Н., Бабич С. Н., Смагул К. Е. Электронный учебник как часть электронной образовательной информационной среды вуза // Социально-экономическое пространство современного мира: технологии прорывов и сохранение традиций : Материалы международной мультидисциплинарной научно-практической конференции / под науч. ред. И. В. Кучерук. М., 2019. С. 238–242.

4. Нестеров А. В. Интернет-поле vs киберпространства // Вопросы безопасности. 2015. № 4. С. 13–27.

5. Основы информационной безопасности : учебное пособие для вузов / [Е. Б. Белов и др.]. М. : Горячая линия – Телеком, 2006.

6. Паньшин Б. Цифровая культура: теория и практика // Наука и инновации. 2021. № 8 (222). С. 45–51.

7. Раецкая О. В. Формирование цифровой культуры обучающихся в военном вузе // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (47). С. 41–46.

Гарманова О. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Дерягина Л. Е.****,*
профессор кафедры психологии
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор медицинских наук, профессор

РОЛЬ НАСТАВНИКА В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОХРАННО-КОНВОЙНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ

Формирование профессионально важных качеств личности сотрудников органов внутренних дел обеспечивается различными организационными мероприятиями, которые в процессе профессионализации должны быть связаны с комплексом психологических особенностей личности. В процессе передачи профессиональных знаний, умений и навыков требуется активная и целенаправленная деятельность специалистов, имеющих высокий уровень профессионализма. В органах внутренних дел к ним можно отнести непосредственных руководителей (начальников) подразделений и наставников.

В соответствии с положениями Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 [1], наставничество осуществляется: 1) в период индивидуального обучения стажера по месту его службы; 2) период индивидуального обучения сотрудника, переведенного на вышестоящую, равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел, соответствующую иному функциональному предназначению либо направлению деятельности. Согласно п. 48 Порядка наставничество направлено на достижение важных целей, касающихся: 1) получения необходимых знаний и умений (освоения стажером основных положений законодательных и иных нормативных правовых актов, порядка действий в основных профессиональных ситуациях); 2) формирования и поддержания интереса к службе и мотивационной готовности к выполнению профессиональных задач; 3) совершенствования уровня общей физической подготовки.

Мы считаем, что поскольку процесс профессионального становления является непрерывным, то на каждом его этапе большое значение имеет работа по формированию профессионально важных качеств личности сотрудников органов внутренних дел. От результатов проведения этой работы зависит эффективность профессиональной адаптации, которая связана со степенью восприятия

[1] © Гарманова О. В., 2022.

своей профессиональной роли, усвоением необходимых профессиональных требований. Так, в п. 48.2 Порядка предусмотрено, что наставничество направлено на формирование первичных знаний и умений, необходимых для дальнейшего профессионального обучения по программе профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский». Именно на данном уровне должны раскрываться и находить развитие отдельные умения сотрудников, усиливаться работа по формированию мотивационной готовности к качественному выполнению профессиональных задач.

Анализ особенностей профессиональной деятельности сотрудников, а также результаты изучения мнения руководящего состава охранно-конвойных подразделений полиции показывают, что на начальном этапе профессионального становления необходимо развитие следующих профессионально важных качеств личности сотрудников данных подразделений:

– навыков противодействия негативному отношению со стороны спецконтингента;

– морально-психологической и нервно-психической устойчивости;

– следования профессионально-этическим стандартам поведения;

– дисциплинированности;

– бдительности;

– умения конструктивно взаимодействовать в служебном коллективе;

– силы воли, направленной на сохранение устойчивости внимания в условиях монотонной деятельности и ее однообразия;

– физической подготовленности.

Указанные профессионально важные качества личности связаны со спецификой профессиональной деятельности сотрудников, выполняющих задачи по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а также содержанию и охране лиц, подвергнутых административному аресту. Деятельность связана не только с жесткой регламентацией требований режима содержания под стражей, но и с повышенными рисками и угрозами личной безопасности в связи с возможностью совершения в отношении сотрудников органов внутренних дел противоправных действий, возникновения чрезвычайных происшествий (например, побегов, суицидов или членовредительства подозреваемых и обвиняемых), морально-психологическими нагрузками в связи с негативным отношением со стороны спецконтингента. Следовательно, роль наставника состоит в таком воздействии на личность сотрудника органов внутренних дел, при котором, помимо доведения до него основных требований и обязанностей по должности, создания условий для получения им необходимых знаний и умений, должны разъясняться профессиональные сложности и риски. В ходе выполнения сотрудниками охранно-конвойных подразделений служебных задач необходимо анализировать их мотивацию, реакцию на характер и способы выполнения повседневных действий (например, при предъявлении законных требований к лицам, содержащимся под стражей, проведении личного обыска подозреваемых и обвиняемых, применении к ним специальных средств или фи-

зической силы, нахождении в течение служебного времени в условиях замкнутого пространства служебных помещений специальных учреждений и др.). На этом этапе на основе полученных данных и последующей их интерпретации, в том числе совместно с психологом подразделений территориальных органов МВД России, могут быть выявлены сотрудники с низким и высоким уровнем адаптации, причины затруднений при общении со спецконтингентом.

«Убеждение не может существовать без того, чтобы не проявляться в активной деятельности», – утверждал В. А. Сухомлинский [2, с. 243]. В связи с этим при наставничестве важен личный пример наставника, его ведущая роль в разъяснении особенностей профессии и разрешении первичных трудностей. Приведем мнение одного из сотрудников о значении наставничества и своем наставнике:

Около 7 лет назад, когда я перевелся из патрульно-постовой службы полиции для дальнейшего прохождения службы в отдельную роту охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых, за мной закрепили Наставника. Именно так, с большой буквы. Мой Наставник к тому времени уже больше 10 лет служил в охранно-конвойной службе. Мне повезло, что именно он стал моим Наставником, он был со мной терпелив, стал мне «старшим братом». Он просил, чтобы его ставили со мной на все дежурства и во все наряды, невзирая на собственные интересы и личное время. Первые полгода службы, проведенные мной в подразделении и прошедшие под опекой и наставничеством, стали лучшим временем за все мои 14 лет службы в органах внутренних дел. Все эти 6 месяцев он практически за руку вел меня через тяготы и невзгоды службы, помогал разобраться во всем, начиная от работы с документацией и заканчивая организацией несения службы наряда. Он поддерживал, подсказывал, подробно разъяснял на примерах из своего служебного опыта, стал для меня неиссякаемым кладезем мудрости. Благодаря его наставничеству мне удалось избежать многих ошибок и неверных решений в моей непростой службе. Прошли годы, мой Наставник вышел на пенсию, но мы по-прежнему общаемся, я до сих пор ему звоню и прошу его практического совета не только по службе, но и в житейских вопросах.

Отметим, что образ наставника, содержание и характер его деятельности может способствовать формированию и закреплению у сотрудников органов внутренних дел смысла профессии, самоактуализации в ней, необходимых требований к профессиональному поведению. Более того, образ и модель поведения наставника достаточно прочно усваиваются и могут влиять на выполнение профессиональной деятельности сотрудником органов внутренних дел. Например, при выполнении повседневных действий условия данной ситуации могут быть схожи с ранее возникавшей в деятельности сотрудника на раннем этапе профессионального становления. Следовательно, при воспроизведении порядка действий, ранее усвоенного от опытных сотрудников органов внутренних дел, исключается или минимизируется вероятность ошибок, сглаживаются негативные условия ситуации, усиливаются позитивные качества и успешный характер поведения личности. В ряде охранно-конвойных подразделений полиции руководители особое внимание уделяют физической и даже специальной спортивной

подготовке сотрудников. От того, насколько складывается отношение руководителя, опытных сотрудников к поддержанию высокой физической подготовленности к выполнению служебных задач, зависит и отношение сотрудников к данному направлению деятельности, психологическая готовность поддерживать установленные в коллективе требования, приобретение необходимых профессиональных качеств личности.

Мотивация к служебной деятельности, психологическая готовность к добросовестному выполнению служебных задач, уверенность сотрудника в повседневной ситуации формируются при соблюдении профессионально этических стандартов поведения руководителем подразделения, наставниками и подчиненными сотрудниками. Очень важно в связи с этим безусловное выполнение в подразделениях требований об обязанностях руководителя и сотрудника по соблюдению и поддержанию служебной дисциплины, закрепленных в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 [3]. Деятельность наставников должна быть направлена и на реализацию положений приказа МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [4], так как от этого зависит первичное усвоение требований, предъявляемых к служебному поведению сотрудников подразделения.

В завершение отметим важность дальнейшего исследования обозначенного вопроса о роли наставника в формировании профессионально важных качеств личности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции, изучение влияния различных форм и методов работы наставников на психологические средства адаптации сотрудников этих подразделений к профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/71905114/-?ysclid=l7q9wflajd327759039

2. Сухомлинский В. А. О воспитании. М. : Политиздат, 1973.

3. Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/=cons_doc_-LAW_136541/?ysclid=l7q9y1jqmv128845088

4. Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

Голубкина А. М.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО САМОРАЗВИТИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

В настоящий момент в современном обществе неопределенным остается вопрос об основных направлениях системы высшего образования. Последние несколько лет характеризовались определением таких категорий образовательного процесса, как «компетенция» и «компетенции», оттенивших ключевые понятия «профессиональная подготовка» и «воспитательный процесс». Указанные изменение привели к реорганизации образовательного процесса, направленной на адаптацию к новой педагогической парадигме в системе высшего образования, обусловленные внедрением федеральных государственных образовательных стандартов. Наряду с этим, подготовка будущих специалистов в системе МВД России потребовала пересмотра требований к профессиональной подготовке в образовательных организациях МВД России и внедрение компетентностного подхода, направленного на формирование профессиональных компетенций сотрудников ОВД [1].

Помимо профессиональных компетенций актуальным остается формирование личностных характеристик будущих специалистов ОВД в условиях традиционной для нашей системы образования гуманистической педагогики, определяемой совокупностью таких аспектов, как:

– воспитательный, направленный на решение частных и общих педагогических задач по формированию социокультурного поведения личности через усвоение системы интериоризированных ценностей;

– учебный, представленный как воспитательный процесс, направленный на усвоение обучающимися системы знаний, умений и навыков;

– служебный, обусловленный выполнением обучающимися служебных задач по обеспечению защиты прав и свобод граждан, соблюдение законодательства и др.;

– самостоятельная работа курсанта с собственной личностью [4].

Особую роль в становлении зрелой личности курсанта, готовой и способной к саморазвитию, занимает процесс адаптации к условиям образовательной организации МВД России. Помимо планомерного включения в учебный процесс, обучающиеся адаптируются в служебной деятельности, связанной с подчинением приказам и распоряжениям руководства курса, факультета и образовательной организации в целом, соблюдением служебной дисциплины, несением службы в суточных нарядах и др. Взаимодействуя с новым коллективом учебного взвода, профессорско-преподавательским составом и руководством в лице

[1] © Голубкина А. М., 2022.

курсовых офицеров и начальников факультетов, личность курсанта может сформироваться в двух направлениях: зрелая личность с субъектной позицией или сотрудник, беспрекословно исполняющий любую поставленную ему задачу, но не нацеленный на развитие. Как следствие, именно в условиях первого курса важно сформировать предпосылки к формированию профессионально-личностного саморазвития курсанта [2].

Приобретая новые знания, умения и навыки в процессе обучения, курсанты определяют для себя ценностные ориентиры, которые становятся ведущими в процессе саморазвития. В связи с этим перед образовательной организацией встает вопрос об оптимизации процесса обучения с учетом ценностного самоопределения обучающихся, который обеспечивает как адаптацию курсантов к условиям образовательной организации, так и усвоение новой социальной роли (курсант, сотрудник полиции и др.) через формирование соответствия между личностными интересами и служебными задачами, связанными с прохождением службы в ОВД.

Стоит отметить, что процесс саморазвития курсантов образовательных организаций МВД России является сложным и длительным, требующим активного включения всех субъектов образовательного процесса. Он невозможен без взаимосвязи с процессами самообучения и самовоспитания, формирующие самостоятельную деятельность обучающихся по формированию компетенции саморазвития [3].

Таким образом, педагогическая деятельность, направленная на профессионально-личностное саморазвитие курсантов, становится возможной в случае, если курсанты выступают субъектом самообразовательной деятельности, направленной на закрепление полученных знаний, умений и навыков с учетом компетентностного подхода. Это позволит достигнуть высокого качества профессиональной подготовки курсантов как будущих сотрудников ОВД.

Список литературы

1. Калинин С. В. Формирование профессиональных компетенций сотрудников полиции в образовательных организациях МВД России : монография. Барнаул, 2019.

2. Ровина Е. Е., Демаков В. И., Дронина О. А. Адаптация обучающегося и его субъектная позиция: значение и взаимосвязь // Человеческий капитал. 2019. № 6(126). С. 203–208.

3. Смирнов Ю. В. Проблема саморазвития курсантами образовательных организаций МВД России самостоятельности в профессиональной деятельности // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики. СПб., 2019. С. 372–376.

4. Ульянова И. В., Евсеева И. Г., Борисова Е. В. Самовоспитание курсантов образовательных организаций МВД России как актуальная психолого-педагогическая проблема // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3.

Ерохина Е. И.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Костина Л. Н.***,
начальник кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии
служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, профессор

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

Актуальность темы определяется спецификой служебной деятельности патрульно-постовой службы полиции: 1) необходимостью правопорядка в общественных местах в ситуациях риска и неопределенности; 2) взаимодействием с гражданами (правонарушителями, провокаторами, лицами в состоянии опьянения и т. д.) в целях оказания правомерного воздействия; 3) взаимодействием с напарником при выполнении совместно профессиональных и профессионально-психологических действий. Указанные особенности предъявляют особые требования к индивидуально-психологическим свойствам и социально-психологическим (сработанности и слаженности профессиональных действий, профессиональному общению) качествам личности сотрудника. В связи с этим проблема исследования особенностей индивидуального стиля (структуры и механизмов его формирования) является значимой, так как позволяет гибко использовать его сотрудникам патрульно-постовой службы полиции во взаимодействии со своими коллегами в составе наряда для эффективного обеспечения правопорядка в общественных местах.

Различным аспектам индивидуального стиля деятельности (структуре, механизмам формирования) посвящены работы ученых: Е. П. Ильина, Е. А. Климова, В. С. Мерлина, В. А. Толочека, М. Р. Щукина и др. Так, в своих трудах В. С. Мерлин, рассматривая индивидуальный стиль деятельности как систему индивидуально-психологических особенностей, указывает на системообразующее звено, формирующее интегральную индивидуальность человека [5, с. 98]. Раскрыта структура индивидуального стиля деятельности Е. А. Климовым, представленная в виде «ядра» – особенностей типологических свойств нервной системы и «пристройки» – механизма приспособления к деятельности. Под индивидуальным стилем ученый понимал профессиональную систему способов и средств, от-

[1] © Ерохина Е. И., 2022.

ражающих индивидуально-психологическое своеобразие субъекта труда в деятельности [3, с. 48]. Его взгляда придерживался В. А. Толочек, рассматривая стили профессиональной деятельности как компенсацию индивидуально-психологических особенностей личности с условиями профессиональной среды, включенную в стили субъектов совместного труда [8, с. 124].

В психологии труда обоснована роль механизмов (адаптации и компенсации) в формировании индивидуального стиля деятельности. Механизмы адаптации В. С. Мерлин определял как приспособление индивидуально-психологических особенностей к профессиональному труду [5, с. 74]. Вместе с тем Е. П. Ильин выделил несколько видов – механизмов адаптации: приспособление субъекта к деятельности, приспособление деятельности к субъекту и их взаимное «уравновешивание» [2, с. 154]. На основе лабораторных исследований массовых рабочих производственной деятельности Е. А. Климовым был выявлен компенсаторный механизм, благодаря которому субъект труда способен уравновешивать слабые стороны нейродинамических свойств за счет наиболее сильных [4, с. 224]. Однако М. Р. Щукин в своем исследовании объединяет взгляды ученых и вводит новый термин «механизмы саморегуляции», включающий механизм адаптации и компенсации. Кроме того, он добавляет третий механизм – коррекцию, способствующий «доведению профессиональных» навыков и умений до уровня, соответствующего требованиям деятельности [7, с. 108]. Полагаем, психологические механизмы (компенсация, адаптация, коррекция) являются значимыми. Для слаженных действий каждый сотрудник патрульно-постовой службы полиции не только адаптируется к своим коллегам (поскольку состав наряда может меняться), но и компенсирует свои слабые стороны личности за счет проявления сильных. Полагаем, что компенсация слабых сторон личности отдельных сотрудников происходит за счет появления сильных сторон других сотрудников (группы сотрудников), что указывает на взаимосвязи индивидуального и группового стиля деятельности. В ходе осуществления совместной деятельности и последующего анализа ее эффективности (рефлексии профессионального опыта) происходит коррекция индивидуального стиля и деятельности. В связи с этим уместным представляется более тщательное исследование специальных механизмов приспособления сотрудников патрульно-постовой службы полиции к совместной деятельности, в первую очередь в особых условиях служебной деятельности.

Следовательно, результаты анализа теоретических подходов к проблеме индивидуального стиля деятельности позволяют сделать вывод, что в его основу включены как индивидуально-психологические особенности специалиста, так и уникальные профессиональные способы и средства выполнения трудовой деятельности (механизмы их формирующие). В деятельности по охране общественного правопорядка механизмы саморегуляции индивидуального стиля способствуют эффективному выполнению служебных задач, особенно в изменяющейся оперативной обстановке: сотрудники патрульно-постовой службы полиции приспосабливают, взаимозаменяют и корректируют профессиональные действия друг друга. Значима роль психолога в развитии и совершенствовании механизмов саморегуляции (адаптации, компенсации и коррекции) индивидуального

стиля деятельности как отдельному сотруднику, так и группе сотрудников патрульно-постовой службы полиции для эффективного обеспечения охраны правопорядка в общественных местах.

Список литературы

1. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2003.

2. Ильин Е. П. Стиль деятельности : Новые подходы и аспекты // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 85–93.

3. Климов Е. А. Психология индивидуальных различий. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М. : Изд-во МГУ, 1982.

4. Климов Е. А. Индивидуальные особенности трудовой деятельности ткачих-многостаночниц в связи с подвижностью нервных процессов // Вопросы психологии. 1959. № 2. С. 66–76.

5. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М. : Педагогика, 1986.

6. Толочек В. А. Стили профессиональной деятельности. М., 2000.

7. Щукин М. Р. Структура индивидуального стиля деятельности и условия его формирования : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01. Пермь, 1994.

Журавлева А. К.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Лебедев И. Б.***,
профессор кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии
служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, профессор

УРОВЕНЬ ПРИТЯЗАНИЙ И ЛОКУС КОНТРОЛЯ В Я-КОНЦЕПЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Сотрудники органов внутренних дел выполняют широкий спектр задач в 2022 г. в связи с политическими событиями, так как обострилась террористическая угроза. Такая ситуация возложила дополнительную ответственность на сотрудников. Эффективность выполнения таких задач зависит в том числе и от особенностей их Я-концепции. Я-концепция в отечественной психологии тесно связана с таким конструктом, как уровень притязаний. Он формируется в результате взаимодействия Я-реального и Я-идеального представления о себе и корректируется за счет самооценки.

Первые работы по изучению уровня притязаний представлены К. Левином. В отечественной психологии его исследованиями занималась ученица К. Левина – Б. В. Зейгарник. Одним из первых исследователей в этой области стал немецкий психолог Ф. Хоппе, он интерпретировал уровень притязаний как цель дальнейших действий.

Термин «уровень притязаний» трактуется как степень сложности выбираемых целей, он формируется под влиянием нескольких факторов. Во-первых, он зависит от идеальных представлений человека о себе (Я-идеальном). Сотрудник стремится достичь идеального образа Я, тем самым ставя перед собой цель. С другой стороны, реальные представления о том, каким является человек в сравнении с идеальном образом Я, оказывает значительное влияние уровень притязаний, формируя самооценку личности.

Во-вторых, на уровень притязаний оказывает влияние субъективное переживание успеха или неудачи. Вне зависимости от реальных достижений человека особое значение приобретает восприятие этого достижения с точки зрения самой личности.

Субъективное восприятие успеха и неудачи тесно связано с локусом контроля. Он также входит в структуру Я-концепции и определяет ответственность

[1] © Журавлева А. К., 2022.

за совершенные события. Дж. Роттер выделил два вида локуса контроля: интернальный (ответственность возлагается на себя) и экстернальный (ответственность приписывается внешним факторам). В первом случае человек считает, что результаты его деятельности зависят от него и причиной успеха или неудачи являются собственные способности и проложенные усилия. Интернал может гиперболизировать неудачу, не беря во внимание ситуацию, в которой она произошла. Экстернал же убежден, что результат его действий зависит от сложившейся ситуации, чьей-то благосклонности и может интерпретировать реальную неудачу как результат независящих от него обстоятельств. В таком случае неудача субъективно не будет расцениваться как таковая. Сотрудник с таким локусом контроля может обесценивать собственные достижения, объясняя их как «счастливый случай» или везение.

Проводя свои эксперименты, Ф. Хоппе заметил определенные тенденции: уровень притязаний растет при достижении успеха и падает после неудачи. Однако, такое изменение происходит не сразу, требуется около 2–3 положительных или отрицательных результатов для изменения уровня притязаний. Таким образом, можно сделать вывод о существовании идеальной цели, которая является более широким понятием, чем достижение сиюминутного успеха. Идеальные цели – это всеохватывающие личностные цели, относящиеся к самосознанию личности; они связаны с временной перспективой человека [5, с. 139].

По мнению Ф. Хоппе, за уровнем притязаний стоит понятие «уровень Я». В отечественной психологии Б. В. Зейгарник использует аналогичное понятие «самооценка». Уровень Я или самооценка имеют тенденцию сохранять как можно более высокий уровень. В связи с этим в сознании личности возникает конфликт между двумя линиями поведения – стремление достичь успеха и избежать неудачи. При этом достижение успеха более значимо при решении сложных задач, обусловленных более высоким уровнем притязаний. Таким образом, изменение уровня притязаний связано не только с переживанием успеха или неудачи, но также с конфликтом двух стремлений: реализация идеальной цели и страх перед неудачей в результате ее реализации.

У. Джеймс также связывал самооценку личности с уровнем притязаний и достижением успеха. Его формула самооценки предполагает зависимость самооценки от отношения уровня притязаний к реальному успеху. По его формуле в случае, если человек считает себя способным для достижения какой-то цели и реализует ее, то самооценка растет. Если же достичь цели не удается, то самооценка снижается [4, с. 143].

Таким образом, самооценка личности и ее уровень притязаний обусловливают друг друга, оказывая взаимовлияние. Наиболее логичным представляется следующая зависимость: высокому уровню притязаний соответствует высокая самооценка, низкому – низкая. Однако такая закономерность не всегда реализуется, вызывая личностные изменения.

В результате экспериментальных исследований, проведенных Дж. Аткинсоном, им была сформулирована мотивационная модель [1, с. 231]. Она подразу-

мевает, что при наличии риска в классическом варианте, когда высокая самооценка соответствует высокому уровню притязаний, а следовательно, мотиву достижения успеха, сотрудник предпочтет сделать выбор в пользу задания средней сложности. Постепенно уровень сложности выбираемых заданий будет расти, подкрепляя при этом его самооценку. В случае, когда преобладает мотивация к избеганию неудачи и низкая самооценка, он скорее выберет простую задачу (низкий уровень притязаний) или наоборот высокой сложности (высокий уровень притязаний). Таким образом, в первом случае он снижает риск неудачи, а во втором – степень значимости провала, так как вероятность успеха мала для всех.

Л. В. Бороздина предлагает рассматривать следующие варианты: низкая самооценка – высокий уровень притязаний; высокая самооценка – низкий уровень притязаний [2, с. 153].

Низкая самооценка – высокий уровень притязаний. Является защитным способом своего Я, в котором происходит коррекция самооценки. Происходит гиперкомпенсация – чтобы скрыть недовольство собой и неуверенность в себе, своих возможностях, выбираются задачи высокого уровня сложности, обеспечивающие желание преодолеть себя, доказать себе, что лучше. В результате человек неотъемлемо сталкивается с неудачами, этот факт заставляет его действовать, ожидая неудачу, что приводит к эмоциональному дискомфорту. В случае неадекватно высокого уровня притязаний, внутренний конфликт усиливается и может возникнуть явление, которое К. Левин описал как аффект неадекватности. Он заключается в том, что у человека имеется потребность, чтобы сохранить свой уровень притязаний, что сочетается с неуверенностью в себе. Данный аффект препятствует адекватному восприятию себя, так признание даже пред собой своих недостатков порождает страх и приводит к невосприимчивости критики, обидчивости, недоверию, подозрительности. Может проявляться в качестве вспышек агрессии в ответ на критику, особенно в ситуации неудачи. Сотрудник с таким типом может брать на себя непосильные задачи, подрывая эффективности работы всего подразделения, создавать неблагоприятную атмосферу в коллективе, провоцируя конфликты, демонстрируя агрессию в случае неудач.

Высокая самооценка – низкий уровень притязаний. В данном случае низкий уровень притязаний, по мнению Л. В. Бороздиной, объясняется страхом потерять собственную позицию, в связи с этим формируется мотивация избегания неудачи, что предполагает выбор более простых задач, в которых шанс неуспеха крайне мал. Здесь также проявляются защитные свойства Я, выражающиеся в ложной компенсации. Низкий уровень притязаний позволяет избегать негативного опыта, однако не способен искоренить чувство тревоги, обеспечивающее его. Так, сотрудник может предпочесть бездействие при совершении правонарушения гражданами, которое обернется более серьезными последствиями, чем если бы он проявил активность (использовал боевые приемы борьбы, оружие).

Таким образом, по мнению Л. В. Бороздиной, рассогласование уровня притязаний и самооценки является результатом внутреннего конфликта, способствующего росту агрессии, тревожности, эмоциональной напряженности, возникновению фрустрации.

Подводя итог, необходимо отметить, что, по мнению Ч. Кули и Дж. Мида, самооценка является результатом интериоризации социальных реакций на данного индивида. Зависимость самооценки от окружающих дает возможность влиять на сотрудников, корректируя их самооценку и уровень притязаний, для повышения эффективности их деятельности.

Список литературы

1. Аткинсон Дж. В. Теория о развитии мотивации. Н. Новгород : [б.и.], 2003.
2. Бороздина Л. В. Исследование уровня притязаний : учебное пособие. 4-е изд., доп. М. : Психология, 2000.
3. Лобанова Т. Н. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2019.
4. Джеймс У. Психология / [пер. с англ. И. Лапшина, М. Гринвальд ; вступит. ст. А. Лызлова]. М. : РИПОЛ классик, 2020.
5. Психология : учебник для бакалавров / под ред. Б. А. Сосновского. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014.

Лаврова М. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Костина Л. Н.****,*
начальник кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии
служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, доцент

СТРЕСС ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПСИХОЛОГОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В XXI в. на передний план выходят исследования профессионального выгорания специалиста, в том числе психолога органов внутренних дел, ведь их деятельность характеризуется специфическими особенностями и зачастую протекает в экстремальных или сложных условиях [3, с. 5–8]. Стресс становится обычным явлением профессиональной жизни. Очевидно, что он может привести к росту психического и эмоционального напряжения, снижению адаптивных функций, развитию тревоги, т. е. к формированию профессионального выгорания, что в свою очередь влияет не только на продуктивность и качество работы, но и на саму личность профессионала [5, с. 87].

Специалист в области профессионального выгорания Н. Е. Водопьянова выделяет несколько видов стресса, связанного с трудовой деятельностью: рабочий (требования деятельности, профессиональная среда), профессиональный (собственно функциональные обязанности) и организационный (управленческий аспект) стрессы [2]. Часто в психологической литературе можно увидеть, что данные виды стресса взаимозаменяемы, но для более глубокого раскрытия причин уместно уточнить и детализировать понятие в зависимости от того, что выходит на первый план.

Безусловно, перечень трудовых стресс-факторов широк и разнообразен. Это и особенности содержания рабочего задания, дефицит времени, особенности управления и др. Иными словами, любой параметр профессиональной деятельности может стать детерминантой развития внутриличностного конфликта между требованиями организации и возможностями работника и привести к развитию неудовлетворенности собой как профессионалом [1].

Стоит помнить и о том, что в возникновении стресса наряду с внешними факторами – непосредственно трудовой стресс – значимую роль играют и внутрен-

[1] © Лаврова М. С., 2022.

ние факторы – индивидуально-психологические особенности личности специалиста. В связи с этим профессиональная деятельность может выступать не столько фактором, сколько поводом для возникновения стрессового состояния.

По данным проведенного нами пилотажного исследования психологов подразделений МВД России в количестве 90 человек из 12 субъектов Российской Федерации (г. Москва, Амурская, Белгородская, Владимирская, Московская, Орловская, Тамбовская, Тверская области и др.) при помощи методики диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко [4] было установлено, что 63 % респондентов считают наличие организационных недостатков на работе одной из причин возникновения напряжения. Также установлено, что 58 % психологов отмечают у себя возникновение тревожных ожиданий, связанных с профессиональной деятельностью, а 22 % испытывают постоянный стресс из-за всего, что связано с работой.

Отсюда вытекает одна из важнейших задач в работе с профессиональным выгоранием – профилактика профессиональных стрессов и устранение причин, способствующих их возникновению, которая должна носить комплексных характер и включать в себя мероприятия, направленные на работу непосредственно с самими организационными стресс-факторами, а также с индивидуально-психологическими особенностями специалистов.

Таким образом, работа по профилактике и коррекции профессионального выгорания является актуальным направлением развития психологической работы в органах внутренних дел.

Список литературы

1. Березенцева Е. А. Профессиональный стресс как источник профессионального выгорания // Управление образованием: теория и практика. 2014. № 4 (16).

2. Водопьянова Н., Старченкова Е. Синдром выгорания // СПб. : Питер, 2009.

3. Простяков В. В. Психологические требования к личности и профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел // Юридическая психология. 2012. № 1. С. 5–8.

4. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учебное пособие. Самара : Бахрах, 1998.

5. Серегина А. Д. Проблема синдрома эмоционального выгорания в современном обществе // Психология в России и за рубежом : материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. СПб. : Реноме, 2011. С. 87–89.

Литовских В. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Шаронов С. А.***,
профессор кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ СФЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что деятельность по обеспечению безопасности является неизбежным элементом общественных отношений. В настоящее время Россия претерпевает качественные изменения из-за проводимой специальной операции в Украине. Нагнетание кризисной ситуации в стране, попытка внести хаос в общественные отношения через различные социальные сети начинают вносить свои коррективы. Наряду с государственными органами, наделенными властными полномочиями по обеспечению безопасности государства в целом, защита жизни и здоровья людей, их имущества от внутренних и внешних угроз становится возможной и посредством деятельности субъектов, обладающих частноправовой природой, т. е. негосударственных субъектов безопасности.

Цель проводимого исследования заключается в выявлении оснований классификации субъектов негосударственной сферы безопасности (далее – НСБ). Для достижения поставленной цели необходимо решить две задачи: 1) сформулировать определение понятия «негосударственная сфера безопасности», на основе которого определить структуру; 2) выявить основания классификации субъектов, входящих в структуру НСБ.

В рамках решения первой задачи проведем последовательный анализ составных элементов сочетания «негосударственная сфера безопасности»: слов «негосударственная», «сфера» и «безопасность».

В словаре Т. Ф. Ефремовой слово «негосударственный» трактуется как «не связанный с государством; частный» [2, с. 805].

В словаре Д. Н. Ушакова слово «сфера» трактуется как «область, место, пределы в которых существует, действует, развивается, применяется что-нибудь» [1, с. 612].

В словаре С. И. Ожегова безопасность трактуется как «положение, при котором не угрожает опасность кому-либо, чему-либо» [3, с. 1073].

---

[1] © Литовских В. В., 2022.

В учебной литературе учеными отмечается, что «опасность – это объективно существующие факторы негативного воздействия на различные объекты и субъекты, причиняющие им вред через различные источники. Безопасность – это отсутствие опасности» [4, с. 6].

В Стратегии национальной безопасности под национальной безопасностью понимается «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [6].

Проведя последовательный анализ, дадим определение: «Негосударственная сфера безопасности – это область деятельности граждан и организаций, созданных без непосредственного участия государства, объединенных между собой единой целью, направленной на обеспечение состояния защищенности жизни и здоровья людей, имущества юридических и физических лиц, интеллектуальной собственности и других объектов гражданских прав, являющаяся составным элементом национальной безопасности России».

На основе сформированного понятия, исходя из целей деятельности к субъектам НСБ относятся: 1) частные охранные организации; 2) частные детективные агентства (детективы); 3) частный (негосударственный) нотариат, частные коммерческие организации, выполняющие работы и оказывающие услуги в области пожарной безопасности; 4) частные коммерческие организации, выполняющие работы и оказывающие услуги в области информационной безопасности; 5) частные коммерческие организации, осуществляющие полный спектр работ по обслуживанию систем безопасности, оружия, специальных средств защиты; 6) негосударственные научные учреждения, занимающиеся разработкой проблем НСБ; 7) негосударственные образовательные учреждения, занимающиеся подготовкой сотрудников в области обеспечения безопасности; 8) иные участники НСБ.

Таким образом, в рамках поставленной первой задачи дано определение понятия «негосударственная сфера безопасности» и определены субъекты, входящие в ее состав. Фактически в настоящее время в России имеется негосударственная структура, выполняющая работы и оказывающая услуги в своем интересе, содействующая при этом исполнению основополагающей функции государства по обеспечению безопасности.

Для полного и объективного решения второй задачи представляется необходимым дать определение понятию «классификация». Так, А. П. Евгеньева в Словаре русского языка дает такое понятие: «классификация – система распределения каких-либо однородных предметов или понятий по классам, отделам и т. п., по определенным общим признакам» [5, с. 54]. Так, классификация является особым видом познавательной деятельности – классифицирования с целью упорядочивания объектов по различным основаниям.

Проведенный анализ позволяет осуществить классификацию субъектов НСБ по следующим основаниям: 1) по целям деятельности; 2) по количеству участников; 3) по результатам осуществления своей деятельности; 4) по виду правоспособности; 5) по способам оформления деятельности.

Рассмотри более подробно каждое из указанных оснований и дадим ему краткую характеристику.

По целям деятельности указанные субъекты могут подразделяться на коммерческие и некоммерческие. Соответственно, к коммерческим из названных субъектов мы можем отнести в первую очередь частные охранные (далее – ЧОО) организации, целью деятельности которых является извлечение прибыли. В своей работе С. А. Шароновым классифицированы ЧОО по различным основаниям, вместе с тем выявлены проблемы, присущие каждому элементу классификации [7, с. 118–121]. В качестве примера некоммерческого субъекта НСБ могут служить негосударственные образовательные учреждения, занимающиеся подготовкой сотрудников в области обеспечения безопасности, их деятельность в первую очередь направлена на подготовку сотрудников, обладающих определенными знаниями и умениями, соответствующих предъявляемым требованиям, а также различные волонтерские объединения, созданные на базе НСБ, благотворительные фонды.

По количеству участников субъекты НСБ могут подразделяться на индивидуальные (детективы) и коллективные. В свою очередь коллективные могут быть корпоративными (например, ЧОО, частные коммерческие организации, выполняющие работы и оказывающие услуги в области пожарной безопасности) [8, с. 22–25] и унитарные (например, негосударственные образовательные учреждения, занимающиеся подготовкой сотрудников в области обеспечения безопасности).

По результатам осуществления своей деятельности субъекты НСБ могут подразделяться на организации, выполняющие работы и оказывающие услуги по обеспечению безопасности (извлечение прибыли – как основной критерий корпоративного характера юридического лица) и на организации, целью деятельности которых является достижение интеллектуального результата.

По виду правоспособности субъекты могут быть разделены на обладающих общей правоспособностью (которыми обладают все коммерческие организации, кроме унитарных предприятий) и специальной правоспособностью (возможность осуществлять только тот вид деятельности, который предусмотрен Уставом (локальный акт), также можно отнесли наличие лицензии на осуществление определенного вида деятельности).

По способам оформления деятельности могут быть классифицированы: в качестве деятельности индивидуального предпринимателя, трудовой функции работника (например, частного охранника в ЧОО), самозанятого и при помощи других способов.

Таким образом, в рамках настоящей публикации предложено понятие субъектов НСБ, определена структура и предложена классификация субъектов НСБ по различным основаниям. Из статьи очевидно, что в настоящее время суще-

ствует определенная сложившаяся сфера, в которой выполняются работы и оказываются услуги в своем интересе, но в то же время содействующая государству в лице его органов обеспечению безопасности. Хотелось бы сказать, что обеспечение безопасности государства является приоритетным направлением во всех сферах жизнедеятельности общества. Субъекты НСБ являются теми лицами, которые реально участвуют в данном процессе и должны быть поддержаны государством в лице его государственных органов.

Список литературы

1. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М. : Дом Славянской книги, 2008.

2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.

3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Мир и образование, 2020.

4. Национальная безопасность : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / [Н. Д. Эриашвили и др. ; под редакцией Н. Д. Эриашвили]. М. : Юнити, 2017.

5. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981.

6. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=l7raitecdb46653117.

7. Шаронов С. А. Основания классификации охранных организаций и их характеристика // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 4. С. 118–121.

8. Шаронов С. А. Особенности правового положения субъектов корпоративного отношения в частной охранной организации // Гражданское право. 2014. № 4. С. 22–25.

Пешков М. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ананьин О. Ю.****,*
начальник кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

СРЕДСТВА И МЕТОДЫ САМООБРАЗОВАНИЯ КУРСАНТОВ ОО ВО МВД РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В процессе формировании знаний, умений и навыков самообразовательной деятельности курсантов ОО ВО МВД России, на наш взгляд, следует более подробно остановиться на выборе средств и методов самообразования, важность которых зачастую недооценивается курсантами. Очевидно, что в современном обществе при окончательной смене образовательных парадигм, развитии информационно-коммуникативных технологий, преобладании дистанционного обучения в связи с острой эпидемиологической обстановкой, цифровизации образовательной сферы, повсеместном использовании гаджетов и виджетов, а также других факторов, характеризующих постиндустриальное общество, возрастает востребованность в формировании специальных умений, заключающихся в использовании методов и средств самообразования.

И. П. Подласый считает, что метод в педагогике: «Упорядоченная деятельность педагога и учащихся, направленная на достижение заданной цели обучения. Под методами обучения часто понимают совокупность путей, способов достижения целей, решения задач образования» [2, с. 204]. Методы самообразования понимаются нами как практический способ достижения целей образования и в более широком смысле – как механизмы осуществления эффективной самостоятельной учебно-познавательной, творческой и исследовательской деятельности. От выбора метода самообразования будет зависеть качество образования, уровень понимания и усвоения учебного материала, актуальной информации в системе знаний.

В. В. Краевский, И. Я. Лернер средствами обучения называют «...все объекты и процессы (материальные и материализованные), которые служат источником информации и инструментами (собственно средствами) для усвоения содержания учебного материала, развития и воспитания учащихся» [1, с. 187]. На наш взгляд, такое определение можно применить и к средствам самообразования с учетом особенностей их применения в практической деятельности. Поэтому средства самообразования – это объекты образовательного процесса, которые

[1] © Пешков М. В., 2022.

могут быть использованы для интенсификации процесса самообразования, систематизации, структуризации учебной информации, повышения качества ее усвоения, понимания и запоминания.

Способность пользоваться и практически применять методы и средства самообразования в образовательном процессе определяет степень запоминания информации, ее системного и структурного изложения на различных носителях (бумажных, электронных, видео-, аудионосителях). На наш взгляд, педагогические условия самообразования, в том числе выбор эффективных методов и средств, является одним из ключевых факторов в процессе самообразования курсантов ОО ВО МВД России, так как основной целью выступает усвоение, понимание учебной информации без прямой помощи преподавателя. Метод помогает систематизировать и структурировать различного рода знания и, в конечном счете, сформировать глубокое осознание изученного для применения в практической деятельности. Системность и структурность является основополагающими принципами реализации методов самообразования.

Целесообразно вспомнить размышления И. Ф. Гербарта об организации процесса обучения, в котором он выделял следующие ступени: ясность, ассоциации, система и метод. Обучающийся, начиная осваивать новые знания, должен пройти от низшей ступени «ясности» до высшей «метода» через ассоциативность и системность усвоения и осмысления знаний. Мы придерживаемся воззрения И. Ф. Гербарта, делая основной акцент: а) на ассоциативности учебной-познавательной деятельности как проявлении новых представлений с уже имеющимися; б) системности как способности соотносить изучаемое с уже изученным, находить причинно-следственные связи, соотносить информацию в определенной структуре знаний.

Вначале целесообразно классифицировать наиболее востребованные на современном этапе средства самообразования, которые могут интенсифицировать учебно-познавательный процесс, повысить его качество и эффективность: а) образовательные интернет платформы: национальная платформа открытого образования (https://openedu.ru); электронная библиотека цифровых ресурсов (https://roslib.rudn.ru/); Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина (https://www.prlib.ru/); библиотекарь.Ру (http://bibliotekar.ru/); «Руниверс» (https://runivers.ru/); «Культура.РФ» (https://www.culture.ru/); https://www.skillshare.com/; интернет-платформа «Арзамас» (https://arzamas.academy/courses); интернет-платформа «Лекториум» (https://www.lektorium.tv/mooc); интернет-платформа «Постнаука» (https://postnauka.ru/courses); б) интернет-средства самообучения: ментальные карты Mindmeister (https://www.mindmeister.com/); интерактивные изображения и видео Thinglink (https://www.thinglink.com/); создание видео-роликов Biteable (https://biteable.com/); Renderforest (https://www.renderforest.com/ru/); онлайн-доска Padlet (https://padlet.com/); интерактивные задания LearningApps (https://learningapps.org/); Wordwall https://wordwall.net/; в) использование видео- и аудиоматериалов для усвоение востребованной информации (SpeechKid, Яндекс сервис, YouTube и др); г) использование материальных объектов окружающей среды (книги, рисунки, чертежи, интерактивные доски и др.).

В общем, средства самообразования можно классифицировать на аудиальные, аудиовизуальные, визуальные, кинестетические. Их использование зависит от индивидуальных особенностей личности, его предпочтений, свойств памяти и уникальности запоминания информации. Для одних курсантов будет уместнее использовать средства наглядности, например, презентации или текстов лекций во время самостоятельной подготовки. Для других – процесс запоминания и усвоения протекает гораздо лучше при просмотре видеороликов по учебной дисциплине или прослушивании аудиолекции, а для третьих – компонентом качественного запоминания выступит использование интернет-платформ. На наш взгляд, грамотная интеграция описанных средств самообразования позволит повысить уровень запоминания, усвоения, систематизации и структуризации учебной информации. Данное положение обусловлено тем, что каждая личность имеет индивидуальные особенности запоминания и усвоения информации. В зависимости от восприятия выделяют «…аудиалов, визуалов, кинестетиков, дигиталов», – утверждает М. В. Самофалова [3, с. 194]. Подбор средств самообразования будет зависеть от того, к какой группе восприятия относится курсант. Однако, если превалирует аудиальная составляющая, не стоит делать упор только на аудиальных средствах, но необходимо подобрать грамотное сочетание всей классификации средств самообучения, чтобы: а) увеличить процесс усвоения и запоминания учебного материала; б) развить и актуализировать отстающие компоненты восприятия.

Также мы бы хотели дать характеристику Obsidian – одному из наиболее перспективных средств самообразования курсантов ОО ВО МВД России. Obsidian – это программа на ПК и смартфонах, позволяющая создать систему личной базы данных знаний или, по-другому Big Data Personality Knowledge. Разработчики программы называют свой проект «вторым мозгом» [4], который позволяет хранить широкий спектр информации в виртуальном пространстве. Obsidian создавался на основе идеи системного, нелинейного ведения заметок Zettelkästen Николаса Лумана. Основная суть метода Zettelkästen в том, что полученные знания обрабатываются, заносятся, систематизируются и хранятся в тесной взаимосвязи. Нелинейность ведения заметок позволяет соотносить одни знания с другими, строить корреляцию на междисциплинарном уровне, выявлять связь одной единицы информации с другой даже тогда, когда существенной связи на первый взгляд выявить не получается. Преимущество Zettelkästen не только в системности его ведения, но и в том, что на начальном этапе разработки персонального Zettelkästen в Obsidian появляется необходимость структурировать сферу личного знания по тегам, категориям, сферам, уровню практической или теоретической значимости.

К методам самообразования мы относим: а) опорный конспект Шаталова; б) поисковое самообучение; в) эвристические методы; г) перевернутое обучение; д) фреймовый схемы-опоры (Р. В. Гурина и др.) ; е) семантические сети (графы, блок-схемы, алгоритмы); ж) ментальные карты (Т. Бьюзен, Б. Депортер, М. Хенаки, и др.); з) интерактивные методы самообучения и др.

Таким образом, можно сделать вывод, что грамотный выбор средств и методов самообразования позволит вывести учебно-познавательный процесс на качественно новый уровень. Средства и методы самообразования позволяют систематизировать большой информации, сделать ее более понятной и доступной для пользования, запоминания и воспроизведения. Мы актуализировали наиболее, на наш взгляд, инновационные и общедоступные методы и средства самообразования, что дает нам основание полагать, что их правильное и осознанное использование на практике поможет курсантам ОО ВО МВД России упорядочить и организовать учебно-познавательный процесс.

Список литературы

1. Краевский В. В., Лернер И. Я. Теоретические основы процесса обучения в советской школе / под ред. В. В. Краевского, И. Я. Лернера. М., 1989.

2. Подласый И. П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов : учебное пособие для вузов. М. : Владос-пресс, 2004.

3. Самофалова М. В. Контактоустанавливающий вопрос как маркер коммуникатиной стратегии с учетом ведущего информационного канала // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 192–197.

4. URL: https://obsidian.md/about.

Пучкова Ю. С.[1]*,*
курсант института психологии
служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Дерягина Л. Е.****,*
профессор кафедры
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор медицинских наук, профессор

УРОВЕНЬ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ ИНТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СРЕДЫ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УПРАВЛЕНИЯ ЧУЖИМИ ЭМОЦИЯМИ

Возникновение неопределенности возможно в широком спектре сфер жизни человека – от бытовых ситуаций до профессиональных вопросов.

В своей концепции Т. В. Корнилова обозначает «неопределенность» как некое противоречие перечня актуальных психологических образований на уровне субъекта. В свою очередь О. И. Ларичев и Ю. К. Стрелков говорят, что неопределенность – это когда человек испытывает трудности в момент определения путей решения проблемы, выбора между ними в условиях неполной информации и отсутствии установленного критерия сравнения и выполнения данных стратегий. А исследователь Ю. Козелецкий выделял и неопределенность альтернативных издержек принятия решения о выборе [1].

Толерантность к неопределенности среды подразумевает некоторую терпимость к изменениям обстановки, позволяющую человеку более четко и быстро реагировать на эти изменения и адаптироваться к ним. Интересно предположить, существует ли взаимосвязь между этой особенностью человека с его личностными характеристиками. Эмоциональный интеллект напрямую задействован как в межличностном общении, так и во внутриличностном, что способствует более легкой адаптации в социуме и позволяет сформировать наиболее прочные связи.

Эмоциональный интеллект имеет отношение к личностным особенностям человека, так как эта глубинная составляющая способна определить индивидуальность. Каждый человек по-своему реагирует на возникшую ситуацию, вызывая свой спектр эмоций и поведенческих реакций [2].

Первостепенно личностные особенности человека – это те внутренние, глубинные и стабильные особенности, которые влияют на все другие характеристики человека. К ним относятся не только привычные для нас особенности характера, темперамент, способности, но и воля, мотивы, личностная устойчивость

[1] © Пучкова Ю. С., 2022.

и личностная идентичность. Практически все из этого формируется на протяжении всей жизни под воздействием внутренних и внешних условий. Это можно назвать неким опытом, который человек приобретает в процессе жизнедеятельности и на основе этого опыта выстраивает модель поведения (реагирования).

С целью выяснения существования взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и толерантностью к неопределенности было проведено одномоментное исследование на курсантах Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

В исследовании принимали участие курсанты 4 курса. Всего 65 человек: 54 юношей и 11 девушек в возрасте от 17 до 22 лет. Исследование проведено 19–20 февраля 2022 г. дистанционно. Исследование состоит из одного этапа: определялся уровень толерантности (ТН) и интолерантности (ИНТ) к неопределенным условиям и уровень способности понимать и управлять своими и чужими эмоциями.

Использованные опросники:

1. Опросник толерантности-интолерантности к неопределенности С. Баднера в адаптации Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой [3].

2. Опросник эмоционального интеллекта «Эмин» Д.В. Люсина [4, с. 3–22].

Статистическую обработку данных проводили с помощью программы Statistics (версия 8). Поскольку распределение практически всех показателей отличалось от нормального, применялись непараметрические методы. Для выявления наличия связи между переменными использовался корреляционный анализ полученных данных.

Результат. Была обнаружена умеренная обратная корреляционная зависимость между показателями межличностной интолерантностью (МИНТ) и несколькими показателями эмоционального интеллекта.



В частности, интересна взаимосвязь между МИНТ и субшкалой управления чужими эмоциями (r = –0,496).

Т. В. Корнилова истолковывает понятие МИНТ как стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях. Таким образом, данная зависимость может быть истолкована следующим образом: высокий уровень МИНТ может затруднять сам процесс управления чужими эмоциями, потому что возникает своеобразный блок в установлении межличностного контакта.

Субшкала управления чужими эмоциями подразумевает под собой способность вызывать определенные эмоции у человека, снижая возможность возникновения у него нежелательных эмоциональных реакций. При высоких показателях может наблюдаться склонность к манипулированию людьми.

Обратное МИНТ – межличностная толерантность (МТ), характеризующаяся признанием человека наличия точки зрения, отличающейся от его собственной, неизбеганием конкуренции, обеспечивающее устойчивость индивидуальности и позволяющее гармонично развиваться личности в обществе, не поступаясь собственным сформировавшимся принципам [5]. Таким образом, анализируя полученный результат, можно предположить, что чем выше показатели эмоционального интеллекта (в частности способность управления чужими эмоциями), тем более человек терпим к иному мнению, тем больше вероятность установления положительных взаимоотношений между личностью и обществом, позволяющее приобретать качественный опыт и пользу в своей профессиональной деятельности.

Выводы:

1. Существует взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и межличностной интолерантностью к неопределенности.

2. В профессиональной деятельности сотрудника полиции формирование высокого уровня эмоционального интеллекта (конкретно «способность управлять чужими эмоциями») способствует снижению уровня межличностной интолерантности. Это способствует более быстрому и качественному установлению межличностных контактов.

Список литературы

1. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М. : Прогресс, 1979.

2. Александрова Н. П. К вопросу о сущности понятия «Эмоциональный интеллект» // Вестник Российского университета дружбы народов. 2009. № 1. С. 71–74.

3. Ильин Е. И. Эмоции и чувства. СПб. : Питер, 2001.

4. Люсин Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

5. Спицына О. А. Толерантность как показатель позитивных межличностных отношений. 2016. № 4.

Титова М. О.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СОТРУДНИКАМ ПОЛИЦИИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

Сотрудники органов внутренних дел подвержены ежедневному высокому уровню стресса. Выполнение служебных задач происходит в экстремальных условиях и условиях повышенной тревожности. В таких ситуациях довольно часто сотруднику необходимо принимать быстрые и четкие решения, от которых может зависеть жизнь не только самого сотрудника, но и окружающих. Безусловно, указанные факторы отражаются на нервной системе и в целом на физическом и эмоциональном состоянии сотрудника. Стрессовая нагрузка на организм рано или поздно приводит к чувству полного опустошения, нежелания исполнять свои служебные обязанности.

Свой отпечаток в том числе накладывает необходимость в служебной деятельности общаться с различным контингентом населения. Данное общение также негативным образом сказывается на психологическом состоянии сотрудника, а деятельность полиции построена на непосредственном общении с людьми. Конечно, какие-то категории сотрудников общаются с населением чаще в силу специфики деятельности (участковые уполномоченные полиции, оперативные сотрудники и др.), какие-то реже. Но тем не менее пропуская через себя проблемы и трудности обращающихся граждан, каждый из сотрудников рискует потерять интерес к своей деятельности и приобрести такие качества, как безразличие, равнодушие, отсутствие желания помогать, сопереживание, сочувствие и т. п.

На основании указанных факторов происходит возникновение этапа выгорания у сотрудника. В той или иной степени эмоциональному выгоранию подвержен каждый человек, это зависит от его характера, восприимчивости к различным ситуациям, уровня стресса в повседневной жизни. В том случае, когда выгорание связано с профессиональной деятельностью человека, его принято называть профессиональным. При этом с точки зрения психологов наиболее подвержены профессиональному выгоранию те лица, которые работают в сфере непосредственного общения с людьми (педагоги, социальные работники, а также сотрудники правоохранительных органов и др.).

В научной литературе под профессиональным выгоранием понимают синдром, который может развиваться на фоне хронического стресса и ведет к истощению эмоционально-энергетических и личностных ресурсов работающего человека [1, с. 13].

---

[1] © Титова М. О., 2022.

С таким состоянием необходимо бороться, так как оно негативным образом сказывается не только на физическом и психологическом состоянии сотрудника, но и касается его ближайшего окружения (родственников, близких, друзей и т. д.).

В первую очередь необходимо обратить внимание на профилактические меры по предупреждению профессионального выгорания среди сотрудников. Профилактика может быть выражена:

– в формировании положительного морально-психологического климата в коллективе;

– создании установки на осознанное соблюдение этических принципов и норм;

– информировании сотрудников о последствиях негативных изменений личности;

– выработке у сотрудников профессионально-нравственного иммунитета к негативным воздействиям преступной среды и криминальной субкультуры;

– организации активного отдыха с частичным или полным изменением социально-психологического фона общения [2, с. 52].

В том случае если мероприятия по профилактике профессионального выгорания и попытки самостоятельного преодоления данного явления оказались не способны преодолеть стрессовые ситуации и негативные факторы, то следует обратиться за квалифицированной помощью. В частности, с такими ситуациями работают психологи.

В структуре правоохранительных органов имеются квалифицированные психологи, которые обязаны проводить социальную работу с сотрудниками. Их деятельность направлена на сокращение тех стрессовых ситуаций и факторов, которые могут оказать влияние на эмоциональное состояние сотрудника. Особенностью такой работы является ориентация на реализацию социальных гарантий и индивидуализированных услуг с целью обеспечения психосоциальной гармонии существования сотрудника органов внутренних дел.

При работе с сотрудниками органов внутренних дел психологи используют такой метод работы как психологическое консультирование. Под ним понимается оказание психологической помощи в форме проведения специальных бесед, осуществляемых для решения проблемной ситуации и дальнейшее развитие личности сотрудника [3, с. 344].

Важным этапом при оказании психологического консультирования сотрудникам является установление контакта. Для этого требуется устранить психологическое напряжение сотрудника, ведь не все готовы признавать то, что им необходима помощь специалиста, и без нее справиться будет непросто. Следует использовать различные приемы для расслабления, чтобы помочь забыть о тревогах и переживаниях. Необходимо показать сотруднику, что он не один в своей ситуации и может открыться и довериться специалисту.

Зачастую психологическое консультирование в органах внутренних дел проводится по различным направлениям:

– консультирование руководителей органов внутренних дел по вопросам совершенствования организации и проведения индивидуальной профилактической работы с личным составом;

– консультирование сотрудников органов внутренних дел в зависимости от выполнения ими определенных оперативно-служебных задач;

– консультирование сотрудников и членов их семей по профилактике и разрешению межличностных конфликтов и особенностям профилактической деятельности;

– консультирование при оказании помощи сотрудникам в личных и семейных проблемах.

При психологическом консультировании также уделяется внимание социуму, в котором находится сотрудник полиции. Если во внерабочее время сотрудник приходит домой и приносит негативные эмоции, переживания, связанные с выгоранием, полученным в результате профессиональной деятельности, то это также отрицательным образом сказывается на отношениях в семье. В таком случае состояние сотрудника еще больше усугубляется, и самостоятельно справиться с таким количеством проблем у сотрудника не получается.

Задача психолога – определить ключевые моменты, которые негативным образом отражаются на физическом и психологическом состоянии сотрудника и помочь ему их преодолеть, чтобы избежать неприятных последствий как для организма самого сотрудника, так и для состояния окружающих его людей.

Также стоит отметить, что психологам необходимо проводить некую агитационную работу среди сотрудников, объясняя и разъясняя им то, что обращаться к специалистам в сложной жизненной ситуации, а также ситуации профессионального и эмоционального выгорания не стыдно.

Таким образом, при возникновении профессионального выгорания и невозможности справиться самостоятельно, требуется помощь специалиста-психолога. В органах внутренних дел имеются штатные психологи, которые проводят различные мероприятия по поддержанию психологического климата в коллективе и оказанию психологических консультаций сотруднику или членам его семьи.

Список литературы

1. Нетребко Е. Э. Профессиональное выгорание // Глобус: психология и педагогика. 2019. № 2. С. 12–17.

2. Ерошенков Н. В. Профилактика профессионально-нравственного выгорания личности сотрудника ОВД // Морально-психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: состояние, проблемы и пути совершенствования : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 49–52.

3. Калашник А. Е. Психологическое консультирование сотрудников органов внутренних дел и членов их семей // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения – 2021) : Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 343–348.

Тихомиров В. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки
научного-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Дементьев В. Л.,***
профессор кафедры физической подготовки
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, профессор

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИЗУЧЕНИЯ УДАРОВ И БРОСКОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

В современных реалиях к сотруднику органов внутренних дел со стороны общества и государства предъявляется достаточно обширный перечень профессиональных требований. В первую очередь это обосновано тем, что сотрудники ОВД, исполняя возложенные на них обязанности, делают это в непосредственном контакте с гражданами. Находясь «на передовой», правоохранительным органам нередко приходиться сталкиваться с преступлениями, которые в силу меняющейся социально-экономической обстановки обретают обновленный характер; осуществляются с применением инновационных методов и подходов; совершаются лицами, хорошо подготовленными в физическом и технико-тактическом плане, владеющими умениями и навыками единоборства. Данное положение создает непосредственную угрозу жизни и здоровью сотрудников ОВД, связанную с несоответствием их профессиональной компетенции новым возникающим вызовам.

С данным несоответствием призваны бороться образовательные организации системы МВД России. Профессорско-преподавательский состав университетов МВД России занимается совершенствованием методик образовательного процесса, подбирая сочетающиеся определенным образом условия, напрямую влияющие на оптимальность и эффективность образовательного процесса. Занятия по служебно-прикладной физической подготовке (СПФП) являются обязательными, так как уровень владения специальными двигательными навыками и развития физических качеств напрямую влияет на выполнение оперативно-служебных задач, возложенных на сотрудника ОВД.

Прежде чем выделить педагогические условия изучения ударной и бросковой техники на занятиях по физической подготовке необходимо рассмотреть само понятие «педагогические условия».

---

[1] © Тихомиров В. А., 2022.

Проведенный контент-анализ специальной литературы позволил нам определиться с трактовкой понятия «педагогические условия», выделить наиболее важные характеристики, отображающие его этимологию. Для наглядности представим их виде рисунка (рис. 1).



Рис. 1. Характеристики, раскрывающие понятие «педагогические условия»

Выделенные существенные характеристики данного понятия, позволяют прийти к выводу, что установление его границ, достаточно емким определением, раскрывающим наиболее полным образом его значение, не представляется возможным, так как рассматриваемое понятие является многоуровневым и представляет собой педагогический конструкт. Формулировка общего определения «педагогических условий» возможна через отображение его признаков. В свою очередь для каждого конкретного педагогического процесса понятие «педагогические условия» будет приобретать свои специфические границы, зависящие от следующих особенностей образовательного процесса:

1. Причины, цели, задачи и желаемый результат образовательной деятельности как основа сознательно создаваемых педагогических условий, повышающих эффективность протекания образовательного процесса.

2. Наличие профессиональных компетенций у педагога, его практического опыта и способности моделировать процесс образования с предположительно желаемой целью – как гарант грамотно подобранных и эффективно сочетающихся педагогических условий.

3. Пространственно-временные характеристики образовательного процесса.

4. Особенности взаимодействия педагога и обучаемого.

5. Особенности личности обучаемого.

Опираясь на признаки, характеризующие понятие педагогические условия, а также учитывая специфические особенности процесса СПФП, можно заключить следующее.

«Педагогические условия СПФП» – это зависящие от личности педагога и его профессиональных компетенций, специально создаваемые, с учетом возможностей материально-пространственной среды и особенностей обучаемых, обстоятельства и обстановка, в которой протекает образовательный процесс, направленный на формирование физической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе и боевых приемов борьбы (ударов и бросков), а также обеспечение высокой работоспособности в процессе служебной деятельности.

При этом уточним, что педагогические условия изучения ударов и бросков – это зависящие от личности педагога и его профессиональных компетенций, специально создаваемые, с учетом возможностей материально-пространственной среды и особенностей обучаемых, обстоятельства и обстановка, в которой протекает образовательный процесс, направленный на формирование профессионально значимых навыков применения ударов и бросков в служебно-боевой обстановке и развитие необходимых физических качеств для их эффективного выполнения.

Учитывая специфику службы в полиции, образовательный процесс, направленный на формирование профессиональных компетенций у будущих сотрудников ОВД, а именно владения навыками ударов и бросков должен быть сопряжен с использованием следующих педагогических условий:

1. Осуществлять изучение ударной и бросковой техники в строгом соответствии с нормативно-правовой базой, регулирующей порядок применения физической силы.

2. Процесс формирования и совершенствования физических качеств, двигательных умений и навыков должен осуществляться на основе общепедагогических и специфических принципов физического воспитания [12].

3. Уделять внимание анатомической корректности движений обучаемых, соблюдая при выполнении биомеханические и биодинамические особенности техники приемов [11].

4. Обеспечение в рамках образовательного процесса по СПФП многократного повторения упражнений как гарант приобретения умений и навыков выполнения ударов и бросков.

5. Обеспечение своевременного объяснения технико-тактических особенностей выполнения ударов и бросков [14].

6. Вариативность выполнения приемов и постепенное усложнение условий их выполнения (от простого к сложному) с использованием прогрессирующих сбивающих факторов, осложняющих выполнение приемов [13].

7. Учет возрастных особенностей становления и развития систем организма, обеспечивающих двигательную деятельность и психофизиологические функции курсантов.

8. Учет индивидуальных различий обучаемых [10].

9. Организация физического самовоспитания, будущих сотрудников правоохранительных органов [10].

Выделенные нами педагогические условия изучения ударов и бросков нуждаются в модернизации. Это обусловлено в первую очередь внешними факторами, а именно динамикой протекания общественных процессов, сокращением временем, отведенным на занятия по СПФП, требованием со стороны общества к профессиональной подготовленности сотрудника ОВД, развитием материально-технического оснащения физической подготовки курсантов в образовательных организациях МВД России.

Список литературы

1. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. Казань : Изд-во КГУ, 1988.

2. Борытко Н. М. В пространстве воспитательной деятельности / науч. ред. Н. К. Сергеев. Волгоград : Перемена, 2001.

3. Володин А. А., Бондаренко Н. Г. Анализ содержания понятия организационно-педагогические условия» // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула, 2014. С. 143–152.

4. Зверева М. В. О понятии «дидактические условия» // Новые исследования в педагогических науках. 1987. № 1. С. 29–32.

5. Звонарева Ю. А., Козырева О. А. Педагогические условия как конструкт современной педагогической науки» // Инновационная наука. 2016. № 6. С. 206–207.

6. Ипполитова Н. В. Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся : дис. … д-ра пед. наук. Челябинск, 2000.

7. Козырева Е. И. Школа педагога-исследователя как условие развития педагогической культуры // Методология и методика естественных наук : Вып. 4 : Сборник научных трудов. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999.

8. Куприянов Б. В., Дынина С. А. Современные подходы к определению сущности категории «педагогические условия» // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2001. № 2. С. 101–104.

9. Найн А. Я. О методологическом аппарате диссертационных исследований // Педагогика. 1995. № 5. С. 44–49.

10. Рукавишников Д. А. Педагогические условия совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России : дис. … кан. пед. наук. Чебоксары, 2006.

11. Методика многолетней физической подготовки сотрудников органов внутренних дел, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России: удары руками и защита от них : учебно-методическое пособие / [В. А. Серебрянников и др]. Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2019.

12. Серебрянников В. А., Мудренко Н. А., Сторжук А. В. О необходимости разработки современной концепции физической подготовки сотрудников ОВД // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : Материалы XVIII Междунар. науч.-практич. конф. : в 2 т. Т. I. Иркутск : ВСИ МВД России, 2016. С. 249–255.

13. Троян Е. И. Профессиональная подготовка сотрудников ОВД к комплексным силовым действиям в оперативно-служебных ситуациях. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2019.

14. Чехранов Ю. В., Дементьев В. Л. Приемы борьбы как спортивный компонент физической подготовки курсантов вузов МВД России : учебно-методическое пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015.

15. Шалин М. И. Организационно-педагогические условия развития конкурентоспособности личности старшеклассника // Теория и практика образования в современном мире : Материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, май 2013 г.). СПб. : Реноме, 2013. С. 47–49.

16. Яковлева Н. М. Теория и практика подготовки будущего учителя к творческому решению воспитательных задач : дис. … д-ра пед. наук. Челябинск, 1992.

Ушакова Д. С.[1]*,*
научный сотрудник
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

На сегодняшний день значение полиции существенно и стремительно увеличивается в обществе. Сотрудники полиции на данный момент – довольно популярная и востребованная профессия. Стремительно увеличивается число учебных заведений, которые готовят бедующих сотрудников полиции, но помимо увеличения численности данных специалистов так же существенно важно качественно их мотивировать и удерживать на этой сложной службе, которая требует много сил и энергии.

От правильной мотивации существенно зависит результативность деятельности сотрудников органов внутренних дел и как итог отношение к ним общества и государства.

На сегодняшний день современное общество предъявляет довольно высокие требования к сотруднику полиции как к защитнику правопорядка. Это налагает на образовательные организации данной сферы обязанность по вырабатыванию моральных, общекультурных ценностей, норм и правил профессиональной деятельности.

Профессия сотрудника полиции характеризуется одним из самых высоких уровней ответственности труда, оттого предполагает непременное наличие нужных для этого знаний и навыков. Ответственность за большое число людей, часто зависящих от его работы, налагает на него специализированные обязательства. В связи с этим профессиональная деятельность сотрудника полиции может спровоцировать возникновение психологических проблем, которые связаны с появлением и накоплением стресса.

Также необходимость регулярно принимать решения, готовность моментально реагировать при нештатной ситуации может активизировать появление и развитие стрессовых состояний. Такое положение дел отрицательно воздействует на готовность и способность к выполнению профессиональных обязанностей, оттого важной и актуальной задачей современной юридической психологии является такая подготовка сотрудника, которая дала возможность бы ему выполнять собственные обязанности, во-первых, максимально результативно, а во-вторых, с наименьшими эмоциональными и нервно-психическими затратами [3, с. 126].

У сотрудника полиции появляются стрессовые состояния, которые могут сказаться на результативности его действий, так как стресс влияет на быстроту и правильность принятия решений, реакцию и качество выполнения даже уже

[1] © Ушакова Д. С., 2022.

отработанных действий и т. п. Подготовленность к работе в экстремальных условиях – это способность сотрудника управлять собственными эмоциями, чувствами, мыслями при появлении таких обстоятельств в процессе выполнения служебных задач.

Способность противодействовать негативным эмоциональным состояниям является необходимым навыком для сотрудников полиции. Для этого он должен быть качественно мотивирован, так как человек, который не относится к своей работе хорошо, не будет рисковать и выкладываться на ней, а в работе сотрудников полиции это необходимо.

Профессиональная мотивация сотрудников полиции преследует цель улучшения качества работы данных сотрудников, более эффективное выполнение должностных обязанностей [2, с. 54].

Существуют определенные методы мотивации, некоторые из них довольно общие и применимые ко всем профессиям, а другие применяются только для определенных категорий сотрудников. К первой группе методов обычно относят финансовые мотивы. Это важно в таких сложных профессиях, как сотрудники полиции, так как мы уже говорили, данные люди часто рискуют собственной жизнью, поэтому оплата должна быть соответствующей. Определенные усилия в данном направлении государством производятся, и заработная плата сотрудников полиции в последние годы имеет довольно достойный уровень. Однако и данные суммы порой бывают недостаточными для подобных специальностей, поэтому необходимо задействовать и нематериальное мотивирование, в которую должны входить определенные льготы для данных сотрудников, которые бы стимулировали их идти на данную работу. Часто к ним относятся бесплатные проезды, оплачиваемые проезды к месту отпуска, предоставление путевок в санатории. Важным методом мотивации выступает ранний выход сотрудников полиции на пенсию.

Важно также устанавливать такие методы, которые будут мотивировать сотрудника полиции:

– придать особую значимость каждому сотруднику, предоставить ему необходимую свободу в деятельности, предоставить право принимать определенные решения и отвечать за них;

– предоставлять больше возможности для отдыха сотрудников, тем самым не давая ему эмоционально выгорать. Давать возможность выполнять определенную служебную деятельность в дистанционном режиме, тем самым предоставляя больше возможности для отдыха;

– устанавливать премии по результатам конкретной работы, также поощрять иными способами;

– больше предоставлять возможностей для качественного отдыха сотрудников, так как проблема усталости, а часто и профессионального выгорания весьма актуальна для данной категории лиц, например: предоставлять бесплатные путевки сотрудникам, которые наиболее результативно трудились, а также беспроцентные ссуды на жилье.

Мотивация во многом детерминирует особенности формирования профессиональной ментальности сотрудника как способа мыслить и действовать, исходя

из профессиональной позиции. От характера мотивов служебной деятельности зависит, сформируется ли у будущего сотрудника полиции профессиональная идентичность. Это обусловливает необходимость разработки технологий психологического профессионального отбора, сфокусированных на изучении мотивационной направленности личности кандидатов на службу в органы внутренних дел.

Общих для всех методов мотивации не существует. Необходимо подходить к данному процессу творчески, опираясь на конкретные ситуации, конкретные коллективы и даже личности людей. Но любой метод мотивации, обусловленный деятельностью руководителя, должен быть основан на принципе организационной стратегии управления человеческими возможностями как ресурсами. Это говорит о том, что сотрудник встраивается в стратегию целей и задач организации через профессиональную деятельность, выбор конкретного метода мотивации происходит с помощью наблюдений за сотрудником, зависит от способности быть активным, компетентным, умения самореализовываться и постоянно самосовершенствоваться, что послужит формированию устойчивых профессиональных детерминантов.

Таким образом, следует отметить, что мотивация усиливает качество и результаты деятельности сотрудников полиции, что соответственно поднимает имидж и уважение к органам внутренних дел в целом.

Список литературы

1. Бордачев А. Ю. Влияние «стресса» на эффективность выполнения служебных задач сотрудником полиции // Аллея науки. 2018. № 2 (18). С. 554–557.

2. Вахнина В. В. Психологические особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел // Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-психологические и педагогические детерминанты формирования и развития профессиональной мотивации курсантов и слушателей в процессе обучения в образовательных организациях МВД России». Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2019.

3. Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. СПб. : Питер, 2016.

Феоктистова А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ульянова И. В.****,*
профессор кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, доцент

ИГРОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ КУРСАНТСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Эффективность системы образования будущих офицеров напрямую зависит от грамотно подобранных методов, форм, приемов и средств педагогической деятельности. На наш взгляд, наиболее продуктивная и инновационная педагогическая технология, используемая в курсантской среде, – игровая. Именно такой подход позволит курсантам не только усвоить профессиональные компетенции, но и поспособствует развитию личных качеств и коллективного начала.

Г. В. Селевко, изучая особенности образовательных технологий, отмечал, что игровая технология представляет собой совокупность разнообразных приемов и методов организации педагогического процесса в форме педагогических игр. Важной их характеристикой являются четко обозначенная цель и прогнозируемый результат педагогической деятельности, имеющие учебно-познавательную направленность [3, с. 53–54].

Проблеме игровых технологий посвящено множество научных трудов, в частности Г. В. Оленина отмечает профессиональную востребованность ролевых обучающих игр в учебном процессе вузов, поскольку коммуникативные умения, знания и действия, формируемые в игре, входят в комплекс компетенций, актуальных для современных профессий в системе «человек – человек» [2, с. 126]. Педагог акцентирует внимание на благотворном влиянии игры на формирование компетенций, необходимых при профессиональной деятельности в указанной системе.

Игровые технологии в образовательном процессе курсантов силовых структур обычно выступают в виде учебных игр, которые представляют собой смоделированный процесс реально существующей действительности, решение которого способствует освоению обучающимися профессиональных знаний, умений и навыков, принятие опыта практической деятельности. В особенности часто эту технологию применяют при освоении дисциплин практической направленности,

[1] © Феоктистова А. А., 2022.

таких как служебно-боевая подготовка, тактико-специальная подготовка, административная деятельность полиции и др. Однако использование игр актуально не только для учебных дисциплин. Применение игровых технологий в воспитательной работе может ускорить процесс интериоризации профессиональных ценностей, формирования убеждений, самовоспитания.

Важно отдельно отметить роль игровой технологии в образовании коллектива курсантов ведомственных образовательных организаций МВД России. Под курсантским коллективом мы понимаем социальную общность, образующуюся благодаря взаимодействию курсантов в процессе учебной, служебной и повседневной деятельности и имеющую общие интересы и ценности. По исследованиям И. В. Ульяновой и О. В. Свинаревой коллектив курсантов формируется в первые полгода их обучения [4]. Из чего мы можем сделать вывод, что использование игровых технологий в этот период приведет к формированию сплоченного коллектива.

Игра как метод обучения и воспитания способствует:

– адекватному протеканию адаптации к порядкам образовательной организации, а также учебной группе;

– профессионально-личностному росту курсантов;

– развитию эмпатии и сочувствия к другим;

– формированию стрессоустойчивости;

– вовлечению в позитивно-направленную деятельность;

– формированию межличностных связей, основанных на эмоциональном контакте;

– развитию ответственности, организованности, самостоятельности, умения работать в команде.

Помимо прочего, игровая деятельность служит вспомогательной основой для регулирования, устранения и профилактики конфликтов.

Анализ исследуемой проблемы показал, что образовательные организации МВД России используют традиционные технологии в обучении и воспитании (лекции, семинары, практические занятия), однако на сегодняшний день актуальными являются активные формы, методы и приемы работы со студентами, куда входят в том числе и игровые технологии.

Всякая педагогическая игра должна строиться в соответствии с определенными этапами:

1. Этап подготовки – предполагает разработку сценария игры. Определяется педагогическая цель, задачи, обозначается проблема, приводится описание плана игры, расписываются роли каждого участника (дается характеристика каждого действующего лица).

2. Этап введения в игру – важный организационный этап, где участникам объясняются правила, дается дополнительная информация, знакомство с ролями, допускаются предварительные контакты, определяется регламент игры, меры наказаний за нарушения игровой этики.

3. Этап проведения – участники приступают к выполнению заданий, данных организаторами, происходит процесс общения по заданной модели, осуществляются попытки решить поставленные проблемы.

4. Этап анализа – обсуждение и оценка игрового процесса участниками, приглашенным жюри, организаторами, рефлексия занятия.

5. Заключительный этап – анализ ошибок всего игрового процесса, его коррекция и совершенствование.

Таким образом, педагогическая игра представляется нам сложным и многогранным феноменом. Практическое применение игры будет способствовать эффективному развитию не только навыков профессиональной деятельности, но и коллектива в целом.

Список литературы

1. Аметова Э. К. Воспитательно-развивающий потенциал игровых технологий обучения в образовании // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-1. С. 21–23.

2. Оленина Г. В. Ролевые обучающие игры молодежи: организация, мотивация, личностно развивающий потенциал // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 1. С. 120–126.

3. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии : учебное пособие. М. : Народное образование, 1998.

4. Ульянова И. В., Свинарева О. В. Актуальные вопросы педагогического сопровождения курсантов образовательных организаций МВД России в период адаптации к образовательному процессу : монография. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

Харламова Д. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ерофеева М. А.****,*
профессор кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, профессор

МАСТЕР-КЛАСС КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО ИНСПЕКТОРА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В условиях современных реалий образовательный процесс претерпевает некоторые изменения, в соответствии с которыми образовательный процесс подготовки будущих инспекторов по делам несовершеннолетних (далее – инспектор ПДН) должен нацеливать курсантов на умение оперативно и профессионально решать сложившиеся ситуации в их профессиональной деятельности. Для того, чтобы будущий инспектор ПДН быстро и результативно осуществлял свою профессиональную деятельность на практике, необходимо в процессе подготовки сформировать у него необходимый уровень профессиональной компетентности. При этом профессиональная компетентность будет заключаться в единстве теоретических знаний и практической готовности инспектора ПДН к осуществлению педагогической и профилактической деятельности в работе с несовершеннолетними и их родителями (законными представителями) и будет характеризовать его профессионализм. Подчеркнем, что профессионализм заключается как во владении современными технологиями, так и в их постоянном совершенствовании.

«Современное социокультурное общество с учетом всех произошедших трансформаций его компонентов, включая и образовательный компонент, требуют от сотрудника органов внутренних дел не только грамотного, компетентностного, квалифицированного принятия решения, но и оперативного (стратегического), творчески обдуманного разрешения сложившейся ситуации (по принципу „здесь и сейчас”)» [1].

На наш взгляд, одной из эффективных технологий подготовки будущих инспекторов ПДН является мастер-класс. В современных реалиях данная технология поможет не только раскрыть индивидуальность будущего профессионала в своей деятельности, но и его творческий потенциал, продемонстрировать его умения и навыки.

---

[1] © Харламова Д. А., 2022.

Профессор М. А. Ерофеева отмечает, что «мастер-класс – это эффективная форма передачи знаний и умений, обмена опытом обучения и воспитания, центральным звеном которой является демонстрация оригинальных методов освоения определенного содержания при активной роли всех участников занятия» [2].

М. М. Поташник указывает, что «мастер-класс – это ярко выраженная форма ученичества именно у учителя-мастера, процесс передачи мастером ученикам опыта, мастерства чаще всего путем прямого и комментированного показа приемов работы, т. е. интерактивной коммуникации» [3].

Следовательно, можем отметить, что мастер-класс – это оригинальный метод обучения и конкретное занятие, в результате которого происходит передача практического опыта от преподавателя (далее наставника, спикера) к обучающимся, что является значимым аспектом в подготовке будущих инспекторов ПДН.

Так же профессор М. А. Ерофеева выделяет следующие важнейшие особенности проведения мастер-класса, что, по-нашему мнению, свидетельствует о необходимости проведения данной технологии в рамках подготовки будущих инспекторов ПДН, а именно:

1. Новый подход к философии обучения, ломающий устоявшиеся стереотипы.

2. Метод самостоятельной работы в малых группах, позволяющий провести обмен мнениями.

3. Создание условий для включения всех в активную деятельность.

4. Постановка проблемной задачи и решение ее через проигрывание различных ситуаций.

5. Приемы, раскрывающие творческий потенциал, как Мастера, так и участников мастер-класса.

6. Формы, методы, технологии работы должны предлагаться, а не навязываться участникам.

7. Процесс познания гораздо важнее, ценнее, чем само знание.

8. Форма взаимодействия – сотрудничество, сотворчество, совместный поиск [2].

В результате мастер-класса формируется полезный навык, который можно повторно применять в своей профессиональной деятельности будущему инспектору ПДН.

Сам же мастер-класс происходит по следующей схеме:

1. Выбирается актуальная тема (например: «Формирование навыков при проведении профилактической работы в сети Интернет»; «Умение проводить профилактические беседы с несовершеннолетними правонарушителями и (или) их родителями, законными представителями»).

2. Выделяется актуальная проблема в данном аспекте.

3. Преподаватель (наставник, спикер) рассказывает теоретическую часть по решению данной проблемы.

4. Даются практические упражнения, задания на закрепление теоретической части.

Подчеркнем, что если после проведения занятия у аудитории не сформировались практические навыки в том или ином процессе, то это не мастер-класс – это лекция, публичное выступление, рассказ или что-то в подобном роде. Главная

особенность мастер-класса заключается в том, что идет нацеливание на приобретение навыков от наставника.

Отметим, что не существует строгого порядка мастер-класса, все зависит от выбранной тематики и поставленной проблемы, а также от сформированных навыков самих обучающихся, квалификации самого спикера, а также условий проведения мастер-класса и т. д.

В рамках деятельности кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, с курсантами 4 курса, обучающимися по направлению подготовки 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения» (будущие инспекторы ПДН), в рамках дисциплины «Социально-педагогическая профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних в информационном пространстве», были разработаны и проведены «Киберучения», с использованием технологии «мастер-класс».

Практические занятия в рамках «Киберучений» рассчитаны на 8 академических часов, и состояли из двух модулей:

Цифровые сервисы в профессиональной деятельности инспектора подразделения по делам несовершеннолетних (4 академических часа).

Алгоритм действий инспектора подразделения по делам несовершеннолетних по профилактике влияния негативного контента в сети Интернет на несовершеннолетних (4 академических часа).

На практических занятиях по первому модулю у курсантов происходило формирование культуры цифровой коммуникации; приобретение навыков ведения цифрового профилактического контента; формирование навыков профессиональной деятельности в цифровой среде по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы; обучение созданию профилактического цифрового контента. Это способствовало более точному и эффективному проведению практических занятий по второму модулю.

Рассмотрим более подробно второй модуль, в рамках которого нами были выделены следующие цели практических занятий:

– знакомство курсантов с нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность инспектора ПДН по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы сети Интернет;

– формирование навыков у курсантов по умению производить мониторинг и анализ групп с негативным контентом в цифровой среде;

– формирование умений и навыков по разработке интерактивных презентаций для родителей (законных представителей) по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы в цифровой среде.

На практическом занятии сначала преподносилась теоретическая часть, а именно были обозначены следующие моменты: актуальность рассматриваемой темы; делался акцент на нормативные правовые акты, согласно которым инспектор ПДН проводит профилактическую работу в данном аспекте; рассматривались основные понятия, социальные сети; выделялись элементы деструктивного влияния на несовершеннолетних в сети Интернет; интерпретировался процесс вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы и т. д.

Далее нами были обозначены практические примеры из служебной деятельности инспектора ПДН, с которыми курсанты могут столкнуться на практике.

Обозначался алгоритм действий сотрудника ПДН. После чего курсантам давалось задание, а именно разработка интерактивной презентации для родителей (законных представителей) по профилактике вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы в цифровой среде.

В конце занятия каждая группа презентовала свою работу по умению создавать интерактивные презентации в вышеуказанном аспекте.

После проведения практического занятия курсанты прошли опрос. Нами были получены следующие результаты.

Курсанты, считающие, что проведенный мастер-класс будет полезен в дальнейшей профессиональной деятельности: 100 % курсантов, ответили «Да».

Впервые ли они узнали, что инспектор ПДН осуществляет профилактику вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы по средствам сети Интернет: 61,5 % курсантов ответили «Нет»; 15,4 % курсантов «Да»; 7,7 % курсантов «Нет, но слышали до этого»; 7,7 % курсантов «Нет, но их знакомили ранее на занятии с этим»; 7,7 % курантов «Да, потому что об этом мало кто говорит».

Информация, представленная на мастер-классе, была для них новой: 30,8 % курсантов ответили «Да»; 15,4 % курсантов – «Частично»; 7,7 % курсантов – «Нет»; 14,14 % курсантов – «Данная информация актуальна»; 31,96 % курсантов – «Данная информация была очень познавательной».

Будут ли курсанты использовать цифровые ресурсы в своей будущей профессии: 92,3 % курсантов ответили «Да»; 7,7 % курсантов – «Нет».

Таким образом, необходимо сделать вывод, что мастер-класс как одна из технологий профессионального обучения в рамках подготовки будущих инспекторов ПДН является в действительности актуальной. В рамках данной технологии происходит не только передача опыта наставника, но и раскрываются сформированные умения и навыки будущего профессионала, его творческий потенциал и умение быстро ориентироваться в сложившейся ситуации, что является значимым аспектом в деятельности сотрудника органов внутренних дел.

Список литературы

1. Брылева Ю. А. Применение метода case-study при подготовке курсантов-будущих инспекторов ПДН // Психологические проблемы смысла жизни и акме : Электронный сборник материалов XXVI Международного симпозиума, Москва, 13–14 апреля 2021 г. М. : Психологический институт Российской академии образования, 2021. С. 147–151.

2. Ерофеева М. А. Мастер-класс как эффективная форма распространения личного опыта специалиста социальной сферы // Социальная педагогика. 2018. № 4. С. 73–79.

3. Поташник М. М. Управление профессиональным ростом учителя в современной школе : методическое пособие. М. : Педагогическое общество России, 2010.

Шулимова В. М.[1]*,*
старший инспектор отдела
разрешительно-визовой работы
Управления по вопросам миграции
УМВД России по Орловской области

Научный руководитель: ***Казанцева Л. А.****,*
профессор кафедры педагогики
учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, профессор

АКТУАЛЬНОСТЬ НАСТАВНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОВД

Потребность в высококвалифицированных профессиональных кадрах существует в любой организованной социальной системе. Если говорить о государственных структурах, прежде всего органах внутренних дел Российской Федерации, то подобная необходимость актуализируется в несколько раз, ведь само государство заинтересовано в том, чтобы его представляли сотрудники, обладающие совокупностью умений, навыков и характеристик, которые бы позволяли в полной мере реализовывать потенциал предоставленной им компетенции. Современная система высших образовательных организаций системы МВД России, реализуя имеющиеся программы обеспечения, организует подготовку кадров, обладающих всеми необходимыми для дальнейшей службы в практических органах компетенциями.

Вместе с тем специалисты-выпускники указанных вузов после окончания учебы и с началом профессиональной деятельности сталкиваются с рядом проблем. Стресс, высокие нагрузки, специфика оперативно-служебной деятельности, морально-психологическая адаптация – все это факторы, которые невозможно воспроизвести в условиях образовательного процесса, но именно они оказывают серьезное влияние на возможности и качество реализации молодыми сотрудниками своих профессиональных компетенций. Для ряда специалистов такого рода проблемы становятся непреодолимыми, что оказывает влияние на принятие решения об увольнении из органов внутренних дел Российской Федерации.

Как отмечает Л. И. Богатырева, после реформы 2011 г. в ОВД наметилось существенное увеличение некомплекта личного состава. И если еще 2012 г. это число составляло лишь 2,3 %, то уже 2018 г. оно выросло почти в три раза: до отметки 6,4 %. В связи с этим вызывает обеспокоенность и явление текучести кадров [2, с. 134]. Так, М. В. Дукманов подчеркивает, что ежегодно число молодых специалистов, окончивших ведомственные образовательные организации,

[1] © Шулимова В. М., 2022.

и уволившихся по собственному желанию в первой год службы составляет порядка 11–13 %, что существенно. Безусловно, для системы МВД России данное явление выступает негативной тенденцией [3, с. 4]. Государство заинтересовано в сотрудниках ОВД, которые бы могли в полной мере реализовывать свой профессиональный потенциал с учетом изучения и усвоения знаний об оперативно-служебной обстановке на конкретной территории.

Для преодоления указанных негативных тенденций в системе в системе органов внутренних дел Российской Федерации существует институт наставничества. Наставничество как работа с молодыми сотрудниками ОВД является давней традицией, но сегодня приобретает особую значимость. Наставничество обеспечивает «рождение» компетентного, эффективного, конкурентоспособного специалиста. Наставничество может осуществляться не только по отношению к молодым специалистам, но к другим сотрудникам, например, при переходе из одного подразделения в другое, повышении по служебной лестнице и т. д.

В 2013 г. на совместном заседании Государственного совета Российской Федерации и Комиссии при президенте Российской Федерации Президент В. В. Путин подчеркнул необходимость возрождения института наставничества как приоритета социально-экономического развития, федеральной образовательной и кадровой политики. В 2018 г. на Всероссийском форуме «Наставник», организованном Агентством стратегических инициатив, был составлен перечень поручений Президента Российской Федерации. В настоящее время наставничество является стержнем национальных проектов России «Образование», «Молодые профессионалы», «Социальные лифты для каждого».

Проект концепции кадровой политики МВД России до 2020 г. в качестве одной из приоритетных задач данной деятельности для органов внутренних дел Российской Федерации устанавливал обеспечение обновления кадрового состава ОВД при обеспечении преемственности опыта служебной деятельности [1]. Несмотря на то, что сам проект не прошел процесс утверждения и не стал полноценным ведомственным нормативным актом, можно отметить, что институт наставничества сам по себе признается государством и системой МВД России одним из важнейших и ключевых для области работы с кадрами.

Вместе с тем сам институт наставничества в органах внутренних дел на современном этапе развития не лишен проблем в реализации. Как отмечает Д. Б. Сардак, главная из них – наметившаяся тенденция формализма в деятельности самих наставников [4, с. 96]. Автор отмечает, что институт наставничества в ОВД не может быть реализован в полной мере, пока хотя бы часть сотрудников относится к нему посредственно, без должной серьезности. С мнением исследователя следует согласиться. В ряде случаев на практике получаем ситуацию, когда сама фигура наставника для молодого специалиста становится чем-то формальным, а непосредственное обучение и адаптация происходят по методу личных проб и ошибок. Естественно, в таких условиях только что пришедшему специалисту достаточно тяжело в полной мере реализовать свой личностный и профессиональный потенциал, ведь над ним тяготеет неизведанная служебная

деятельность, где помимо оперативных задач приходится сталкиваться с множеством стресс-факторов, для которых последний попросту может не найти ни физических, ни моральных сил.

Подводя итог, можно сказать о том, что современный институт наставничества в ОВД является важной составляющей частью процесса становления и адаптации молодого специалиста к специфике оперативно-служебной деятельности. Однако в настоящее время наблюдается ряд проблемных аспектов в данной области, в первую очередь они связаны с явлением формализма в реализации полномочий самих наставников. Естественно, это недопустимо, так как приводит к снижению возможностей для молодых специалистов в их профессиональной деятельности, а в ряде случаев и вовсе может подтолкнут сотрудника к увольнению. Мы видим, что наставничество в органах внутренних дел нуждается в определенной доли переосмысления и поиска новых форм повышения эффективности, что лишь повышает актуальность исследования данной тематики.

Список литературы

1. Концепция кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации в органах внутренних дел (на период до 2020 г.) (проект) // URL: https://17.мвд.рф.

2. Богатырева Л. И. Анализ основных кадровых тенденций в следственных подразделениях МВД России на современном этапе // Закон и право. 2019. № 4. С. 133–136.

3. Дукманов М. В. Правовое регулирование и организационное обеспечение адаптации на службе молодых сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : дис ... канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2019.

4. Сардак Д. Б. Актуальные проблемы института наставничества в системе органов внутренних дел // Закон и право. 2021. № 3. С. 96–99.

Шустикова М. В.[1]*,*
адъюнкт Восточно-Сибирского
института МВД России

Научный руководитель: ***Шаевич А. А.****,*
профессор кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского
института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

В современном правовом государстве существует развитая система правоохранительных органов, имеющая цель защитить права и свободы человека, обеспечить общественную безопасность и общественный порядок, а также они выполнить иные функции. В Российской Федерации для функционирования механизма защиты прав и свобод человека и гражданина созданы различные организации, министерства, учреждения, агентства и ведомства, однако в данной научной работе мы обратим свое внимание на одно из старейших министерств нашего государства – Министерство внутренних дел Российской Федерации.

В системе МВД России существуют образовательные организации, которые реализуют программы среднего профессионального и высшего образования по подготовке высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ). Следует сказать, что по окончании образовательной организации МВД России выпускники не только становятся сотрудниками полиции, непосредственно участвующими в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, но и сотрудниками юстиции, а также сотрудниками внутренней службы, которая создана для обеспечения функционирования системы МВД России [6].

В состав внутренней службы входят кадровые, тыловые, финансовые, штабные подразделения, а также инспекции, психологи и т. д. Психологи играют немаловажную роль в развитии сотрудников ОВД РФ, которые непосредственно общаются с правонарушителями. В свою очередь как сотрудник ОВД РФ будет общаться с правонарушителем, так и будет строиться дальнейшая работа с ним [5]: сможет ли он его убедить, например, раскаяться в содеянном или нет. Отсюда как раз можно сделать вывод о том, что у сотрудника полиции появляется необходимость развития социально-коммуникативной компетентности, поскольку она в некотором роде является решающим фактором, как быстро будет раскрыто какое-либо преступление или как будет вести себя правонарушитель.

Под социально-коммуникативной компетентностью обычно понимается способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми [3]. В состав компетентности включают совокупность знаний, умений

[1] © Шустикова М. В., 2022.

и навыков, обеспечивающих эффективное общение. Социально коммуникативная компетентность предполагает умение изменять глубину и круг общения, понимать и быть понятым партнерами по общению. Социально коммуникативная компетентность – это развивающийся и в значительной мере осознаваемый опыт общения между людьми, который формируется в условиях непосредственного взаимодействия. Процесс совершенствования коммуникативной компетентности связан с развитием личности [7]. Из литературы, театра, кино человек также получает сведения о характере коммуникативных ситуаций, проблемах межличностного взаимодействия и способах их решения. В процессе освоения коммуникативной сферы человек заимствует из культурной среды средства анализа коммуникативных ситуаций в виде словесных и визуальных форм [1].

В настоящее время сотрудники полиции придерживаются такой тактики, что для того чтобы успокоить правонарушителя, необходимо с ним просто нормально, адекватно и грамотно поговорить, ведь не всегда можно прибегать к физической силе. Известно, что не каждый человек может грамотно выражать свои мысли или доносить какую-либо мысль до окружающих, и именно поэтому необходимо обратить особое внимание на развитие социально-коммуникативной компетентности курсантов образовательных организаций системы МВД России, ведь в будущем курсанты будут непосредственно осуществлять взаимодействие с гражданами.

Отсюда мы можем сделать вывод, что важно, чтобы курсанты образовательных организаций системы МВД России сами поняли важность, необходимость и значимость социально-коммуникативной компетентности и уделяли ей внимание [8]. Стоит также сказать, что каждый индивид обладает своим уровнем владения социально-коммуникативных навыков, а значит, по-разному сможет решить ту или иную задачу. У кого-то эти навыки более выражены, у кого-то вообще не развиты. Здесь мы можем говорить и о положении курсанта в своем коллективе: как к нему относятся коллеги, прислушиваются ли вообще к нему, помогут ли они ему в трудной ситуации. Именно поэтому возникает еще одна необходимость развития данной социально-коммуникативной компетентности, поскольку положение курсанта в своей учебной группе будет показывать, как индивид будет вести себя на месте службы [9]. В дальнейшем это как раз является одним из важнейших факторов, определяющих успешность службы. Необходимо уделять внимание развитию социально-коммуникативной компетентности на отдельной учебной дисциплине, которая поможет развить свой потенциал и в учебе, и на службе.

Как мы уже упоминали ранее, курсанты образовательных организаций МВД России ничем не отличаются от сотрудников полиции, проходящих службу в территориальных органах МВД России. Если же курсант попросту не может ответить гражданину на его вопрос или игнорирует его, то у гражданина формируется неблагоприятное впечатление об ОВД РФ. Соответственно, даже если решение вопроса не находится в обязанностях курсанта образовательного учреждения МВД России, необходимо грамотно об этом объяснить гражданину. Если же все проходит успешно, то формируется положительный образ сотрудника полиции и повышается авторитет ОВД РФ в целом.

Как известно, в учреждении высшего образования существуют формы семинарских или практических занятий. Образовательные организации МВД России не исключение [2]. Соответственно, и на семинарских, и на практических занятиях курсанты отвечают на вопросы, которые им задает преподаватель, высказывают свою точку зрения или обсуждают какой-либо вопрос. Интересен же тот момент, что в учебной группе из 20 человек в обсуждение вступают только 5–7 курсантов, а остальные попросту отмалчиваются и не имеют никакого желания высказать свою точку зрения, а даже если и имеют, то стесняются сказать ее перед коллегами, ведь она может быть неверной или может быть не принята коллективом, а мы уже выяснили, что положение в коллективе является одним из факторов успешной службы [4]. Так почему же большинство курсантов не желают высказать свою точку зрения? Тут дело опять-таки касается социально-коммуникативной компетентности и необходимости ее развития.

Главным же можно считать умение принимать участие в коллективных делах, поскольку учебная группа, естественно, является коллективом. Учебные группы объединяются в курс, курсы объединяются в факультет, факультеты объединяются в институт. И все это является коллективом. Коллектив – это большая семья, в которой ты также не должен оставаться в стороне, а принимать непосредственное участие.

К сожалению, в каждом коллективе существует человек, который по тем или иным причинам отстраняется от коллектива. Такого индивида чаще всего называют «белой вороной». Так вот среди курсантов образовательных организаций системы МВД России вообще не должно находиться таких людей, которые попросту не умеют работать в коллективе, поскольку каждый несет ответственность не только за себя, но и за коллег – это так называемая коллективная ответственность. Для того чтобы правильно поставить себя в коллективе или перед гражданами, опять возвращаемся к необходимости развития социально-коммуникативной компетентности курсантов образовательных организаций системы МВД России [10].

Естественно, формирование, развитие и поддержка социально-коммуникативной компетентности курсантов происходит в процессе усвоения образовательных программ, которые закреплены в федеральный государственных образовательных стандартах (далее – ФГОС). Анализируя же ФГОС высшего образования по направлениям подготовки специалистов для системы правоохранительных органов, необходимо выделить, что развитие основных компетентностей у курсантов в настоящее время не является приоритетом образования. Необходимо создать новую учебную дисциплину, которая будет направлена на развитие социально-коммуникативной компетентности курсантов, а также необходимо реорганизовать работу психологов в образовательных организациях системы МВД России, поскольку это является определяющим фактором эффективности работы правоохранительных органов Российской Федерации.

Список литературы

1. Аверченко Л. К. Управление общением: теория и практикумы для социального работника : учебное пособие. М. : Инфра-М, 1999. URL: https://any-book.ru/book/show/id/590036.

2. Варламов С. А. Педагогическая модель формирования профессиональной компетентности курсантов вузов МВД России средствами социально-культурной деятельности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4. С. 159–162.

3. Занковский А. Н. Психология деловых отношений. Социально-коммуникативная компетентность // URL: https://psyera.ru/socialno-kommunikativnaya-kompetentnost-1747.htm.

4. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа комплексного подхода в образовании // Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы. М., 2004.

5. Кежов А. А. Социально-педагогическое сопровождение процесса формирования карьерной компетентности курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3 (71). С. 163–165.

6. Михайлова Т. Н., Маланов И. А., Цыренова В. Б. Содержательная сторона процесса формирования общекультурной компетентности курсантов вузов МВД России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 8 (205). С. 92–97.

7. Дыбина О. В. Диагностика социально-коммуникативной компетентности дошкольников. Методические рекомендации к процедуре диагностирования // URL: https://docs.google.com/document/.

8. Пухно П. С. Особенности формирования профессиональной идентичности курсантов вузов МВД России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. № 2(179). С. 98–101.

9. Смирнова Е. О. Детская психология : учебник. М., 2008.

10. Шумилова Е. А. Социально-коммуникативная компетентность как предмет исследования // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kommunikativnaya-kompetentnost-kak-predmet-issledovaniya.

РАЗДЕЛ IV. ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)

Бескоровайный А. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Безбородова Л. А.***,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В ГЕРМАНИИ

На сегодняшний день экстремизм представляет собой одно из наиболее опасных проявлений, возникающих в обществе. Конституция Российской Федерации прямо запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности [1].

Особую опасность экстремизм представляет тем, что он имеет тонкую грань между терроризмом и напрямую посягает на государственную безопасность Российской Федерации. В связи с этим вопросы профилактики экстремизма являются одной из наиболее важной деятельностью государственных органов и общественных организаций.

По мнению Р. С. Тамаева, на сегодняшний день в Российской Федерации выделают следующие виды экстремизма:

- политический экстремизм,
- национальный экстремизм,
- религиозный экстремизм [3].

Особенностью политического экстремизма является то, что объектом посягательства является соответствующая область политики. При этом насилие выступает одним из основных инструментов борьбы за власть, не исключающим насильственного изменения основ конституционного строя.

Национальный экстремизм характеризуется прежде всего политико-физической ликвидацией определенных народов или этнических групп.

Религиозный экстремизм является крайней формой отрицания других религиозный конфессий, враждебное отношение к лицам, исповедующим иные религиозные взгляды.

Проблему роста преступлений, связанных с экстремизмом, выделил Президент Российской Федерации В. В. Путин 17 февраля 2022 г. на Расширенном заседании коллегии МВД России.

В рамках превентивной работы В. В. Путин указал, что к профилактике экстремизма необходимо привлекать средства массовой информации, структуры

[1] © Бескоровайный А. В., 2022.

гражданского общества, молодежные объединения, представителей наших традиционных религий [6].

В частности, в соответствии ст. 3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» одним из направлений противодействия экстремистской деятельности является принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности.

Согласно данным МВД России статистика преступлений экстремистской направленности свидетельствует о значительном росте с каждым годом. Так, в 2019 г. зарегистрировано 585 преступлений, в 2020 г. – 833 преступлений, рост составил 42,4 %, в 2021 – 1 057 преступлений, рост составил 26,9 % [7].

Данная статистика показывает, что деятельность, направленная на профилактику экстремизма, является неудовлетворительной и среди молодежи все больше и больше распространяются экстремистские идеи.

Молодежь ввиду своей психологической незрелости наиболее подвержена распространению экстремистских идей, чем активно пользуются лидеры экстремистских организаций. Бесспорно, что выгоднее проводить превентивные меры среди молодежи, чем устранять последствия экстремизма.

Наиболее опасным для возникновения экстремистских идей является возраст от 14 до 23 лет. Недостаточное материальное обеспечение молодежи и недостаточная воспитательная работа в образовательных организациях являются одними из причин и условий возникновения экстремизма среди молодежи. Наиболее крайней формой экстремизма является молодежный экстремизм. Молодежный экстремизм как массовое явление последнего десятилетия выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения [4]. Активными участниками является молодежь, которой легко манипулировать.

Молодежный экстремизм в Российской Федерации, в частности, прогрессирует вследствие снижения культурных и образовательных установок, а также социально-экономического кризиса.

Особенностями распространения молодежного экстремизма являются:

– экстремизм складывается в основном в маргинальном окружении;

– экстремизм формируется в тех общественных группах, где сложился низкий культурный и образовательный;

– экстремистские идеи присущи тем общественным группам, которые приняли идеологию насилия в достижении собственных целей.

Наиболее опасным средством для распространения экстремистских идей является сеть Интернет, где молодые люди проводят большую часть времени.

По мнению директора Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде в сети Интернет С. А. Чурилова, причинами того, что интернет стал идеальным вариантом пропаганды экстремистских и террористических материалов, стала возможность широкого охвата аудитории, высокая скорость распространения пропагандистской информации через различные социальные сети и ее возможная анонимность [5].

В связи с этим государственным органам следует особое внимание уделить безопасности в сети Интернет и недопущению распространения нежелательного и экстремистского контента в открытых источниках.

Немалую роль в борьбе с экстремизмом играет также проведение очных профилактических мероприятий в учебных заведениях среди молодых людей.

Третья глава «Стратегии противодействия экстремизма в Российской Федерации до 2025 года», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 закреплено, что одним из направлений деятельности в рамках профилактики являются:

– создание и поддержка площадок для реализации потенциала несовершеннолетних;

– развитие подростковых и молодежных спортивных центров, мест интеллектуального досуга, сети объединений, кружков и секций на базе образовательных организаций [2].

В целом можно выделить основные направлении деятельности государственных и правоохранительных органов по профилактике экстремизма в области государственной молодежной политики:

– совершенствование региональных и муниципальных программ по воспитанию у несовершеннолетних уважительного отношения ко всем нациям, религиям;

– организация культурно-, спортивно-массовых мероприятий, обеспечение доступных программ для граждан в области культуры, спорта, творчества;

– создание и развитие государственной поддержки по воспитанию традиционных духовных ценностей;

– проведение мероприятий по патриотическому и нравственному воспитанию учащихся;

– информирование учащихся об опасности экстремистских организаций и сущности экстремизма в целом;

– проведение совместно с сотрудниками ОВД уроков, на которых разъясняется ответственность за совершение административных правонарушений в области экстремизма и за преступления экстремисткой направленности.

На сегодняшний день следует повысить эффективность профилактической работы в области экстремизма. Необходимо постоянное взаимодействие образовательных организаций и правоохранительных органов.

Таким образом, профилактика экстремизма является неотъемлемой частью государственной политики по противодействию экстремизма в Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7pur6okle379445320.

2. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475.

3. Тамаев Р. С. Уголовно-правовое и криминологическое обеспечение противодействия экстремизму : монография. М., 2008.

4. Шевченко М. А. Комментарий политолога о мерах по противодействию молодежному экстремизму // URL: http://www.biwork.ru/Novosti/Vse-novosti/-Ekaterina-Degaltseva-Volna-ekstremizma-uzhe-davno-dokatilas-i-do-nas.html.

5. Вайле С. П. Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 5. С. 15–20.

6. Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/-president/news/67795.

7. Официальный сайт МВД России // URL: https://мвд.рф/.

Бехзоди Ф. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Горшенева И. А.****,*
заведующий кафедрой иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЧИСЛЕННОСТИ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИММИГРАНТОВ

Чтобы получить оценку численности нелегальных иммигрантов, принято в первую очередь полагаться на подход, используемый Управлением иммиграционной статистики Министерства внутренней безопасности (DHS OIS). DHS оценивает и пересматривает свои методы в течение установленного срока, и его последняя оценка относится к январю 2018 г. Доверие к подходу DHS не следует воспринимать как указание на то, что предполагается, что он намного эффективней, чем подходы, используемые такими организациями, как Центр миграционных исследований или Исследовательский центр Пью. Скорее, подход DHS используется, потому что метод прост и его легче всего воспроизвести на основе информации, которая этот уже была опубликована. Данный подход сначала на основе административных данных оценивает законное население иностранного происхождения, а затем вычитает это число из количества недавно прибывшего иностранного населения в ACS. Разница или «остаток» после исключения легальных иммигрантов представляет собой основу оценки, которая затем корректируется в сторону увеличения, чтобы отразить недоучет нелегальных иммигрантов при обследовании. Основное различие между этим методом и методом, используемым DHS, заключается в том, что используется ежемесячный CPS, а не ACS расшифровать в сносках.

Почему необходим текущий опрос населения? Как уже обсуждалось, основное преимущество использования ежемесячного CPS заключается в том, что он позволяет получать своевременные оценки, при возможности, в течение месяца сразу после сбора данных, поскольку опрос публикуется очень оперативно. Пандемия Covid-19 создала действительно серьезные проблемы для Бюро переписи населения при сборе данных. BLS сообщает, что процент ответов на CPS после марта 2020 г. был ниже, чем до Covid-19, хотя показатели улучшились после достижения минимума в июне 2020 г., связанных с пандемией, BLS по-прежнему могла получать оценки, соответствующие установленными стандартам точности и надежности». Проблемы с САУ 2020 более серьезные.

---

[1] © Бехзоди Ф. А., 2022.

Проблемы с опросом американского сообщества. В отличие от ежемесячного CPS, Бюро переписи населения заявляет, что оно «не умело собрать информацию от определенных слоев населения» для ACS в 2020 г. В результате было опубликовано относительно небольшое количество данных информации из этого опроса. В настоящее время кажется маловероятным, что ACS 2020 г. можно использовать для оценки нелегальной иммиграции. Это может измениться, но почти наверняка потребуется значительно более внимательный повторный учет данных и другие корректировки, которые также способны вызвать новые проблемы. В настоящее время Бюро переписи еще этого не делает. До полного внедрения ACS в 2005 г. некоторые исследователи, например из Pew Research Center, использовали CPS для измерения уровнем нелегальной иммиграции. Но, как и Министерство внутренней безопасности, для оценки количество нелегальных иммигрантов Pew теперь полагается на ACS в силу гораздо большего размера выборки.

Годовой ACS и ежемесячный CPS взвешиваются одинаковым образом, и оба они показывают равное количество иностранцев, в то время как CPS за июль 2019 г. показал 44,8 млн. Какое исследование корректней охватывает эту группу населения, остается неясным. Основным недостатком CPS является то, что он имеет гораздо большие пределы погрешности из-за гораздо меньшего размера выборки. ACS отбирает около 3,5 млн домохозяйств по сравнению с примерно 60 000 для ежемесячного CPS. Это означает, что ACS дает более статистически надежные оценки, а его большая выборка также позволяет проводить более подробный анализ лиц, родившихся за границей, включая нелегальных иммигрантов. При этом отставание в выпуске данных ACS и проблемы с их сбором в 2020 г. означает, на наш взгляд, что ежемесячный CPS в настоящее время является оптимальным вариантом для получения оценок численности нелегального населения, отражающих существующие условия.

Относительно административных данных по новым законным прибытиям, используем несколько источников оценки числа лиц, добавленных к легальному населению, родившемуся за границей. До середины 2021 г. использовались данные, опубликованные Бюро переписи населения США, для новых законных постоянных жителей (LPR), лиц, получивших рабочую визу, и студентов. После середины 2021 г. стали использовать данные DHS OIS, а с июля по сентябрь количество Прибытий ЛНР. Для новых LPR после сентября 2021 г. применяется номер виз на постоянное жительство, выдаваемых Государственным департаментом. Для владельцев не иммиграционных виз также правомерно количество, выданное Государственным департаментом на текущей момент в 2022 финансовом году. Для беженцев до 2019 г. применима Таблица 13 Ежегодника иммиграционной статистики [2]. Следует принять во внимание что отчеты об иммиграционных исследованиях за 2020 и 2021 гг. основаны на данных, опубликованных Центром обработки беженцев. Для прибытий в 2022 финансовом году (с октября 2021 г. по январь 2022 г.) применимы данные из Центра обработки беженцев. Что касается предоставления убежища до 2019 г., следует исходить из данных Таблицы 16 Ежегодника иммиграционной статистики. Мы основываем количество

предоставления убежища после 2019 г. Необходимо базироваться на данных, опубликованных иммиграционными судами до декабря 2021 г.

Оценка легального населения, родившегося за границей, определятся верхней частью Таблицы 1 (строка 1) [2], где указано легальное постоянное население, родившееся за границей. В январе каждого года публикуется количество в основном натурализованых граждан, законных постоянных жителей, лиц, получившие убежище и беженцев. Строка 2 – это количество не иммигрантов в стране, в основном гастарбайтеров и иностранных студентов. Здесь также отправной точкой является январь, потому что DHS оценивает нелегальное население с января каждого года. Цифры, выделенные зеленым цветом, взяты из оценки DHS о нелегальных иммигрантах за 2018 г. и из отчета DHS за 2019 г. о не иммигрантском населении. В последнем столбце Таблицы 1 цифры перенесены на февраль 2022 г.

По оценкам DHS, в январе 2018 г. законное население, родившееся за границей (постоянное и не иммигранты), прибывшее в 1980 г. или позже, составляло 27,17 млн человек (строка 3). DHS ограничивает законных рожденных за границей лицами, прибывшими в 1980 г. или позже, поскольку, как уже отмечалось, не должно быть никаких (или лишь весьма незначительное количество) нелегальных иммигрантов, прибывших до 1980 г. Все нелегальные иммигранты, прибывшие до 1980 г., должны получать правовой статус в соответствии с Законом об иммиграционной реформе и контроле (IRCA) 1986 г. или разделом 249 Закона об иммиграции и гражданстве, позволяющим нелегальным иммигрантам с очень длительным сроком пребывания получать грин-карты. Перенесем оценку DHS легального иностранного происхождения на 2018 г., используя административные данные, рассмотренные выше, для оценки числа прибытий, а также учитывая смертность и эмиграцию среди существующего легального населения. Так, в январе 2022 г. легальное иностранное население составляло 29,83 млн человек, а в феврале – 29,91 млн человек.

Недоучет легальных и нелегальных иммигрантов. В середине Таблицы 1 (строки с 4 по 6) [2] полученные оценки законного населения, родившегося за границей, скорректированы в сторону понижения, с целью отражение недоучет при проведении обследования населения этих групп. Строка 4 показывает постоянное население, родившееся за границей, после корректировки в сторону понижения. Строка 5 показывает не иммигрантское население после корректировки в сторону понижения. Строка 6 показывает общее количество законно родившихся за границей (строки 4 и 5 суммируются). В строке 7 показано общее количество некубинского населения, родившегося за границей, которое прибыло в 1980 г. или позже в январе (или только в феврале 2022 г.) с использованием общедоступных ежемесячных данных CPS16. В строке 8 вычитается общее количество легальных иммигрантов строки 6 из общего числа население иностранного происхождения после 1980 г. в общедоступном ежемесячном CPS. В строке 9 это число корректируется в сторону увеличения, чтобы отразить заниженный учет нелегальных иммигрантов в опросе. В строке 9 представлена численность нелегальных иммигрантов на основе месячной численности населения с 2019 по

2022 г. На январь 2022 г. это число составляло 11,35 млн человек, предварительная оценка на февраль составляла 11,46 млн.

Оценки других организаций. Помимо DHS, двумя ведущими организациями, занимающимися оценками численности нелегальных иммигрантов, являются Центр миграционных исследований (CMS) и Исследовательский центр Pew Research Center. Как и DHS, обе организации основывают свои оценки на ACS; тем не менее оба сообщают о более низких оценках нелегальных иммигрантов, чем DHS в последние годы. Изучение причин этих различий между DHS, Pew и CMS выходит далеко за рамки данного анализа. Но, безусловно, возможно подкорректировать оценки в соответствии с оценками CMS, у которых имеются более свежие данные. Оценка CMS за 2019 г., которая является самой последней, показывает, что количество нелегальных иммигрантов на 90,2 % превышает прогнозируемую оценку за указанный год. Если снизить представленную оценку на январь 2021 г. на эту сумму, можно получить оценку в 9,21 млн человек. Если сделать то же самое в январе 2022 г., то, по оценкам, это составит 10,24 млн долларов [1, с. 171]. Главное, что следует иметь в виду, – это то, что корректировка полученных оценок в соответствии с предыдущими результатами CMS не меняет основного вывода о том, что в 2021 г. число нелегальных иммигрантов было намного ниже, чем в 2019 г., в то время как в 2022 г. их число намного выше, чем в 2021 г.

Список литературы

1. Кужевская Е. Б. Миграционные процессы как особые условия полицейской деятельности // Тактико-специальная подготовка сотрудников ОВД : сборник научных трудов сотрудников кафедры : сборник научных статей II-й Всероссийской конференции, Москва, 27 сентября 2019 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 171–175.

2. URL: https://cis.org/Report/Estimating-Illegal-Immigrant-Population-Using-Current-Population-Survey.

Бурмистрова А. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Законодательное регулирование тех или иных вопросов различными государствами всегда носит особый характер, несмотря на принадлежность к той или иной правовой семье. В связи с этим представляет научный интерес рассмотреть подходы к регулированию оперативно-разыскной деятельности в аспекте сравнительно-правового анализа зарубежного законодательства на примере стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки (США) и национального законодательства Российской Федерации.

Прежде всего стоит отметить, что для выбранных к сравнительно-правовому анализу государств аналогичным образом, как и в Российской Федерации, отсутствовало законодательное урегулирование оперативно-разыскной деятельности до XX в. Противодействие преступности независимо от ее формы (в том числе и видов совершаемых преступлений) ограничивалось прецедентной практикой, базирующейся на более общих законах. Неэффективность используемых средств и методов в борьбе с преступностью вызвала необходимость активного использования оперативных методов работы в деятельности правоохранительных органов.

Происходящий рост преступности в XX в. способствовал формированию оперативно-разыскного законодательства в целях обеспечения внутренней безопасности. Первые шаги на пути к созданию оперативно-разыскного законодательства были предприняты в США и Франции в 1968 г. Данный тезис следует из закрепленной в нормативной правовой форме возможности компетентных лиц государств осуществлять контроль и прослушивание телефонных переговоров, несмотря на отдельные положения национальных конституций.

Впоследствии аналогичные законы были приняты во Франции в 1991 г. и в Великобритании в 2000 г. Подходы указанных государств также стали примером для правового регулирования для многих государств Западной Европы. Однако, несмотря на схожесть подходов, следует отметить и наличие отдельных характерных особенностей у некоторых из государств.

К примеру, в Германии и Франции система правового регулирования оперативно-разыскной деятельности формируется за счет двух групп норм: оперативно-разыскных и уголовно-процессуальных. За счет них государство осуществляет урегулирование ряда оперативных мероприятий [5, с. 17]. В рамках осуществления уголовного процесса в странах Западной Европы реализуется возможность использования полученных сведений посредством осведомителей и агентуры, которые впоследствии могут получить надлежащую оценку судом

[1] © Бурмистрова А. А., 2022.

по уголовному делу и стать значимыми доказательствами. В свою очередь в российской правоприменительной практике агентурная работа носит больше информационный характер, а не доказательственный.

Еще одним отличительным критерием норм оперативно-разыскного законодательства зарубежных государств выступает отсутствие ограничений на объектный состав, в отношении которых могут проводиться оперативно-разыскные мероприятия, т. е. возможность проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении граждан, обладающих особым статусом и служебным положением.

Следование данному критерию, с одной стороны, позволяет говорить о формировании единого правового статуса между всеми категориями граждан, создании более благоприятных условий для сотрудников оперативных подразделений в борьбе против преступлений, совершаемых государственными чиновниками. С другой же стороны, правовой статус государственных лиц в данном случае менее защищен от возможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов.

Нельзя не отметить свойственный англо-саксонской системе права институт создания прецедентов судами, который активно используется в судебной деятельности на различных уровнях. Формируя прецедент, судебная власть (независимо от законодательной) оказывает влияние на формирование практической деятельности правоохранительных органов с учетом основным прав и свобод человека и гражданина. В частности, можно привести пример множества постановлений Европейского суда по правам человека, связанных с вторжением в личную жизнь человека со стороны государства.

Проведение сравнительного правоведения России и зарубежных стран в области урегулирования оперативно-разыскной деятельности позволяет сделать вывод о том, что норма оперативно-разыскного законодательства и уголовно-процессуальные нормы зарубежных стран существуют в тесной взаимосвязи и гармонично дополняют друг друга [2, с. 35]. На протяжении длительного исторического периода в России правовое регулирование оперативно-разыскной деятельности претерпевали значительные и фундаментальные изменения, в частности со сменной общественного строя по итогам Великой Октябрьской социалистической революции. Однако закономерным с исторической точки зрения итогом регулирования оперативно-разыскного законодательства стала разработка закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (утратил силу в связи с принятием Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») № 2506-1 от 13 марта 1992 г. [4]. Вступление в силу указанного закона стало началом нового этапа формирования законодательства в сфере оперативной деятельности.

Положения закона сконцентрировали в себе основные принципы и основы правовой регламентации оперативной деятельности, а также правовое положение лиц, вовлекаемых в оперативно-разыскную деятельность, что явилось стержневым фактором для всего оперативно-разыскного законодательства. Все нормативные правовые акты, принятые после 1992 г., представляется логичным

отнести к современному состоянию правовой регламентации оперативно-разыскной деятельности [1, с. 57].

Следует отметить, что вопросы баланса публичных (государственных) и частных (личных) интересов всегда возникают в процессе формирования преступности нового типа или же при активизации террористической деятельности. Чем больше государства испытывают угрозы – тем сильнее они вынуждены ограничивать основные права и свободы путем предоставления новых полномочий правоохранительным структурам. Этот тезис подтверждается существенными изменениями в подходах правового регулирования оперативно-разыскной деятельности после событий начала XXI в., когда повсеместно совершались террористические акты, масштаб которых ранее не был известен для человечества.

Сложившееся обстоятельство привело к пересмотру существовавших норм оперативно-разыскного законодательства во всех странах Запада, в США и в России, стало предоставляться больше прав оперативным сотрудникам, ведущим борьбу с терроризмом и иными государственными преступлениями [3, с. 112–115].

Рассмотрим более детально изменения, произошедшие в США, поскольку данное государство наиболее активно вторгается в частную жизнь как своих, так и иностранных граждан. В частности, нельзя не отметить наличие термина «дознания с пристрастием» в их юрисдикции. Неоднократно в процессе обсуждения изменений правовых оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Помимо этого, в США правоохранительные структуры осуществляют значимый контроль за информацией в сети Интернет, на теле- и радиоэфирах. Данный контроль направлен на получение информации о потенциальной террористической угрозе с целью ее пресечения с минимизацией рисков для государства и общества. Для этого применяются базы данных различного уровня.

Произошедшие изменения в оперативно-разыскном законодательстве повлекли как положительные, так и отрицательные последствия. Расширение полномочий оперативных сотрудников в целях успешного противодействия таким угрозам, как терроризм, несомненно, имеет положительную направленность по повышению эффективности борьбы со всеми видами преступлений, включая террористические и экстремистские действия. Однако формирование норм оперативно-разыскного законодательства должно оптимально совмещать в себе изменения, направленные на более эффективное противодействие преступности, а также обеспечить сохранение и развитие конституционных прав и свобод граждан при реализации оперативно-разыскной деятельности.

Список литературы

1. Алферов В. Ю., Гришин А. И., Ильин Н. И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 40.05.01 «Правовое обеспечение национальной безопасности» (специализация «Уголовно-правовая») и специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» (специализация «Административная деятельность»). 3-е изд., испр. и доп. Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016.

2. Домбровский Р. Г. Соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 1 (25). С. 34–35.

3. Кужевская Е. Б., Туманов А. С. Особенности определения преступного умысла в уголовном праве США // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 г. / сост. А. А. Сарсенова. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 112–115.

4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=l7rmydz9qo625955255.

5. Шкабин Г. С. Зарубежный опыт уголовно-правового обеспечения оперативно-разыскной деятельности // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 15–18.

Жоков Д. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Безбородова Л. А.***,
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУППИРОВОК

«Преступление § 236 Уголовного кодекса (StGB) – торговля детьми – не включает в себя все, что могут предложить реальные европейские рынки с детьми. А также включает лишь малую часть того, что касается торговли детьми в Германии и что происходит на немецкой земле».

Торговля детьми – это всегда торговля людьми. Таким образом, в уголовной оценке торговли детьми также должны рассматриваться составы § 232 (торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации) и 233 (торговля людьми в целях трудовой эксплуатации) Уголовного кодекса. Но они также содержат только часть того, что действительно происходит в сфере торговли детьми в Европе, а также в Германии [1].

Немецкое уголовное право защищает детей от торговли людьми и эксплуатации только в определенных областях. Отсутствует конкретное и всеобъемлющее уголовное положение, адаптированное к текущим вызовам.

«У нас нет понятия торговля детьми», – сказал один из сотрудников берлинского управления по делам молодежи на специальном мероприятии Международной социальной службы (ISD) осенью 2015 г., посвященном вопросам торговле детьми в Германии. На самом деле есть много признаков того, что службы по делам молодежи и другие организации Германии, работающие в сфере защиты молодежи, все чаще занимаются случаями торговли детьми на территории всей Германии, зачастую не относя их к категории данных преступлений.

Недостаточное понимание этого явления может привести к тому, что коммерческая эксплуатация детей и молодежи не будет признана противоправным деянием, необходимые меры защиты и противодействия не будут приняты, а потребности пострадавших детей и молодежи останутся незамеченными.

В настоящее время в Германии данные о коммерческой эксплуатации малолетних и несовершеннолетних можно обнаружить только в статистике Федерального ведомства криминальной полиции о торговле людьми [2].

При принудительной проституции беспомощность или затруднительное положение отдельных лиц – обычно женщин или детей – часто эксплуатируется с помощью физического или психологического насилия [3].

---

[1] © Жоков Д. В., 2022.

Наряду с торговлей женщинами для (принудительной) проституции, которая процветала в течение десятилетий, существует также торговля детьми, полностью адаптированная к условиям рекрутинговых стран Восточной и Юго-Восточной Европы и потребностям западных промышленно развитых стран.

И эта торговля детьми в Европе, а также в Германии имеет разные, в основном очень уродливые лица. Она также приняла формы и размеры в некоторых областях, которые ждут не только ответа в виде специального положения в уголовном праве Германии, но и (более) подходящих и (более) эффективных боевых стратегий.

До сих пор сохраняется вера, что торговля людьми, в том числе детьми, станет явлением ушедших времен (торговля людьми или детьми Римской империи). Время, когда 2000 лет назад мужчин, женщин и детей предлагали и продавали вполне естественно на невольничьих рынках: мужчин с мускулами в качестве рабочих. Женщины и дети выставлялись обнаженными в качестве сексуальных рабов. Время, когда рабам приходилось соревноваться в качестве гладиаторов, их тут же, отдавали на съедение хищникам, ради развлечения и удовольствия сильных мира сего. Время, когда рабы рассматривались не как люди с правами человека, а как объекты, которые можно приобрести, использовать и выбросить после использования [1].

Торговля людьми и детьми также существовала и в то время, когда происходила трансатлантическая торговля мужчинами, женщинами и детьми, и они отправлялись с африканского континента в Америку для порабощения на своей новой родине.

Что касается торговли людьми, можно также вспомнить Третий рейх и тот факт, что Гиммлер рано осознал, что евреи могут быть более полезными живыми, чем мертвыми, и продал так называемых обменных евреев в дьявольских сделках за товары и деньги.

Но людьми, в частности, несовершеннолетними по-прежнему торгуют. Здесь, сегодня, среди нас. Больше, чем мы осознаем, и больше, чем мы хотим воспринимать. Отчасти не менее жестоко, чем тогда, 2000 лет назад, в Римской империи.

Наряду с другими точками пересечения между богатыми и бедными (например, США-Мексика или Камбоджа-Таиланд), Европа в настоящее время является одним из важнейших центров торговли людьми в мире [1].

Помимо молодых женщин, на этих самых грязных из всех европейских рынков все чаще предлагаются, торгуются и эксплуатируются дети. И Германия, и немцы играют в этом не последнюю роль. Предоставляя платформу для эксплуатации слабых и уязвимых, создавая и поддерживая условия, которые защищают правонарушителей и противостоят жертвам. Но самое главное, Германия разрешает эксплуататорам эксплуататировать детей, которые в дальнейшем вовлекаются в кражи, попрошайничество, используются сутенерами, педофилами, извращенцами…

В течение многих лет Европа и Германия в значительной степени сталкивались с различными, бесчеловечными и эксплуататорскими преступлениями, в том числе осуществляемыми организованными преступными группировками,

в ущерб детям, и до сих пор не было найдено никаких средств пресечения, сдерживания и изменения этого.

В этом контексте не следует забывать, что дети также являются жертвами торговли лицами, ищущими убежища. Они продолжают прибывать на Лампедузу и другие европейские побережья, измученные и одинокие, с родителями или родственниками на переполненных лодках – в надежде на (лучшее) будущее.

Детские органы также являются востребованным товаром на криминальных, европейских рынках. И последнее, но не менее важное: некоторые государства-преемники Советского Союза, прежде всего Республика Молдова, а также балканские страны, затронуты в значительной степени. В Юго-Восточной Европе похищения детей и торговля детьми с целью незаконного извлечения органов являются постоянной проблемой. Особенно страдают дети из числа меньшинств, проживающие там. Кто такие страны-клиенты, как правило, можно только догадываться и является хорошо хранимым секретом. Детей также незаконно продают на усыновление. В Германии в настоящее время можно предположить соотношение 1:10 к 1:12. Из десяти или двенадцати желающих усыновления только одно может быть выполнено из-за строгого законодательства об усыновлении. Такие расхождения всегда открывают дороги для преступности, и поэтому дети также незаконно продаются в Германию на серых рынках. В большинстве случаев немецкие следственные и прокурорские органы не имеют возможности вмешаться. Имеются необходимые документы, подписанные судьей в Гватемале или компетентным органом в Восточной или Юго-Восточной Европе. Торговля (по-видимому) легальна и все же выходит за рамки официальных институтов. После российского «закона Димы Яковлева» 2012 г., который запрещал гражданам США усыновлять российских детей, ситуация для российских сирот (которые на самом деле часто не сироты, а дети, оставленные в одиночестве из-за родителей алкоголиков или наркоманов) значительно ухудшилась [4, с. 174–175].

Несмотря на все (пограничные) политические изменения последних лет, сближения и усилия на европейском уровне, между заинтересованными европейскими государствами по-прежнему слишком мало хорошо функционирующих, полицейских и судебных общностей и сотрудничества. Этих «совместных следственных групп» по-прежнему слишком мало, а также слишком мало успехов в ликвидации соответствующих организованных преступных группировок и иных организаций [1].

Создание совместных межправительственных следственных подразделений должно быть не исключением в случае отправок малолетних и несовершеннолетних на эксплуатацию во всех ее проявлениях, а общей европейской практикой.

Тем не менее европейские гангстеры по-прежнему опережают европейскую полицию (и судебную систему), и успехи в борьбе с международной транснациональной преступностью – от кражи со взломом до массового воровства, обмана, попрошайничества в конечном итоге – все еще слишком редки, учитывая общий объем.

В течение многих лет Европа и Германия в значительной степени сталкивались с различными, бесчеловечными и эксплуататорскими преступлениями про-

тив детей как отдельно взятыми преступниками, так и организованными преступными группировками, и не было найдено никаких путей и средств, чтобы обуздать и изменить это [1].

Торговля женщинами и детьми в Европе будет непреодолимой до тех пор, пока экономические и социальные условия между странами-поставщиками и странами-получателями, даже в рамках Европейского Союза, будут столь же сильно различаться, как и сейчас. Это прежде всего политические решения и меры, адаптированные к вызовам, которые необходимы, а в некоторых случаях уже назрели, чтобы быть более эффективными, чем прежде, в единой и безграничной Европе. В то время как разумные и эффективные меры и программы, осуществляемые Европейской комиссией, имеют традицию (достаточно вспомнить такие программы, как Stopp 1, Stopp 2, Daphne, Agis и т. д.), национальные усилия и успехи Германии в борьбе с торговлей женщинами и детьми весьма ограничены.

Новый закон о проституции, запущенный в 2014–2015 гг., не содержит то, что было бы необходимо для более эффективной борьбы с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией женщин и детей в Германии и для защиты (потенциальных) жертв больше, чем раньше. Однако в дополнение к значительному ужесточению закона о проституции, адаптированного к подлинным обстоятельствам, это также требует других, более эффективных мер, особенно тех, которые адаптированы к вызовам организованной преступности (ОП). Например, уголовно-процессуальные нормы, усложняющие привычные сделки в суде; перенос бремени доказывания в определенных ситуациях; подходящее основание для увеличения конфискации средств и товаров, полученных преступным путем; дальнейшее расширение и оптимизация международного/двустороннего сотрудничества между следственными и правоохранительными органами.

До тех пор, пока реальность не будет восприниматься или оцениваться политически или неохотно, а также до тех пор, пока не будут приняты правила и меры, адаптированные к преступности, женщины и дети будут по-прежнему вывозиться в Германию, для того чтобы в дальнейшем их можно было вовлечь в гей-сообщества, проституцию, детскую порнографии, использовать и эксплуатировать в качестве попрошаек, клаукидов или мошенников, посметить в публичные дома, тайные квартиры и т. д.

До тех пор, пока дети в этой стране не защищены должным образом от эксплуатации, преступники и группы преступников, организованные преступные группы (ОПГ), клиенты, педофилы и извращенцы будут продолжать их вовлекать и использовать – в основном без помех и без судебного преследования.

Список литературы

1. Криминальная полиция (журнал союза полиции). Дети на службе (организованной) преступности // URL: https://www.kriminalpolizei.de/ausgaben/ 2015/juni/detailansicht-juni/artikel/kinder-im-dienst-der-organisierten-kriminalitaet.html.

2. Криминальная полиция (журнал союза полиции). Международное сотрудничество криминальной полиции // URL: https://www.kriminalpolizei.de/-

ausgaben/2004/dezember/detailansichtdezember/artikel/internationale-kriminalpolizeiliche-zusammenarbeit.html.

3. Криминальная полиция (журнал союза полиции). Проституция // URL: https://www.kriminalpolizei.de/service/praevention-kompakt.html?tx_dpnglossary_glossary%5Baction%5D=show&tx_dpnglossary_glossary%5Bcontroller%5D=Term&tx_dpnglossary_glossary%5Bterm%5D=342&cHash=3108cdada9bc6a8efd51f1b828f4e572.

4. Кужевская Е. Б., Смык Е. И., Грачева А. С. Порядок попечения о детях, оставшихся без присмотра в силу задержания или заключения под стражу их родителей (зарубежный опыт) // Портрет инспектора по делам несовершеннолетних : сборник научных трудов Всероссийской конференции, Москва, 28 мая 2020 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 174–176.

Кузнецов М. Б.[1]*,*
преподаватель-методист отделения
планирования учебного процесса
отдела организации учебного процесса
управления учебно-методической работы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кужевская Е. Б.****,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат философских наук

ВЛИЯНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СИСТЕМУ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЭСТОНИИ

Когда Эстония была в составе СССР, ее система административных наказаний соответствовала советской. После вхождения в состав Европейского Союза (ЕС), система и порядок наложения административных наказаний в Эстонии существенно изменились. Статус государства – члена ЕС подразумевает совмещение системы административных взысканий путем переноса административных наказаний, предусмотренных правом ЕС, в рамки внутреннего административного производства. Такой опыт преобразования схожей с нашей системы административных наказаний может представлять определенный научный интерес и для отечественного административного права.

Административные наказания в Эстонии были отменены в 2002 г., и с тех пор все незначительные правонарушения классифицируются как уголовные проступки. Перенос незначительных правонарушений в категорию проступков означает их отнесение к принципам и нормам уголовного права. Таким образом, наказание правонарушителей в Эстонии относится к сфере уголовного права, а не административного права. По сравнению с уголовным порядком рассмотрения деликтов административное производство является более быстрым и эффективным способом выявления и наказания правонарушителей благодаря административному порядку рассмотрения правонарушения, осуществляемому регулирующими органами и должностными лицами. Это особо выделяет административный порядок рассмотрения мелких правонарушений на фоне необходимости судебного рассмотрения при применении уголовной процедуры.

Однако в последние десятилетия грани между уголовными и административными наказаниями в Европе сместились [1]. ЕС широко применяет административные взыскания в своих нормативных правовых актах. Несмотря на то, что ст. 83 Договора о функционировании Европейского Союза допускает использование уголовных наказаний, ЕС продолжает предпочитать административные

[1] © Кузнецов М. Б., 2022.

наказания. Меры ответственности, предусмотренные в законодательстве ЕС, называются административными, но законодательство ЕС на самом деле не исключает возможности их применения в рамках разбирательства схожего с процедурой рассмотрения проступка в Эстонии.

Как отмечалось выше, применение административных наказаний, в отличие от уголовных, обеспечивает более эффективную скорость рассмотрения правонарушений. Производство в таком случае осуществляется органом, который выявляет правонарушение и применяет соответствующую меру наказания, что значительно ускоряет рассмотрение деликта. В Эстонии большинство проступков первоначально рассматриваются регулирующими органами, уполномоченными налагать наказания в виде штрафов, поэтому свойственная административной процедуре скорость и эффективность сохраняются. Несмотря на привлекательность, эта эффективность не может быть достигнута за счет нарушения основных прав и свобод, так как это противоречит Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) и Конституции Эстонии [2]. Если преступление предусматривает суровое наказание, государство должно предоставить лицу, обвиняемому в таком преступлении, практические и эффективные средства для защиты. Но при рассмотрении и вынесении решений тем же органом, что осуществлял производство по делу, обеспечение гарантий защиты и справедливого решения вызывает сомнения.

Фактически, во многих нормативных правовых актах ЕС указывается, что государства-члены могут не применять наказания административного характера за деяния, которые по внутреннему праву государства предусматривают уголовные наказания [3, 4]. Если Эстония намерена принять административные наказания ЕС в рамках административного производства, то должна быть разработана новая процедура, соответствующая требованиям ЕС.

Более того, в соответствии с требованиями ЕС возникает необходимость повышения максимального размера штрафной санкции как за преступление, так и за проступок. Но резкое увеличение наказания в виде штрафа за проступки значительно нарушит баланс между строгостью ответственности за проступок и преступление.

Так же стоит учесть решение Европейского суда по правам человека о том, что рассмотрение деликта, предусматривающего наложение наказания административным органом, будет соответствовать ст. 6 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) только в случае, если такое решение допустимо обжаловать в независимом и беспристрастном органе [5]. При текущей процедуре первое решение по результатам рассмотрения принимается тем же органом, который расследовал и вел дело. Для соответствия этому требованию Эстонии необходимо менять данную процедуру.

Тем не менее существующая в Эстонии процедура рассмотрения проступков потенциально способна отразить необходимость эффективного наказания правонарушителей и обеспечить права и гарантии, предусмотренные ЕКПЧ, но требует изменений и соответствия нормам ЕС.

Таким образом, принятие административных наказаний ЕС требует пересмотра существующих в Эстонии процедур применения мер административной

ответственности путем совершенствования текущей процедуры рассмотрения мелких правонарушений в рамках законодательства о проступках. Изменение механизма наказания в рамках уголовных проступков, приведение его к соответствию с нормами и стандартами обеспечения прав человека позволит повысить качество и эффективность применения данного вида ответственности в Эстонии.

Список литературы

1. A. Weyembergh and N. Joncheray, «Punitive Administrative Sanctions and Procedural Safeguards. A Blurred Picture that Needs to be Ad- dressed», (2016) 7 New Journal of European Criminal Law, 190.

2. Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council, Art. 58(2). URL: https://www.legislation.gov.uk/eudr/2015/849/article/58.

3. Regulation (EU) № 1286/2014 of the European Parliament and of the Council, Art. 22(1). URL: https://www.legislation.gov.uk/eur/2014/1286/article/22.

4. Directive (EU) 2016/97 of the European Parliament and of the Council, Art. 31(2). URL: https://www.legislation.gov.uk/eudr/2016/97/article/31.

5. European Court of Human Rights, 4 March 2014, Appl. no. 18640/10, Grande Stevens v. Italy, paras 138 and 161.

Мельникова С. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК МНОГОГРАННАЯ УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Одним из важнейших факторов формирования собственной миграционной политики государства является анализ и изучение миграционных процессов, происходящих как в нашей стране, так и в мировом миграционном пространстве.

Политические и общественные деятели практически всех стран мира все чаще устанавливают связь между миграционной политикой государства и национальной безопасностью.

При попытке дать наиболее лаконичное определение термину «миграция» решающее значение будут иметь две составляющие данного понятия: во-первых, миграция – это территориальные перемещения населения и, во-вторых, результатом таких перемещений является смена места жительства [2, с. 24].

Незаконная миграция – это въезд, пребывание и выезд из определенной страны иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан; произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории другого государства, а также выезд с территории страны ее граждан с нарушением законодательства, регулирующего порядок их выезда [3, с. 31].

В реалиях современного мира обстоятельствами, способствующими межгосударственной (внешней) и внутригосударственной миграции населения являются:

- международные военные конфликты и гражданские войны,
- преследования по этническому и религиозному признакам,
- несоблюдение либо нарушение прав человека и гражданина,
- проблемы в сфере экономики,
- серьезное ухудшение экологической обстановки,
- политические и социальные кризисы.

Исходя из практического опыта как России, так и зарубежных стран, незаконная миграция является одним из факторов, оказывающих негативное влияние на рост проявлений национализма, религиозного экстремизма.

Кроме того, незаконная миграция способствует увеличению количества преступлений, совершаемых на территории принимающего государства, незаконному обороту оружия, наркотических и психотропных веществ, а также их прекурсоров [1, с. 86].

---

[1] © Мельникова С. В., 2022.

Контроль над процессами миграционного характера является неотъемлемой частью системы нейтрализации возможной угрозы национальной безопасности. Регулирование данной проблемы – одно из приоритетных направлений деятельности как государства в целом, так и правоохранительных органов, в частности, по ряду причин и прежде всего это:

– увеличение масштабов миграционных потоков;

– этническая неприязнь как результат обострения и нарастания числа межнациональных конфликтов;

– нарушение мигрантами законодательства принимающей страны;

– рост уровня преступности, обострение криминальной ситуации;

– несоблюдение (игнорирование) мигрантами установленных норм и правил поведения, а также пренебрежение культурными традициями страны пребывания;

– угроза совершения актов вооруженной агрессии;

– внеплановые расходы, оказывающие неблагоприятное воздействие на экономические ресурсы страны, обусловленные необходимостью разрешения социальных проблем, возникающих у иностранных граждан;

– ухудшение общего психологического климата на почве возрастающей социальной напряженности как внутри государства, так и при выстраивании взаимоотношений с другими странами и т. д.

На сегодняшний день проблема незаконной миграции для нашей страны весьма актуальна. За первые три месяца 2022 г. количество иностранных граждан, осуществивших по прибытию на территорию страны постановку на миграционный учет, составило 3 757 303 человека, что на 47,2 % больше по сравнению с предыдущим годом (три месяца 2021 г. – 1 983 097 человек) [4].

При этом необходимо отметить, что количество иностранцев, прибывающих в Российскую Федерацию по поддельным документам, с просроченными или недействительными паспортами, не поддается полному учету и контролю в связи с тем, что они избегают регистрации [5, с. 55].

В целях повышения уровня государственного контроля за миграционной ситуацией в стране, а также в целях предотвращения возможных угроз национальной безопасности, надлежит реализовать комплекс мероприятий.

В рамках укрепления наиболее проблемных участков государственной границы необходим постоянный мониторинг и отслеживание ситуации, связанной с незаконным пересечением рубежей государства, с последующим точечным перекрытием наиболее популярных среди мигрантов каналов и маршрутов незаконной миграции.

В рамах предотвращения организации незаконного транзитного проезда необходимо усиление мер контроля над перемещением мигрантов как через территорию государства, так и внутри страны. Перемещение в данном аспекте рассматривается как способ скрыться от ответственности за незаконное пребывание путем постоянных межгосударственных и внутригосударственных переездов.

Основной целью миграционной политики государства должно стать обеспечение эффективного государственного управления путем регулирования мигра-

ционных процессов для обеспечения стабильного демографического и социально-экономического развития страны, повышение национальной безопасности путем предотвращения неконтролируемых миграционных процессов и ликвидации их последствий, гармонизация национального миграционного законодательства с международными стандартами и повышение социальной и правовой защищенности мигрантов.

Список литературы

1. Кужевская Е. Б., Смык Е. И., Савина А. С. Деятельность сотрудников полиции по ликвидации чрезвычайных ситуаций различного характера: проблемы и пути решения // Вопросы совершенствования тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов : Сборник научных статей по итогам III-й Всероссийской конференции, Москва, 24 сентября 2020 г. М. : Новое время, 2020. С. 86–89.

2. Самойлюк Н. В. Криминологическая характеристика незаконной миграции // Юридический мир. 2009. № 8. С. 22–25.

3. Овчинникова А. Незаконная миграция как новый вызов международной и национальной безопасности // Российский следователь. 2009. № 6. С. 31–33.

4. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – март 2022 г. // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/29644597.

5. Мусаелян М. Ф. Транснациональная организованная преступность как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Адвокат. 2010. № 9. С. 50–58.

Третьяченко Е. И.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Безбородова Л. А.****,*
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НОРМА И НОРМАТИВНОСТЬ: ОСМЫСЛЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ ПОЗИЦИЙ ВЛИЯНИЯ В ШКОЛЕ И СОЗДАНИЕ НЕНОРМАТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ В ПРЕПОДАВАНИИ

Учитель обладает большим влиянием на учебный процесс: своими действиями и установками он создает контекст нормы по отношению к гетерогенности учащихся. В первую очередь это относится не к сознательным процессам социальной изоляции, а к эксклюзии или формирования нормы, которые происходят неосознанно. Например, принятие определенных внешних особенностей как нормы, таких как цвет кожи, отсутствие инвалидности, культурные знания, а также гендерные различия, может происходить неосознанно и приводить к тому, что учащиеся испытывают отчуждение.

В отношении подготовки педагогов можно отметить, что развитие профессионального подхода является центральной задачей, поскольку позволяет рефлексивно относиться к различиям в образовательном контексте. Конструирование различий в то же время является существенным аспектом производства включений/исключений. Размышления о нормальности и собственной позиции влияния в качестве педагога необходимы для того, чтобы расширить возможности участия в образовательной среде.

Нормальность – это конструкт, на основе которого происходит установление правил. Общепринятого определения нормальности не существует, но она должна быть строго отделена от нормативности. В качестве действующего определения в данном контексте нормальность следует понимать как дискурсивную стратегию, на основе которой происходит отбор и соблюдение норм. Однако не существует такой вещи, как нормальность, а только различные концепции нормальности, которые производятся дискурсами и подвергаются постоянному пересмотру. С праксеологической точки зрения нормальность следует понимать как стремление не выделяться, не выпадать из нормы и обеспечивать безопасность в смысле социальной вовлеченности. Под нормативностью, скорее всего, следует понимать действенную силу норм, например в стремлении к соблюдению законов и инструкций, стабильность которых зависит от наказуемости за отклонение. Существует не одна действующая нормальность, а постоянное возрождение различных идей посредством дискурсов. То, что понимается под

[1] © Третьяченко Е. И., 2022.

нормальностью, является предметом постоянных обсуждений. В связи с этим нормальность, с одной стороны, динамична, а с другой – не может мыслиться без субъектов.

Создание нормальности означает нормализующую структуру, существующую в обществе. Механизмы контроля обеспечивают соблюдение норм, в случае отклонения от которых грозят суровые санкции.

Важно рассматривать дискриминацию в контексте представлений о нормальности не просто как ситуативное, а как структурное явление, которое означает, что определенным социальным группам отказывают в доступе к таким ресурсам, как образование, или делают его крайне затруднительным.

В закономерностях капиталистических обществ, где такие ресурсы, как оплачиваемая работа, доход и престиж должны распределяться неравномерно по причинам, стабилизирующим систему, образование также должно быть организовано так, чтобы различия создавались, утверждались и действовали таким образом, чтобы возникающие претензии на привилегии выглядели как права и были оправданы. В капиталистическом обществе знаний это порождает школьную систему, которая, благодаря видимому равенству возможностей, видимой сопоставимости результатов, может выступать в качестве нормативного самоопределения и тем самым легитимизировать социальное неравенство. Именно благодаря стремлению создать некое равенство стало возможным приписывать ученикам неудачи. Если, несмотря на всю поддержку, образовательные пакеты и усилия, желаемый «образовательный успех» не достигается, очевидно, что посредственность обусловлена самими учащимися, а не продуктом социализирующих обстоятельств, в которых они выросли [4, с. 49]. Признание этой динамики должно стать предметом педагогического образования.

Уже в 1970-х гг. Адорно сформулировал в своем эссе «Образование после Освенцима»: «Требование, чтобы Освенцим не повторился, является самым первым требованием образования» [1, с. 126]. Необходимо противостоять возможному повторению, и при этом «корни [...] следует искать в преследователях». Необходимо распознать и предотвратить эти механизмы, а также создать общую осведомленность о субъективных механизмах. По мнению Адорно, необходимо также предотвратить слепую классификацию себя в коллективы.

Важно создать среду, чувствительную к многообразию и неравенству [3, с. 46], внедрить инклюзию как сквозную тему во все предметы, участвующие в педагогическом образовании.

Из этого можно вывести три цели: допущение вместо защиты, самоприсвоение вместо вытеснения, солидаризация вместо подавления отношений. Современный подход, который отвечает этим целям, а также находит свое отражение в следующей концепции семинара – это рефлексивная инклюзия по Будде и Хуммриху [2]. Подход к внедрению обучения рефлексивным компетенциям в подготовку учителей отнюдь не является новым. Будущие учителя должны развивать практику рефлексии собственных действий и их последствий.

Настоящая концепция была разработана в ходе диалога о разнообразии в рамках проекта «Дортмундский профиль для инклюзивно-ориентированного педагогического образования» в Техническом университете Дортмунда в рамках совместной Инициативы качества педагогического образования Федерального министерства образования и научных исследований (BMBF). Диалоги о многообразии – это формат, который проректор по управлению многообразием культуры запустил в масштабах всего пять лет назад. Идея этих диалогов не требует много затрат и ресурсов. В течение семестра преподаватели и студенты двух курсов посещают занятия и обмениваются различными точками зрения на какую-либо тему. В случае представленного диалога весь семинар проходил в режиме командного преподавания.

Семинар гораздо легче проводить, если слушатели уже привыкли к рефлексивным процедурам. Однако это не является обязательным условием. Семинар имеет семь тематических фокусов, которые могут быть дополнительно дифференцированы или обобщены в зависимости от времени и структуры курса. В центре внимания находятся: культура/язык/миграция, инвалидность/способности, сексуальная/гендерная идентичность, класс/социально-экономический статус/происхождение, возраст, раса/расизм/критическая белизна, межсекторность.

Поскольку в данном случае семинар проводился еженедельно, студентов просили заранее выбрать дату/тему занятия и не только прочитать текст для подготовки к нему, но и разработать три-пять вопросов для обсуждения, чтобы потом обсудить их на пленарном заседании.

Некоторые студенты представили биографию, в которой они рассказали о своем собственном опыте дискриминации. Студенты, которые, как правило, находились в более привилегированном положении, часто пытались оправдать и обосновать поведение тех, кто занимался дискриминационным поведением, вместо того, чтобы позволить проанализировать динамику, которая привела к таким заявлениям. Интересно, однако, что даже те студенты, которые сами сообщают о повседневной дискриминации, не были способны автоматически признать опыт дискриминации других, особенно когда она происходила за пределами их собственной линии различий, в рамках которой они себя ставили.

В целом далеко немногие смогли признать свою привилегированную позицию. Вместо этого создавались ситуации, в которых структурная привилегия становилась объектом для нападок. Например, один студент сообщил, что за границей он подвергался «расовой» дискриминации как немец и был «единственным немцем» в общественном транспорте в некоторых районах своего родного города, что его беспокоило.

С другой стороны, были и такие студенты, которые были открыты и рассказали о своих переживаниях, сделав себя более чувствительными. Например, одна студентка сообщила, что испытывала стыд, когда в повседневной жизни у нее возникали предвзятые мысли, и что она старалась размышлять о происхождении этих мыслей. Полезным оказалось создавать поводы для раздражения, чтобы бросить вызов шаблонам интерпретации студентов.

Атмосфера была признана приятной, несмотря на эмоциональные и иногда почти агрессивные споры. Тем не менее некоторые из участников сообщили, что они также чувствовали себя причастными и обвиненными.

В данной практике педагогического образования размышления о привилегиях могут и должны быть важным инструментом рефлексии, а также важным дидактическим подходом к педагогическому образованию. Основываясь на понятиях нормативных дискурсов и линий различия, по которым проводятся нормативные дискурсы (с точки зрения привилегий), разработана открытая и основанная на дискуссии структура, в которой студенты могли, с одной стороны, ознакомиться с научными доказательствами дискриминации/исключения и нормативными дискурсами, но в то же время имели возможность для проведения неудобных дискуссий и рассмотрения своего собственного опыта в качестве привилегированных и отчужденных.

Для ситуаций, подобных той, которую создавали на данных семинарах, преподаватели должны приобрести опыт в теоретических подходах, чтобы иметь возможность разрабатывать такого рода концепции таким образом, чтобы это было выгодно для всех участников. Дебаты на семинарах, а также положительные оценки студентов стали возможны не в последнюю очередь благодаря тому, что педагоги неоднократно позиционировали себя в рамках дискурса о привилегиях и тем самым открывали уязвимое пространство для дискуссий. Такие события могут нести в себе потенциал для ретравматизации; тем не менее, имея такой опыт, нет видимого способа предотвратить подобную реакцию, но, несмотря на это, они должны стать частью университетской дидактики в педагогическом образовании.

Список литературы

1. Адорно Т. У. Воспитание в Освенциме. Бауэр Медиа Груп, 2012.
2. Бадде Дж., Хаммрич М. Рефлексивное включение // URL: http://www.inklusion-online.net/index. php/inklusion-online/article/view/193.
3. Перспективы успешного включения: вклад в качественное эффективное обучение учителей для исследований и практики / [П. Дегер и др.]. Берлинь : BMBF, 2018.
2. Мечерил П., Ворринк А. Дж. Равные возможности и признание: нормативные ссылки в дискурсе о гетерогенности и образовательной справедливости.

Хренова Л. М.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Безбородова Л. А.,***
доцент кафедры иностранных языков
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АНАЛИЗ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В ГЕРМАНИИ

Термин «наркопреступность» в настоящее время определяется немецкими специалистами и экспертами по-разному. Согласно определению наркопреступность – это все преступные действия, совершенные под воздействием наркотиков [1].

Еще в 2007 г. Европейский центр мониторинга наркотиков и наркомании в Лиссабоне разработал определение преступления, связанного с оборотом наркотиков.

Согласно данному определению, опубликованному Европейским центром мониторинга, преступления, связанные с оборотом наркотиков, можно разделить на следующие четыре категории:

1. Психофармакологические преступления – совершенные под воздействием активных психических веществ или по причине хронического употребления наркотиков.

2. Преступления, вызванные экономической необходимостью – направленные на получение денег или наркотиков с целью употребления самих наркотиков.

3. Системные преступления – совершенные на нелегальных рынках и связанные с торговлей и употреблением наркотиков.

4. Нарушения законодательства о наркотиках – преступления, связанные с нарушением законодательства о наркотиках и других законов касающихся наркотических веществ.

В Германии, согласно полицейской криминальной статистике, к преступлениям, непосредственно связанным с нарушением закона о наркотических веществах, относят грабежи с целью получения наркотических средств, кражу наркотических средств из аптек, медицинских учреждений, больниц, производителей и оптовых торговцев, кражу бланков рецептов и подделку бланков для получения наркотиков.

Среди немецких ученых наркопреступность рассматривают как «преступления без потерпевшего».

Люди употребляют наркотики по разным причинам на протяжении десятков тысяч лет. Критические взгляды на употребление отдельных наркотиков существовали уже в дохристианские времена.

В Германии еще в XVI в. существовал закон о пищевых продуктах, регулирующий обращение с наркотиками. В 1516 г. баварский «Закон о чистоте пива

---

[1] © Хренова Л. М., 2022.

и разрешенных ингредиентах» предусматривал, что среди прочего в немецкое пиво больше нельзя добавлять такое ядовитое и галлюциногенное растение, как белена. Запреты существовали также и в других странах. Так, в XVIII в. была предпринята попытка запретить потребление и ввоз опиума в Китай. По этой причине Англия провела две войны с Китаем.

В XIX в. ученые впервые выделили такие вещества, как морфин, кофеин и кокаин. Эти вещества распространялись фармацевтическими компаниями по всему миру вплоть до 1920-х гг. Ранее в Германии вступили в силу первые ограничения на некоторые вещества. В 1901 г. Рейхстаг принял постановление о продаже морфина в аптеках. В период 1909–1925 гг. был проведен ряд международных конференций по употреблению опиума и наркотиков. Конференции в Шанхае (1909 г.), Гааге (1912, 1913, 1914 гг.) привели к принятию первых правовых норм в Германии (1920 г.). По мнению американского социолога Дж. Р. Гасфилда, это положило начало «символическому крестовому походу против наркотиков». Спустя четыре года после двух Женевских конференций по опиуму (1924/25 гг.), Германия внедрила международные правила в свой собственный закон об опиуме в 1929 г. Другие международные соглашения о наркотических веществах последовали после окончания Второй мировой войны.

В 1946 г., спустя год после Второй мировой войны, оккупационные державы ввели на территории своих зон оккупации в Германии статистику криминальной полиции. Данные статистики настолько сильно отличалась друг от друга, что обобщить результаты удалось только по нескольким группам правонарушений. К их числу относится преступность, связанная с оборотом наркотиков.

Вплоть до середины 1960-х гг. политика в отношении наркотиков занимала незначительное место, по сравнению с другими областями, и общество уделяло им мало внимания. «Закон об опиуме» действовал не в полную силу в основном из-за небольшого числа потребителей наркотиков. Соответственно, число людей, осужденных по «Закону об опиуме», было низким. В начале 1960-х гг. эта цифра составляла два-три приговора в неделю, т. е. от 100 до 150 дел в год по всей Федеративной Республике Германия.

Важность политики в отношении наркотиков и особенно каннабиса резко изменилась в конце 1960-х гг. Это произошло на фоне международных событий (международных соглашений) и прежде всего осознания «молодежной проблемы с наркотиками» в США.

На этом фоне в декабре 1971 г. законодательные органы Германии заменили Закон об опиуме от 10 декабря 1929 г., регламентировавший в первую очередь административный контроль за медицинским снабжением населения опиумом, морфием и другими наркотическими средствами, на новый «Законом об обороте наркотических веществ».

Новые версии закона последовали в 1982 г. и 1 марта 1994 г. (BtMG Закон о наркотических веществах). Вскоре после этого, 9 марта 1994 г., Федеральный конституционный суд, в так называемой Резолюции о каннабисе (BVerfGE 90, 145 – Cannabis) постановил, что Германия не имеет «права на одурманивание». Аналогичные законы действуют в Швейцарии и Австрии. В Австрии, в 1951 г. вступил в силу закон о запрещении употребления и распространения наркотиков

(SGG), в 1998 г. он был заменен законом о наркотических средствах. В Швейцарии закон о наркотических веществах вступил в силу в 1952 г.

С 1992 г. в Европейском союзе существует общая стратегия борьбы с наркотиками, план действий и стратегия контроля над наркотиками. Пять лет спустя было создано Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (UNODC).

В настоящее время особую тревогу как во всем мире, так и в Германии вызывают факты широкого распространения преступности, связанной с оборотом наркотиков среди молодежи. Федеральный центр санитарного просвещения в Германии проводит так называемые исследования теневой преступности (распространенность наркотиков среди молодых людей), чтобы иметь возможность делать более точные заявления о масштабах преступлений данного вида. Однако такие исследования не позволяют дать окончательную оценку количества фактически совершенных правонарушений.

Международный оборот наркотиков относят к организованной преступности. Годовой оборот незаконно реализуемых наркотиков оценивается в несколько сотен миллиардов долларов США. По данным Федеральной разведывательной службы, международный оборот наркотиков является важнейшим направлением организованной преступности, на долю которого приходится более половины всего мирового оборота организованной преступности. Маршруты наркотиков проходят через международных дилеров, национальных дилеров, посредников к потребителю или наркоманам.

В Европе до конца XX в. наркобизнес контролировался мафиозными наркокартелями Коза Ностра, Каморра и Ндрангета. В США это была Ла Коза Ностра (особенно из-за терпимости сицилийской Коза Ностры), в Азии – Триады и Якудза, на Ближнем Востоке – Ливанская связь, а в Южной Америке – Картель де Кокаина.

Согласно Закону Германии о наркотических веществах (BtMG) (§ 3, абз. 1), если вы употребляете наркотики в медицинских целях, требуется разрешение Федерального института лекарственных средств и медицинских изделий.

Торговля наркотиками без разрешения, как правило, является уголовным преступлением. В соответствии с § 4 указанного закона существуют исключения, например, для владельцев аптек или врачей. Простое употребление наркотиков де-юре не наказуемо в Германии, но может рассматриваться правоохранительными органами как первоначальное подозрение в хранении наркотиков [2].

Следовательно, мы можем отметить, что наркопреступность является острой проблемой как в Германии, так и в других странах. Для борьбы с этим явлением необходимо разработать единую стратегию во всех государствах мира, включающую в себя точные определения данного вида преступлений.

Список литературы

1. Drogenkriminalität (de-academic.com). URL: https://de-academic.com/dic.nsf/dewiki/354103?ysclid=l19ghllbw8.

2. Закон о торговле наркотиками Германии. URL: https://www.buzer.de/s1.htm?g=BtMG&f=1.

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Анненков Е. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ведущей идеей статьи является уникальность специфики воздействия на правовую реальность доминирующей в России поведенческой конструкции коллективного бессознательного, при учете которой в контексте политического сознания субъект права может корректировать материю права как юридическую организацию его содержания. Такая возможность может быть достигнута путем построения адекватной носителям самобытного правового сознания идеологии права. Цель статьи – критически раскрыть своеобразность феномена правосознания русского цивилизационного ядра, заострить внимание на уникальности взаимодействия элементов в структуре правосознания современного российского общества и попытаться с непривычных позиций обнажить сущность правосознания в нашей стране. В работе делается вывод об ошибочности присвоения ряда устоявшихся в науке качеств правовой ментальности русской цивилизации как социокультурных доминант.

Правосознание человека посредством рефлексии правовой реальности отражает правовую действительность и согласно диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные превращается в правовое сознание общества.

Элементы структуры правосознания в целом можно выделить только в научных целях. Естественно, в реальности они составляют правовое единство. В теории права имеет место быть несколько взглядов на структуру правосознания. Кратко остановимся на одной из общепринятых позиций.

Индивид как правовая единица общества, испытывая эмоции и ощущая образы, формирует первичный уровень правового сознания. Представления индивидуума о необходимости и ценности права вызывают либо позитивное, либо негативное отношение к реальности права. Эти представления в форме взглядов, мнений, ожиданий и настроений составляют вторичный уровень правосознания. При отрицательной правовой позиции люди закономерно стремятся изменить существующую правовую систему или убеждаются в бесполезности самого права. Это стремление зависит от его чувственной оценки, которая может быть рациональной или иррациональной, разумной или эмоциональной, и в конечном итоге задает общественное поведение на уровне законности, социальной полезности или незаконности.

[1] © Анненков Е. В., 2022.

Правовая наука доказала, что иррациональный компонент правосознания детерминирует рациональные действия индивида.

Вышеотмеченная структура правосознания дополняется целостной системой правовой идеологии (как совокупности идей права и взглядов, которые отражают и оценивают правовую реальность) и правовой психологии (как чувственного проявления правосознания).

Исследователи давно отмечают, что правовая психология является живым генератором правовых идей и представлений, без которых правовая политика, воплощающаяся в итоге в правовой культуре, не может достичь своих целей. Очевидно, что при принятии новых законов необходимо учитывать эмоциональные моменты и чувства в обществе и предвидеть реакцию на новые законы со стороны общественности.

В связи с этим особенно любопытны недавние изыскания Института социологии ФНИСЦ РАН [4]. Так, с точки зрения взглядов российских граждан наблюдается усиление недееспособности гражданско-правовых институтов. За последние два десятилетия молодежь все меньше удовлетворена сферой применения правовых свобод. В общественном сознании россиян существует достаточно высокий уровень рефлексивного конфликта по целому ряду причин. Основной социальный разлом происходит по линиям взаимодействия двух акторов: «власть, элита» и «народ, общество». Второй вектор этого конфликта: «богатые, бедные» [4].

Эта ситуация не может не приводить к рассогласованию фундаментальных элементов в структуре российского правосознания, а именно правовой идеологии и правовой психологии. Правовая идеология, формирующая правовое знание и правовую культуру, оказывается не адекватной носителям самобытного правового сознания. Мы убеждены, что в контексте политического сознания субъект права должен скорректировать материю права как юридическую организацию его содержания путем расширения правовой реальности, устанавливая допустимое поведение в ее узловых точках.

При практическом осмыслении соотношения вышеуказанных категорий в структуре правового сознания, что крайне важно при раскрытии вопроса о его сущности в современной России, можно отметить ряд противоречий.

Многие ученые, пытаясь раскрыть природу правового сознания российского общества, обращались к изучению базовых культурных характеристик нашего социума. Однако не все эти исследования явно отображают отечественную правовую материю.

Многогранность и глубина проблематики правосознания обусловливает изучение этого феномена не только в теоретико-правовой направленности, но и в мультинаучной ориентации: социокультурной, исторической, сициопсихологической, антропологической и даже географической.

Так, развивая и включая концепции географического детерминизма Л. Н. Гумилева и «борьбы Леса и Степи» С. М. Соловьева в методологию исследования феномена российского правосознания, можно сделать очевидный вывод, что основу поведенческих алгоритмов коллективного бессознательного великорос-

ского ядра заложила многовековая лесная жизнь. Тяжесть существования в условиях холодного климата Восточно-Европейской равнины вдоль боровых опушек и речных систем в союзе с особенностями лингвистики сформировала такие архетипные качества великоросса, как образное и интуитивное мышление, доброту, совестливость, открытость, терпение и т. д. В народе не зря говорят: бойся гнева долготерпеливого... Мы считаем, что именно в этом свойстве матрицы массового сознания таится причина особой ожесточенности русских бунтов и революций. Эти явления и процессы крайне интересны в исследовании природы массового правосознания с прогностической целью, что предельно актуализирует сущностный анализ этой темы.

Важно упомянуть, что географический детерминизм предшествующих исследователей, говоривших о синтезе великорусского ядра со степью, противоречит историко-экономическому подходу к данной проблеме. Русские массово не занимались скотоводством, особенно кочевничеством, а возделывали степи по мере возможности. Точно так же степные народы не перешли от кочевого и полукочевого скотоводства к возделыванию пропашных культур. Следовательно, на практике не было (а возможно до конца и сейчас нет) интеграции леса и степи.

Также необходимо отметить такие важные категории для понимания уникальности структурных элементов глубинной характеристики поведенческих конструкций российского правосознания, как избегание конфликта, христианскую религиозность и коллективизм (или общинность).

По нашему мнению, пассивно-оборонительная позиция закономерно возникла как оптимальный поведенческий паттерн в условиях специфики бытия наших предков. При небогатой жизни, подсечно-огневого земледелия, малочисленности поселений и простоты жилищ им было проще бежать с небольшим скарбом по реке или в лес от серьезных столкновений, чем принимать бой.

Религиозность как одно из ключевых свойств общественного сознания, из которого вызрело правосознание, также не выдерживает никакой критики. Все данные статистики свидетельствуют об этом. Огромно подтверждение этому и в русской литературе. Еще В. Г. Белинский говорил, что «русский мужик не религиозен, а суеверен» [2].

Христианский же характер этой религиозности противоречит биоморфной апперцепции, коррелирующей с концептами идеи органицизма как онтологической установки вектора духовной субстанции русского человека. Из этого следует, что он по своей сути не христианин, а язычник. Это утверждение не противоречит предыдущему в связи с отсутствием тотальности язычества в культуре славян.

Что касается общинности, особенно в той почти аппологизированой форме, что преподносят ее большинство современных исследователей, то она не выдерживает даже историко-археологического подхода к данному предмету. Данные археологии свидетельствуют, что основой поселения была большая семья [3]. Сами селения отстояли друг от друга на десятки километров. Средневековые славянские поселения находились в окружении небольшого злакового подлеска, а основу питания составляли рыба и мясом дичи (два основных продукта, бобер

и лось). На основе археологических находок можно утверждать, что площадь поселений обычно не превышала 2 000 кв. м, нередко встречались поселения площадью 500 или 1 000 (5–10 га). Основу древнерусских поселений составляли всего пять или шесть домов (обычно три или четыре), которые построены в ряд вдоль берега реки. Они тесно примыкали друг к другу и представляли собой простые одностенные бревенчатые структуры. В ходе раскопок выше Волго-Окского междуречья были обнаружены сооружения размером 7 на 5, 7,5 на 6 и 10 на 6 м. В северном поселении нет утепленных сараев для скота, которые являются частью общего комплекса с хижинами. Скот, вероятно, содержался в простых загонах или в отдельных стойлах, остатки которых неоднократно находили археологи. Жилище отапливалось печью, топившейся «по-черному», установленной в центре хижины, что давало больше тепла [3]. Таково краткое описание быта великороссов Средневековья до начала русской централизации XVI–XVII вв. В течение истории нашей страны множество фактов, подтверждающих точку зрения автора. Более того, эту позицию доказывает и текущая социальная ситуация в России. Мы согласны с Л. Г. Бызовым, что в «новорусской генерации россиян наблюдается утрата мифов, автостереотипов, культурных доминант, определявших особенности русской цивилизации на протяжении столетий, происходит глубокая атомизация общества, что подчеркивается крайне низким мобилизационным потенциалом и нарастанием отчуждения между обществом и государством» [1]. Однако мы считаем, что атомизация современного общества не новое образование, а возвращение к привычному глубинному архетипу под действием экстремальных факторов среды, обусловленных общемировыми процессами архаизации общественных правоотношений.

Из этого можно сделать вывод, что атомизация, причем в противовес общинности, – одна из ключевых характеристик русского архетипа. Таким образом, коллективизм превращается в семейность. Более того, до сих пор семейность крестьянскую. Это уже, в свою очередь, обусловлено дефицитом на русской равнине полезных ископаемых как сырья для ремесленничества и цехового производства, что в совокупности с отсутствием преемственности социальных элит из-за революционных потрясений закрепило в глубинах психики великоросса крестьянское самосознание.

Таким образом, относительно устоявшиеся среди специалистов архетипы Мира (общины) и православности превращаются в семейность и язычество. Этот вывод заставляет критически взглянуть на другие системообразующие доминанты русской цивилизации, специфику взаимодействия элементов правосознания в современном российском обществе и необходимость их отладки всеми субъектами правоотношений.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что проблема поведенческих конструкций коллективного бессознательного русского цивилизационного ядра, как исторически сложившейся матрицы относительно устойчивых правовых архетипов, определяющих характер правовой материи, является актуальной и еще не до конца решенной в отечественной теории и истории государства и права.

Список литературы

1. Бызов Л. Г. Социокультурные и социально-политические аспекты формирования современной Российской нации // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 41-42.

2. Гоголь Н. В. в русской критике : сборник статей. М. : Гос. издат. худож. лит.,1953.

3. Макаров И. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М. : Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 54–104.

4. Шушпанова И. С. Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?»: исследование устойчивого социально-политического развития и состояния российского гражданского общества // I Российско-Иранский социологический форум: Сборник тезисов докладов участников форума, Москва, 16–18 ноября 2020 г. М. : Издательско-торговый Дом «Перспектива», 2020. С. 549–553.

Елисеева Е. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Сигалов К. Е.****,*
профессор кафедры теории
государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ИДЕИ СЛУЖЕНИЯ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТРАНСФОРМИРОВАВШИХСЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА

Для российской правовой мысли одним из основополагающих понятий предстает перед нами идея служения, проходящая красной нитью по всей истории государства. Само преобразование идеи служения в исторической ретроспективе обусловлено складывающимися государственно-властными отношениями. Идея служения подразумевает под собой обязанность подданного, порождающая право власти, добровольное беззаветное раболепие, предполагающее неравнозначное воздаяние за верность и добросовестность. По своей сути идея служения ориентирована на неразрывную связь внутри общества, представляющего фундаментальную ценность, а также подчинение человека общественному делу и его интересам, приоритет прав и интересов социального коллектива над личными.

По мнению К. Е. Сигалова, служение всегда характеризовало маргинальное состояние свободы-несвободы, воспринимаемое как нормальное, естественное состояние человека, являющееся внутренней необходимостью для осознания связи с социумом [1, с. 248].

Состояние добровольного осознанного прислуживания являлось образом жизни общества. В. П. Малахов считает, что идея служения компенсирует рабское правосознание: не только не свободен я, но и ищу несвободы в защите, в равном для всех законе. Служение – наша идея и, по сути, главная, если не единственная, добродетель, обязанность и право [2, с. 345].

Идея служения берет свое начало с момента образования государства. Именно с указанного периода уместно применение этого термина, наиболее полно отражающего неразрывную связь нравственных ценностей, право приравнено к обязанности и долгу. Служение, выраженное как отношения добровольного подчинения, претерпевало изменения на каждых исторических этапах становления и развития государства и установления государственности. Рассмотрение сущности идеи служения с исторической точки зрения стоит разделить на несколько периодов: допетровский, петровский и современный.

---

[1] © Елисеева Е. С., 2022.

Допетровский период характеризуется отношениями деспотического характера, воплощающего волю царя и государственную власть как единое целое. Если мы говорим о властных отношениях и политической культуре допетровской эпохи, то рассматриваем так называемую традиционную модель образа власти, характеризующейся особой преданностью народа своему государю. С точки зрения религиозности, то именно период Московского государства демонстрирует сакральность власти царя, его божественное происхождение, следовательно, полное и беспрекословное служение «царю-батюшке». Подданные должны были служить государю, который, в свою очередь, должен был служить собственным подданным на общее благо, неся свою обязанность как миссию. Безоговорочная необходимость подчинения, святость власти подчеркиваются пожизненной службой подданных и ее зависимостью от воли и милости государя, чьи принятые решения в отношении своих подданных не могли быть оспорены. При этом личное положение «служилого» человека определялось не договорными отношениями, а исключительно милостью государя.

Сложившийся в сознании большей части общества стереотип о взаимном служении государя народу, а народа – царю считался, по сути, одним из главенствующих условий прочности и незыблемости российского государства.

Контрактных отношений как в западноевропейском Средневековье у служивого человека не было, да и сама процедура «оммажа» отсутствовала; служба русскому царю могла быть только пожизненной, и за службу можно было получить только те блага, которые сочтет нужным жаловать служилому сам государь. Служить русскому царю означало то же самое, что служить Богу, ибо русский царь был Наместником Бога на Земле. Но непосредственный предшественник Петра I, его старший брат Федор III, запретил уподобление царя Богу, надо искать новое обоснование легитимации царской власти, и Петр I ее нашел. Собственно, вся геополитическая ситуация меняется с началом правления Петра Великого, чьи реформы и переориентация политического строя и государственности стали отправной точкой для возникновения нового витка в истории государства. С этого момента идея служения претерпевает существенные изменения, касающиеся не только социально-политического устройства, но и общественного сознания народа. Теперь служение государю стало рассматриваться как служение стране (отечеству), а государева служба – государственной службе. Введение понятия «общее благо» позволило дистанцировать особу государя от общности в лице государства. Парадигма царь служит Богу, народ служит царю сменилась новым соотношением: и царь, и подданные служат Отечеству, «общему благу» государства.

Сакральная аргументация была призвана убедить всех подданных, что только данный человек должен и может находиться у власти в силу своих особых качеств и расположения к нему высших сил. Петр I не мог и не хотел отказываться от многих прежних властных установок, они были ему понятны и вполне применимы для переустройства России. Задача Петра I состояла в том, чтобы обратить традиционно бытующую идею служения государю, боярину, дворянину в служение отечеству. Это и делалось за счет реализации патерналистской идеи как основополагающей властной идее русского самодержавия.

Идея служения, начиная с правления Петра I, заключала в себе две стороны, объединенные в одно понятие, – патернализм. Если говорить в общем, то сама политика петровских реформ содержала, да и в принципе дала отчет, патерналистским установкам. Отныне это выражалось в отеческом отношении власти к подданным. А вот позиция народа по сути осталась той же. Служение трансформировалась внешне, изменив оболочку, но сущность ее осталась той же: народ беззаветно и беспрекословно служил, только теперь государству, правителю.

Русский человек, будучи в правовом отношении не только бесправным, руководствующимся вместо права расплывчатым и зависящим от обстоятельств понятием «правда», часто не понимал, в каких случаях он прав, а в каких виновен. Народ при данных обстоятельствах как личность себя не реализует, да и не чувствует. Такой потребности у него и не было, его место в иерархии было под покровительством власти, которая и несла за него полную ответственность.

В этой идее «на нравственно-религиозной основе осуществлено примирение человека с второстепенностью его прав в сравнении с обязанностями, с их несущественностью, зыбкостью, декларативностью. Идея служения является целеустановкой правосознания, связанной с внутренней оправданностью мизерности индивидуального интереса. Идея служения в отечественной правовой мысли выражала органичность и неразрывность связи человека с другими людьми, обществом, причем высоко ценилось подчинение человека общественному благу, он чувствовал себя как часть системы, без которой невозможно ее существование и гармония [2, с. 278].

Говоря о местонахождении и в принципе существовании в современных властно-государственных отношениях, стоит отметить, что сама идея служения уже не выражается в том виде и состоянии, в котором она находилась вплоть до революционных действий начала XX в. Мы можем говорить о размытости самой идеи служения как подчинения народа власти. Патерналистские установки находят свое отражение в политической деятельности государства. Но, на наш взгляд, как таковой идеи как установки или образа жизни личности на общее благо уже не существует.

Подводя итог, отметим, что идея служения как одна из основополагающих идей российской правовой культуры прошла период зарождения, становления, развития и спада. Во времена Киевской Руси и московского государства идея служения выражалась в безоговорочном и необходимом служении государю, подчинении его воли и обожествленной власти. В царе видели и спасителя, и защитника, и Бога. Будучи народом верующим, сакрализация власти сыграла главенствующую роль в укреплении бессознательного служения народа государству в лице царя-наместника Божьего. Усилению властных отношений способствовала и монгольское нашествие, и выбранный стиль правления стоявших у престола тиранов, таких как, например, Иван Грозный, при котором служение понималось как добровольное пожизненное рабство.

Начиная с XVII в. перед нами на страницах истории открывается перевернутая в кардинально противоположную сторону форма организации государственно-властных отношений. Петр I понимал, что он уже не имеет возможности

опираться на традиции сакрализации власти в выстраивании отношений с народом [3, с. 93]. Наместническая модель сакрализации власти, веками существовавшая в России, перестала действовать. На ее место пришла политика патерналистских отношений, заключающих в себе не только оправдание всеобщего и безусловного подчинения, но и то, что правитель должен с большой заботой относиться к подвластным, так как они сами не способны на самостоятельные действия и не в состоянии оценивать возможные отрицательные последствия своих мыслей, поступков и решений. Мы наблюдаем трансформацию идеи служения в период петровских реформирований и просуществовавшую на протяжении всего правления дома Романовых.

Революционные события начала XX в. не смогли разрушить вековые традиции во взаимоотношениях власти и общества. По мнению ряда ученых, традициями патернализма можно объяснить особенности русского самодержавия и некоторые предпосылки возникновения коммунистического тоталитарного режима [4, с. 42]. При этом народ своим выбором отдает приоритет интересам государственным чем личным, вплоть до служения государству. В данной ситуации государство в глазах людей выступает их защитником и единственным источником жизненной энергии.

Список литературы

1. Сигалов К. Е., Прокуратов А. А. Среда права и особенности русского правопонимания в контексте исторических эпох. Право и образование. 2005. № 4. С. 246–259.

2. Малахов В. П. Философия права : учебное пособие. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002.

3. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 8. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. М. : ОГИ, 2002.

4. Шушкова Н. В. Этот ускользающий патернализм: попытка построения концепции // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 39–56.

Кеменяш Ю. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Малахов В. П.***,
профессор кафедры теории
государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

СИМУЛЯКРЫ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Устойчивость и стабильность общественных связей обусловливают социальный прогресс, поэтому вопросы эффективности регулирования общественных отношений являются актуальными и многоаспектными среди теоретиков и практиков современности. Общепринято, что регулятивную систему общественных отношений составляют различные нормы и правила, упорядочивающие повседневную жизнь и деятельность людей. Реализуется данная система посредством социальных, технических и стихийных регуляторов.

К социальным регуляторам общественных отношений относят право, мораль, религиозные нормы, обычай, корпоративные нормы и иные социальные нормы [1, с. 1].

Ложное, неподлинное восприятие составляющих элементов названных социальных регуляторов формирует искаженное, неадекватное понимание реальности, каких-либо вещей, норм, правил, которые порождают симулякры. Сами симулякры тем самым замещают событие рассказом о событии, искажают реальность в сознании людей, выдают ее в другом виде и, как следствие всего этого, детерминируют поведение последних в обществе. Именно по этой причине симулякры, имея определенное значение в регулировании общественных отношений, представляют интерес.

Воздействуя на общественное сознание, создавая мотивы, стимулы поступать так или иначе, предопределяя действия граждан в конкретных ситуациях, симулякры вплетаются во все сферы жизни общества, играя как сопутствующую, так и решающую роль в достижении намеченных целей.

Симулякры тесно вплетены во все элементы системы регулирования общественных отношений, что является одной из причин невозможности выделения их как отдельного регулятора социальных связей, но данный процесс невозможен так же и по ряду других причин.

Объект регулирования. Право, мораль регулируют один и тот же объект, которым являются общественные отношения. Симулякры прямо не регулируют, но оказывают воздействие на сознание граждан, определяя их поведение.

---

[1] © Кеменяш Ю. В., 2022.

Предмет регулирования. Право упорядочивает отношения на предмет законности, а мораль на предмет представлений о плохом и хорошем. Симулякры не имеют конкретного предмета, они являются средством, способом создания неверного представления о реальном положении вещей, действительности.

Цель. Каждый из раннее упомянутых регуляторов имеет своей целью упорядочить социальные связи путем применения определенных норм, правил. Симулякры, в свою очередь, не имеют прямой цели урегулировать общественные отношения, они стремятся размыть существующую реальность, замаскировать ее и выдать за эту реальность то, что ею не является.

Симулякры существуют независимо от того, нуждается ли в них общество. Они замещают реальность мышлением о реальности, являются характеристикой мышления о предмете. В связи с этим, порождая у людей ложное представление о наличии или отсутствии чего-либо, позволяют морали, праву и другим элементам системы регулировать общественные отношения, играя вспомогательную, сопутствующую роль.

Одними симулякрами невозможно решить основную задачу – полноценно урегулировать отношения, возникающие в социуме, – возможно лишь скорректировать, направить в нужное русло, именно поэтому нередко симулякры определяют как средство манипуляции в различных сферах общественной жизни.

Форма выражения. Как правило, регуляторы общественных отношений имеют определенную форму выражения: для права это нормативный правовой акт, правовой обычай и др., для морали это установки, народные традиции, религиозные нормы выражаются в религиозных писаниях, книгах и т. д. Симулякры, в свою очередь, могут быть обнаружены как в нормативном правовом акте, народных традициях, так и в писаниях. Симулякры не имеют конкретного закрепления, выражения, потому что они являются плодом неадекватного понимания определенных вещей как в праве, религии, так и в морали и иных регуляторах общественных отношений.

Помимо всего этого симулякры не обладают иными атрибутивными признаками, присущими социальным нормам (например, поддержание определенными мерами обеспечения, соответствие типу культуры и характеру социальной организации общества и т. д.) [2, с. 29], но они вплетены в современном сознании во все элементы системы регулирования общественных отношений и играют определенную роль в упорядочивании социальных связей.

Таким образом, можно сделать ряд выводов:

Во-первых, симулякры, замещая реальность рассказами о ней, влияют на понимание и представление каких-либо вещей, тем самым играют определенную роль в организации и регулировании общественных отношений.

Во-вторых, назвать симулякр элементом системы регулирования общественных отношений невозможно, ввиду того, что симулякры не отвечают основным критериям существования каждого из регуляторов общественных отношений (объект, предмет, цель, форма выражения и др.).

В-третьих, симулякры усматриваются в различных сферах общественной жизни, они вплетены во все элементы системы регулирования общественных отношений, но использовать исключительно их в упорядочивании социальных связей неэффективно, они могут играть сопутствующую, вспомогательную роль.

Список литературы

1. Жуков Д. А., Григоренко О. Н. Социальные нормы как регулятор общественных отношений // Colloquium-journal. 2021. № 33 (120). С. 10–11.

2. Бялт В. С., Трипутин С. Н. Система социального регулирования: теоретико-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 28–32.

Колтунова В. И.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

В последнее время идеология рассматривается как нечто негативное и имеют место мнения, в соответствии с которыми идеология и право выделяются в качестве несовместимых явлений. Советская теория государства и права рассматривала идеологическую деятельность как важнейшую функцию государства, но с течением времени отношение как к самому термину «идеология», так и к его содержанию, в особенности в контексте государственной деятельности, стало негативным. В связи с этим довольно популярны идеи деидеологизации государства, общества и права, однако идеология – обязательный элемент функционирования государства. Эффективность государственной деятельности в значительной степени зависит от выбора обоснованных ориентиров развития, целей, ценностей, идеалов. И роль такого ориентира отводится именно идеологии. Поддержка определенной идеологии, в том числе и правовой, и есть смысл идеологической функции государства.

Идеологическая функция оказывает существенное влияние на все иные функции государства, и в современных реалиях ее организационный потенциал довольно высок, так как при эффективной реализации идеологической функции обеспечивается социальная стабильность и поступательное развитие государства. На данный момент правовая идеология выступает в роли важнейшей составляющей реализации идеологической функции государства. Право является регулятором общественных отношений, а при реализации идеологической функции государства оно становится в некотором роде инструментом идеологии. В связи с этим невозможно не согласиться с мнением А. И. Клименко, который справедливо отмечает, что правовая идеология наиболее полно отвечает потребностям современного политически организованного общества, выступая в качестве важнейшего механизма организации его идеологической сферы [3, с. 15]. Именно правовой идеологией диктуются критерии должного поведения, установленного соответствующими правовыми нормами. Как следствие, правовой идеологии отведена важнейшая роль в осуществлении идеологической функции государства.

Имеют место и мнения, согласно которым само право предлагается считать идеологией и системой высших духовных ценностей, реализуемой действующим законодательством и государством [2, с. 42]. Право воспринимается как естественное, предшествующее нормативным правовым актам и в определенной степени выражающее идею права. В полной мере с этим мнением нельзя согла-

[1] © Колтунова В. И., 2022.

ситься. Невозможно отрицать сам факт влияния права на сознание, мысли и чувства людей, но при этом право лежит в иной «системе координат», нежели идеология, хотя и в некоторой степени представляет собой идеологический фактор.

Важнейшая роль правовой идеологии в области осуществления идеологической функции государства – формирование в сознании граждан единого представления о праве и правовой действительности. Правовая идеология также способствует формированию соответствующего образа правовой действительности, причем не на основе каких-то абстракций, а опираясь на эмпирические наблюдения реально существующих правовых явлений. Именно правовая идеология позволяет выделить максимально оптимальную форму общего права для конкретного государства, а также способствует развитию этого права.

Правовая идеология влияет и на формирование правового мировоззрения, что отражается на отношении каждой конкретной личности к праву как к регулятору общественных отношений. Посредством правовой идеологии каждого конкретного государства осуществляется формирование соответствующих правовых предписаний, а в сознании граждан прочно закрепляются установки на активное и осознанное правомерное поведение. Также посредством соответствующих правовых идей, образов, суждений и ценностей, содержащихся в правовой идеологии, право проникает в жизнь каждого гражданина и способствует отбору тех правовых интересов, которые важны именно ему.

Таким образом, правовой идеологии присуща регулятивная функция, так как именно соответствующие законодательно закрепленные правовые установки способствуют «безболезненной» интеграции членов общества в правовую действительность.

Велика роль правовой идеологии и в политической сфере государственной деятельности, так как именно правовая идеология легитимирует политический порядок. Кроме того, правовой идеологии отведена функция придания правовой формы управленческим отношениям, а также обеспечения правовой политики государства [3, с. 15].

Правовая идеология также формирует правосознание в соответствии с со своим содержанием. Так, в качестве характерной черты отечественной правовой идеологии можно выделить ее моральность, ориентированность на нормы нравственности [1].

Несмотря на важность как правовой и государственной идеологии, так и эффективной реализации идеологической функции государства, не стоит говорить о том, что существует опасность заидеологизированности общественного сознания [4, с. 11]. Следовательно, современному государству необходимо найти оптимальный баланс между отказом от общеобязательной идеологии и внедрением в общественное сознание желаемых правовых идей и установок.

Таким образом, правовая идеология играет важнейшую роль в осуществлении идеологической функции государства. Правильное соотношение государственной идеологии и права позволит в конечном счете способствовать совершенствованию механизма реализации основных правовых положений государства.

Список литературы

1. Байков А. Ф. Функции правовой идеологии // URL: https://supernf.ru/view-_php?id=738.

2. Казанцев Н. М. Идеология права государству или идеология государства праву? // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 42–50.

3. Клименко А. И. Правовая идеология как особая форма идеологии современного политически организованного общества: сущность и функциональные характеристики // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 10. С. 14–23.

4. Шугулбаев Ж. А. Идеологическая функция государства // Вестник Омского университета. 2021. Т. 18. № 3. С. 5–14.

Напольских И. М.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОВЕРИЕ К ПРАВУ И ГОСУДАРСТВУ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

На сегодняшний день проблема доверия активно обсуждается учеными, общественными деятелями, политиками. Это вполне объяснимо, поскольку влияние данной на первый взгляд абстрактной категории на общественные отношения сложно отрицать. Доверие, с одной стороны, является их характеристикой, а с другой – необходимым условием существования и правильного функционирования. Уровень межличностного и институционального доверия позволяет оценить прочность тех или иных общественных отношений, стабильность социальных институтов, а также сделать на этой основе соответствующие прогнозы.

Изучая категорию доверия, довольно сложно определить период ее возникновения. Данное понятие, на протяжении веков существовавшее в качестве философской и морально-нравственной составляющей, находит свое отражение в старинных религиозных текстах, рассуждениях мыслителей древностей. Примечательно, что значимость доверия для общественных отношений растет пропорционально уменьшению влияния традиционных порядков, основу которых составляли религиозные ценности, клановая система и кровное родство Проявление феномена доверия в каждой культуре и каждом обществе своеобразно, что обусловлено различными историческими, психологическими, социальными и иными факторами [8, с. 53].

Изначально доверие выступало исключительно как характеристика сферы духовных отношений, поэтому часто можно встретить его рассмотрение в совокупности с другими морально-нравственными категориями, прежде всего верой. Взаимосвязь между данными понятиями прослеживается в числе прочего в этимологической схожести. При этом до настоящего времени не разрешен вопрос о первичности указанных категорий. Так, с одной стороны, доверие устанавливается «до веры» и является первичным понятием, а с другой – основывается на совокупности определенных обстоятельств, в том числе на вере во что-либо, т. е. представляется производным. На наш взгляд, однозначного ответа на этот вопрос быть не может, поскольку обозначенные позиции характеризуют различные стороны проявления феномена доверия.

На протяжении значительного количества времени изучение вопросов веры и доверия не выходило за рамки религиозной и философской мысли. В XVIII в. И. Кантом впервые была выдвинута идея о том, что вера есть выбор разума, который является необходимым обстоятельством, связывающим конкретные действия с изначальной целью [4, с. 511]. Разделяя данное мнение отметим, что сила

---

[1] © Напольских И. М., 2022.

веры и уровень доверия оказывают значительное влияние на качество реализуемых действий.

В феноменологической концепции доверие рассматривается в качестве ключевой составляющей «жизненного мира», в котором происходит формирование образа, являющегося продуктом индивидуального или общественного сознания и воплощающегося в конкретных действиях [2, с. 129]. Иными словами, доверие обладает силой, способной влиять на становление общей картины мира в сознании конкретного индивида, социальной группы и общества в целом. Оно является необходимой базой при формировании надежности, верности и преданности, которые, как отмечал Дж. Локк, стали основой существования общества и государства [5, с. 135]. При этом стоит понимать, что доверие не всегда связано с уверенностью и в определенных случаях представляет собой выбор, который делается в результате оценки значимых для конкретной ситуации факторов, а значит, предполагает определенный риск.

Рассмотрение доверия на уровне социальных групп показывает, что чем выше уровень доверия, тем устойчивее и эффективнее функционирует общество. Подобный подход, как правило, применяется при изучении государственно-правовых явлений и определяет доверие как важнейшее условие стабильного функционирования и развития социума [6, с. 74]. Данное условие сопровождается наличием широкого спектра внутренних установок, чувств и эмоций людей (осознанных или неосознаваемых), которые переплетаясь образуют своеобразные сети социальных коммуникаций [3, с. 83]. Практически любое взаимодействие в обществе содержит в своей сущности акт доверия, выражающийся в отношениях между индивидами, социальными группами, общественными институтами, организациями, структурами. В то же время уровень доверия показывает, на каком этапе развития находятся институты общества, и позволяет определить их потенциал.

Весьма интересным представляется позиция, согласно которой доверие интерпретируется как значимый ресурс социального капитала, под которым Ф. Фукуяма понимает способность людей образовывать друг с другом определенную общность и работать вместе в одном коллективе ради достижения общей цели [10]. Данный подход, как правило, применяется в экономике, однако может быть рассмотрен применительно к государственно-правовым явлениям. В связи с этим справедливым представляется мнение С. В. Алешина, что социальный капитал, определяющий потенциал общественного взаимодействия и развития, является результатом достигнутого доверия между членами сообщества [1, с. 36].

Особое значение социальное доверие приобретает в процессе формирования стабильной государственной системы, ее организаций и структур – статус основного ресурса, укрепляющего общество и гарантирующего его безопасное развитие на основе достижения взаимопонимания по ключевым вопросам. В связи с этим стоит согласиться с мнением американского ученого А. Селигмена [7], рассматривающего доверие как возобновляемый социальный ресурс, укрепляющий общество, безопасность которого связана с наличием позитивного потенциала доверия и возможностью устранения существующих противоречий.

Вопросы доверия в праве изучаются учеными сравнительно недавно. Данный феномен в большинстве случаев рассматривается в качестве правового принципа, соблюдение которого способствует обеспечению согласованности общества и прогнозируемости его развития. Также доверие является условием эффективности права: чем выше уровень доверия в обществе, тем больше соответствует цель введения той или иной нормы фактическому результату ее применения. В то же время обозначенная категория может быть представлена как решение, принимаемое в конкретной ситуации и влекущее за собой определенные юридические последствия.

Таким образом, доверие является важной составляющей межличностных и межгрупповых коммуникаций, влияет на функционирование общества в целом. Применительно к реалиям настоящего времени это не просто абстрактная категория, а явление, имеющее под собой вполне осязаемую основу и являющееся показателем развития общественных отношений. На современном этапе, с учетом существования угроз стабильному и благополучному развитию общества, вопросы доверия требуют глубокого осмысления и выработки концепций по повышению его уровня в обществе. В свою очередь, формирование доверия граждан к праву позволит обеспечить более эффективную реализацию норм права в обществе. На наш взгляд, рассматриваемый феномен необходимо продолжить изучать с использованием комплексного подхода (философского, социологического и т. д.), поскольку право и государство не являются обособленными системами и органически связаны со всеми сферами общественной жизни.

Список литературы

1. Алешин С. В. Доверие как социально-философская категория // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3 (63). С. 35–40.

2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск : Сагуна, 1994.

3. Девис С. Социология установки // Американская социология. М. : Мысль, 1972.

4. Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. Т. 5. М. : Мысль, 1964.

5. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988.

6. Неофитова А. А. Доверие как категория социологического анализа // Вестник РГГУ. 2016. № 4 (6). С. 69–74.

7. Селигмен А. Проблема доверия. М. : Идел-Пресс, 2002.

8. Смит А. Теория нравственных чувств. М. : Республика, 1997.

9. Чего опасаются россияне? Аналитический доклад. М. : Ин-т социологии РАН, 2008.

10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ ; Ермак, 2008.

Рыжак В. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ляхов Е. Г.****,*
профессор кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Юридический интерес государств как суверенов системы международных правоотношений установлен в параметрах содействия пресечению терроризма в качестве преступного явления современного миропорядка. Позитив правоприменительной практики мирового сообщества в части противодействия терроризму предметно определен переводом юридического действия государств от позиции востребованности «предпринять согласованные действия по борьбе против международного терроризма и присоединиться как можно скорее ко всем соответствующим конвенциям» [1] до позиции востребованности согласования и заключения новых предметных договоров.

Международное право в целях обеспечения целостности и стабильности миропорядка содействует выполнению всеми субъектами и акторами своих международных обязательств согласно Уставу Организации Объединенных Наций (п. 2 ст. 2 Устава ООН). Позитив правоприменительной практики мирового сообщества предопределен необходимостью не только выработки международной глобальной стратегии борьбы с международным терроризмом во всех его формах и проявлениях, но и четкой координацией деятельности региональных международных организаций различной направленности: от обеспечивающих безопасность до таковых общей компетентности, в частности ШОС с ее региональной антитеррористической структурой (РАТС).

За последние десять лет (отсчет условно можно вести с начала распространения мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. и активного поиска в этот период мировым сообществом путей его локализации и выхода из него) произошли значительные изменения в самой сущности терроризма [2, с. 194]. Свершившиеся и до сих пор продолжающие свершаться трансформации самого терроризма вынуждают анализировать и пересматривать нынешнее состояние противодействия террористической опасности. Несомненно, международным всемирным и региональным организациям, отдельным государствам необхо-

[1] © Рыжак В. А., 2022.

димо изменять подходы по противодействию современному терроризму, продолжать организовывать коллективные разработки актуальных работающих стратегий.

Подчеркнем, что международная система реагирования на международный терроризм основывается на принципах предотвращения, выявления и пресечения террористических актов, ликвидации или минимизации последствий, которые являются результатом их совершения. В целом и, собственно, борьба с терроризмом, например пресечение акта терроризма, предание суду террористов, предусматривает комплекс специализированных мер.

Для борьбы с транснациональными преступлениями (среди которых не только терроризм) учреждаются и функционируют структуры, деятельность которых полностью или же частично ориентирована на данную область: прежде всего это Организация Объединенных Наций (Совет Безопасности и Контртеррористический комитет), Международная организация уголовной полиции (Интерпол), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а также Антитеррористический центр Содружества Независимых Государств (АТЦ СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) со специальной Рабочей группой по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом, Шанхайская Организация Сотрудничества (с учрежденной Региональной антитеррористической структурой как постоянного органа). Все указанные нами структуры нацелены на борьбу с терроризмом и, соответственно, стабилизацию региональной и мировой безопасности.

Отметим, что Глава VIII ст. 52 Устава ООН «не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами Организации» [3]. На основе данного правила Договор о коллективной безопасности был подписан в 1992 г. в Ташкенте. В 2002 г. на основе договора была создана Организация договора о коллективной безопасности со своими Уставом и бюджетом. Сегодня в нее входят шесть членов: Российская Федерация, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Первоначально ДКБ, а затем ОДКБ, были созданы для решения отдельных задач, которые складывались в разные периоды и под воздействием многих факторов [4, с. 1166].

В Организации действует система коллективной безопасности, в которую входят коалиционные и региональные группировки, миротворческие силы, правоохранительные органы и спецслужбы, а также специальные подразделения. Для отражения различных угроз безопасности решениями главных органов ОДКБ предусматривается формирование трех региональных коалиционных группировок вооруженных сил, а многовекторность объясняется не только географической удаленностью стран – участников Организации друг от друга, но и разницей угроз государствам-членам, из общей национальной безопасности. В настоящее время сформированы и действуют Восточноевропейская (Россия –

Белоруссия, и Кавказская (Россия – Армения) группировки. Однако стоит заметить, что при всех этих особенностях Организация является объединением шести равных по правам и обязанностям независимых, суверенных государств, так как согласно ст. 3 Главы II Устава Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 г. «главными целями государств – членов ОДКБ в обеспечении безопасности является: укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам» [5]. Для их достижения государства-участники обладают возможностью принимать совместные меры, решения по формированию действенной системы коллективной безопасности в установленных пределах, а именно в рамках самой Организации.

Если мы оценим развитие Организации с момента ее становления, то без труда увидим, что ею был пройден сложнейший путь, начиная от военного блока, целью которого было лишь защита от внешних вооруженных угроз, а в настоящее время многофункциональной системой безопасности с солидными правовыми основами, необходимыми для эффективного и почти мгновенного отражения практически любой угрозы, направленной на безопасность стран-участниц. Родилась взаимозависимая связь и четкое понимание: ослабление безопасности одного государства – участника Организации означает ослабление безопасности остальных, входящих в ее состав.

Для оперативного и эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы в ОДКБ постоянно совершенствуется антитеррористическая составляющая системы коллективной безопасности, развиваются механизмы противодействия незаконному обороту наркотиков и миграции, защиты информационного пространства, взаимодействия в охране государственных границ и оказания гуманитарной помощи населению при чрезвычайных ситуациях [6].

Неуклонно растет потенциал Организации в области урегулирования конфликтов. Генеральный секретарь ОДКБ и его аппарат не раз принимал участие в политических консультациях по поводу урегулирования кризисных ситуаций. Примерами могут послужить события в Киргизии (2010 г.), разногласия и споры между Киргизией и Таджикистаном (2014 г.). Но самым запоминающимся и масштабной работой ОДБК в данном направлении деятельности было задействование Коллективных миротворческих сил в реальной операции, организованной в Казахстане в январе 2022 г. против терроризма, где приняли участие военнослужащие стран – членов Организации, в особенности России. Система реагирования внутри ОДКБ сработала быстро после официального обращения Президента Казахстана – произошедший масштабный кризис был урегулирован в кратчайшие сроки.

10 июня 2022 г. в ходе проведенного Совета министров иностранных дел в г. Ереване (Армения) Министрами иностранных дел государств – членов ОДКБ было обсуждено состояние международной и региональной безопасности и ее влияние на безопасность государств – участников Организации, а также, что еще

более важно, принят документ по вопросам международной безопасности, впервые фиксирующий опору в практике Организации на международно-правовой принцип неделимости безопасности. На следующий день Министр Ж. Кулубаев отметил «необходимость совершенствования процедуры применения Коллективных сил ОДКБ, а также повышения эффективности функционирования Центра кризисного реагирования ОДКБ», в результате чего было принято «Заявление министров иностранных дел государств – членов ОДКБ по вопросам международной безопасности» [7].

Но не только в рамках ОДКБ активно занимаются развитием и совершенствованием своей деятельности, и созданием соответствующих политико-правовых основ и структур. В области противодействия терроризму и экстремизму в г. Ташкенте (Узбекистан) 3–4 марта 2022 г. состоялась международная конференция на тему «Региональное сотрудничество между государствами Центральной Азии в рамках Совместного плана действий по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии ООН»). Ее итогом стало принятие Ташкентской декларации, новая редакция Совместного плана действий. В данных документах страны Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) определили конкретные задачи по противодействию терроризму. Ташкентская декларация была принята «в качестве официального документа 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН свидетельствует о признании международным сообществом приверженности и усилий Узбекистана по предотвращению и противодействию терроризму» [8].

На основе проведенного нами исследования можно сделать вывод, что взаимовыгодное сотрудничество между странами-участниками не только ОДКБ, но и других международных и региональных организаций развивается в нужном направлении. Репутация ОДКБ (во многом благодаря событиям, произошедшим в 2022 г.) в регионе и на международной арене укрепилась: она показала себя как способная эффективно действовать и активно поддерживать правопорядок и обеспечивать безопасность.

Список литературы

1. Декларация тысячелетия 2000 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.

2. Гридчин А. А., Пашкевич А. В. Роль региональных и международных организаций в противодействии терроризму и локальным конфликтам // Миссия конфессий. 2018. Т. 7. № 2 (29). С. 189–198.

3. Устав Организации Объединенных Наций // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text.

4. Щеколдина Т. И. ОДКБ как инструмент обеспечения военно-политических интересов России на пространстве СНГ: проблемы управляемости // Постсоветские исследования. 2019. № 4. С. 1165–1173.

5. Устав Организации Договора о коллективной безопасности // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/.

6. Зась С. В. В Казахстане ОДКБ подала сигнал всему миру – союзников мы не оставляем // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/smi/.

7. Процедуры применения сил ОДКБ надо усовершенствовать – МИД Киргизии // Официальный сайт Информационного агентства «Красная Весна». URL: https://rossaprimavera.ru/news/2bdf8d03.

8. Ташкентская декларация признана в качестве официального документа Генассамблеи ООН // Официальный сайт Информационного агентства UZREPORT. URL: https://uzreport.news/politics/tashkentskaya-deklaratsiya-priznana-v-kachestve-ofitsialnogo-dokumenta-genassamblei-oon.

Соловьева А. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Коннов В. А.****,*
начальник кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

На сегодняшний день искусственный интеллект (далее – ИИ) является неотъемлемым элементом различных сфер жизнедеятельности современного общества. Безусловно, ИИ обладает широкими ресурсами для оптимизации, рационализации и модернизации действительности. В нынешних реалиях особый интерес представляет сфера правосудия в контексте внедрения в нее цифровых технологий и ИИ.

Заслуживают оценки с положительной стороны некоторые звенья цифровизации уголовного судопроизводства: электронный документооборот, аккумуляция банков судебных решений, возможность дистанционного участия при рассмотрении дела посредством видео-конференц-связи, мониторинг информации о ходе судебного разбирательства путем посещения сайтов судов. Эти и многие другие подобные новшества можно занести в актив цифровизации правосудия: возрастает скорость рассмотрения уголовных дел, а также их число, а именно количественные показатели. При этом можно отметить и косвенное влияние на качественные характеристики: снятие с должностного лица технических рутинных задач позволяет ему с более тщательно и всесторонне рассматривать непосредственно вопросы правоприменения. Подобные положительные направления использования современных технологий создают благоприятную почву для дальнейшего их развитого применения в обозначенной области. К примеру, Министерством юстиции Российской Федерации был подготовлен проект федерального закона с целью внесения изменений в УПК РФ [9]. Данный законопроект предлагает расширить использование цифровых технологий (а именно системы видео-конференц-связи и электронных документов) в судебных стадиях уголовного процесса [6].

Тем не менее следует обратить внимание на актуальные и дискуссионные вопросы, касающиеся соблюдения прав человека при внедрении и применении ИИ. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (далее – Хартия) определяет ИИ

[1] © Соловьева А. С., 2022.

как комплекс науки, теории и техник, цель которых состоит в том, чтобы воспроизвести с помощью машины когнитивные возможности человека [5]. Одним из принципов Хартии выступает уважение основополагающих прав человека при использовании в рамках судопроизводства технических средств, основанных на ИИ.

Однако, необходимо отметить то обстоятельство, что далеко не во всех государствах Земли каждый человек имеет доступ к сети Интернет или вообще обладает способностями владения цифровыми технологиями. Соответственно, государствам, делающим шаг в сторону цифрового правосудия, необходимо прежде всего обеспечить соответствующими техническими возможностями своих граждан для последующей должной реализации судебных и защиты нарушенных прав.

Наряду с этим в добавление к элементам цифровизации и автоматизации уголовного судопроизводства поднимается проблема приемлемости применения ИИ, а также обеспечения в связи с этим фундаментальных прав человека. Мыслится, что широкомасштабное применение ИИ в правосудии может вступить в расхождение с соблюдением прав человека, закрепленных и гарантированных универсальными международными актами, например Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., в частности таких, как право на справедливое и публичное разбирательство, компетентный, независимый и беспристрастный суд, равенство перед судом и т. п.

Так, актуальными, дискуссионными и неоднозначными являются вопросы о допустимости замещения судьи специализированной программой или роботом, созданным на основе ИИ, а также насколько морально-этическая сторона выносимых роботом решений будет отражать справедливость судебного разбирательства.

В некоторых государствах довольно активно используются цифровые технологии в судебном процессе и даже часть функций судьи возлагается на ИИ. Например, с помощью ИИ отправляется правосудие в Китае по таким серьезным категориям преступлений против личности, как убийство, изнасилование, грабеж. В США был создан алгоритм-полиграф DARE, на основе ИИ способный идентифицировать ложь в показаниях лица по невербальным поведенческим признакам. Программа «Электронный судья» широко применяется в Бразилии: при ДТП система исследует и соизмеряет показания свидетелей и имеющиеся вещественные доказательства.

Заметим, что уголовное судопроизводство характеризуется не только с юридической стороны: важное значение в нем играют и морально-этическая сторона, и психологические детерминанты.

Профессор И. Н. Глебов поддерживает замену судьи на ИИ, ведь «робота-судью невозможно подкупить, для него не имеют значения человеческие слабости – честолюбие, трусость, лесть и подлость» [3]. Но, следуя данной риторике, нельзя не заострить внимание на отсутствии у ИИ разума и таких чувств, как справедливость, милосердие, сострадание. ИИ не склонен к моральному самоконтролю, у него нет чувств ответственности, совести. Эмоциональные характеристики лица не будут учитываться ИИ: например, искренне раскаивается человек или нет.

Более того, в современном мире хакеры способны взломать любую, даже самую сложную систему, внеся в нее изменения. Что же будет, если внесенные преобразования подорвут принцип равенства и предоставят таким образом привилегии той или иной стороне судебного разбирательства? Можно ли будет говорить о неподкупности «робота-судьи» и справедливости судебного разбирательства? Наряду с этим в докладе Независимого эксперта по вопросу об осуществлении всех прав человека пожилых людей на 36-й сессии Совета по правам человека ООН 11–29 сентября 2017 г. подчеркивается, что существуют некоторые свидетельства того, что ИИ способен к воспроизводству и приумножению человеческой предвзятости. Такие алгоритмы, заведомо основанные на необъективности, могут быть использованы в ходе принятия судебных решений, следовательно, это может стать причиной дискриминации, а также нарушения прав человека [4]. Помимо кибератак, в любой системе может произойти технический сбой, что также является ее «ахиллесовой пятой».

Профессия судьи предполагает высокую трудоемкость деятельности, повышенное чувство ответственности, обладание соответствующей компетенцией, опытом, особыми морально-нравственными качествами. На этих составляющих основываются выводы судьи, а после и решение, являющееся ядром правосудия. Оно выносится судьей, руководствующимся законом и совестью, основывающимся на внутреннем убеждении, учитывающим неповторимую уникальность обстоятельств рассматриваемого уголовного дела и входящих в него нюансов.

Не приведет ли деятельность ИИ к нивелированию индивидуальности итоговых решений (от которых будут зависеть судьбы людей), их штампованности, обездушиванию и обезличиванию самого правосудия, его духа справедливости? Право представляется сложным, многообразным, живым феноменом. Думается, что невозможно просчитать и запрограммировать систему под каждое конкретное индивидуальное дело вследствие постоянного развития и динамичности общественных отношений, а также несовершенства законодательных формулировок. В связи с этим вызывает сомнение адекватного восприятия ИИ так называемых пробелов в праве в силу его запрограммированности на типичные, формализованные показатели.

Конечно, даже с накопленным опытом правоприменения у судей могут случаться ошибки. Но разве есть гарантия, что ошибок не будет у ИИ? Как точно подчеркивают А. В. Незнамов, правом предусмотрена вероятность человеческой ошибки, и, как правило, она приемлема с психологической точки зрения, чего нельзя сказать о перспективе стать пострадавшим от ошибки машины, тем более если ее выводы будут не в полной мере прозрачными [7, с. 36]. Солидарен с мнением о неизбежности судебных ошибок и профессор Я. И. Гилинский. Он убежден, что никакая технология не будет в силах их исключить в полном объеме [2, с. 26].

Возможность дезорганизации равновесия между фундаментальными общеправовыми принципами законности и справедливости вызывает немалые опасения в свете передачи полномочий судьи по рассмотрению и разрешению дела, а также вынесению итогового решения роботу. Ведь ИИ лишь продуцирует когнитивные возможности человека и его эмоциональные компетенции, не обладая

ими. Соответственно, порождает беспокойство перспектива применения исключительно формального, математически отточенного метода в отрыве от духовных человеческих феноменов при принятии итоговых решений в рамках судопроизводства посредством ИИ. Неслучайно Европейский Суд по правам человека отметил, что любое государство, претендующее на роль первопроходца в развитии новых технологий, несет особую ответственность за соблюдение справедливого равновесия в этой области [8]. Безусловно, в первую очередь это касается баланса в контексте соблюдения прав человека.

Вместе с тем допускаем, что ИИ может служить неплохим подспорьем для развития потенциала судей: при коллаборации он будет являться некой резервной обоймой, помощником правоприменителя. Так называемое предсказанное правосудие, опираясь на ИИ, предоставляет алгоритмы для анализа в короткие сроки огромного количества ситуаций и позволяет сконцентрироваться судьям на более сложных задачах [1, с. 81]. Однако абсолютное замещение человеческого мозга судьи на ИИ в рамках уголовного судопроизводства видится ненадежным. Резюмируя изложенное, представляется закономерным вывод о нецелесообразности замены судьи на ИИ в пользу надлежащего соблюдения фундаментальных процессуальных прав человека, стержнем которых выступает право на справедливое судебное разбирательство.

Список литературы

1. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «Предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87.

2. Гилинский Я. И. Цифровой мир и право // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4–1 (62). С. 22–30.

3. Глебов Н. И. Искусственный юридический разум // Гуманитарное право. Сетевой научный юридический журнал.

4. Доклад Независимого эксперта по вопросу об осуществлении всех прав человека пожилых людей 11–29 сентября 2017 г. (п. 61).

5. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях // URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4.

6. Коммерсантъ: последние новости России и мира. УПК переводят на цифру // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5356905.

7. Незнамов А. В., Незнамов А. В. Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве: первый опыт и первые выводы // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 32–39.

8. Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2008 г. по делу «S. и Марпер (S. and Marper) против Соединенного Королевства» (жалобы № 30562/04, 30566/04) // URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=00190051.

9. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=127550.

Хвостова А. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОГРАНИЧЕНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ МЕХАНИЗМА ДЕЙСТВИЯ ПРАВА

Достижение основной цели права, состоящей в упорядочении общественных отношений, осуществляется с помощью разнообразного арсенала средств. Многие из них так или иначе связаны с устранением произвола, установлением и сохранением определенных границ проявления свободы с тем, чтобы субъектами не совершались действия, противоречащие интересам других лиц, общества или государства. Основным средством устранения произвола в праве выступает ограничение.

В юридической науке не сложилось единого мнения относительно содержания понятия «правовое ограничение». Правовые ограничения определяют и как «санкционированное временное сокращение либо уменьшение пользования благом, составляющим предмет субъективного права» [6], и как «установление границ применения субъективного права» [2, с. 9], и как «удержание субъекта права в определенных рамках» [7, с. 20–22]. Анализ приведенных точек зрения указывает на то, что правовое ограничение понимается как правовое средство, используемое для установления границ осуществления субъективных прав. Однако представляется, что в действительности правовые ограничения имеют гораздо более широкое применение.

Более широко рассматривает «правовые ограничения» А. В. Малько, понимая под ними «правовое сдерживание противозаконного деяния; установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать» [4, с. 240]. Автор верно отмечает, что посредством ограничения устанавливаются границы не только реализации субъективных прав, но и деятельности субъектов права в целом, поскольку ограничения могут быть связаны с изменением объема обязанностей, полномочий и некоторых других элементов правового статуса субъекта.

Рассматривая ограничение как правовое средство, необходимо исходить из широкого понимания последних. А. В. Малько правовые средства делит на инструменты (установления) и деяния (технологии) [5, с. 7]. Считаем не совсем корректным отождествлять ограничение с правовым средством-инструментом. Учитывая, что действие права представляет собой процесс, а термин «механизм» используется для обозначения внутренней логики этого действия, считаем целесообразным ограничения относить к средствам-деяниям.

Назначение ограничения в механизме действия права состоит в том, чтобы «сдержать» поведение субъектов права, «локализовать» его таким образом, чтобы оно не выходило за те рамки, за которыми оно окажется сопряжено с причинением вреда другим признаваемым правом интересам. Причем, для того чтобы

---

[1] © Хвостова А. В., 2022.

быть правовым, ограничение должно быть законным, разумным, целесообразным и необходимым. В то же время не совсем верно в контексте рассмотрения правовых ограничений говорить о «стеснении», «ущемлении» или «умалении» прав, свобод или интересов субъектов права, потому как перечисленные действия хоть и являются специфическими ограничениями, но незаконны.

Ограничение носит активный характер, что обусловливается его непосредственным выражением в деятельности субъектов права, связанной с удовлетворением своих интересов. В данном контексте ограничение следует рассматривать как средство-деяние, носящее динамический характер, ориентирующее субъектов права на правомерное поведение и проявляющееся реально в их поступках и актах, влекущих за собой юридические последствия.

Довольно интересной представляется позиция Г. Н. Бутырина, который утверждает, что любая норма – ограничение, однако не каждое ограничение – норма [1, с. 80]. Действительно, если рассматривать правовые нормы в контексте воздействия на поведение субъектов права, то можно убедиться в том, что все они основаны на ограничении. Обязывающие и запрещающие нормы содержат в себе юридически-властные предписания, либо требующие непременного совершения определенных действий, либо указывающие на недопустимость их осуществления, что свидетельствует об ограничении ими свободы деятельности индивидов. Управомочивающие нормы указывают границы возможного поведения субъекта права, таким образом предоставленные ему для удовлетворения своих интересов возможности ограничиваются правами и свободами иных лиц.

Наделение человека субъективными правами в сущности есть установление ограничения, потому как при отсутствии права человек абсолютно свободен в выборе вариантов поведения. Поскольку субъективное право – это мера возможного поведения, оно всегда имеет границы своего осуществления. В то же время в рамках установленных правом ограничений любой субъект свободен в своем выборе. Даже если речь идет об обязанности или запрете, всегда остается возможность выбора способа, средств, места, времени и иных обстоятельств их реализации. Исходя из этого, можно сделать вывод, что любое правомерное действие представляет собой результат выбора в рамках установленного ограничения.

Рассматривая ограничения в механизме действия права, считаем целесообразным указать на их свойства, характеризующие их качественную специфичность и отличие от ограничений в иных социальных регуляторах.

В качестве свойства ограничения следует обозначить императивность. Ограничение носит принудительный характер, его существование выступает одним из проявлений силовой природы права. При этом, несмотря на то, что природа правового ограничения не государственно-властная, оно всегда осуществляется государством или санкционируется им в качестве одобряемого или допускаемого.

Правовые ограничения адресуются исключительно субъектам права. Они могут быть направлены на сдерживание активности какого-либо отдельного субъекта, а также деятельности всех лиц, выступающих участниками определенного правоотношения. В рамках права ограничения носят универсальный характер. Это обусловливается тем фактом, что любой субъект может быть ограничен

независимо от того, находится ли он в правоотношениях или нет, а также в рамках любых правоотношений. Универсальность правовых ограничений подтверждается тем, что они оказывают воздействие не только на правоотношения, но и на правовое сознание, правовую культуру.

Правовое ограничение также специфично по своей направленности. Оно формирует отрицательную мотивацию, побуждая лицо к правомерному поведению путем недопущения совершения действий, выходящих за установленные правом границы. Особенностью направленности действия ограничения в данном случае является тот факт, что субъекты права согласовывают свое поведение не только с предписаниями правовых норм, но и с индивидуальными правовыми решениями должностных лиц и уполномоченных органов в случаях, когда требуются такие решения.

Качественная специфичность правовых ограничений состоит также в форме выражения. Среди них можно выделить формы, не свойственные ограничениям в иных социальных регуляторах, в частности обязанности, приостановления, лимиты, меры защиты, меры пресечения, наказания, опека, попечительство, ограничение дееспособности и др. Ограничение в праве, в отличие от ограничений в иных нормативных системах регуляции, может быть выражено не прямо, а косвенно. Указанное характерно, например, для управомачивающих норм, где ограничения создают дополнительные условия для законного и справедливого их воплощения. В данном случае нормативные правовые предписания могут формулироваться с помощью таких предлогов, как «кроме», «но», «помимо», «за исключением» и некоторых др. В отдельных случаях ограничение может выражаться с помощью использования специальных юридических терминов, что также свойственно только для права. Примерами являются слова «судимость», «арест», «недееспособность», словосочетание «необходимая оборона» и др.

Еще одной особенностью права является то, что на каждой стадии механизма его действия вводятся дополнительные ограничения, за счет чего сфера свободы субъекта сокращается. В процессе законотворчества устанавливаются достаточно широкие рамки деятельности субъектов права, в процессе подзаконного правотворчества они сужаются, в процессе заключения индивидуального правового договора или правоприменения – сужаются еще больше, затем, в процессе реализации прав и обязанностей они сужаются выбором конкретного человека, определяющего для самого себя приемлемые инструменты, формы и другие характеристики реализации собственных прав и обязанностей. Предпочтения, лежащие в основе выбора субъекта права, таким образом, сами могут быть сформированы ограничениями.

В рамках рассматриваемой темы следует обозначить условия, при которых ограничения в механизме действия права являются эффективными. Во-первых, ограничение должно быть обоснованным и целесообразным, т. е. его установление и реализация должны быть нацелены на достижение важного для права результата. Результатом в данном случае является то, для чего и существует право во всех его формах [3, с. 121]. Во-вторых, ограничение должно быть полезным.

Здесь речь идет о фактической его эффективности, выражающейся в реально достигнутом положительном результате. В-третьих, ограничение всегда рационально, это является следствием того, что оно устанавливается в процессе правотворческой или иной правозначимой деятельности, которая носит осознанный, целеустремленный и результативный характер. В-четвертых, оно должно быть легитимным, что означает признание его значимости как необходимого и справедливого. Немаловажное значение для эффективности правовых ограничений имеет правильность выбора субъекта в рамках установленного ограничения, а также внутреннее мотивированное соблюдение субъектом правовых ограничений, а не простое формальное согласование с ними своего поведения.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что правовое ограничение представляет собой неотъемлемый элемент механизма действия права. Являясь универсальным средством правового воздействия, обеспечивающим решение широкого спектра значимых для права задач, оно не может отождествляться лишь с установлением границ осуществления субъективных прав. Глубокий анализ специфических характеристик правовых ограничений, а также их связи с другими составляющими механизма действия права позволяет сформировать более полное представление о том, как функционирует право, и, значит, более успешно решать задачи, связанные с совершенствованием правового регулирования и повышением эффективности действия права.

Список литературы

1. Бутырин Г. Н. Значение ограничений и норм в управлении // Вестник Московского университета. 2008. № 1. С. 74–89.

2. Ищук И. Н. Ограничения в праве (Общетеоретический аспект) : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006.

3. Малахов В. П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2013.

4. Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.

5. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 2 (225). С. 4–16.

6. Нерсесянц В. С. Прогресс в праве (исторический опыт и перспективы) // Теория государства и права. М. : БЕК, 1995.

7. Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

Чернигин К. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Иванов С. А.***,
доцент кафедры теории
государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НОРМАТИВНЫХ АКТАХ МВД РОССИИ

Одной из задач российского правотворческого процесса является создание целостной и продуктивной правовой системы, обеспечивающей гармонию среди многоуровневого характера нормативного массива, а одной из основных целей издания подзаконных нормативных актов является реализация федерального законодательства, т. е. уточнение и обеспечение реализации положений нормативных актов, обладающих более высокой юридической силой.

Как справедливо отметила О. В. Кваша, конкретизация отдельных сторон прав и обязанностей субъектов права, детализирование границ правомочий действующих субъектов являются целями, которые ставятся перед федеральными органами исполнительной власти при подготовке нормативного акта [1, с. 94]. В дополнение к указанной точке зрения необходимо указать, что современные российские федеральные законы не полной мере могут регулировать все аспекты общественных отношений, образующихся в ходе повседневной деятельности. Поэтому именно недостаточность таких нормативных предписаний может служить условием для подготовки нормативных актов министерств и ведомств.

Из этого следует, что уточнение нормативных предписаний российских законов в ведомственных нормативных актах наиболее эффективно обеспечивает их реализацию, при этом учитывая предметы ведения каждого министерства и ведомства. Реализация федеральными органами исполнительной власти нормативных актов, обладающих большей юридической силой начинается с формирования целей и задач издаваемого документа. Ранее цель создания нормативного акта находила свое прямое отражение в его наименовании.

Одним из таких примеров являлся приказ МВД России от 20 декабря 1995 г. № 483 «О мерах по реализации Федерального закона „О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов”» [2], которым конкретизировались лица, подлежащие государственной защите со сто-

[1] © Чернигин К. А., 2022.

роны органов внутренних, а также предусматривала процедурную составляющую применения мер безопасности в отношении защищаемого лица. В настоящее время указанный нормативный акт утратил силу.

Еще одним подобным примером служил приказ МВД России от 20 декабря 2017 г. № 944 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона „О противодействии коррупции”» [3], которым отдельные должностные лица МВД России были наделены полномочиями по направлению запросов в кредитные организации, налоговые органы Российской Федерации и органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции. Указанный нормативный акт также утратил силу.

В настоящее время в наименовании приказов МВД России такая практика уже не встречается. Сегодня преамбулы действующих нормативных актов МВД России весьма часто начинаются со слов: «В целях обеспечения реализации Федерального закона» или «В целях реализации Федерального закона». Таким образом, в издаваемом нормативном акте подчеркивается основание его издания.

Так, в целях реализации Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ, приказом МВД России от 21 сентября 2021 г. № 707 утвержден Порядок организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [4]. Еще одним подобным примером может служить Инструкция об организации деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов при рассмотрении заявлений по вопросам гражданства Российской Федерации и принятии по ним решений, утвержденная приказом МВД России от 16 сентября 2019 г. № 623 [5], которая служит одним из инструментов реализации Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Исходя из вышеизложенного, необходимо ответить на вопрос: почему лишь в незначительном количестве нормативных актов МВД России их цель напрямую указывалась в наименовании? Стремление МВД России напрямую указывать в наименовании нормативных актов цель их издания не получило своего широкого распространения и в настоящее время практически не используется. По нашему мнению, ранее это был один из способов раскрытия темы правового регулирования издаваемого нормативного акта.

Необходимо отметить, что в правотворческом процессе МВД России имели место случаи, когда издаваемый нормативный акт не в полной мере реализовывал положения федеральных законов. Так, Решением Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2019 г. № АКПИ18-1172 [6], подп. 28.3 п. 28 Административного регламента МВД России по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронный носитель информа-

ции, утвержденного приказом МВД России от 27 ноября 2017 г. № 889 (в настоящее время утратил силу), был признан несоответствующим положениям федерального законодательства в части установленного срока предоставления государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронный носитель информации.

В связи с этим необходимо согласиться с Д. С. Гвоздецким, который отмечал, что со временем ведомственные нормативные акты могут устаревать или быть ошибочными и вообще с точки зрения их содержания совсем неидеальными, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости совершенствования ведомственного правотворческого процесса, который обеспечит эффективность практики реализации федерального законодательства [7, с. 57]. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что практика реализации норм федерального законодательства в ведомственных нормативных актах должна отвечать следующим требованиям: общественная полезность (распространяемая на конкретный круг лиц – сотрудников органов внутренних дел, а также в отдельных случаях на граждан), юридико-техническое совершенство (точность, конкретность нормативного материала), а также логическое единство и полнота реализации всех норм федерального законодательства.

Реализация правовых предписаний федерального законодательства в качестве цели издания нормативного акта федеральных органов исполнительной власти также представлена в Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 [8]. Вместе с тем в указанных Правилах федеральным органам исполнительной власти (в число которых входит и МВД России) предоставлено право издавать нормативные акты по собственной инициативе в пределах их компетенций.

По мнению М. В. Никифорова, существование ведомственных нормативных актов, изданных по собственной инициативе, противоречит их подзаконной природе [9, с. 65]. С указанным мнением стоит согласиться и указать на исключительность цели их издания – реализация федерального законодательства.

По итогам рассмотрения заявленной проблемы необходимо сделать вывод, что ведомственный правотворческий процесс должен иметь исключительную цель – реализацию федерального законодательства, которая предполагает его индивидуализацию, детализирование и правильное применение его на практике, что, в свою очередь, способствует целенаправленному юридическому изменению общественной жизни, поскольку обеспечивает выявление ситуаций, требующих правового разрешения.

Список литературы

1. Кваша О. В. Нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти и практика их реализации: Проблемы теории и методологии : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород. 2004.

2. Приказ МВД России от 20 декабря 1995 г. № 483 «О мерах по реализации Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // Российские вести. 1996. № 48.

3. Приказ МВД России от 20 декабря 2017 г. № 944 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона „О противодействии коррупции”».

4. Порядок организации работы по обязательному государственному страхованию жизни и здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный приказом МВД России от 21 сентября 2021 г. № 707.

5. Инструкция об организации деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов при рассмотрении заявлений по вопросам гражданства Российской Федерации и принятии по ним решений, утвержденная приказом МВД России от 16 сентября 2019 г. № 623.

6. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2019 г. № АКПИ18-1172 «О признании недействующим подпункта 28.3 пункта 28 Административного регламента МВД России по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронный носитель информации, утвержденного приказом МВД России от 27 ноября 2017 г. № 889».

7. Гвоздецкий Д. С. Правовое регулирование и эффективность реализации ведомственного нормотворчества // Закон и право. 2019. № 11. С. 56–58.

8. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 // Российская газета. 1997. № 161.

9. Никифоров М. В. Субъекты административного нормотворчества : монография. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2012.

Шитов Г. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Иванов С. А.***,
доцент кафедры теории
государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НОРМАТИВНОСТЬ КАК СУЩЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК ВЕДОМСТВЕННЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ПРОЦЕССЕ ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Федеральные ведомства широко используют в пределах своей компетенции полномочия по изданию нормативных правовых актов. На сегодняшний день такая деятельность по изданию и опубликованию нормативных актов регламентируется нормативными актами Президента и Правительства Российской Федерации.

Обозначение нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти общим понятием «ведомственные» часто употребляется как в научных публикациях, так и в самих правовых актах данных органов государственной власти [10, с. 19].

В различных видах ведомственных актов, разрешенных к изданию, перечень которых установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» [1], могут содержаться одновременно как нормативные, так и индивидуальные правовые предписания, вследствие чего по одному названию правового акта невозможно определить, нормативен он или нет. Такие правовые акты получили название «разнородные» или «смешанные» и часто встречаются среди ведомственных правовых актов. Одновременное «соседство» разных по характеристике предписаний в правовых актах ведомств обусловлено разноплановым характером их деятельности. Хотя смешанный характер нормативных актов и усложняет процесс систематизации, с другой стороны, он уменьшает количество текущего нормотворчества, потому как отпадает необходимость издания отдельных актов, содержащих соответственно или нормативные, или индивидуальные предписания.

С точки зрения формально-юридического подхода, актуального для исследования систематизации, нормативность, юридическая сила, сфера действия и формальность являются основными признаками, характеризующими юридическую

[1] © Шитов Г. А., 2022.

природу правовых актов [8, с. 14]. В случае ведомственного подзаконного нормотворчества, исходя из его особенностей к причисленным признакам, следует лишь добавить компетентность издания, которая ограничена актами Президента и Правительства Российской Федерации.

Выяснение понятия нормативности ведомственного правового акта имеет принципиальное значение для систематизации таких актов. В рамках общей парадигмы теории систематизации упорядочивание ненормативных актов или отдельных ненормативных предписаний не имеет смысла, и мы с этим условием абсолютно согласны [4, с. 80–85; 6, с. 80].

В сегодняшней правовой действительности официальная дефиниция, закрепляющая определение нормативного правового акта, в законодательстве отсутствует, что в практической деятельности создает определенные сложности. Однако такие определения можно встретить не только в научной юридической литературе, но и в подзаконных нормативных актах и судебной практике.

Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» в п. 2 указано, что признаками, характеризующими нормативный правовой акт, являются: «издание его в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений». Далее следует пояснение, что «вместе с тем признание того или иного акта нормативным правовым во всяком случае зависит от анализа его содержания, который осуществляется соответствующим судом» [2].

Исходя из обозначенных в вышеуказанном правовом акте признаков, можно предположить, что нормативность определяется наличием в нем правовых норм. В ведомственных нормативных актах раскрываются оба понятия. Так, в инструкции, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 7 июня 2021 г. № 446 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в Министерстве науки и высшего образования РФ» в п. 2 дается дефиниция нормативного правового акта, а под правовой нормой понимается «общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение» [3].

В научной доктрине в настоящее время сформировалось устойчивое, хотя и не единодушное понимание правовой нормы как начального элемента системы права. В нормативных правовых актах правовые нормы приобретают форму в нормативных правовых предписаниях, которые, в свою очередь, являются начальным элементом системы законодательства. Правовая категория «нормативно-правовое предписание» появилась относительно недавно, до этого совет-

скими учеными-юристами в качестве начального элемента и системы права и законодательства рассматривалась норма права, что создавало неопределенность и двойственность [7, с. 6, 24].

Исследуя признаки нормативности правовых актов, А. В. Мицкевич понимает под правовым предписанием логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и обязательное для исполнения лицами и организациями решения государственной власти [8, с. 36]. По нашему мнению, рассуждая о нормативности правовых актов, более логичным будет говорить о наличии в них нормативных правовых предписаний (нормативных предписаний). «Норма права» и «нормативное предписание», можно сказать, такие же парные правовые категории, как философские категории «содержание» и «форма». Другими словами, если норма права является содержанием, то нормативные предписания являются формой, в которой нормотворческий субъект вкладывает, а точнее сказать распределяет по таким предписаниям норму, и этот процесс имеет свои особенности в ведомственном плане. Дело в том, что в ведомственных актах структурные элементы правовой нормы в нормативных предписаниях выражены не так отчетливо, как в положениях, например, уголовного или административного кодексов. При систематизации ведомственных актов отыскать необходимые структурные элементы правовой нормы в нормативных предписаниях порой является непростой задачей для работника, выполняющего работу по упорядочиванию нормативного материала, а от решения этой задачи напрямую зависит достижение конечной цели нормативного акта, отвечающего требованиям полноты, сжатости и удобства для восприятия.

В настоящее время определенные сложности возникают и в следствие разногласий в определении структуры нормы права. Так, классической и признается большинством трехчленная структура нормы права, состоящая из гипотезы, диспозиции и санкции. Однако такая позиция периодически подвергается сомнению.

Предлагаются варианты рассмотрения двухчленной структуры нормы права, четырехчленной с добавлением в структуру элемента субъекта, и такие подходы имеют право на существование, так как они отражают динамический характер развития правовой науки [9, с. 195–196]. Другая сторона – достаточная аргументация и обоснование новых гипотез, и в конечном счете успех которых зависит от того, насколько успешно концепции таких подходов будут применены в практике в правотворческой и систематизационной деятельности. В этом вопросе нам импонирует подход А. С. Пиголкина, который заключается именно в максимальном упрощении процесса создания нормативного предписания, при этом не занижая его научного уровня. Так, ученый предлагает использовать структуру правовой нормы «максимально приближающую норму права и статью закона, что помогает прямо использовать эту теоретическую категорию для формулирования юридических предписаний, ориентирует законодателя на дифференциацию такого изложения в зависимости от характера правовых норм, на помещение в одной статье всех структурных элементов нормы права» [5, с. 305].

Материал нашего небольшого исследования, как нам кажется, затрагивает проблемы как научного, так и практического характера в области ведомственного нормотворчества и систематизации. В связи с чем в настоящее время в юридической доктрине, по нашему мнению, требуется доработка вопросов соотношения правовой нормы и нормативных предписаний в ведомственных актах, поиск новых подходов в определении структуры правовой нормы. Немаловажен вопрос закрепления на законодательном уровне понятия нормативного правового акта, что также способствовало оптимизации и унификации нормотворчества и систематизации ведомственных нормативных правовых актов.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 авгсута 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 33. Ст. 3895.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. 2019. № 6.

3. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 7 июня 2021 г. № 446 «Об утверждении инструкции по делопроизводству в Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

4. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М. : Госюриздат, 1962.

5. Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР : дис. … д-ра юрид. наук. М. : ВНИИСЗ, 1972.

6. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под. ред. А. С. Пиголкина. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.

7. Давыдова М. А. Нормативно-правовое предписание: природа, типология, технико-юридическое оформление. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009.

8. Мицкевич А. В. Избранное / сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010.

9. Актуальные проблемы теории государства и права / [М. М. Рассолов и др.]. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2017.

10. Иванов С. А., Гермер В. М. Формирование понятия ведомственного нормативного правового акта // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 19–21.

Шлегель П. О.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Клименко А. И.****,*
начальник кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В рамках постоянно меняющейся действительности правопорядок как ее часть, нуждается в поддержании и контроле. Рассмотрение его основ позволит раскрыть в последующем пути и средства повышения эффективности целенаправленной деятельности по обеспечению правопорядка.

В теории права предлагается несколько вариантов типологий разными авторами. К примеру, выделяют материальные основания, представленные потребностями социальных акторов, т. е. условиями их существования; политико-правовые основания, представленные правоохранительным аппаратом государства [1, с. 13]. Особое место также отводится формальным основаниям, одним из которых справедливо называют законодательство или в более широком смысле нормативный строй права [2, с. 62]. Нормативность позволяет формализовать общественные отношения, предписать определенные модели поведения, тем самым обеспечить легальность правопорядка. Однако средства обеспечения правопорядка также должны отвечать условиям легитимности. В связи с чем необходимо рассматривать вопросы обеспечения последней определенными исходными идеями и средствами, выраженными в идейных основаниях правопорядка. Правопорядок, основывающийся на исходных правовых идеях, в рамках которого цели, задачи и содержание законов будут обоснованными и понятными каждому человеку в обществе можно назвать действительным, подлинным правопорядком.

Правовые идеи связаны с правовыми ценностями, являясь формой выражения последних. Иными словами, в системе правовой идеологии нет идеи без ценностного основания и ценности без идейного выражения [3, с. 268]. Широта потребностей и интересов в обществе придает правовым ценностям относительность, а потому формируемые правовые ценности могут варьироваться в рамках различных правопорядков. Ценности определяют динамику формирования правопорядка и его дальнейшего развития через взаимодействие субъектов, преследующих свои цели, тем самым либо преобразуя правопорядок, либо разрушая его.

---

[1] © Шлегель П. О., 2022.

Говоря более предметно, постараемся привести некоторые основные правовые ценности и идеи, значимые для современного общества, которые способны составить или передать содержание идейных оснований правопорядка.

Главную роль по праву стоит отвести идеям порядка и справедливости. Первая идея довольна закономерна в рамках рассмотрения правового порядка, поскольку выражает «состояние благоустройства и налаженности, систематичности, правильности…в ходе дел» [4, с. 496]. Она поддерживается государством, представляя собой единственную возможность упорядоченного социального устройства, учитывающего публичный интерес. Ориентируя на ценность государственной организации общества, идея порядка выражает, по сути, меру дозволенного и неприемлемого для всех, выстраивая некий строй – идеал правопорядка, которому должны следовать люди в обществе. Идея справедливости тесно связана с ценностями свободы и равенства и закладывает основания для такого состояния упорядоченности общественных отношений, которое отличается высокой степенью соответствия противопоставляемых понятий (права и обязанности, преступление и наказание и т. д.).

Не менее важными и взаимосвязанными друг с другом являются идеи свободы и ответственности. Идея свободы для правопорядка состоит в виде некого ограничителя во избежание произвола. Она является «*возможностью выбора* между законом и его отрицанием, между обязанностью и небрежением, между запретом и преступлением» [5, с. 144]. Наивысшая степень такой осознанной свободы проявляется в правовом государстве, где общество привыкло к тому, что при всей совокупности имеющихся прав на проявление своей свободы необходимо в некотором смысле себя сдерживать (либо самопринуждать), так как свобода каждого человека в обществе ограничивается свободой другого. Идея ответственности, будучи одним из проявлений свободы, выражается главным образом в отношениях зависимости индивида от общества, государства или другого человека. Реальный правопорядок, в отличие от действительного и формального, включает в себя и отклоняющееся поведение его участников, часто выражающееся в совершении правонарушения. Последнее является формой проявления ответственности индивида. В связи с этим позитивная ответственность (как готовность индивида претерпевать последствия) может быть выражена через идеал в системе правопорядка, а негативная ответственность будет выполнять роль ориентирования человека на правомерное поведение под страхом наказания.

Поскольку формальным основанием правопорядка является нормативный строй права, названные идеи выражаются в первую очередь в законах. Ценность закона, выражаемая через идею, для правопорядка играет фундаментальную роль. Закон, по сути, придает этим идеям объективный характер, а также в отличие от них является более прочным, а потому может обеспечить следование им в силу своего преимущественно императивного характера.

Разумеется, реализация соответствующих идей в конкретном обществе обусловлена уровнем его социального и, что важно, культурного развития, системой ценностей, которые приняты в обществе и законодательно закреплены. При этом

необходимо придавать равное значение рассмотренным идеям, поскольку их баланс способен существенным образом влиять на формирование и обеспечение правопорядка.

Список литературы

1. Клименко А. И. Идеологические основания правопорядка // Правопорядок и его институциональные основы : Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж, 2019. С. 11–17.

2. Раков К. А. Формальные и содержательные основания правопорядка : дис. … канд. юрид. наук :12.00.01. М., 2021.

3. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография. М. : Норма, 2021.

4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : Аделант, 2014.

5. Малахов В. П. Теория правосознания: опыт формирования : монография. М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2019.

Юшина О. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Малыковцева Е. В.****,*
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДИСКУРС ОБ ОСНОВАНИЯХ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРАВОВЫХ ТРЕБОВАНИЙ Г. Л. А. ХАРТА

Вопрос обязательности правовых требований актуален для всех правовых школ и направлений. Позитивизм в его классическом выражении в качестве оснований обязательности права рассматривает само право как систему норм или установленных правил поведения, реализация которых обеспечивается через принуждение. Интересной проблемой является постановка рассматриваемого вопроса в аспекте такого направления позитивизма, как неопозитивизм. Неопозитивизм, зародившийся в XIX в., является одним из течений позитивизма и представляет третий этап в его развитии. По большому счету, неопозитивизм – это методология познания права вследствие восприятия идей философского неопозитивизма и развития принципов юридического позитивизма. Юридический неопозитивизм развивается в русле такого направления юридической науки, как аналитическая юриспруденция, представителями которой являются Г. Харт, О. Вайнбергер, П. Колер.

Герберт Лайонел Адольф Харт (британский философ, 1907–1992 гг.) рассматривает проблему обязательности как одну из первостепенных. В его основных работах – «Понятие права» [1] и «Приписывание ответственности и прав» [3] отмечается, что право – это «юридический язык, разновидность особого сегмента человеческой речи, связанного с провозглашением и применением правил» [2, с. 13]. Философ позиционирует право как сложную деятельность, которая сосредоточена вокруг формально-логической системы и правил («первичных и вторичных» [2, с. 13] правил), которые относятся к высшей норме признания, а сами правовые нормы выступают в качестве «правил для принятия решений». Г. Л. А. Харт выдвигает в качестве первичных правил законы и предписания, созданные государственными органами власти, которые в ходе своей государственной деятельности накладывают определенные обязанности, обязательства и правомочия. К вторичным правилам философ относит правила признания, правила изменения и правила вынесения решения.

---

[1] © Юшина О. А., 2022.

Правила признания, по мнению философа, основываются на базовых нормах права, т. е. закон является законом лишь при том условии, если он таковым признан, поскольку он исходит от признанного источника права и тем самым решает проблему законности тех или иных правовых положений, решает сложные проблемы и конфликты в законодательстве. Например, Конституция является таким «правилом признания», так как она фактически выполняет эту роль.

Правила изменения наделяют отдельных лиц или группы людей (например, законодательные собрания) полномочиями для введения и отмены правил. Тем самым они преодолевают статичность системы первичных правил.

В свою очередь правила принятия решений наделяют некоторых индивидов (например, должностных лиц) правом принятия решения, было ли нарушено первичное правило, устанавливают процедуру решений, а также наделяют правом назначать наказания за нарушение правил.

Г. Л. А. Харт считает, что правовая система будет эффективной при условии наличия одновременно первичных и вторичных правил. Основанием обязательности права выступают первичные правила.

В то же время, по мнению философа, наличие «правил» не всегда нужно относить к вопросу обязательности в праве. Так, следует понимать, что основания обязательности не возникают в вопросах вынужденного (например, в результате психологического давления) поведения. Тут Г. Л. А. Харт приводит в качестве примера ситуацию с грабителем, при которой жертва идет на поводу у преступника отнюдь не из-за наличия долга, а с целью избежания негативных для себя последствий, поэтому «…факторы подобного рода, т. е. факты, касающиеся оценки и мотивов, не являются необходимым для того, чтобы сделать утверждение, что человек имел обязанность, истинным» [1, с. 87]. И наоборот, как считает философ, что обязанность никуда не исчезает, если человек намеренно избегает наступления для себя определенных последствий (например, уклонение от воинской обязанности).

Вместе с тем, по мнению Г. Л. А. Харта, есть прямая связь между понятиями обязательности и наказания. А именно, что в ряде случаев при отсутствии норм-предписаний обязательность не наступает. «Разумеется, верно, что в нормальной правовой системе, где санкции предусмотрены за большую часть преступлений, преступник обычно рискует быть наказанным; так что утверждения, что человек имеет обязанность и что он, вероятно, понесет наказание, истинны одновременно» [1, с. 90]. Итак, обязанность предполагает существование нормы, но в то же время не всякая норма рождает обязательность. К примеру, нормы образцового поведения, социальные правила, правила этикета и культуры речи, безусловно, являются правилами общественной жизни, но их несоблюдение влечет за собой лишь порицание и критику, поэтому «…может не существовать централизованной системы наказания для тех, кто их нарушает, а давление со стороны общества может сводиться лишь к всеобщей неодобрительной или критической реакции, не подкрепленной физическими санкциями» [1, с. 92].

Вышеуказанные правила рассматриваются, в первую очередь, как необходимые элементы поддержания социальной жизни или ее части. Важность такой обязательности очевидна, так как направлена на благо общества и тесно связана

с понятием долга перед ним. «Следовательно, обязанности и долг предполагают определенную степень жертвенности и самоотречения, и постоянная возможность конфликта между долгом и обязанностями, с одной стороны, и личным интересом – с другой относится к числу банальностей правоведов и моралистов во всех обществах» [1, с. 93].

Итак, социальное принуждение к соблюдению правил является основой для правил, которые налагают обязанности. Их соблюдение значимо и должно рассматриваться как необходимое условие для жизни общества. Это свойственно правилам, ограничивающим насилие, контролирующим соблюдение обещаний, выполнение служебных обязанностей и т. д. Применительно к ним чаще всего используются такие понятия, как «обязанность» и «долг». В отношении всего общества соблюдение и выполнение этих правил обладает свойством полезности. В отношении отдельного взятого субъекта они могут противоречить интересам последнего, в связи с чем их часто сопоставляют с самоограничением или самопожертвованием.

В то же время следует отождествлять понятия «чувствовать себя обязанным и быть обязанным – это разные, хотя часто и сопутствующие друг другу вещи» [1, с. 93]. Первое так же, как и второе понятие, отождествляется с психологическим поведением, но здесь важно понимать, что «чувство обязанности» не влечет за собой чувств давления и принуждения. Как пример, приведенный Г. Л. А. Хартом, в котором жулик, имея обязанность оплатить аренду за жилье, попросту сбежал.

Итак, Г. Л. А. Харт считал, что понятия «внутренних» и «внешних» аспектов правил поведения играют большую роль для понимания не только права, но и в целом структуры общества. Мыслитель полагал, что в рамках предсказательной теории поведения наряду с внешними факторами, необходимо учитывать и внутренние аспекты поведения человека, обращаться к причинам отклонений от принятого поведения. Ведь любой социум, соблюдающий обязанности и ограничения, может столкнуться с другим социумом, которое отвергает эти правила и относится к ним как внешним факторам, предупреждающим о наступлении санкций или негативной реакции за их нарушение. «И до тех пор, пока ее важность не понята, мы не сможем уяснить тот особый стиль человеческого мышления, говорения и действия, который предполагает существование правил и который создает нормативную структуру общества» [1, с. 94].

Список литературы

1. Харт Г. Л. А. Понятие права : пер. с англ. / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

2. Харт Г. Л. Определение и теория в юриспруденции // Правоведение. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2008. № 5. С. 6–32.

3. Харт Г. Л. А. Приписывание ответственности и прав // Юриспруденция в поисках идентичности : Сборник статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара : СаГА, 2010. С. 242–270.

РАЗДЕЛ VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Абдюшев Л. Ш.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кириллов С. И.***,
профессор кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

РОЛЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШАЕМЫХ ИЗ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

Одним из основных направлений деятельности органов внутренних дел (ОВД) является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, защита личности, общества, государства от противоправных посягательств и др. [1, с. 1]. В силу быстро развивающегося процесса интеграции общества все больше в деятельности ОВД занимает предупреждение насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, поставлена задача по предупреждению и нейтрализации социальных, межконфессиональных и межнациональных конфликтов, сепаратистских проявлений, предупреждение распространения религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, формирования этнических и религиозных анклавов, социальной и этнокультурной изолированности отдельных групп граждан [2, с. 4].

Основным нормативным правовым актом, регулирующим предупреждение преступлений, является приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», который определяет основные направления, формы и методы предупреждения преступлений, осуществляемые ОВД, в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Российской Федерации, порядок организационного и методического обеспечения этой деятельности [3, с. 1].

Предупреждение насильственных преступлений проводится на общем и специальном уровнях.

Общий уровень предупреждения преступности включает в себя такие меры, как улучшение во всех сферах общественных отношений, увеличение борьбы

---

[1] © Абдюшев Л. Ш., 2022.

с питательной средой преступности (низкого уровня жизни, беспризорности, безработицы и т. д.), соблюдение законности и др.

Исследуя предупреждение насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений, следует выделить следующие сферы общества, где необходимо проводить работу в данных направлениях: политическая, социальная и духовная. Проводимая работа в указанных сферах жизни общества по предупреждению преступлений не напрямую влияют на преступность, но все же имеет косвенное значение в процессах, происходящих в обществе, и влияет на совершение преступлений в целом. Общее предупреждение преступности направлено на обеспечение достойного проживания граждан внутри социума.

Большое значение имеет предупреждение преступлений на специальном уровне, которое направлено на оказание воспитательного воздействия и на устранение факторов, отрицательно влияющих на поведение, и проводятся путем воздействия на социальные группы или на отдельных граждан.

Нельзя не согласиться с А. А. Огановым, который в своей работе «Предупреждение насильственных преступлений против жизни и здоровья» выделяет следующие меры специальной профилактики:

– незамедлительность реагирования на правонарушения, совершаемые на почве семейных и других бытовых конфликтов;

– усиление борьбы с разжиганием расовой и межнациональной розни;

– улучшение качества профилактической работы в маргинальной среде;

– активизация деятельности по выявлению антиобщественных молодежных группировок со склонностью ее участников к насилию;

– противодействие пропаганде жестокости и насилия в сми и др. [4, с. 162–164].

Представляется, что также к данным мерам необходимо добавить следующие меры:

– незамедлительность профилактической работы среди лиц с повышенной виктимностью, так как во многих случаях преступления, совершаемые из экстремистских мотивов, остаются латентными, в том числе из-за поведения самих потерпевших;

– обеспечение справедливости наказания, а также ее индивидуализации и дифференциации, так как в большинстве случаев насильственные преступления против жизни и здоровья, совершаемые из экстремистских побуждений совершаются в составе группы, в связи с чем появляется необходимость установления роли каждого участника и, соответственно, индивидуализации наказания.

В целях эффективного проведения предупреждения насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений, по нашему мнению, профилактику следует проводить в следующих криминогенных группах:

– лиц, ранее совершавших преступления на религиозной почве;

– лиц, состоящих в неформальных молодежных группах;

– лиц, ранее совершавших административные правонарушения экстремистского характера (ст.ст. 5.26, 20.29 КоАП РФ и др.).

В предупреждении преступности значительную роль играют ОВД, так как на их роль выпадает большая часть мер профилактики. Так, участковые уполномоченные полиции (далее – УУП) находятся в непосредственном контакте с населением, проживающим на обслуживаемой территории, в том числе на их долю приходится рассмотрение львиной доли заявлений об административных правонарушениях (в том числе насильственных правонарушений) и др. Бытовых правонарушениях, регламентированных КоАП РФ. Профилактика и предупреждение преступлений УУП проводятся путем проведения профилактических бесед, постановки на профилактический учет, установлении доверительных отношений с гражданами с целью получения информации, способствующей предупреждению и раскрытию преступлений, проведении профилактического надзора за поведением лиц, состоящих на профилактическом учете и т. д. Говоря о предупреждении насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений, деятельность УУП сводится к следующему: ведут списочный учет постоянно проживающих иностранных граждан на обслуживаемом участке; участвуют в мероприятиях по выявлению и пресечению нарушений правил регистрации, соблюдению иностранцами правил пребывания на территории Российской Федерации; ставят на профилактический учет лиц, являющихся участниками сект, религиозных объединений, экстремистских молодежных и неформальных группировок; оказывают содействие другим подразделениям ОВД при преследовании и задержании подозреваемых лиц указываемой категорий [5, с. 6–7].

Принимая во внимание, какая работа проводится сотрудниками УУП, следует отметить, что именно подразделение УУП выполняет большую часть функций ОВД по профилактике и предупреждению насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений.

Также наряду с УУП в тесном контакте с населением работают и сотрудники патрульно-постовой службы (далее – ППС), чья деятельность по предупреждению насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений, выражена в осуществлении ими следующих функций: осуществляют проверку документов в целях выявления лиц, подозреваемых в принадлежности к террористическим и экстремистским организациям, а также незаконно перевозящих, террористическую и (или) экстремистскую литературу; проверяют места концентрации криминогенного элемента; осуществляют разъяснительную работу среди граждан; принимают все необходимые меры, направленные на предупреждение преступлений из экстремистских побуждений и т. д.

Оперативными подразделениями (сотрудниками уголовного розыска, по противодействию экстремизму и др.) В системе ОВД в целях предупреждения и профилактики правонарушений проводятся: оперативно-разыскные мероприятия, направленные на выявление причин и условий совершения правонарушения, комплексные оперативно-профилактические мероприятия, принимаются меры по разобщению экстремистских организаций, правовая пропаганда и информирование населения и т. д. Основным оперативным подразделением, занимаю-

щимся предупреждением и профилактикой насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений, является Главное управление по противодействию экстремизму МВД России, также известное как центр «Э». Его сотрудники осуществляют следующие функции: принимают участие в информировании населения о результатах работы в области преступлений экстремисткой направленности; разрабатывают и организуют проведение специальных операций и оперативно-профилактических мероприятий в установленной области деятельности; осуществляют ОРМ по предупреждению преступлений, отнесенных к компетенции подразделений по противодействию экстремизму; принимают меры по разобщению экстремистских организаций (сообществ) на ранних стадиях формирования путем поиска и своевременной реализации информации упреждающего характера; проводят мониторинг оперативной обстановки в области противодействия экстремистской деятельности.

Следователями и дознавателями ОВД при проведении предварительного следствия (дознания) по уголовным делам вышеуказанной категории устанавливаются все обстоятельства совершенного преступления. При окончании предварительного следствия (дознания) в пределах их компетенций, согласно ст. 158 УПК РФ, вносят представление о принятии мер по устранению причин и условий или других нарушений закона, способствующих совершению правонарушения, которое должно рассматриваться с уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца [6, с. 105].

Кроме того, ОВД формируют банки данных, в том числе о лицах, состоящих на профилактическом учете, совершивших административные правонарушения, осужденных за совершение преступлений, и др. В формировании указанных банков данных принимают участие не только вышеуказанные подразделения, но и подразделения информационных центров, делопроизводства и работы с обращениями граждан и др. Все подразделения ОВД находятся в тесной взаимосвязи, что обеспечивает непрерывную работу по профилактике и предупреждении преступлений.

Таким образом, ОВД играют первостепенную роль в предупреждении и профилактике правонарушений, в том числе и насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых из экстремистских побуждений. Именно сотрудники ОВД ведут непосредственный контакт и работу с населением в данном направлении. Анализ действующего законодательства, а также исследовательских позиций позволяет утверждать, что в целях улучшения предупреждения преступности профилактику следует проводить в специальных криминогенных группах и для данных целей применять меры обеспечения справедливости наказания, а также ее индивидуализации и дифференциации.

Список литературы

1. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/71428030/.

2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.

3. Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/1355153/.

4. Оганов А. А. Предупреждение насильственных преступлений против жизни и здоровья // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 6. С. 162–165.

5. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/71428030/.

6. Федеральный закон от 18 января 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7t45hsbd6820971573.

Аксенов В. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Молчанова Т. В.***,
доцент кафедры криминологии,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕРЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ведущие специалисты в области криминологии высказывают мнение о том, что предупреждение является важнейшим направлением противодействия преступности. Данное направление осуществляет выработку решений по борьбе с преступностью наиболее выгодными для общества вариантами применяемых средств и методов. Основная ценность данного направления криминологической науки заключается в обнаружении и устранении детерминант преступности, а также в оказании непосредственного воздействия на личность преступника. В настоящем исследовании более подробно мы рассмотрим сферу индивидуальной профилактики преступности.

Определяя основные характеристики индивидуальной профилактики, необходимо учитывать, что ее непосредственным объектом выступает конкретная личность. Известный криминолог Ю. М. Антонян указывал на необходимость изучения психических процессов, которые являлись предпосылками преступления, и дальнейшего воздействия на них с целью недопущения их совершения в будущем. Только такая деятельность, по его мнению, может быть названа профилактикой [1]. Отдельное внимание стоит уделить системе элементов индивидуальной профилактики, в состав которых входят: выявление и фиксирование методов, определяющих качество от индивидуального профилактического воздействия, изучение лиц из числа ведущих антиобщественный образ жизни с целью выбора объекта индивидуального профилактического воздействия.

В связи с экономической нестабильностью преступность с задействованием информационно-коммуникационных технологий в последние годы приобретает все большую популярность. Сеть Интернет пестрит разнообразием форумов мошенников, готовых на возмездной основе предоставлять услуги обучения ремеслу киберпреступности, а их число увеличивается с каждым днем. Новейшие системы информационных возможностей, используемые преступниками как для анонимности, так и для облегчения обмана жертвы заставляют сотрудников правоохранительных органов постоянно совершенствовать навыки оперативно-служебной деятельности. Увеличение количества мошенничеств данной категории

[1] © Аксенов В. А., 2022.

зачастую приводит к росту числа выявленных киберпреступников, в том числе среди несовершеннолетних. Данное явление требует применение мер индивидуальной профилактики в отношении указанных лиц.

Базовым документом, закрепляющим основы профилактики правонарушений в Российской Федерации, является Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. В соответствии с указанным НПА рассмотрим основные формы (меры) профилактического воздействия:

1. Правовое просвещение (информирование). Данная форма является виктимологической, представляет собой информирование граждан и организаций о наиболее распространенных схемах совершения мошенничеств данной категории, а также мерах реагирования на них с целью защиты их прав, свобод. В качестве примера можно привести профилактическую информацию о продаже мобильных устройств по выгодной цене в сети Интернет, размещенную на официальном сайте Прокуратуры Самарской области [4].

2. Профилактическая беседа. Заключается в разъяснении интернет-мошеннику его моральной и правовой ответственности перед обществом, государством, социальных и правовых последствий продолжения антиобщественного поведения. Данная беседа может производиться как после осуждения преступника, так и на любом этапе предварительного расследования. Дело в том, что отдельная категория интернет-мошенников, находясь в исправительной колонии или следственном изоляторе, может иметь возможность использования абонентских устройств с выходом в сеть Интернет и продолжить осуществление противоправной деятельности. Особое внимание следует уделять несовершеннолетним преступникам, так как зачастую в отношении них назначаются более мягкие виды уголовных наказаний, а также меры процессуального принуждения, не связанные с лишением свободы. Очень часто грамотно составленная беседа субъекта профилактики как с законными представителями несовершеннолетнего, так и самим интернет-мошенником может повлиять на отказ от участия в противоправной деятельности.

3. Объявление предупреждения о недопустимости действий, которые образуют условия для совершения правонарушений. При данной форме предостережение объявляется физическому лицу в случае совершения им действий, создающих условия противоправной деятельности. Однако при этом в действиях указанного лица должны отсутствовать признаки состава преступления и административного правонарушения [3]. Применительно к нашей теме исследования подобная мера может приниматься в отношении лиц, предоставляющих интернет-мошенникам услуги виртуальных абонентских номеров для создания различных аккаунтов в мессенджерах и социальных сетях.

4. Профилактический учет. Данная мера выражается в наблюдении за поведением конкретного лица, за которым по решению компетентных органов осуществляется профилактический учет. Целями подобного учета являются стремление снизить возможность совершения конкретным лицом преступления и оказание профилактического воздействия. Так, в соответствии с п. 16 ч. 3 ст. 17 ФЗ «О полиции» сотрудники полиции обладают полномочиями обрабатывать персональные данные граждан с целью выполнения возложенных на них функций с дальнейшим их внесением в информационные банки данных, в том числе

о лицах, состоящих на профилактическом учете. Другим примером является ведение учета поднадзорных лиц, освобожденных из мест лишения свободы в течение всего срока административного надзора. Также сотрудники полиции обязаны системно наблюдать за поднадзорным с целью установления соблюдения им ограничений, назначенных судом [6].

5. Внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения. Представление является правоприменительным актом, который обязывает как должностных лиц, так и организации принимать меры, устраняющие причины (условия), способствующие совершению преступления [2, с. 84]. В качестве примера можно отметить внесение представлений в адрес операторов сотовой связи, так как в отдельных офисах осуществляется продажа сим-карт, зарегистрированных на несуществующих лиц. Данные абонентские номера в дальнейшем зачастую используются при совершении мошенничеств с использованием средств сотовой связи и сети Интернет.

6. Профилактический надзор. Заключается в надзоре за поведением конкретного лица, состоящего на профилактическом учете, в том числе за соблюдением им ограничений, которые установлены в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. К особенностям профилактического надзора можно отнести следующие признаки: а) государственно-правовая деятельность; б) устанавливается в принудительном порядке; в) цель – контроль соответствия поведения поднадзорного лица правовым предписаниям, выявление фактов нарушений законодательства; г) систематический характер; д) осуществляется в рамках внеслужебного подчинения. Основанием выступает профилактический учет поднадзорного лица; е) осуществляется специальными субъектами от органов исполнительной власти; ж) применение принудительных мер воздействия в случае нарушения установленных правил и норм [2, с. 96–100].

7. Социальная адаптация. Это сложное общественное явление, отражающее процедуру приобщения личности к иной среде жизнедеятельности, осуществляемой с помощью социальных и правовых мер реабилитации, защиты и поддержки. Социальная адаптация определяется конкретной жизненной ситуацией, в которой находится лицо. В свою очередь жизненная ситуация находится в связи с каким-либо событием в жизни человека, которые могли наступить как по его воле (например, совершение преступления), так и независимо от нее (чрезвычайные ситуации, болезнь и т. п.) и связанным с обращением в различные органы власти за получением конкретного вида услуг. Понятие «трудная жизненная ситуация» субъективно, воспринимается в таком виде лично для него. Также данное понятие может быть выступать объективно в случаях, когда трудная жизненная ситуация нарушает нормальную жизнедеятельность человека (безработица, отсутствие постоянного источника дохода, инвалидность, безнадзорность и прочее) [5, с. 27].

8. Ресоциализация. Представлена комплексом мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактической деятельности в соответствии с их компетенцией, для реинтеграции в социум ранее осужденных к лишению свободы лиц, либо в отношении которых применялись иные меры уголовно-правового характера [7]. К данной мере

можно отнести оказание помощи специалистам в сфере информационных технологий, ранее осужденных за совершение мошенничеств в данной сфере, путем их трудоустройства. Наличие постоянного места работы и осознание «неотвратимости наказания» за совершение новых преступлений снижает вероятность противоправной деятельности.

Подводя итог, стоит отметить, что повсеместный рост количества зарегистрированных мошенничеств, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, не означает уделения должного внимания проблеме индивидуальной профилактики преступлениям данной категории. До сих пор в различных субъектах Российской Федерации законодательными актами не закреплены меры профилактики, применяемые в отношении лиц, осужденных за преступления данной категории. Субъектам профилактической деятельности необходимо активизировать использование полного перечня мер индивидуальной профилактики в отношении кибермошенников.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. О понятии профилактики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1977. № 26. С. 25–34.

2. Жеребцов А. Н., Помогалова Ю. В., Смоляров М. В. Комментарий к Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://internet.garant.ru/#/document/57206593/.

3. Приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://internet.-garant.ru/#/document/74292788/.

4. Прокуратура Самарской области продолжает реализацию просветительского проекта «Полезный совет» по опубликованию серии правовых публикаций, связанных с профилактикой преступлений в сфере мошенничества // НПП «Гарант-сервис». URL: https://internet.garant.ru/#/document/77215179/.

5. Теория социальной работы : учебник / под. ред. Е. И. Холостовой. М. : Юристъ, 2001.

6. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://internet.garant.ru/#/document/12184517/.

7. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://internet.garant.ru/#/document/71428030/.

Бажанов Р. И.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Уткин В. А.,***
профессор кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ СТОРОН ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Закономерность актуальности рассмотрения проблем уголовно-правового противодействия преступности на V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых: «Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики», приуроченной к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, обусловлена общественно-политическими и экономическими трансформациями в стране, начиная с периода распада СССР и формирования современной Российской государственности, переходом страны к рыночным экономическим отношениям, передел собственности, нестабильность в обществе в период реформирования политических и экономических структур управления, проникновения в общество различных прозападных «либеральных» учений и идей, сообществ сексуальных меньшинств, организаций, запрещенных в Российской Федерации (далее – РФ), напряженная международная обстановка, пересмотр и/или трансформация демократических ценностей и, как следствие: экономические проблемы, инфляция, снижение жизненного уровня населения, политическая и национальная напряженность и многие другие факторы – породили объективные факторы, влияющие на тенденцию и характер преступности, в том числе и рецидивной. Периодическая нестабильность сфер общественной и государственной жизни значительно осложняют борьбу с преступностью, затрудняют защиту законных прав и интересов граждан от преступных посягательств.

Совершение лицом рецидива преступления свидетельствует о стойкой антиобщественной ориентации личности, ее открытом противопоставлении правопорядку, упорном стремлении продолжать преступную деятельность, несмотря на принятые в отношении данного лица уголовно-правовые меры.

Уголовный рецидив довольно распространенное явление в российской действительности: доля граждан, ранее совершавших преступления, в числе выявленных преступников колеблется в пределах 20–25 %, а в отдельные годы XXI в., приближается к 30 % [1].

---

[1] © Бажанов Р. И., 2022.

С конца 1990-х гг. по настоящее время в России наметилась тенденция в увеличении числа совершения преступлений, содержащих признаки опасного и особо опасного рецидивов. С увеличением их числа нарастает и криминогенная обстановка, проявления большей интенсивности преступности рецидивистов с чем связано и то, что после освобождения из мест лишения свобод, рецидивисты вновь совершают преступления через непродолжительный период времени – в 85 % случаев в течение одного года.

Особенностью рецидивной преступности современного периода является увеличение числа экономических преступлений. Произошла определенная структурная перестройка криминально-ориентированных образований, углубление интеграции рецидивистов с лидерами экономической преступности в связи с переориентацией криминального поведения, перераспределением сил, территории и сфер деятельности на новых направлениях.

Общественная опасность рецидивной преступности заключается в том, что рецидивист, стремятся продолжать и совершенствовать свою преступную деятельность, оказывают крайне негативное влияние на склонных к совершению противоправных действий, лиц, имеющих низкий социальный статус, безработных, лиц, ранее судимых, вовлекая их в совершение преступлений, дестабилизируя криминогенную обстановку в стране, увеличивая влияние уголовной деструктивной субкультуры (например распространение запрещенного в РФ, движения «АУЕ», которое особенно характерно для распространения в местах лишения свободы), провоцируя неуверенность граждан в достижении формирования в России стабильного гражданского общества, подрывая авторитет государственной власти и сотрудников органов внутренних дел как ее представителей.

Существенными мерами воздействия на лиц, совершивших рецидивные преступления, является предусмотренные законодательством РФ меры по избранию более строгих мер наказания в отношении данных лиц, в сторону увеличения назначения сроков лишения свободы и/или мер пресечений, связанных с ограничением свободы, лиц, совершивших преступления, особенно совершивших специальный рецидив преступлений, объектом которы, является половая неприкосновенность. Так, согласно ст. 18 УК РФ рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление. Рецидив преступлений учитывается в качестве отягчающего обстоятельства при назначении уголовного наказания [2].

Кроме этого, из УК РФ следует, что под повторностью следует понимать совершение одним лицом двух или более преступлений, предусмотренных одной и той же статьей или частью статьи УК РФ, либо двух и более преступлений, предусмотренных разными статьями Особенной части УК РФ.

При совершении повторных преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление путем полного или частичного сложения наказаний либо путем поглощения менее строгого наказания более строгим (данное правило применяется только в том случае, если все совершенные преступления отнесены к категории преступлений небольшой или средней тяжести).

Как при рецидиве, так и при совокупности преступлений назначается более строгое наказание, что является одной из мер профилактики повторных и рецидивных преступлений.

Помимо изложенного, на законодательном уровне предусмотрена еще одна мера профилактики совершения повторных и рецидивных преступлений – установление административного надзора в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Административный надзор – осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом [3].

В процессе реализации мер административного надзора, направленных на предупреждение совершения лицами, освобождаемыми или освобожденными из мест лишения свободы, осуществляется и оказание на них мер индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов, социальной ориентированности данных лиц.

Так, суд может постановить избрать в отношении «надзорников» ряда ограничений: запрета пребывания в определенных местах; посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; запрета выезда из адреса регистрации или места проживания, временного ограничения пребывания поднадзорного лица в определенное время суток; выезда за пределы территории региона регистрации или фактического проживания поднадзорного лица [4].

Однако, несмотря на вышеуказанные меры, рецидивы преступлений, как указано выше, недопустимо высоки, что связано не только с общественно-экономическими условиями и происходящими процессами в современном российском и международном обществе.

Обстоятельствами, способствующими рецидивной преступности, являются и недостатки в деятельности правоохранительных органов и в том числе законодательной [5].

В соответствии с нормативными документами МВД России предупреждение, профилактика совершения уголовных преступлений является приоритетным и обязательным в деятельности полиции, однако действующая система криминологического прогнозирования; и оценки служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел и прежде всего, в чьи непосредственные обязанности входит данное направление служебной деятельности (сотрудники уголовного розыска, участковые уполномоченные полиции, сотрудники ППС, инспектора ОДН и других служб и подразделений полиции), преимущественно оценивают, учитывают и декларируют в отчетах о результате работы подразделений полиции, показатели, связанные с раскрытием преступлений и их окончанием, т. е. направлением материалов по данным преступлениям в учреждения судебной системы (суды). Данная правоприменительная практика существенно сужает круг

интересов профессиональной деятельности сотрудников полиции, что обусловлено и отсутствием в системе МВД России регламента оценки их работы, направленной на предупреждение совершение преступлений и в том числе рецидивной.

Видный российский деятель правоохранительных органов и государственный деятель генерал-полковник полиции в отставке А. А. Чекалин, ранее занимавший должность заместителя министра МВД России, и в прошлом члена совета Федерации Российской Федерации, в одном из своих интервью в начале 2000-х гг. на вопрос: «Почему не оценивается и, соответственно, не вознаграждается (премия, поощрения и т. п.) деятельность конкретных сотрудников полиции, направленная на предупреждение уголовных преступлений», в своем ответе выразил озабоченность отсутствием системы оценки такой деятельности, отсутствием критериев ее оценки.

К сожалению, таких четкой системы и критериев, регулирующих именно практическую, повседневную деятельность сотрудников полиции и в том числе подразделений уголовного розыска, других оперативных служб, направленную на предупреждение рецидива преступлений, не имеется и до настоящего времени. В связи с чем в служебной деятельности сотрудников полиции Российской Федерации, снижается мотивация по направлению предупреждения преступлений, преобладает направление деятельности по раскрытию уже совершенных и в том числе рецидивных преступлений, что не в полной мере отвечает задачам снижения общественной опасности и потребностям граждан России в формировании в государстве гражданского общества.

Специалистами-криминологами и другими авторитетными членами Российского общества признано, что недопущение совершение преступлений, их предупреждение существенно улучшают общественно-экономическую обстановку в стране, в каждом ее субъекте, создает условия для государственного, общественного, личностного развития, посыл для улучшения демографического состояния в стране, его стабильности, делает жизнь простых людей безопаснее и счастливее. В целом повышает авторитет Российской Федерации в мире как правового государства.

Список литературы

1. Карташов С. В. Общественная опасность рецидива преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2020. № 13. URL: https://cyberleninka.ru/articl/n/retsidivnaya-prestupnost-v-rossii.

2. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

3. Манасян Т. В. Проблемы размера и назначения наказаний при рецидиве преступлений // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения : Материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Евраз. науч.-исслед. ин-т проблем права, 2016. С. 270–273.

4. Плаксина В. С., Салтыков Н. А. Назначение наказания при различных видах рецидива преступлений // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 6 (22). С. 734–737.

5. Орлова В. С. Рецидив преступлений. Борьба с рецидивной преступностью // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых-2018 : сб. науч. ст. 6-й Междунар. молодежной науч. конф. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Юго-Западный гос. ун-т, 2018. С. 216–219.

6. Южанин В. Е. Парадоксы законодательства об ответственности за рецидив преступлений // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 21–24.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. Т. 1. (постатейный) / [А. В. Бриллиантов и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд. М. : Проспект, 2015.

8. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

Василькова Е. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Чугунов А. А.,***
заместитель начальника
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 193[1] УК РФ

В условиях нестабильной ситуации на мировой арене, прямо и косвенно влияющей на большинство сфер общественной жизни, особенно актуальным становится определение эффективности правовых механизмов, призванных обеспечить стабильность экономики. На государственном уровне помимо чисто регулятивных норм, определяющих правила работы экономической системы, важную роль играет и отладка охранительных элементов, призванных обеспечивать безопасность отношений в сфере производства, распределения, обмена и потребления различных благ.

Состояние политико-экономического кризиса, наиболее точно описывающее текущую ситуацию в Российской Федерации, поднимает ценность вопросов экономической безопасности государства до критических значений. Очевидно, что чрезвычайную значимость сейчас приобретает контроль над движением капиталов, и потому качественно новый уровень опасности приобретают валютные преступления в целом, а в частности – деяния, предусмотренные ст. 193[1] УК РФ.

Сейчас ввиду отсутствия официального акта судебного толкования, посвященного рассматриваемому составу, при применении анализируемой нормы возникает ряд проблем, одной из которых является корректное определение момента окончания совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов. При этом, поскольку данное обстоятельство непосредственно влияет на квалификацию деяния, формирование единой позиции правоприменителя по данному вопросу видится крайне актуальным.

При поиске ответа необходимо обратиться к нормам Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», выступающим первоосновой для регулирования соответствующих финансовых отношений. Согласно положениям данного нормативного правового акта «валютная операция» подразумевает различного рода манипуляции, прямо

---

[1] © Василькова Е. В., 2022.

или косвенно затрагивающие финансовую сферу Российской Федерации, проводимые по определенными категориями активов (с валютными ценностями, валютой Российской Федерации, внутренними и (или) внешними ценными бумагами) резидентами и нерезидентами в определенных комбинациях на счетах, открытых как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами. К числу производимых действий относят приобретение и отчуждение, использование в качестве средств платежа, перевод, а также ввоз и вывоз валюты [1].

Отметим отдельно, что в случае осуществления ввоза и вывоза наличных денежных средств в обход установленного законодательством Российской Федерации порядка квалификация соответствующего деяния будет производиться по ст. 200^1 УК РФ. Безналичные же денежные средства, операции с которыми производятся в нарушение установленной процедуры, уже являются предметом преступления, предусмотренного ст. 193^1 УК РФ.

Существуют различные точки зрения относительно вопроса окончания последнего. Так, Г. А. Есаков предлагает считать таковым временную точку списания денежных средств со счета резидента (или в случае, если предоставление подложных документов по какой-то причине имело место после списания денежных средств, то с момента предоставления таких документов кредитной организации) [4]. А. В. Бриллиантов призывает считать преступление оконченным с момента зачисления денежных средств на счет нерезидента [5]. Д. А. Печегин утверждает, что определять момент окончания преступления нужно отдельно для каждого случая, поскольку следует принимать во внимание две составляющие: валютную операцию как таковую и представление агенту валютного контроля фиктивных документов [6]. По результатам проведенного анкетирования более половины практических сотрудников следственных подразделений Алтайского края и Республики Алтай (26 из 40 респондентов) предлагают считать преступление, предусмотренное ст. 193^1 УК РФ, оконченным с момента перечисления денежных средств с банковского счета их владельца (усматривая связь с определением момента окончания дистанционных хищений).

Наиболее приемлемой нам видится позиция Д. А. Печегина, остальные же представляются в большей или меньшей степени дискуссионными. Так, агенты валютного контроля перед тем, как произвести валютную операцию, удостоверяют ее на основании предоставленных инициатором документов, из чего следует, что согласно стандартной процедуре непосредственно осуществление валютной операции хронологически происходит после предоставления документов, содержащих заведомо недостоверные сведения. И в этом случае исходной точкой (или моментом начала выполнения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 193^1 УК РФ) целесообразно считать именно момент предоставления агенту валютного контроля документа, заведомо для инициатора операции содержащего подложные данные.

Далее, после принятия кредитной организацией соответствующей документации производится непосредственно операция по переводу денежных средств на счет нерезидента, и здесь для целей определения момента окончания рассмат-

риваемого деяния целесообразно избрать именно завершение операции по переводу денежных средств, т. е. временную точку окончательного выбытия денежных средств из-под контроля Российской Федерации.

Разумно связать момент окончания именно с завершением валютной операции (а не просто списанием со счета резидента), поскольку в противном случае денежные средства, переводимые на счет нерезидента, еще возможно по воле самого отправителя или по распоряжению контролирующего операцию органа оставить «в пределах» экономического поля России. Федеральным законодательством установлен период, в течение которого денежные средства, необходимые для перевода, еще находятся под контролем банка (три рабочих дня) [2], в связи с чем логично заключить, что преступление оканчивается именно в тот момент, когда безналичные денежные средства зачисляются на счет нерезидента.

Более того, обращаясь к объекту преступления, предусмотренного 193^1 УК РФ, становится очевидным, что, поскольку он в общем виде представляет собой общественные отношения в области денежной политики России, складывающиеся в момент осуществления валютного контроля при совершении валютных операций, вред указанной сфере причиняется в момент потери государством возможности влиять на движение перечисляемых нерезиденту денежных средств. После инициирования отправителем операции по переводу, в течение некоторого времени он и государство сохраняют возможность прервать перевод, тем самым не допустив его завершения. Соответственно, моментом потери «способности» контролировать валютную операцию является переход валюты на счет нерезидента.

Однако возможна и ситуация, когда совершение операции по переводу предшествует по времени предоставлению фальсифицированных документов кредитной организации. Так, обязательство по предоставлению агенту валютного контроля справки о подтверждающих документах и самих подтверждающих документов возложена на резидента [3]. При этом определены сроки представления соответствующих документов, которые по общему правилу составляют 15 рабочих дней после последнего дня месяца, в котором были оформлены данные документы. Следовательно, в условиях предоставления подобной «отсрочки» предъявления подтверждающей документации валютные операции могут осуществляться резидентами до ее представления, что смещает момент окончания выполнения объективной стороны преступления в сторону предъявления документов кредитной организации.

Таким образом, в рамках данного исследования нами был рассмотрен вопрос определения момента окончания преступления, предусмотренного 193^1 УК РФ. Таковым в зависимости от реального хронологического порядка надлежит считать либо:

– момент поступления валюты на счет нерезидента, т. е. временную точку окончательного выбытия денежных средств из-под контроля Российской Федерации и, как следствие, нарушение установленного в нашем государстве порядка совершения валютных операций;

– момент предоставления кредитной организации, обладающей полномочиями агента валютного контроля, подложных документов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/.

2. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.-ru/document/cons_doc_LAW_115625/.

3. Инструкция Банка России от 16 августа 2017 г. № 181-И «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2017, регистрационный № 48749) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://www.garant.ru.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 9-е изд., перераб.и доп. М. : Проспект, 2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru.

5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021 // НПП «Гарант-сервис». URL: http://www.garant.ru.

6. Научно-практический комментарий к гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М. : Контракт, 2020.

Виссаров В. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННЫХ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА ЭТИЛОВОГО СПИРТА, АЛКОГОЛЬНОЙ И СПИРТОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ

При формулировании диспозиции ст. 171^3 УК РФ законодатель использует такую стоимостную характеристику предмета преступления, как крупный и особо крупный размеры. По этой причине вопрос о признании предусмотренных уголовно-правовой нормой альтернативных действий малозначительными в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ, как правило, не исследуется.

Несмотря на критику некоторых исследователей [4, с. 77], институт малозначительности в практике правоприменения является устоявшимся. Тем не менее в теории уголовного права остается нерешенным ряд спорных вопросов, касающихся раскрытия его содержательных признаков. Как отмечает Н. А. Лопашенко, положения ч. 2 ст. 14 УК РФ не уточняют категории преступлений, к которым применим рассматриваемый институт; не предусматривают случаи, когда совершенное деяние может быть менее тяжким преступлением либо административным правонарушением, и др. [5, с. 74].

Обозначенные автором проблемы служат отправной точкой исследования возможности применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ в процессе квалификации незаконных производства и оборота рассматриваемой продукции. К числу таких проблем, в частности, следует отнести вопрос о юридической оценке незаконных производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции к категории преступных в случаях, когда предмет противоправного деяния не соответствует количественным характеристикам, указанным в примечании к ст. 171^3 УК РФ. К примеру, в случае осуществления лицом незаконного хранения алкогольной продукции на сумму 50 000 руб., в отсутствие соответствующей лицензии, деяние следует квалифицировать как малозначительное или же необходимо констатировать отсутствие конструктивного признака состава преступления, предусмотренного ст. 171^3 УК РФ?

В юридической литературе по данному вопросу выработано две точки зрения. Первая группа исследователей считает, что о малозначительности деяния свидетельствуют случаи, при которых действия лица формально содержат все признаки состава преступления, однако в силу отсутствия его общественной опасности деяние является малозначительным [6, с. 17]. Другие авторы полагают, что малозначительность деяния характеризуется отсутствием его количественной характеристики [3, с. 175].

Оценивая эти два диаметрально противоположные по своему содержанию подхода, отметим, что вторая авторская позиция не учитывает преступления,

---

[1] © Виссаров В. А., 2022.

предусматривающие обязательное наличие предмета. Применительно к анализируемому составу преступления, стоимостный критерий предмета ст. 171^3 УК РФ является его конструктивным элементом, поскольку его количественная характеристика позволяет отграничивать преступное деяние от административного правонарушения, являясь при этом квалифицирующим признаком уголовно-правовой нормы [2, с. 135]. Не учитывая это, В. Н. Винокуров полагает, что наличие административной ответственности исключает малозначительность деяния, поскольку такое понимание рассматриваемого института размывает границы преступного и непреступного поведения [1, с. 75]. В связи с этим понимание института малозначительности с точки зрения второй группы ученых вряд ли приемлемо. Обусловлено это в первую очередь тем, что наличие административной ответственности за аналогичные противоправные действия наоборот подчеркивает разницу между преступлением и административным правонарушением.

Поэтому в реалиях действующего уголовного законодательства обоснованной является позиция Н. А. Лопашенко, отметившей, что малозначительное деяние может быть менее тяжким преступлением, административным правонарушением, а может быть и непреступным деянием, за которое отсутствует как уголовная, так и административная ответственность [5, с. 74].

В сфере противодействия нелегальным сегментам алкогольного рынка институт малозначительности может иметь место в случаях, когда субъект предпринимательской деятельности исправно соблюдает требования лицензионно-разрешительного законодательства, своевременно и в полном объеме уплачивает налоги, но в силу субъективных или объективных обстоятельств не может продлить лицензию в предусмотренном законом порядке. К таким обстоятельствам следует отнести ситуации, при которых субъект предпринимательской деятельности подает заявление на продление лицензии, а контролирующий орган в ее продлении отказывает. *Так, ООО «Омега» в связи с истечением срока действия лицензии обратилось в лицензирующий орган с заявлением о его продлении. По результатам рассмотрения указанного заявления было принято решение об отказе. Не согласившись с вышеуказанным решением, заявитель обратился в Арбитражный суд Республики Крым с требованием о признании незаконным решения об отказе в продлении срока действия лицензии. Решением Арбитражного суда Республики Крым заявленные требования удовлетворены частично. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда оставлено без изменения. Постановлением Арбитражного суда Центрального округа решение суда в части удовлетворения требований общества и взыскания расходов по государственной пошлине отменено, в удовлетворении требования общества о признании незаконным оспариваемого приказа отказано. Оспаривая вышеуказанные судебные акты, общество обратилось с кассационной жалобой в Верховный Суд Российской Федерации, которая указанные постановления отменила [8].*

Очевидно, что производство и оборот рассматриваемой продукции при указанных обстоятельствах формально содержат все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 171^3 УК РФ. Посредством осуществления деятельности, свя-

занной с производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в отсутствие соответствующей лицензии, предприниматель, безусловно, посягает на установленный законом порядок лицензирования и осуществления предпринимательской деятельности, причиняя определенный вред общественным отношениям в сфере экономической деятельности. Однако деятельность, осуществляемая в условиях объективной невозможности продления лицензии, является менее общественно опасной, в сравнении с действиями незарегистрированных предпринимателей.

Указанное обстоятельство (в зависимости от обстановки, мотивов и целей осуществления производства и оборота алкогольной продукции) позволяет заключить, что содеянное в силу малозначительности не представляет общественной опасности, свойственной преступлениям. В связи с этим в таких случаях представляется вполне оправданным применение положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, что подтверждается позицией некоторых исследователей [7, с. 111].

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, согласно которому деятельность предпринимателя по производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, осуществляемая в ходе оспаривания отказа контролирующего органа о продлении лицензии, вплоть до принятия судебными органами итогового решения по экономическому спору незаконной, признаваться не может.

Список литературы

1. Винокуров В. Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 14. С. 74–83.

2. Виссаров В. А. Крупный и особо крупный размеры как конструктивные признаки состава преступления, предусмотренного статьей 171^3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2022. № 1 (57) С. 134–139.

3. Гамидов Р. Т. Малозначительность деяния и уголовный проступок в российском уголовном праве // Юридический вестник ДГУ. 2015. Т. 13. № 1. С. 79–83.

4. Пархоменко Д. А. Усмотрение при оценке малозначительности деяния // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 9. С. 74–78.

5. Лопашенко Н. А. О некоторых проблемах в понимании малозначительного деяния по Уголовному кодексу РФ // Уголовное право. 2019. № 5. С. 65–78.

6. Мальцев В. В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. 1999. № 6. С. 17–21.

7. Жилкин М. Г. Установление отраслевой противоправности в незаконном производстве и (или) обороте этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2019. С. 110–112.

8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 310-КГ18-7101 по делу № А83-6405/2017.

Гонтарева Н. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Уткин В. А.****,*
профессор кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ КОЛЕСНЫХ ПАР ПУТЕМ ИХ ПОДМЕНЫ: УГОЛОВНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема теории и правоприменительной практики в части определения квалифицирующих признаков хищений комплектующих деталей железнодорожных вагонов, совершаемых различными способами, была прежде и остается актуальной на сегодняшний день. Хищение колесных пар железнодорожных вагонов путем их подмены ставит под удар сохранность перевозимых грузов, наносит колоссальный материальный ущерб собственнику вагонов, а самое главное создает реальную угрозу жизни и здоровью граждан и безопасной эксплуатации подвижного и тягового состава. Своевременное освидетельствование, незамедлительный ремонт, выявление неисправных и подменных колесных пар с несоответствующими заводскими параметрами – залог бесперебойной эксплуатации грузового подвижного состава.

Так, за 2021 г. подразделениями по борьбе с преступными посягательствами на грузы ОВДТ по линии грузовых перевозок в России было поставлено на учет 4 261 преступление (АППГ – 3886), что больше на 375 преступлений по сравнению с 2020 г., прирост составил 9,7 % [1]. Официальная статистика ГИАЦ МВД России свидетельствует о том, что на железнодорожном транспорте по линии грузовых перевозок, наряду с другими параметрами, ведется отдельный учет хищений по предмету преступного посягательства, а именно: хищений грузов; нефтепродуктов, ГСМ; металлов, в том числе цветных; ГСМ с локомотивов; деталей верхнего строения пути, деталей и оборудования подвижного и тягового состава. К последним относятся: тормозное оборудование, ходовые части, кузов вагона, ударно-тяговые приборы и др. Колесные пары принято считать комплектующими деталями подвижного и тягового состава, а именно его ходовой части. За 12 месяцев 2021 г. на учет было поставлено 1 160 преступлений, связанных с хищениями деталей и оборудования подвижного и тягового состава, что на 17,6 % меньше, чем в аналогичном периоде прошлого года [2]. Несмотря на снижение числа преступлений данной категории, следует отметить, что приведенная

[1] © Гонтарева Н. А., 2022.

статистика не учитывает латентную преступность, т. е. не прошедшую процедуру официальной регистрации. В связи с этим весьма затруднительно представить объективную картину совершаемых преступлений подобного вида. Однако, несмотря на отсутствие конкретных статистических показателей по предмету посягательства данной категории, на примере отдельных подразделений ОВДТ мы обозначим основные проблемные направления практической деятельности, связанной с квалификацией хищений колесных пар путем их подмены, а также представим общую характеристику данных преступлений с точки зрения уголовно-криминологического знания.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации относит хищения колесных пар к гл. 21 УК РФ («Преступления против собственности»). Как правило, совершение данных преступлений квалифицируется по ст. 158 УК РФ (кража), где основным объектом выступают общественные отношения, связанные с отношениями собственности, а дополнительным – имущество ОАО «РЖД» и других юридических и физических лиц. Характерными признаками объективной стороны кражи является тайный способ и ненасильственный характер. В результате достижения корыстной цели – причинение материального ущерба собственнику. Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом.

Так, в 2020 г. сотрудниками Управления по борьбе с преступными посягательствами на грузы УТ МВД России по СЗФО в Ленинградской области на территории путевой машинной станции (ПМС-88) ж.д. ст. Рябово Октябрьской железной дороги был задержан автомобиль, в кузове которого было обнаружено двадцать похищенных с железной дороги колесных пар на сумму более 500 000 руб. Виновным лицом стал 23-летний житель Санкт-Петербурга, являющийся инженером материально-технического обеспечения вагонного депо, который совместно с двумя подельниками, используя козловой кран, осуществил подмену колесных пар. По данному факту СУ УТ МВД России по СЗФО возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ [3].

Однако, изучая уголовные дела, возбужденные по фактам хищений колесных пар путем их подмены, необходимо отметить, что некоторые факты квалифицируются по ст. 159 УК РФ (мошенничество). Ключевым моментом при квалификации выступает способ хищения, а именно обман или злоупотребление доверием, объективная сторона преступления. Так, в производстве СО Белгородского ЛО МВД России на транспорте находиться уголовное дело № 12101009611000137, возбужденное 12.12.2021 по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ по факту хищения 5 (пяти) колесных железнодорожных пар, совершенное обманным способом. Отметим, что решающим звеном при квалификации выступило то, что лица, проходящие по делу в качестве подозреваемых при совершении хищения колесных пар с предприятия, для достижения своих преступных целей привлекали посторонних, вводя их в заблуждение, а равно вовлекали их в преступную деятельность обманным способом [4].

При квалификации рассматриваемых фактов особое место занимает установление размера причинного ущерба. Оценка стоимости похищенных колесных

пар производится, как правило, на основании внутреннего прейскуранта компаний (потерпевшей стороны), в котором указываются цены на приобретаемые колесные пары с идентичными параметрами (ремонтопригодные) на дату последнего ремонта, когда были точно известны геометрические параметры похищенных колесных пар. Установить уровень износа отдельно колесных пар зачастую невозможно, так как колесные пары на балансе у компании не числятся, а числится весь вагон, и при определении износа оценивается состояние вагона, а не отдельных деталей. Причиненный ущерб собственнику в большинстве случаев определяется как крупный, т. е. составляет свыше 250 000 руб. (в случаях квалификации по ст. 158 УК РФ).

Хищение колесных пар чаще всего происходит в сборе. Обычно это подтверждается актами выявления несоответствий в комплектации, прибывшего (поступившего) вагона данным ГВЦ. Основными параметрами несоответствий являются: полное или частичное отсутствие идентификационных номеров на торцевых частях осей колесных пар, в том числе и их перебивка с нанесением цифровых клейм, истончение обода колес и др. Переформировать колесные пары возможно только в условиях производственных мастерских и специальном оборудовании, что является весьма затратным. Поэтому при хищении (подмене) меняется колесная пара в сборе, а не одна ось. При замене одной оси диски остаются с теми же параметрами, акцент делается как раз на присвоение самих колес, а не осей.

Колесные пары с измененными идентификационными номерами на оси к эксплуатации не допускаются. Согласно п. 28.2 РД ВНИИЖТ 27.05.01–2017 колесные пары исключают из эксплуатации в случаях наличия на осях колесных пар отсутствующих или неясных знаков и клейм завода изготовителя [5]. Для того, чтобы заметить отсутствие заводских номеров на торцах осей колесных пар, необходимо вскрывать смотровые крышки буксового узла. Данное действие осуществляется в большинстве случаев только на ремонтном предприятии, имеющем лицензию производства ремонта колесных пар, (например, когда производится обточка обода и т. д.). На ПТО эксплуатационного вагонного депо при осмотре вагонов, как правило, вскрытие крышек буксовых узлов колесных пар не производят. Чтобы заметить тонкий обод, осмотрщик ремонтник вагонов при входном контроле состава может визуально заметить данный дефект и произвести замеры с помощью шаблонного толщеномера. Колесные пары, использующиеся с толщиной обода менее 22 мм, являются угрозой для обеспечения транспортной безопасности и должны быть незамедлительно исключены из эксплуатации. В качестве меры предупреждения считаем, что необходимо производить обязательную фото-, видеофиксацию поступившего вагона и колесных пар в ремонт с просматриваемыми идентификационными номерами на осях и сведениями о металлических бирках.

С целью сокрытия кражи колесных пар под вагон, взамен выкаченным, устанавливаются колесные пары, непригодные к эксплуатации, с толщиной обода, как правило, от 25 до 30 мм, для того чтобы вагон с такими колесными парами мог эксплуатироваться еще какое-то время, прежде чем будет выявлен факт подмены.

В связи с этим возникают сложности в определении конкретного места совершения преступления, так как вагон успевает пройти сотни километров.

Сегодня, в эпоху технического прогресса, по данным комплекса технических измерений (КТИ), установленных на путях общего пользования ОАО «РЖД», возможно определить предполагаемое место хищения. Однако, это будет не конкретным местом хищения, а участком железных дорог, в пределах которых могло произойти хищение за определенный временной период. Так, в январе 2022 г. при проведении дистанционной аналитико-технической работы представителями АО «НПК» было выявлено предполагаемое место хищения их собственности, а именно четырех колесных пар, установленных под вагон и имеющих несоответствия технических характеристик фактической комплектации, разнящихся с имеющимися данными ГВЦ РЖД, а именно толщины обода. Однако ввиду отсутствия на ж.д ст. Присады Московской железной дороги представителей компании АО «НПК» вагон с колесными парами, имеющими технические расхождения, был представлен для осмотра только по ст. Стойленская Юго-Восточной ж.д. (в ближайшей точке дислоцирования представителей АО «НПК» по ходу движения состава). Несмотря на вышеуказанное, фактический осмотр по ст. Стойленская показал, что под вагоном действительно находятся колесные пары с удаленными механическим способом идентификационными номерами и с толщиной обода от 25 до 27 мм вместо от 56 до 70 мм. Ущерб для компании составил 700 000 руб. На основании положений УПК РФ и в силу иных положений ведомственных приказов МВД России в случае, если не представляется возможным определить точное место совершения преступления, оно подлежит учету по месту его выявления, которым в данном случае явилась территория Белгородского ЛО МВД России на транспорте [6].

Анализируя судебную практику по уголовным делам, связанным с хищениями колесных пар путем их подмены, можно сделать вывод, что данные преступления совершаются устойчивыми преступными группами с четким распределением ролей. Хищения зачастую совершаются с использованием должностного положения (начальниками вагоноремонтных депо, технологами, т. д.), на проверенных площадках (тупиковых путях станций, подъездных путях предприятий, сортировочных горках, ремонтных стойлах и др.) с использованием вспомогательных технических средств и оборудования (козловых кранов, домкратов, грузовых автомобилей).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что при квалификации хищений рассматриваемой категории необходимо учитывать даже самые незначительные, на первый взгляд, обстоятельства, уделяя особое внимание элементам объективной стороны преступления. От определения способа совершения преступления будет зависеть квалификация уголовного дела, ход расследования и привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности. Малейшая ошибка в квалификации содеянного может привести к необратимым последствиям в суде.

Список литературы

1. Сборник о состоянии преступности на железнодорожном транспорте Российской Федерации за январь-декабрь 2020, 2021 гг. : сведения по форме № 4-ЕГС ИЦ ГУТ МВД России.

2. Сборник о состоянии преступности на железнодорожном транспорте Российской Федерации за январь-декабрь 2020, 2021 г. : сведения по форме № 4-ЕГС ИЦ ГУТ МВД России.

3. В Ленинградской области сотрудниками транспортной полиции пресечена кража 20 колесных пар грузовых вагонов // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/19572349.

4. Материалы уголовного дела № 12101009611000137 от 12.12.2021 (ч. 2 ст. 159 УК РФ) // СО Белгородского ЛО МВД России на транспорте.

5. РД ВНИИЖТ 27.05.01-2017. Руководящий документ по ремонту и техническому обслуживанию колесных пар с буксовыми узлами грузовых вагонов магистральных железных дорог колеи 1520 (1524) мм» (уУтвержден в г. Риге 20.10.2017 на 67-м заседании Совета по железнодорожному транспорту СНГ) // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=66697#-2jY1r8TiwRhZvOwy.

6. Архив Белгородского ЛО МВД России на транспорте за 5 месяцев 2022 г.

7. Анализ судебной практики по уголовным делам, возбужденным в Российской Федерации по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 158 и ст. 159 УК РФ за 2016–2022 гг. // URL: https://sudact.ru.

Карпушкин А. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кадников Н. Г.***,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ ОБ ОПЫТЕ ОЦЕНКИ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

Любое государство заинтересовано в поддержании законности и порядка на своей территории, осуществление которого возможно исключительно при условии четкой работы всей структуры государственного механизма, в том числе правоохранительных органов.

Законодательство каждой страны по-своему уникально, однако особый интерес представляет зарубежный опыт закрепления исследуемого обстоятельства в законодательстве стран СНГ ввиду схожести условий исторического становления и развития уголовного законодательства государств – участников содружества.

В ст. 40 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ 1996 г. определено, что не является преступлением действия, причинившие вред лицу, совершившему общественно опасное деяние, при его задержании с целью передачи органам власти или пресечения возможности совершения им новых преступлений, если при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер [1]. Учитывая рекомендательный характер названного нормативного акта, УК РФ, принятый позднее, впервые за многовековую историю закрепил в ст. 38 в качестве обособленного обстоятельства, исключающего преступность деяния, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Многими специалистами неоднократно критиковалось данное положение ввиду его несоответствия Конституции Российской Федерации, поскольку совершившим преступление лицо признается только после вступления в силу обвинительного приговора суда [5, с. 60; 2, с. 9–10].

Кроме того, Модельный Уголовный кодекс в ч. 3 ст. 40 закреплял право на причинение вреда при задержании в первую очередь специально уполномоченных на то лиц, а уже затем потерпевших и иных граждан. В отечественном уголовном законе названное положение не было отражено, а перечень лиц, наделенных правом на задержание лица, совершившего преступление, содержится в акте судебного толкования [3].

---

[1] © Карпушкин А. В., 2022.

В ст. 38 УК Украины закреплено, что «не признаются уголовно противоправными действия потерпевшего или других лиц, непосредственно после совершения посягательства, направленные на задержание лица, совершившего уголовное правонарушение, и доставление его соответствующим органам власти, если при этом не было допущено превышения мер, необходимых для задержания такого лица» [11]. Единственная и основная цель уголовно-правового задержания состоит в необходимости доставления подозреваемого в органы власти. Превышением же считается умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти лицу, совершившему уголовное правонарушение, явно несоответствующие опасности посягательства или обстановке задержания. Таким образом, легкий вред здоровью и вред здоровью средней тяжести априори не является превышением установленных законом мер, а правом на задержание в первую очередь обладает именно потерпевший. По этому поводу характерно высказывание Н. С. Таганцева, рассматривавшего такую законодательную позицию, как санкционирование осуществления потерпевшим мести [4, с. 533], когда последним будет причинен любой вред здоровью, за исключением тяжкого или смерти. Ограничение временных рамок уголовно-правового задержания понятием «непосредственно после совершения посягательства» вызывает немало вопросов.

В ст. 35 УК Республики Беларусь в целом повторяется отечественное законодательное закрепление исследуемого обстоятельства, за исключением понятия того, кого задерживают. Законодатель использует следующую формулировку: «…лицу, совершившему общественно опасное деяние» [8]. Такая законодательная позиция демонстрирует согласование уголовного законодательства Республики Беларусь с Модельным Уголовным кодексом стран СНГ. Цели задержания по УК РФ и УК Республики Беларусь фактически совпадают, но с оговоркой в УК Республики Беларусь о пресечении совершения новых общественно опасных деяний. Кроме того, в ч. 3 ст. 35 УК Республики Беларусь отмечается, что правом на задержание лица, совершившего общественно опасное деяние, наряду со специально уполномоченными лицами имеют также потерпевшие и другие граждане.

Отличительными чертами уголовного законодательства Азербайджанской Республики в исследуемой сфере выступают закрепленные в ст. 37 необходимость использования всех иных способов воздействия на задерживаемого до причинения вреда, анализ соответствия применяемых средств и способов задержания со степенью общественной опасности деяния и совершившего его лица, а также обстоятельствам задержания [6].

Схожую формулировку содержит и УК Узбекистана, по смыслу ст. 39 которого тщательному рассмотрению подлежат следующие вопросы: «момент осуществления задерживаемым попыток избегания задержания, анализ применяемых средств и методов задержания, а также сил, возможностей и душевного волнения задерживающего, связанные с фактом задержания» [10]. Там же отмечено, что первоочередным правом на задержание обладают уполномоченные лица, а уже наряду с ними потерпевшие и другие граждане.

С нашей точки зрения, законодательное закрепление необходимости использования всех иных способов воздействия может не только значительно затруднить процесс задержания, но и повлечь угрозу жизни и здоровью как задерживающих, так и третьих лиц. Наличие в перечне обстоятельств, подлежащих оценке, не только общественной опасности деяния, но и самого лица, его совершившего, следует отметить в качестве позитивной позиции для наиболее полного и всестороннего рассмотрения законности процесса задержания. Закрепление душевного состояния, задерживающего в качестве обстоятельства, подлежащего обязательной оценке при принятии решения о наличии в его действиях превышения мер, необходимых для задержания, как эмоциональное состояние следует обозначить в качестве прогрессивного опыта. Поясним, что в большинстве своем такое состояние присуще любому задерживающему, будь то рядовой гражданин или сотрудник правоохранительных органов. Именно оно оказывает существенное влияние на возможность объективной оценки произошедшего, выборе мер, сил и средств для осуществления задержания лица, совершившего преступление.

УК Кыргызской Республики имеет некоторые отличия от УК РФ. Так, по смыслу ст. 49 УК Кыргызской Республики первоочередным правом на причинение вреда при задержании обладают потерпевшие, а уже потом отмечается право и других лиц [7]. На наш взгляд, указанная законодательная позиция является не совсем точной, поскольку под действиями потерпевших, зачастую, могут скрываться намерения самосуда или мести за совершенное преступление. Кроме того, потерпевшие от насильственных преступлений зачастую не в состоянии предпринимать какие-либо адекватные меры, направленные на задержание лица, совершившего преступление. Вторым отличием выступает законодательное обособление временных пределов правомерного причинения вреда при задержании, ограничивающих данное право временными рамками «в момент или непосредственно после совершения им уголовно-противоправного посягательства» [7]. Кроме того, УК Кыргызской Республики оперирует понятием лица, совершившего «уголовно-противоправное посягательство (преступление или противоправное деяние лица, которое в соответствии с кодексом не может нести уголовную ответственность в силу возраста, невменяемости или иных обстоятельств)». По УК Кыргызской Республики ответственность за превышение мер, необходимых для задержания, наступает в случаях причинения тяжкого вреда здоровью или смерти задерживаемого. Стоит отметить, что законодатель Кыргызской Республики относит убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, в категорию менее тяжких преступлений, максимальное наказание за которое составляет не более пяти лет лишения свободы. Напомним, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 108 УК РФ, относится к категории преступлений небольшой тяжести и наказывается лишением свободы до трех лет.

Причинение же вреда лицу, совершившему преступление, уполномоченными на осуществление задержания сотрудниками правоохранительных органов, на наш взгляд, регулируется ст. 50 УК Кыргызской Республики об исполнении закона приказа (распоряжения), обязанностей по должности.

Уголовный закон Молдовы в ст. 37, именуемой «задержание преступника», вообще устраняет уголовный характер деяний, «совершенных с целью задержания лица, совершившего преступление, и передачи его правоохранительным органам» [9]. Получается, что любые действия задерживающих лиц, при условии реализации описанных в указанной норме целей, будут признаны правомерными. Представляется, что подобное положение позволяет трактовать многие действия при задержании как правомерные, что может привести к причинению вреда из мести, либо оцениваемому по правилам умышленного причинения.

В заключение, суммируя приведенный комплексный анализ исследуемого обстоятельства причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление по опыту стран Содружества Независимых Государств, можно сделать вывод о наличии незначительных различий, которые, по нашему мнению, могут быть устранены с учетом норм Модельного Уголовного кодекса.

Отдельные фрагменты и законодательные решения могут быть учтены при совершенствовании российского законодательства, но только с учетом нашего исторического опыта и основных тенденций современной уголовной политики Российской Федерации.

Список литературы

1. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (рекомендательный акт, принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.).

2. Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2011.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 11.

4. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб. : Гос. тип., 1902.

5. Смирнова Л. Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. М. : Юридический центр, 2005.

6. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. // Законодательство стран СНГ [сайт]. URL: http://base.spinform.ru/show_-doc.fwx?rgn =2670.

7. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики : [сайт]. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309?cl=ru-ru.

8. Уголовный Кодекс Республики Беларусь 275-З от 9 июля 1999 г. // URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm.

9. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.03.2022 г.) // Континент [сайт]. URL: https://clck.ru/WJxFJ.

10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // Lex.UZ online [сайт]. URL: https://lex.uz/docs/111457.

11. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.03.2022) // Юрист [сайт]. URL: https://clck.ru/WJdX9.

Ковригин В. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Габдрахманов Р. Л.***,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫМ СТАТЬЕЙ 215^2 УК РФ

Преступные посягательства на объекты жизнеобеспечения всегда представляют собой огромную угрозу возникновения широкомасштабных общественно опасных последствий, включая смерть человека, которая признается высшей ценностью. Данные негативные последствия несут массовый характер не только для общества в целом, но также оказывают влияние на само государство, его институты и иные организации. Существующая в настоящее время уголовная политика государства по предотвращению и повышению безопасности объектов жизнеобеспечения не соответствует общественной опасности преступлений в данной сфере и наступающих в результате их совершения общественно опасных последствий. Одним из ключевых направлений в этой области является совершенствование деятельности ОВД РФ.

Деятельность ОВД РФ регламентирована федеральным законодательством. К числу основных нормативных актов, в частности, относится Федеральный закон «О полиции» [3]. Одними из важнейших основных направлений деятельности полиции являются предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие преступлений.

Положения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации (ст. 151 УПК РФ) прямо закрепляют, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 215^2 УК РФ, полностью находятся в подследственности следователей МВД России. Анализ статистических данных, предоставленных ГИАЦ МВД России, позволяет сделать вывод о выделении регионов наиболее высокой криминогенной обстановки на территории России рассматриваемого вида преступности. Криминальная эскалация основана на географическом (территориальном) принципе и выглядит следующим образом.

Высокостабильным и увеличивающимся криминальным центром данного вида преступности является Южный федеральный округ, на который приходится

[1] © Ковригин В. С., 2022.

примерно 30 % от общего числа зарегистрированных преступлений в стране. Вызывает обеспокоенность также Центральный (Тверская и Воронежская области, г. Москва), Сибирский (Красноярский край и Кемеровская область), Северо-Западный (Архангельская область и Республика Карелия) и Дальневосточный (Хабаровский край) федеральные округа, где уровень преступности также преобладает в сравнении с другими регионами.

Анализ статистических данных позволил выявить особенности деятельности полиции по противодействию посягательств на объекты жизнеобеспечения. К числу таковых следует отнести: во-первых, количественный показатель приостановленных уголовных дел является доминирующим в сравнении с показателем расследованных преступлений. Данные свидетельствуют о том, что более половины (от 62 до 75 %) данной категории уголовных дел остаются нераскрытыми. При этом существующая динамика не имеет никаких предпосылок к снижению темпов, что является негативной тенденцией.

Во-вторых, процент расследованных уголовных дел от общего числа зарегистрированных преступлений составляет от 26 до 34 %, достигнув минимального значения в 2021 г. – 23 %, т. е. только каждое четвертое преступление раскрывается и направляется в суд, что не может вызывать вопросов по выявлению и устранению недостатков, повышению эффективности деятельности полиции.

В-третьих, если через призму рассмотреть общее число осужденных лиц от общего числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 215^2 УК РФ, то доля привлеченных лиц к уголовной ответственности настолько мизерна, что составляет в среднем примерно 5,2 %. Это свидетельствует о неэффективной работе подразделений правоохранительных органов и наличии большого количества пробелов в их деятельности.

В целях повышения ведомственных показателей в части достижения положительной динамики по снижению уровня преступлений в отношении объектов жизнеобеспечения и снижению количества приостановленных уголовных дел, на наш взгляд, необходимо в структуре МВД России разработать определенный комплекс организационно-управленческих мер по исправлению сложившейся ситуации, а именно:

1. Учитывать сведения ГИАЦ МВД России о преступлениях, совершенных в наиболее криминогенных регионах Российской Федерации. На базе субъекта Российской Федерации (Главное управление или Управление МВД России на уровне региона) создать специализированное подразделение, занимающееся предупреждением и раскрытием преступлений указанной категории. В состав данного подразделения включить наиболее опытных сотрудников полиции, из числа следователей и оперуполномоченных.

2. В обязательном порядке сотрудникам специализированного подразделения не реже одного раза в год проводить мероприятия по повышению уровня квалификации.

3. По итогам полугодия проводить мероприятия по межведомственному обмену практическим опытом с другими регионами Российской Федерации, имеющими аналогичный опыт по противодействию данной категории преступности, обобщая полученную информацию в ведомственных источниках.

4. Повысить уровень научно-методического обеспечения путем выработки инструкций и методических рекомендаций по совершенствованию деятельности органов внутренних дел, в том числе диссертационных исследований в рассматриваемой сфере.

5. Проводить не менее одного раза в полугодие совещание с представителями организаций объектов жизнеобеспечения, по результатам которых выработать пути наиболее тесного взаимодействия в части более мобильной передачи информации, реагирования на сигналы о неисправности оборудования, выездов сотрудников на место преступления и проч.

6. Проводить совместные профилактические мероприятия с сотрудниками безопасности организаций объектов жизнеобеспечения (например, операция «Металл»), в том числе осуществлять их обучение.

7. Установить более эффективный контроль за деятельностью пунктов приема металла, включая систематические проверки их деятельности и свободного доступа к базе данных клиентов, поскольку преобладающее число похищенного металла сбывается именно в данные учреждения.

8. На организации, занимающиеся предоставлением энергоресурсов, возложить обязанность по обеспечению их деятельности современным техническим и иным оборудованием, позволяющим в кратчайший срок обнаружить уязвимость на объектах жизнеобеспечения (места обрывов проводов, труб и проч.).

Действующая на данный момент структура деятельности МВД России [5] показывает, что в ее составе отсутствуют обособленные структурные подразделения, деятельность которых направлена на противодействие преступных посягательств в отношении объектов жизнеобеспечения. Это обстоятельство можно отнести к существенным недостаткам деятельности всего МВД России.

Кроме того, этот негативный фактор идет в противовес Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4], которая является фундаментальным документом стратегического планирования нашей страны на несколько лет вперед, выражающим национальные приоритеты во всех сферах общественной жизни, в том числе в области обеспечения национальной и общественной безопасности. В частности, среди основных задач государственной политики особое внимание уделяется повышению уровня защищенности объектов жизнеобеспечения населения (подп. 6 п. 47); комплексному развитию правоохранительных органов, совершенствованию системы профессиональной подготовки специалистов в области обеспечения общественной безопасности (подп. 22 п. 47). Это говорит о том, что выделенные нами приоритетные задачи являются определенным вектором по дальнейшему движению всего государства и его общества, поэтому совершенствование правоохранительной системы в сфере обеспечения безопасности объектов жизнеобеспечения является ключевым аспектом в настоящее время.

Учитывая вышеизложенное, для эффективного противодействия преступности в области общественной безопасности необходимо не только совершенствовать деятельность правоохранительных органов Российской Федерации, создавая специальные подразделения, но и совершенствовать законодательство в этой сфере, в том числе и уголовное. Это должно происходить в жесткой взаимосвязи, неразрывно друг от друга, поскольку только в такой взаимообусловленности (в широком охвате и деятельности, и права) можно добиться успеха в решении приоритетных задач, поставленных Президентом Российской Федерации. Вполне справедливо указал профессор В. П. Боровиков, что «от качества противодействия государственных органов указанной разновидности преступности зависит авторитет и само существование российского государства» [1]. И это действительно так, поскольку объекты жизнеобеспечения направлены на обеспечение определенными благами каждого человека, тем самым создают условия для достойной жизни своих резидентов, гарантированное ст. 7 Конституции Российской Федерации [2].

Таким образом, создание обособленных специальных подразделений, осуществляющих противодействие посягательств на объекты жизнеобеспечения в структуре МВД России, несомненно, будут являться позитивным вектором дальнейшего развития. Однако, учитывая существующие на данный момент обстоятельства, в частности, опираясь на слова Министра внутренних дел России генерала полиции В. А. Колокольцева, озвученные на расширенном заседании МВД России в 2022 г. [5], что количество следователей, уволившихся со службы, возросло на 34 % (по сравнению с 2020 г.). Как следствие, наличие актуальной проблемы с некомплектом личного состава не позволит воплотить данную идею. В связи с этим единственным выходом в этой ситуации является создание узко специализированных специалистов в деятельности МВД России, что не так отразится на ведомственных показателях из-за нехватки сотрудников на местах.

Список литературы

1. Боровиков В. Преступления против общественной безопасности: вопросы ответственности и совершения законодательства // Уголовное право. 2006. № 4. С. 9–12.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7pur6okle379445320.

3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

4. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=l7u5di25sh648986187.

5. Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1.

Корчегова Я. О.[1],
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Колбасина Е. Е.***,
доцент кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Преступления, связанные с наркотиками, как вид преступлений имеют ряд особенностей. К таким особенностям относится то, что преступления в сфере незаконного оборота наркотиков являются отдельным видом преступлений, а процесс наркотизации, как неотъемлемое следствие этих преступлений, становится фактором, провоцирующим совершение других преступлений, что определяет повышенную опасность данного преступления. Еще одной особенностью можно считать его интернационализацию, что указывает на проблемы борьбы с наркопреступностью на международной арене. Таким образом, необходимо изучить не только наиболее эффективные меры борьбы с наркопреступностью, реализуемые в Российской Федерации, но и обратиться к международному опыту. Как показывает анализ мер противодействия наркопреступлениям отечественного и международного характера, существует достаточно проблем, которые необходимо решать исходя из развития как мирового сообщества, так и национальной специфики государства.

В данной статье проводится анализ криминогенных факторов наркопреступлений, присущих разным странам, с целью выявления наиболее эффективных мер противодействия. Выявлены проблемы международного сотрудничества в пресечении проявлений наркопреступности.

Цель достигается решением следующих задач:

– проанализировать многогранность проявлений преступлений, связанных с наркотиками;

– исследовать криминальные факторы преступления, имеющего значение для всего мирового сообщества;

– охарактеризовать отечественный и зарубежный опыт борьбы с наркопреступностью;

– выявить проблемы таких контрмер и предложить рекомендации по их преодолению.

Наркопреступления представляют собой сложное многоаспектное явление, затрагивающее различные сферы развития общества. Ущерб от этого вида преступности затрагивает не только финансово-бюджетную сферу, но и во многом

[1] © Корчегова Я. О., 2022.

социальную, что, отражаясь на всем мировом сообществе, подвергает его деградации и саморазрушению. Отечественная статистика и международные данные свидетельствуют о неустойчивом положительном эффекте профилактических мероприятий в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, за последние 5 лет в России не имеет отчетливой динамики снижения, что свидетельствует о неэффективной политике борьбы с наркопреступностью. Такая же тенденция наблюдается по тяжким и особо тяжким преступлениям наркотического характера. Учитывая значительный процент латентности этих преступлений (по данным некоторых ученых, латентная наркопреступность в 8–10 раз превышает зарегистрированную) [4, с. 456–457], официальная статистика не отражает истинного положения дел. Особого внимания требуют лица, совершившие преступление в состоянии наркотического опьянения, динамика которых показывает периодический рост. Очевидно, что наркопреступность является провоцирующим фактором и в совершении других преступлений.

Колумбия продолжает удерживать лидерство по производству кокаина. В настоящее время Соединенные Штаты являются вторым по величине производителем марихуаны в мире. Как видно, движение на рынке наркотиков не замедляется, что в целом влияет на наркопреступность во всем мире. В связи с этим большое значение имеют исследования криминогенных факторов наркопреступлений, имеющих разную специфику.

В России, как и за рубежом, в сфере борьбы с наркопреступностью проводятся междисциплинарные исследования, позволяющие не только выявить криминогенные факторы, но и отразить их влияние на формирование личности преступника, а также содействие разработке контрмер. Однако стремительное развитие всего общества и его отдельных компонентов выявляет недостатки этих исследований.

Поскольку наркопреступность не является проблемой одного государства, а носит более глобальный характер, стоит отметить криминогенные факторы, актуальные для всего мирового сообщества.

1. Весьма привлекательный для фармбизнеса рынок России, США, Канады и ряда других стран определяется большими территориями, значительным количеством жителей, в том числе молодого поколения, что обуславливает быстрый рост потребительской среды. Такие благоприятные условия «оцениваются» международным преступным сообществом, специализирующимся на торговле наркотиками.

2. Широкая доступность наркотических средств и психотропных веществ. Производство их уходит в подполье на промышленном уровне. Фабрики создаются для переработки органических лекарств и разработки синтетических продуктов: последнее менее затратно, соответственно, быстрее окупается. Такие фабрики, как правило, распространены в странах с высоким уровнем коррупции в правоохранительной системе, которая чаще всего сознательно их не выявляет.

3. Наркоиндустрия постоянно развивается, создаются новые препараты, которые не могут своевременно попасть в список запрещенных, в связи с чем правоохранительные органы отстают в их профилактике. Совершенствуются методы контрабанды наркотиков организованной преступностью. Более половины всех наркотиков в большинстве стран Европы и США имеют иностранное происхождение, что актуализирует меры по борьбе с наркопреступностью, особенно в таможенных органах.

4. Ориентация части международного сообщества на правовые (Австралия, Голландия, Швейцария, Нидерланды, Великобритания) стратегии наркотрафика, либо к промежуточной или так называемой концепции меньшего вреда (Чехия, Швеция, США). Эти концепции находят свое отражение в различных культурных проявлениях, где сцены в фильмах, на сцене театров, в различных телевизионных программах не формируют жесткого отрицания образа человека, употребляющего наркотики, а наоборот создают устойчивое представление о повседневном поведении и образ успешного идола, наркомана, закрепляет это поведение как норму.

5. К причинам наркопреступности можно отнести формирование этнических групп выходцев из стран активного производства наркотиков, как легально, так и нелегально проживающих в стране пребывания.

Говоря о наиболее актуальных контрмерах в России и за рубежом, следует рассмотреть следующие аспекты. Как показывает анализ мер противодействия отечественной и международной наркопреступности, существует достаточно проблем, которые необходимо решать исходя из развития как международного сообщества, так и национальной специфики государства. Меры противодействия наркопреступлениям могут быть специфическими для того или иного конкретного государства, а могут носить и унифицированный характер.

Необходимо осуществлять более плодотворное сотрудничество на международном уровне при работе на тех же условиях и нормах, предусмотренных в ратифицированных нормативных правовых актах. В конце прошлого века Б. Ф. Калачев и И. С. Моднов предложили создание национального законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств на основе утвержденных модельных законов, конвенций и иных правовых актов с учетом современной международной обстановки [2, с. 20–21].

К таким мерам относится повышение эффективности работы таможенных органов, перекрывающих каналы поступления наркотических средств и их компонентов в страну: их деятельность должна основываться на межгосударственных связях, обеспечивающих безопасность границ и эффективно препятствующих ввозу наркотических средств, психотропных веществ и их компонентов предшественников в страну.

Внутри страны также необходимо четкое межрегиональное взаимодействие правоохранительных структур, которое при координации обеспечит безопасность региональных границ [3, с. 100–102]. Необходимо проводить регулярные проверки заброшенных помещений, гаражей, складов, мастерских и других помещений на предмет их целевого использования, где могут располагаться нарколаборатории.

Также подчеркиваем оперативное реагирование нормативно-правовой базы на появление новых наркотических средств и психотропных веществ, включение их в список запрещенных с целью их своевременного выявления и изъятия.

Снижение спроса на наркотические средства и психотропные вещества возможно при продуманной комплексной профилактической программе, особенно среди несовершеннолетних, с учетом особенностей их возраста.

Ключевым моментом в этой системе мер должна стать не только пропаганда здорового образа жизни, но и обязательная видимость негативных психофизических последствий, сопровождающих употребление наркотиков и психотропных веществ. Также необходимо акцентировать общее внимание на неотвратимости ответственности за весь комплекс преступлений наркотического характера. Однако эту меру нельзя считать эффективной в странах, придерживающихся легальной или промежуточной концепции незаконного оборота наркотиков. В то же время Л. В. Готчина, ориентируясь на «международную практику использования наркопрограмм, отмечает их различия. Приоритет профилактики наркомании и оказания помощи больным в ряде стран вытесняет силовые методы борьбы» [1, с. 56–57].

Таким образом, проблема борьбы с наркопреступностью является международным явлением. Сложности возникают не только из-за активного развития рынка наркотиков, но и из-за различных межгосударственных подходов к понятию оборота наркотиков, а также из-за коллизии нормативных актов международного характера и внутригосударственного законодательства.

В связи с этим актуализируется создание комплексной международной программы по противодействию и предупреждению незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с учетом выявленных проблем и противоречий.

Список литературы

1. Готчина Л. В., Коробицины Т. В., Жижко Е. В. Методики профилактики наркомании : учебное пособие. Белгород : БелЮИ МВД России, 2006.

2. Калачев Б. Ф., Моднов И. С. Незаконное распространение наркотиков как многофакторная угроза национальной безопасности России. М. : ВНИИ МВД России, 1998.

3. Кобец П. Н. О необходимости укрепления международной системы контроля над незаконным оборотом наркотиков // Символ науки. 2017. Т. 3. № 4.

4. Криминология : учебник для вузов / под ред. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2011.

Котова А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кадников Н. Г.****,*
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И КАМНЕЙ ПО РОССИЙСКОМУ И ЗАРУБЕЖНОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Драгоценные металлы и камни – предметы, обладающие высокой экономической стоимостью, ликвидностью, инвестиционной привлекательностью, в связи с чем они занимают особое место на мировом рынке и обладают важным значением для финансовой стабильности любого государства. По мнению специалистов, посягательства на данные ценности причиняют большой ущерб интересам государства, ставя под угрозу его экономическую безопасность [2, с. 112]. Вместе с тем отношения в этой сфере по-разному охраняются нормами российского и зарубежного законодательства.

Значимость анализа зарубежных уголовно-правовых норм, по мнению Н. А. Лопашенко, заключается в том, что их сопоставление с российскими нормами «помогает выявить достоинства и недостатки тех и других» [5, с. 8] в целях дальнейшего совершенствования. В связи с этим сравнительный анализ российского и зарубежного уголовного законодательства в области незаконного оборота драгоценных металлов и камней представляет для нас большой интерес.

В Российской Федерации драгоценные металлы и камни рассматриваются представляют особую ценность. Согласно Федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» они составляют часть золотовалютных резервов Российской Федерации, предназначены для обеспечения производственных, финансовых, научных, социокультурных и иных потребностей Российской Федерации, осуществления финансовой политики государства и т. д. [9]. При этом за незаконный оборот рассматриваемых предметов установлена достаточно строгая юридическая ответственность, в том числе и уголовная.

Уголовный закон запрещает такие действия с драгоценными металлами и камнями, как совершение незаконных сделок с ними, их незаконные хранение, перевозку или пересылку (ст. 191 УК РФ), а также уклонение от обязательной сдачи на аффинаж или обязательной продажи государству данных ценностей (ст. 192 УК РФ). Более того, уголовная ответственность за нарушение в данной

[1] © Котова А. А., 2022.

области с 2019 г. установлена и за незаконный оборот таких предметов как янтарь, нефрит и ряд иных полудрагоценных камней (Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ).

При анализе зарубежного законодательства традиционным является рассмотрение правового регулирования общественных отношений в рамках правовых семей: англосаксонской, романо-германской, мусульманской. Вместе с тем в ходе исследования следует учитывать не только особенности указанных правовых групп, но и объемы добычи и оборота драгоценных металлов и камней в рассматриваемых странах.

Так, по данным Всемирного совета по золоту, в 2020 г. сразу несколько стран англосаксонской правовой семьи вошли в рейтинг лидеров по добыче драгоценного металла: Австралия с показателями добычи 327,8 тонн золота в год разместилась на третьем месте рейтинга (после Китая и России), США с показателями добычи 190,2 тонн золота в год – на четвертом месте, Канада – на пятом месте с показателем 170,6 тонн золота в год [12]. Канада и Австралия вошли также в топ-5 алмазодобывающих стран мира.

Однако, уголовными кодексами Канады и Австралии ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и камней не установлена [11]. Анализ уголовного законодательства США показал, что рассматриваемые отношения не включены в сферу действия уголовных кодексов большинства штатов Америки, в том числе штата Невада, в котором добывается около 80 % всего золота США [12]. Вместе с тем УК штата Калифорния предусматривает ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и камней (по ст. 343 наказуемой признается сделка с золотом без разрешения, по ст. 477 наказуема подделка золотых и серебряных монет или слитков, по ст. 479 – их хранение, передачу с целью сбыта и сбыт) [10].

Сдержанное правовое регулирование экономических отношений в странах англосаксонской правовой семьи обусловливается, по справедливому замечанию Р. О. Степанова, правовой культурой обозначенных государств и соответствует тенденциям к экономической свободе и либерализму [8, с. 49].

Напротив, «отсутствием добычи указанных ценностей или их незначительным объемом» объясняют специалисты отсутствие уголовно-правового запрета незаконных добычи и оборота драгоценных металлов и драгоценных камней в странах романо-германской правовой семьи [3, с. 40]. Так, в уголовном законодательстве Бельгии (ст. 180 УК), Голландии (ст. 217 УК), Франции (ст.ст. 444-1, 444-2 УК) [11] обнаруживаются нормы, устанавливающие ответственность за нарушение правил клеймения ювелирных украшений из драгоценных металлов и камней или подделку установленных законом пробирных клейм. Однако в обозначенных уголовных законах не установлена ответственность за незаконные добычу и оборот драгоценных металлов и камней.

В свою очередь уголовные законы государств СНГ имеют схожую структуру и содержание, а уголовно-правовая охрана оборота драгоценных металлов и камней во многом носит аналогичный характер.

Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает ответственность за нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и драгоценными камнями (ст. 223 УК РБ), которое включает в себя исключительно сделку с рассматриваемыми ценностями, совершенную в нарушение установленных правил в крупном размере [7]. В качестве квалифицирующих признаков норма предусматривает совершение преступления «повторно, организованной группой, в особо крупном размере».

В сравнении с УК РФ уголовный закон Республики Беларусь устанавливает ответственность за значительно меньший круг деяний, исключая из сферы своего действия незаконные добычу, хранение, перевозку и иные действия с драгоценными металлами и камнями. Перечисленные действия, согласно законодательству Республики Беларусь, квалифицируются как административные правонарушения, предусмотренные ст. 12.3 КоАП РБ [7], независимо от суммы причиненного такими действиями ущерба.

Согласно ст.ст. 284 и 285 Уголовного кодекса Республики Таджикистан наказуемыми действиями признаются незаконные сделка, хранение, пересылка или перевозка драгоценных металлов и камней, а также нарушение правил сдачи государству рассматриваемых ценностей [11]. Из этого следует, что по объективной стороне составы преступления, предусмотренные обозначенными статьями УК РТ и ст.ст. 191 и 192 УК РФ, совпадают. Различия в правовой регламентации отношений в области охраны оборота драгоценных металлов и камней в России и Таджикистане заключаются в определении предмета преступления, а также установлении квалифицирующих признаков.

В свою очередь в Кыргызской Республике в 2019 г. отношения в области оборота драгоценных металлов и драгоценных камней были полностью выведены из сферы уголовно-правового регулирования. Так, ст.ст. 208 и 209 УК Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68 была установлена ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и камней, а также за уклонение от обязательной сдачи на аффинаж или обязательной продажи государству драгоценных металлов или камней [11]. Однако в новый Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19 (вступил в силу с 1 января 2019 г.) статьи, предусматривающие ответственность в данной сфере, включены не были. Таким образом, незаконный оборот драгоценных металлов и камней в Киргизии был декриминализирован.

Полностью в сферу административно-правового регулирования отнесены отношения в области добычи и оборота драгоценных металлов и камней в Республике Армения (ст. 189.1 КоАП Республики Армения), Республике Казахстан (ст. 190-1 КоАП Республики Казахстан) [4]. При этом за нарушение законодательства об обороте драгоценных металлов и камней по законам обозначенных государств преимущественно назначается штраф.

Сравнительный анализ российского уголовного законодательства с законодательством государств СНГ представляет особое внимание, так как сотрудничество обозначенных государств предполагает согласованные действия по всестороннему развитию в рамках общего экономического пространства и обеспечению

международной безопасности и т. д. В связи с этим Л. А. Андреева и Д. В. Замышляев отмечают важность унификации норм национального административного и уголовного законодательства в рассматриваемой части [1, с. 78]. Это признавалось необходимым еще при принятии Модельного Уголовного кодекса стран – участников СНГ, в котором ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов обозначена в ст.ст. 276 («Незаконная сделка с валютными ценностями») и 277 («Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней») [6].

Однако тенденция к декриминализации незаконного оборота драгоценных металлов и камней в Армении, Белоруссии, Казахстане и Киргизии, наряду с расширением уголовной ответственности в рассматриваемой сфере в Российской Федерации, напротив, не способствуют унификации законодательства в рамках СНГ.

Таким образом, в большинстве иностранных государств уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и камней, носят сдержанный характер или полностью отсутствуют, что связано двумя основными факторами:

1. Либеральной уголовной политикой в области охраны экономических отношений.

2. Незначительными объемами добычи указанных ценностей на территории соответствующих государств.

Список литературы

1. Андеева Л. А., Замышляев Д. В. Административная и уголовная ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней в государствах – членах Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС). Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2018. С. 75–86.

2. Гладких В. И. Уголовно-правовая квалификация незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ) // Вестник МГОУ. Юриспруденция. 2015. № 3. С. 112–119.

3. Иванов А. Г. Преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. Хабаровск, 2010.

4. Кодекс Республики Казахстан «Об административных правонарушениях» от 5 июля 2014 г. № 235-VЗРК // URL: https://online.zakon.kz.

5. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография. М. : Юрлитинформ, 2015.

6. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17.02.1996).

7. Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by.

8. Степанов Р. О. Уголовная ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2006.

9. Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/?ysclid=l7u69agh3s315518709.

10. California Code, Penal Code // URL: https://leginfo.legislature.ca.gov.

11. Criminal codes of OSCE participating States // URL: https://www.legislationline.org.

12. World Gold Council // URL: https://www.gold.org.

Маненкова Д. А.[1]*,*
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Селихова О. Г.****,*
старший преподаватель кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ

Актуальность выбранной тематики обусловлена спецификой нашего времени, которое характеризуется как «эпоха инновационных технологий». Такой ресурс, как интернет, является общедоступным и используется огромным количеством людей во всем мире. Этот вывод был сделан на основании статистического анализа Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), согласно которому доля интернет-пользователей в Российской Федерации составляет 81 % [4].

Сегодня трудно представить развитие общества и человека как личности без использование современных технологий, но, как известно, у каждой медали есть две стороны. Прогресс оказывает не только активное содействие развитию общества, но и развитию новых угроз, борьба с которыми в настоящее время является одним из основных направлений борьбы с угрозами национальной безопасности Российской Федерации.

В главе IV Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» есть раздел, посвященный информационной безопасности Российской Федерации, который гласит: «Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства» [1].

С развитием общества помимо разработки новейших информационных технологий стали зарождаться угрозы нового вида, которые наиболее опасны для общества и государства. В связи со сложившиеся обстановкой специально был разработан и введен Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». Данный документ содержит в себе перечень угроз, в том числе внутренние и внешние информационные угрозы, которые существуют на данный момент и могут оказать влияние на Российскую Федерацию.

Немаловажную угрозу информационной безопасности Российской Федерации представляет относительно новое явление – кибертерроризм. Данный термин часто используют в юридической литературы или же в средствах массовой

---

[1] © Маненкова Д. А., 2022.

информации, но, проанализировав нормативные правовые акты Российской Федерации и международные акты, можно сделать вывод о том, что законодательно данное определение нигде не закреплено. Имеется лишь его описание. Под данным явлением в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации принято понимать дестабилизацию общественно-политической ситуации в Российской Федерации путем распространения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет недостоверной информации об угрозе совершения террористических актов, материалов террористических и экстремистских организаций, объявлений о призывах к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка и др.

При этом нельзя полностью отрицать, что законодатель не имеет представление о таком явлении как кибертерроризм. Так в пп. «г» п. 45 «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) закреплено, что кадровое обеспечение противодействия терроризму осуществляется по таким направлениям, как подготовка специалистов в специфических областях противодействия терроризму (противодействие идеологии терроризма, ядерному, химическому, биологическому терроризму, кибертерроризму и другим его видам) [3].

В связи с чем необходимо отметить пробелы в области законодательства по данному виду преступления. На наш взгляд необходимо дополнить ст. 205 УК РФ «Террористический акт» еще одним пунктом, который будет располагаться во второй части статьи, так как нарушает нормальное функционирование нескольких сфер общественных отношений и посягает на несколько объектов: информационно-телекоммуникационную сферу, на организационно-распорядительные функции государства и на личность человека.

На сегодняшний день есть также немало случаев кибертерроризма. Так как большинство медицинских учреждений используют инновационные технологии для лечения своих пациентов, они могут стать основным объектов для атаки. В качестве примера рассмотрим ситуацию, которую упомянули в своем докладе международная исследовательская организация Global Initiative Against Transnational Organized Crime на тему «Киберпреступность: угрозы в период пандемии COVID-19», в которой продемонстрирован случай, произошедший 12–13 марта 2020 г., где университетская больница Брно Чешской Республики была атакована с помощью вредоносной программы Ransomware. Атакующие требовали денежные средства взамен на человеческие жизни. В связи с этим была поставлена прямая угроза безопасность зараженных COVID-19 пациентов.

Причинами, по которым кибертерроризм становится все более распространенным, являются следующие факты. Во-первых, это фактически неограниченная возможность финансирования нелегальной деятельности, которую осуществляют лица с различными мотивами: политический, корыстный, личный и др. Чаще всего такие вложения производятся анонимно, что представляет особую трудность у правоохранительных органов в определении источника. Вторая причина, которая влияет на развитие данного вида терроризма, – это экономический фактор. Обеспечение кибертерроризма намного выгоднее, если сравнивать

с «традиционными» методами. В-третьих, кибертерроризм осуществляется анонимно. Преступники не используют свое имя, они выбирают себе псевдоним либо же используют специализированные программы, которые не позволяют правоохранительным органам отследить данное лицо. Четвертым фактором является разнообразие целей, которые можно подвергнуть атаке. Это могут быть не только компьютеры государственных или частных лиц, это также могут быть системы различных инфраструктур, которые обеспечивают жизнедеятельность людей. Пятый фактор заключается в том, что кибертерроризм распространяется на большую аудиторию, так как практически каждый человек использует глобальную сеть Интернет, что упрощает террористическим организациям процесс вовлечения новых единомышленников. Удаленный доступ данной деятельности является заключительным фактором. Для того, чтобы совершить общественно опасное деяние лицам, его подготавливающем, требуется меньше прикладывать физических и психологических усилий.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что кибертерроризм на сегодняшний день является наиболее опасной формой терроризма, который представляет угрозу не только для Российской Федерации или отдельных государств, но и для всего мира в целом. Данное явление мало изучено в связи с тем, что оно осуществляется анонимным лицом и при помощью специализированных программ-шифровальщиков. В науке под кибертерроризмом принято понимать одну из разновидностей терроризма, которая заключается в противоправной кибератаки на компьютеры, виртуальную сеть или на информацию с целью принуждения государственные органы власти к тем требованиям, которые выдвигают преступники. Повышение эффективности противодействия кибертерроризму с необходимостью выходит на повестку дня для российских правоохранительных органов. В первую очередь, несомненно, необходимо совершенствование комплекса политико-организационных, информационных, контрразведывательных, оперативно-разыскных и охранно-режимных мер. С каждым годом данная проблема обостряется, требуются новые методы и средства для ее решения, но инновационные технологии развиваются стремительнее, чем законодательство, что усложняет процесс борьбы с данным явлением.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

2. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW-_208191/.

3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/.

4. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/.

5. Доклад Global Initiative Against Transnational Organized Crime «Киберпреступность: угрозы в период пандемии COVID-19». URL: https://www.drugwatch.com/news/2019/07/11/medical-device-cyber-attacks-tv-plot-or-dangerous-reality/.

6. Паненков А. А. Кибертерроризм как реальная угроза национальной безопасности России // Право и кибербезопасность. 2019. № 1. С. 12–19.

Мануйлова Е. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ, НЕ ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВМЕНЯЕМОСТИ, У ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вот уже на протяжении многих веков проблема насильственной преступности остро стоит перед всем мировым сообществом. Насильственная преступность составляет особую категорию наиболее опасных антисоциальных деяний, ставящих под угрозу безопасное существование не только отдельно взятых государств, но и всего мирового сообщества в целом. Опасность насильственной преступности заключается в степени негативных последствий, наступающих в результате реализации противоправной деятельности. В связи с этим возникает необходимость минимизации уровня насильственных преступлений.

Наиболее распространенными являются ошибки в воспитательном процессе на этапе внутренней социализации в кругу семьи. Это выражается в дефиците внимания, отсутствии доверительных отношений между членами семьи или же наоборот в переизбытке родительского контроля, перетекающих в такие негативные формы, как деспотия, излишняя жестокость, применение рычагов психического насилия в процессе воспитания ребенка. Особенно негативно это для детей, уже имеющих определенные патологии психического развития, но ввиду недостаточного внимания к поведению ребенка со стороны родителей, вовремя не выявленных. А в совокупности с подтвержденными родовыми травмами и выявленными патологиями на этапе развития плода в утробе матери неправильный подход в воспитании служит катализатором развития психических расстройств личности [1].

Однако не все психические расстройства формируются в период полового созревания подростков. Ряд расстройств закладывается будущего насильственного преступника на этапе его перинатального развития. Известен целый ряд случаев формирования психических девиаций у лиц, которым на этапе внутриутробного развития выявили различного рода отклонения. Данные отклонения нашли свое проявление в младенческом возрасте. Основными факторами, повлиявшими на развитие патологий плода, стали употребление матерью алкоголя, никотина, наркотических средств, а также недостаток питательных веществ ввиду недоедания матери [2].

Внутриутробная и природовая гипоксия способны повредить структуры мозга, в том числе гиппокамп, принимающий участие в контроле проявления агрессии. В настоящее время установлена взаимосвязь между осложнениями, полученными плодом в процессе рождения, и проявлением агрессии в уже взрослом возрасте, сочетающимися в совокупности с негативной социальной средой. Недостаток питательных веществ в процессе внутриутробного развития плода ввиду

[1] © Мануйлова Е. В., 2022.

недоедания биологической матери, особенно в период протекания первого и второго триместра беременности, связан с антисоциальными девиациями поведения ребенка как на ранних процессах социализации, так и уже во взрослом возрасте. Полученные физические повреждения в процессе рождения способствуют нарушению развития нейронных связей коры головного мозга, что в свою очередь может способствовать проявлению агрессии по отношению к окружающим, проявляющемся уже в детском возрасте.

На формирование психических расстройств также влияют неврологические изменения, среди которых выделяют дисфункцию лобной доли. Лобная доля головного мозга отвечает за принятие решений, оценку и корректировку лица поведения в соответствии с внутренними и внешними факторами, а также контроль поведения (Golden C. J., Jackson M. L., Peterson-Rohne A., Gontkovsky ST., 1996). Префронтальная область головного мозга непосредственно связана с контролированием эмоционального состояния. Ее повреждение влечет за собой нарушения регуляции эмоционального состояния, в частности контроля негативных эмоций, таких как злость, ненависть, ярость. Нейропсихопатологические теории (Jones H., 1984) выделили взаимосвязь между проявлением агрессии и повреждением областей коры головного мозга. Повреждения префронтальных и височных областей способствуют дисфункции психических процессов, формированию ложных стимулов, а также неспособности контролировать мозговые импульсы (Morgan A. B., Lilienfeld S. O., 2000). Лица, имеющие повреждения лобной доли, сталкиваются с проблемами контроля эмоционального состояния. Поражения вентральной и орбитальной префронтальных областей коры головного мозга связаны с повышенной импульсивностью и склонностью к насильственному поведению (Liu J. H., 2004). Чем раньше лицо получило поражение, тем большее влияние будет оказано на его способность к самообладанию. Поражения медиальной височной доли, которые являются местом сосредоточения лимбической системы, обусловливают нарушения в области контроля мозговых импульсов, выражающихся в приступах неконтролируемой беспричинной агрессии. Также могут присутствовать нарушения памяти, аудиальные и визуальные галлюцинации (Golden C. J., Jackson M. L., Peterson-Rohne A., Gontkovsky ST., 1996).

Гормональный дисбаланс также способствует формированию психических расстройств, не исключающих вменяемости. Так, высокий уровень тестостерона связывают с повышенной агрессивностью лица (Liu J.H., 2005).

Неправильное, несбалансированное питание также способствует формированию отклонений лица на фоне общего неправильного функционирования внутренних систем организма. Так, дефицит цинка и железа провоцирует проявление агрессии по отношению к окружающим, а также развитие дисфункций головного мозга, что влечет за собой формирование психических расстройств.

Очень важное значение имеет экологическая обстановка. Интоксикация тяжелыми металлами влечет за собой нарушение работы основных систем организма, в том числе дисфункцию мозговой деятельности, выраженную в различного рода психических расстройствах.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что субъекты насильственных преступлений наделены целым рядом специфических качеств, которые имеют особое значение для ученых-криминологов. Психические расстройства, не исключающие вменяемости, являются сложным многоаспектным явлением, требующим особого внимания как со стороны правоприменителей, так и заведений лечебной направленности. Формирование психических расстройств – это многоступенчатый процесс, возникающий на любом этапе становления личности. Как и любое заболевание, психические расстройства, не исключающие вменяемости, требуют определенного курса лечения, сопровождающегося регулярными обследованиями психиатров. Поскольку психические расстройства обусловлены сбоями в работе отделов коры головного мозга, вызванных воздействием различных факторов, нормализацию психического здоровья следует осуществлять через восстановления нормальной работы коры головного мозга. Так, при нарушении импульсов можно применять специальные импульсные терапевтические курсы, суть которых заключается в стабилизации исходящих мозговых импульсов при помощи влияние ответных импульсов, посылаемых при помощи специального аппарата. Также в случае витаминно-минерального дисбаланс, можно использовать восстановительный витаминно-минеральный комплекс, в состав которого будут входить такие вещества, как кальций и др. Но наиболее эффективным, на наш взгляд, представляется не лечение уже сформированного психического расстройства, проявившееся в акте преступного насилия, а предупреждение его еще в зачатке. При должном контроле к ребенку со стороны родителей, а также иных лиц, участвующих в процессе становления личности (учителя, школьные психологи и др.), и своевременной помощи в стабилизации его психоэмоционального состояния, можно еще до наступления негативных общественно опасных последствий скорректировать поведение данных лиц [3].

Список литературы

1. Майр Э. Социальные и биологические факторы развития человека // Вопросы философии. 1972. № 9.

2. Войде Е. Г., Мануйлова Е. В. Особенности личности насильственного преступника // Криминологический журнал. 2020. № 3. С. 18–20.

3. Source is a modification of the Wikipedia article Neurocriminology, licensed under CC-BY-SA. URL: https://ru.knowledgr.com/.

Маркова Д. В.[1],
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Селихова О. Г.****,*
старший преподаватель кафедры криминологи
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

В настоящее время в Российской Федерации количество преступлений экстремистской направленности увеличивается. Статистические данные показывают, что за 2020 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 833 таких преступления, из них нераскрыто 89; за 2021 г. было зарегистрировано 1057 – из них не раскрыто 51 преступление; за январь – апрель 2022 г. – 461 преступление [1]. Лидирующие показатели у субъектов, расположенных на юге страны: Республика Дагестан, Саратовская область, Ставропольский край [1].

Несмотря на то понятие экстремизма, которое содержится в Федеральном законе «О противодействии экстремизму», ученые сопоставляют данное явление с крайними взглядами и мерами, а также активной деятельностью, которая выражается в антиобщественных действиях.

Так, П. В. Филиппов выделил три масштабных фактора, которые обусловливают детерминанты экстремизма, а именно:

– экономические, которые подразумевает наличие проблем в государстве, непосредственно связанных с экономикой: безработица, расслоение общества;

– идеологический, т. е. отсутствие четко сформированной идеологической концепции, которая была бы признана обществом;

– социально-политический – бездействие правоохранительных органов, ослабление государственного аппарата [2, с. 68].

На законодательном уровне существует немало нормативных правовых актов, которые так или иначе показывают деятельность различных органов по борьбе с терроризмом. Среди них:

– Федеральный закон «О противодействии экстремизму»;

– Федеральный закон «О противодействии терроризму»;

– УК РФ;

– приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности»;

---

[1] © Маркова Д. В., 2022.

– приказ Генпрокуратуры России от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности»;

– Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Указом Президента Российский Федерации 28.11.2014);

– постановление Пленума Верховного Суда от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Безусловно, данный перечень показывает усиленное внимание государства к данной проблеме, но наличие нормативных актов не свидетельствует о том, что на этом этапе противодействие завершается. На сегодняшний день ввиду стремительного развития информационно-телекоммуникационных сетей большая часть преступлений экстремистской направленности зарождается именно в ресурсах Интернета и ее основным субъектом является молодежь.

Большое количество специализированных служб в МВД России, Следственный комитет Российской Федерации и ФСБ России обеспечивают контроль в социальных сетях за распространением информации, которая носит экстремистский характер, но лица, занимающиеся противоправной деятельностью данного характера, не стоят на месте, а совершенствуют имеющиеся ресурсы, чтобы истоки экстремистской деятельности стали еще более латентной.

Ряд ученых выделяют наличие пробелов в законодательстве, касаемо разграничение терроризма и экстремизма, так как большинство статей в УК РФ образуют смешение двух взаимопроникающих понятий. А. В. Петрянин акцентирует внимание на отсутствии в нормативном правовом акте сущности экстремизма, а только лишь мотивация. Так, предусмотрена ответственность за публичное оправдание терроризма, но в свою очередь подобного нет в отношении экстремизма, т. е. ч. 1 ст. 280 УК РФ предусматривает уголовную ответственность только за призыв [4, с. 45].

Таким образом, в законодательстве есть ряд пробелов, но их наличие не является единственной причиной роста преступности экстремистского характера. Насколько бы не было велико количество нормативных правовых актов, все равно будет присутствовать опережение противоправных действий лиц, только после какого-либо нового преступления в рамках экстремизма возникает правовая норма.

Список литературы

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru.

2. Филиппов П. В. Уголовно-правовое обеспечение борьбы с экстремизмом // StudNet. 2020. С. 67–72.

3. Федюнин А. Е., Алферов В. Ю. Сущность и понятие преступлений экстремистской направленности: вопросы квалификации и расследования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. С. 89–93.

4. Юшина Ю. В., Евтушенко И. И. О совершенствовании мер уголовно- правового противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности // Общество и право. 2016. № 3. С. 43–48.

Мустакимов Р. М.[1],
адъюнкт адъюнктуры
Уфимского юридического института
МВД России

Научный руководитель: ***Низаева С. Р.***,
доцент кафедры криминалистики
Уфимского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 322^3 УК РФ

Осуществление российскими гражданами деятельности по фиктивной постановке на миграционный учет иностранцев создает общественную опасность для государства и общества, поскольку у правоохранительных органов фактически отсутствует информация о местонахождении таких лиц, что может повлечь за собой серьезные проблемы в их поиске.

Правоохранительным органам важно обладать достоверной информацией о местонахождении лиц, пребывающих на территорию страны, независимо от цели их визита. Данные сведения способствуют предотвращению совершения преступных деяний, как массового характера, так и направленных на причинение вреда конкретным людям. Так, в соответствии с Концепцией общественной безопасности Российской Федерации незаконное нахождение на территории российского государства иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществление ими трудовой деятельности создают напряженность социальной обстановки, способствуют появлению террористических организаций, распространению экстремистской деятельности (п. 17) [1].

В 2013 г. уголовное законодательство было дополнено ст. 322^3 УК РФ, предусматривающей ответственность за фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в России. В 2018 г. в данную статью были внесены изменения, в соответствии с которыми из ст. 322^3 были исключены слова «в жилом помещении», вместо них теперь используется общее понимание помещения (как жилое, так и нежилое). Таким образом, фиктивная постановка на учет может осуществляться не только в жилых помещениях, но и в нежилых [6, с. 16].

К основным проблемам квалификации преступления, предусмотренного ст. 322^3 УК РФ относится следующее:

1. Отграничение преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ, от административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 19.27 КоАП РФ. Административная ответственность по указанной статье наступает в случае предоставления заведомо ложных сведений об иностранном гражданине или лице без гражданства при осуществлении миграционного учета.

---

[1] © Мустакимов Р. М., 2022.

По мнению М. Н. Уторовой, фактически за совершение одного и того же деяния предусмотрена одновременно административная и уголовная ответственность [7, с. 14].

Аналогичной позиции придерживается и М. Н. Урда, который указал, что, несмотря на различные формулировки административного деяния и уголовного преступления, толкование указанных статьей осуществляется идентично, что вызывает сложности на практике [6, с. 86].

М. Ю. Юсупов в своем исследовании выделил следующий критерий разграничения исследуемых составов: уголовным преступлением является именно фиктивная постановка на учет, а правонарушением – незаконная постановка на миграционный учет, которая не содержит признаков фиктивности [8, с. 27].

Указанный способ разграничений автор связывает с тем, что постановка на миграционный учет иностранного гражданина или лица без гражданства может быть подлинной, но незаконной. Например, это происходит в случае, когда лицо фактически пребывает по адресу регистрации, но на учет он был поставлен на основании подложных документов. В таком случае принимающая сторона относительно вопроса пребывания (проживания) иностранца не вводит в заблуждение миграционный орган. Признак «фиктивности» означает «ложность» информации при регистрации о пребывании (проживании) мигрантов по адресу учета. Общественная опасность фиктивной постановки на миграционный учет выше, поскольку контроль за перемещением таких лиц на территории государства не может быть осуществлен в полной мере. В целях решения проблемы разграничения составов административных правонарушений и уголовных преступлений необходимо разработать единые критерии квалификации указанных деяний, которые необходимо будет отразить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18, которое в настоящее время отражает вопросы квалификации по ст.ст. 322–322^3 УК РФ [4].

2. Проблема определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 322^3 УК РФ.

Диспозиция исследуемой статьи УК РФ не содержит в себе указание на то, кто является субъектов преступления. По мнению А. А. Квыка, субъектом указанного преступления может быть только должностное лицо, к компетенции которого относится постановка лиц на миграционный учет, так как данное преступление считается оконченным с момента, когда осуществлена фиксация сведений в государственной информационной системе миграционного учета [2, с. 198].

С данной точкой зрения нельзя согласиться. Так, анализ судебной практики показал, что суды в качестве субъекта преступления признают любое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Так, в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции указано, что субъект преступления, предусмотренного ст. 322.3 УК РФ – общий, а именно вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. При этом сделан вывод о том, что доводы суда апелляционной инстанции о том, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 322^3 УК РФ, являются должностные лица органа внутренних дел, на которых возложена обязанность постановки на учет иностранных граждан и лиц без гражданства по месту

их пребывания в жилом помещении в Российской Федерации, являются неверными, однако на квалификацию действий не влияют и не относятся к существенным нарушениям уголовного закона, влекущим отмену или изменение судебных решений [3].

Представляется, что должностное лицо может быть субъектом преступления только в случае, когда оно, используя свое служебное положение, заведомо зная о незаконности свой действий, ставит лицо на миграционный учет в силу личной заинтересованности. В таком случае деяние должно быть квалифицировано по совокупности преступлений ст.ст. 322^3 и 285 УК РФ.

3. Следующая проблема связана с освобождением от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных примечанием 2 к ст. 322^3 УК РФ.

В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 раскрывается термин «способствование раскрытию преступления» как действия, совершенные лицом как до, так и после возбуждения уголовного дела в целях содействия правоохранительным органам в установлении обстоятельств совершения преступления [4]. Несмотря на то, что Верховным Судом Российской Федерации даны подробные разъяснения по указанному вопросу, правоприменительная практика до сих пор испытывает сложности в оценке действий по способствованию раскрытию преступления.

Так, Постановлением Президиума Воронежского областного суда от 19 июня 2019 г. по делу № 44У-38/2019 было отменено решение мирового судьи и решение суда апелляционной инстанции по причине того, что активное способствование раскрытию и расследованию преступления Г., отсутствие в его действиях иного состава преступления судами нижестоящих инстанций было признано в качестве смягчающего обстоятельства. Вопрос об освобождении Г. от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному примечанием 2 к ст. 322^3, судами не рассматривался, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, которое повлияло на исход дела [5].

Таким образом, в правоприменительной практике существует немало проблем и сложностей при квалификации преступления, предусмотренного ст. 322^3 УК РФ. В целом решение указанных проблем возможно путем внесения дополнений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18, в том числе в части определения субъекта преступления, разграничения составов административных правонарушений и уголовных преступлений.

Список литературы

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-685).

2. Квык А. А. Преступления против порядка регистрационного учета в Уголовном кодексе России // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 198–201.

3. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 17 сентября 2020 г. № 77-1531/2020.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.

5. Постановление Президиума Воронежского областного суда от 19 июня 2019 г. по делу № 44У-38/2019.

6. Урда М. Н. Фиктивная постановка на миграционный и регистрационный учеты в контексте межотраслевого исследования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 86–91.

7. Уторова М. Н. Фиктивная постановка на миграционный учет: практика применения статьи 322.3 УК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 1 (29). С. 14–18.

8. Юсупов М. Ю. Проблемы разграничения составов, предусмотренных статьей 322.3 УК РФ и частью 2 статьи 19.27 КоАП РФ // Мировой судья. 2021. № 2. С. 27–32.

Налимов Ю. Д.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

КВАЛИФИКАЦИЯ ВАНДАЛИЗМА, СОВЕРШЕННОГО ГРУППОЙ ЛИЦ

Квалифицирующие признаки говорят о повышенной общественной опасности преступных посягательств, и при их наличии устанавливается более строгое наказание [1, с. 70]. Одним из таких признаков вандализма является его совершение группой лиц.

Согласно положениям уголовного законодательства, группа лиц без предварительного сговора имеет место, когда преступление совершено двумя и более исполнителями (соисполнителями). Иными словами, таковой признается стихийно сформированная группа, члены которой участвуют в совершении общественно опасного деяния с целью поддержать своего товарища, уже начавшего выполнять действия, характеризующие объективную сторону преступного посягательства, либо участники преступления стали соисполнителями вследствие иных внезапно возникших обстоятельств, не обговаривая совместность действий до начала совершения преступного посягательства [2, с. 8].

В науке уголовного права отсутствует единое мнение в вопросе, какие преступления характеризуются повышенной степенью общественной опасности – групповые или совершенные единолично. Так, Л. Л. Кругликов считает, что соучастие не во всех случаях говорит о высокой степени общественной опасности преступного посягательства [3, с. 20]. В свою очередь, Н. Г. Иванов и А. А. Илиджев настаивают на том, что преступное посягательство, которое совершено несколькими лицами, в любом случае обладает таковой [4, с. 49; 5, с. 189].

Считается обоснованным принимать во внимание и учитывать при квалификации обстоятельства, повышающие общественную опасность преступных посягательств, совершенных в группе. Таковыми выступают моральная поддержка и невозможность совершения некоторых действий единолично [6, с. 119]. Например, психологически легче наносит оскверняющие надписи или совершать повреждение имущества в общественном месте, когда ты не один и чувствуешь поддержку единомышленников (соучастников). Примером невозможности совершения вандализма одним человеком могут выступить преступные действия по нанесению оскверняющего изображения, занимающего целую стену здания, за короткий отрезок времени или совместное силовое воздействие на предмет преступления с целью его повреждения, что физически невозможно осуществить одному человеку. Не вызывает сомнения тот факт, что при совершении вандализма группой лиц его участники тратят меньше времени на реализацию преступного умысла, быстрее добиваются результата преступных действий с нанесением

[1] © Налимов Ю. Д., 2022.

более крупного ущерба. Таким образом, преступления, совершенные в группе, обладают повышенной степенью общественной опасности, в связи с чем законодателем за их совершение установлена более строгая ответственность.

Основным критерием отличия групповых преступлений выступает сговор. В том случае, когда он состоялся до начала выполнения действий, характеризующих объективную сторону общественно опасного деяния, то налицо группа лиц по предварительному сговору, при его отсутствии преступление признается совершенным группой лиц без наличия такового. Акцентируем внимание на том, что при отсутствии предварительного сговора не исключается обмен информацией между соисполнителями словами или жестами в ходе совершения преступления [7, с. 228]. Указанными способами участники преступления согласовывают свои дальнейшие действия или принимают решение об окончании преступного посягательства. Для правовой оценки имеет значение отсутствие договоренности до начала выполнения преступных действий.

Согласие на участие в совершении преступного посягательства может быть дано как в вербальной, так и невербальной форме либо представлять собой конклюдентные действия, выражающиеся в поведении соучастника, которым он подтверждает солидарность умысла с другими соисполнителями. Согласие на совершение вандализма может быть выражено молчанием, а также присоединением к другим соучастникам, начавшим выполнять действия, входящие в объективную сторону вандализма.

Обязательным условием для квалификации деяния по признаку «группа лиц» является полное или частичное (при техническом распределении ролей) выполнение действий, входящих в объективную сторону общественно опасного деяния каждым участником преступления [8, с. 114]. Таким образом, все участники вандализма признаются соисполнителями.

Практический интерес представляет квалификация вандализма, совершенного группой лиц без признаков соучастия, который находит свое выражение в посредственном исполнении (причинении). Преступное посягательство в данном случае совершается при умышленном использовании (участии) лиц, которые не являются субъектами преступления, так как они не подлежат уголовной ответственности по причине недостижения возраста привлечения к ней, невменяемости, а также по иным причинам. Указанные лица выполняют объективную сторону вандализма полностью или частично. Таким образом, использующий их для реализации преступного умысла может и не принимать участие в совершении общественно-опасного деяния. Согласно правилам квалификации и требованиям уголовного закона исполнителем такого преступления признается лицо, которое использовало данных участников в совершении преступного посягательства [9, с. 100].

Представляется, что к иным обстоятельствам, при которых ставится вопрос о посредственном исполнении, относится возрастная невменяемость, т. е. когда к моменту совершения преступления лицо достигло возраста уголовной ответственности, но при проведении судебной психолого-психиатрической экспертизы было установлено, что его биологический возраст не соответствует фактическому.

Совместной преступной деятельностью без признаков соучастия могут выступить обстоятельства, исключающие преступность деяния, такие как физическое или психическое принуждение, когда человек вынужден совершить вандальные действия под воздействием другого лица.

С целью недопущения таких квалификационных ошибок, как расширительное толкования закона, особого внимания требует правовая оценка лиц, совершивших вандализм при наличии рассмотренных обстоятельств. При совершении подобных преступлений квалификации по ч. 1 ст. 214 УК РФ подлежат только действия лица, которое на момент совершения общественно опасного деяния являлось субъектом преступления (исполнитель) и использовало лиц, не подлежащих уголовной ответственности в качестве орудия преступного посягательства [10, с. 13–14].

Таким образом, квалифицирующий признак группа лиц усматривается только при наличии как минимум двух соисполнителей, которые на момент совершения преступного посягательства являлись субъектами преступления в уголовно-правовом понимании, в остальных случаях речь идет о сопричинении вреда.

Посредственное исполнение следует отличать от преступления, совершенного в «смешанной» группе, т. е. при участии лица, достигшего 18-летнего возраста, и несовершеннолетних, подлежащих уголовной ответственности по инкриминируемому деянию. Совершение общественно опасных деяний в таких группах, при наличии соответствующих признаков, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 214 и ст. 150 УК РФ.

Дополнительная квалификация по ст. 150 УК РФ исключается в следующих случаях:

– взрослому лицу не был известен достоверный возраст подростка, при этом его внешний, поведение и прочее соответствовали совершеннолетнему человеку. Введение в заблуждение несовершеннолетним о своем фактическом возрасте, при наличии указанных признаков, также является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела по указанной статье УК РФ;

– отсутствие факта вовлечения несовершеннолетнего в совершение общественно опасного деяния, например, инициатором преступления выступил подросток.

Список литературы

1. Авдеев М. А. Общая характеристика квалифицирующих признаков и их значение при конструировании составов преступлений // Актуальные проблемы государства и права. 2019. Т. 3. № 9. С. 66–75.

2. Быков В. М. Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору // Законность. 1999. № 3. С. 7–9.

3. Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве : учебное пособие. Ярославль : Изд-во Ярославского ун-та. 1977.

4. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Онтологический аспект. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1991.

5. Илиджев А. А. Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

6. Янковский Д. А. Особенности назначения наказания за преступление, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой и преступным сообществом // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 119–122.

7. Черненко Т. Г. Квалификация преступлений в зависимости от формы соучастия в преступлении // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–2 (62). С. 227–232.

8. Шеслер А. В., Беларева О. А. Вандализм, совершенный группой лиц // Lex russica (Русский закон). 2017. № 8 (129). С. 112–118.

9. Шеслер А. В., Беларева О. А. К вопросу о квалификации соисполнительства в вандализме // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 100–106.

10. Шеслер А. В. Соучастие в преступлении : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2014.

Новиков И. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Жилкин М. Г.***,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ИНОГО ИМУЩЕСТВА

Момент распада СССР и краха административно-командной системы управления стал переломным для жителей государств постсоветского пространства, к которым относится и Россия. Развитие рыночной экономики и повсеместное распространение частной собственности ознаменовали начало нового витка в жизни всей страны. Естественно, что и сознание граждан с приходом указанных явлений стало резко меняться. Если ранее подавляющее большинство людей связывали свою жизнь с однообразной работой вплоть до выхода на пенсию, проживанием в квартирах, приобретенных по договору социального найма, то после событий начала 90-х гг. XX в. они задумались о новых формах улучшения финансового благополучия. Тогда активно начинает развиваться сфера инвестиций, о которой большинство населения, выросшего в условиях советской административно-командной экономики, были наслышаны весьма посредственно. Теперь же для граждан открылось множество возможностей для вложения собственных денежных средств и приумножения имеющихся сбережений. Однако сложившейся ситуацией не смогли не воспользоваться и недобросовестные лица, которые хотели обогатиться за счет обмана широких масс людей. Так, с начала 90-х гг. XX в. в стране стали активно действовать организации, занимавшиеся незаконным привлечением денежных средств граждан. Наиболее известной из них стала финансовая пирамида «МММ», организованная в 1992–1994 гг. Сергеем Мавроди, ущерб от деятельности которой оценивается в сумму более 100 млн долларов США. Естественно, это является не единственным случаем, связанным с незаконным привлечением денежных средств. Такие факты выявляются на постоянной основе. Ряд финансовых пирамид продолжают работать и по сей день, вовлекая в свою деятельность все больше и больше граждан и нанося огромный урон не только финансовому благополучию отдельно взятого чело-

[1] © Новиков И. А., 2022.

века, но и экономической системе всей страны. Именно поэтому вопрос уголовно-правового противодействия незаконному привлечению денежных средств и (или) иного имущества остается актуальным до настоящего времени.

Современная редакция УК РФ предусматривает два состава преступления, связанного с незаконным привлечением денежных средств и (или) иного имущества [1]:

1. Статья 172.2 УК РФ. Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

2. Статья 200.3 УК РФ. Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

Как отмечает Т. В. Светник, незаконное привлечение денежных средств граждан в долевое строительство является частным случаем построения финансовой пирамиды. Автор указывает на то, что изначально схема обмана дольщиков в России по сути и являлась «аналогом финансовой пирамиды», поскольку до 90 % средств, которые вкладывались новыми дольщиками шло на достройку объектов, в которые вкладывались предыдущие [6, с. 28].

Естественно, что в диспозиции ст. 200.3 УК РФ законодатель не применяет указанные критерии для описания объективной стороны преступления. Для этого он использует бланкетность, отсылая нас к нормам, регулирующим порядок привлечения денежных средств граждан в долевое строительство. На это указывает А. Ю. Терехов, говоря, что анализ судебно-следственной практики дает понять, что к уголовной ответственности по ст. 200.3 УК РФ привлекают, например, в случаях нерегистрации договоров об участии в долевом строительстве, распоряжения полученными средствами застройщиком по своему усмотрению, отсутствия разрешения на строительство и т. д. [7, с. 118]. Иными словами, в отличии от диспозиции ст. 172.2 УК РФ, указанная норма предусматривает более широкий спектр возможных деяний, составляющих объективную сторону преступления. Однако сам факт того, что обе рассматриваемые статьи УК РФ имеют единую правовую природу, дает возможность говорить о единстве применяемого для их описания категорийного аппарата.

Естественно, что ключевой для нас, в контексте рассматриваемой темы, является категория «незаконное привлечение денежных средств и (или) иного имущества». Анализ литературных источников, судебно-следственной практики и лингвистического содержания самого понятия позволяет выделить ключевые признаки данной деятельности:

1. Осуществляется незаконно – это означает, что само привлечение денежных средств реализуется в нарушение отдельных норм законодательства. Это может происходить в двух формах либо при их сочетании. Активное нарушение состоит в совершении непосредственных действий, которые не должны выполняться при законных формах деятельности. Сам несоблюдаемый запрет может быть установлен как отдельными нормативными правовыми актами, как в случае со ст. 200.3 УК РФ, либо непосредственно нормой УК РФ, как в случае со

ст. 172.2 УК РФ. Пассивное нарушение может состоять в невыполнение тех требований, которые установлены законодательством для конкретного вида деятельности, связанного с привлечением денежных средств граждан. Например, это может быть требование о регистрации договоров долевого строительства в регламентированном Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» порядке [2]. Здесь же стоит упомянуть справедливое замечание, указанное М. Г. Жилкиным, о том, что законодателем в конструкции ст.ст. 200.3 и 172.2 УК РФ необоснованно упущено указание на незаконность деятельности [3, с. 119].

2. Осуществляется в форме привлечения денежных средств и (или) иного имущества – здесь следует отметить, что в нормативных правовых актах и научных исследованиях почти не встречается указаний на содержание понятия «привлечение денежных средств», а те авторы, которые предпринимают попытки формулировки определения, делают это через него само, что нарушает основные правила логики [5, с. 277]. Если обратиться к Толковому словарю С. И. Ожегова, то можно понять, что под «привлечением» там в том числе понимаются действия, направленные на побуждение принять участие в чем-либо [4, с. 437].

3. Осуществляется через обещание лицам, чьи средства привлекаются, получения дохода или иной выгоды. Под «иной выгодой», на наш взгляд, следует понимать любой факт, не связанный с непосредственной выплатой денежных средств, наступление которого влечет улучшение положения данного лица, по сравнению с изначальным. Например, строительство многоквартирного дома, где одна из квартир будет принадлежать дольщику. Естественно, наступление такого «факта» должно быть результатом деятельности того субъекта, которому были переданы денежные средства и (или) иное имущество.

4. Направленность на неопределенный круг физических и (или) юридических лиц. Считаем, что этот признак является одним из ключевых для незаконного привлечения денежных средств и (или) иного имущества, поскольку именно замаскированность под публичную оферту и делает такие деяния настолько опасными. Это позволяет, во-первых облегчить реализацию умысла, а во-вторых, охватить наиболее широкий круг потенциальных вкладчиков.

Таким образом, ориентируясь на указанное лингвистическое содержание всех рассмотренных категорий, а также рассмотренные признаки и их содержание, можно сформулировать авторское определение понятия «преступления, связанные с незаконным привлечение денежных средств». Под ним предлагается понимать виновно совершенные общественно опасные деяния, запрещенные УК РФ под угрозой наказания, связанные с незаконной деятельностью заинтересованного субъекта, направленной на побуждение неопределенного круга физических и (или) юридических лиц к передаче денежных средств и (или) иного имущества в пользу самого субъекта, за обещание получения дохода или иной выгоды от использования предоставленных денежных средств и (или) иного имущества.

Список литературы

1. Федеральный закон «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2004. № 292.

3. Жилкин М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2015.

5. Рождественская Т. Э. Банковское право : учебное пособие. Высшая школа экономики. М. : Высшая школа экономики, 2010.

6. Светник Т. В. Системный характер проблемы обманутых дольщиков в России // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4. С. 26–42.

7. Терехов А. Ю. Предпосылки введения в УК РФ состава преступления за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. Т. 23. № 1. С. 115–125.

Орлова М. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кириллов С. И.****,*
профессор кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

СКУЛШУТИНГ: ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА

Долгое время массовые убийства в образовательных организациях для России считались крайне редким явлением. Вместе с тем первое упоминание о факте вооруженного нападения на образовательную организацию было совершено в 2014 г., когда старшеклассник образовательной школы № 263 Сергей Гордеев с двумя винтовками в руках, угрожая охраннику, потребовал отвести его в кабинет биологии. По пути он застрелил учителя географии, а после взял в заложники 24 десятиклассника. Когда сотрудники полиции попробовали освободить детей, он открыл огонь из окна – в перестрелке захватчик убил полицейского и учителя, ранил четверых. После переговоров подросток сдался [4, с. 4].

Данный феномен в зарубежных и среди современных отечественных источников известен как «скулшутинг». Однако официального определения данное понятие не имеет. Мнения ученых относительно формулировки на этот счет расходятся и зачастую формулируется по-разному, основываясь на ряде признаков. В связи с чем, опираясь на свои исследования, нами предложена следующая формулировка изучаемого явления.

Под скулшутингом следует понимать вооруженные нападения, совершаемые обучающимся (-имися) или (выпускником (-ами) в образовательной организации с целью причинения смерти или тяжкого вреда здоровью двум или более лицам, сопряженное с реальной опасностью для других лиц при отсутствии корыстной и (или) террористической направленности.

Вместе с тем интерес к данному явлению обусловлен высоким уровнем его общественной опасности и высоким уровнем угрозы для национальной безопасности. По данным МВД России с 2017 г. зафиксировали в 34 регионах 70 случаев, связанных с нападением на школы. В статистику вошли как совершенные атаки, так и подготовка к «скулшутингу».

Наиболее известными зарегистрированными случаями совершения скулшутинга в России являются трагедии, произошедшие 5 сентября 2017 г. в школе № 1 г. Ивантеевки, 17 октября 2018 г. в Керченском политехническом колледже, 11 мая 2021 г. в гимназии № 175 г. Казани, 20 сентября 2021 г. в Пермском государственном национальном исследовательском университете, 13 декабря 2021 г.

---

[1] © Орлова М. С., 2022.

в Серпухове в гимназии Введенского Владычного монастыря. Данные обстоятельства указывают на актуальность исследуемой нами тематики.

Несмотря на то, что насилию всегда уделялось особое место в криминологии и уголовно-правовой науке, рассматриваемый вид вооруженного (массового) насилия является новым и плохо изученным в российской науке, ввиду чего требует качественного исследования.

Как известно, одним из важных критериев оценки эффективности при выборе профилактических мер по борьбе с любым преступным явлением является комплексное изучение причин и условий его возникновения.

Под причинами в данном случае мы подразумеваем ряд социально-психологических явлений, которые непосредственно влияют на динамику, развитие и возникновение преступности как закономерного следствия таких явлений.

Другими словами, причинами преступности называется совокупность социальных и психологических явлений и процессов, которые в определенных обстоятельствах играют роль условий, определяют существование преступности как социального явления, наличие в ее составе частей, а на индивидуальном уровне – совершение конкретных преступлений.

Любая из причин может иметь различные уровни в зависимости от объекта воздействия: причины всей преступности, отдельных видов преступности, единичных преступлений. В данном исследовании мы рассмотрим причины, которые, на наш взгляд, играют приоритетную, главенствующую роль при совершении вооруженных нападений на образовательные организации (скулшутинга).

Как указывает В. О. Карпов: «На сегодняшний день не существует однозначного подхода к причинности скулшутинга. Основными источниками формирования преступного поведения скулшутеров исследователи называют: негативную обстановку в семьях, социальный остракизм со стороны сверстников, влияние компьютерных игр с элементами жестокости на психоповедение, личные психологические проблемы и дисфункции (различные комплексы, депрессии), а также деструкции здоровья» [2, с. 443]. Также одной из часто встречаемых причин, которые выделяют российские и зарубежные ученые, является буллинг.

Буллинг как форма молодежного насилия предполагает систематическую и целенаправленную травлю определенной группой молодых людей одного из своих сверстников, который не смог по различным причинам в полной мере социализироваться [5].

Однако, исходя их проведенного исследования, нельзя дать однозначного ответа, что буллинг является основной причиной совершения обучающимся (выпускником) вооруженного нападения.

Во-первых, в ходе случайной выборки мы провели опрос о буллинге среди 354 человек. Респондентами опроса были граждане Российской Федерации в возрасте от 15 до 55 лет из Москвы, Московской области, Екатеринбурга и Перми. Опрос показал, что каждый пятый (20 %) – сталкивался с буллингом в возрасте 15–17 лет. Половина опрошенных (52 %) столкнулись с буллингом уже во взрослом возрасте 60 % из этого числа в период 18–24 лет. Местом, где

лица подвергались буллингу, в 40 % было отмечено учебное заведение, в котором обучалось лицо, 32 % на работе, 15 % в семье, 7% в интернете, 6 % в ином месте (компания, улица, спортивные секции и пр.). Данные свидетельствуют о том, что буллинг, как правило, используется к лицам в возрасте 15–24 лет, местом для его совершения часто являлась образовательная организация. Однако в таком случае встает вопрос, почему не каждый, к кому применялся буллинг, идет мстить своим обидчикам? Кроме того, стоит ли вообще говорить о том, что скулшутер подвергается буллингу со стороны сверстников?

Во-вторых, обратимся к практическим материалам по Казанскому стрелку. Из материалов дела известно, что «Казанский стрелок» Ильназ Галявиев, последние полгода проживал отдельно от родителей. Причиной такого решения послужило агрессивное и странное поведение молодого человека. Своими действиями он вынудил семью сменить место жительства. Тогда возникает вопрос: может быть скулшутер сам является источником буллинга для окружающих? В связи с этим мы не можем утверждать, что буллинг является единственной или одной из основных причиной, влияющих на совершение массовых расстрелов обучающимися (выпускниками) в школах.

Следующий момент, на который следует обратить внимание, – это психологическое состояние подростков. О «ненормальности» стрелков, как правило, говорят после каждой трагедии. Среди лиц, совершивших скулшутинг, есть те, кто при проведении психолого-психиатрической экспертизы действительно был признан невменяемым. Однако это всего лишь 8–10 % от общего числа лиц, совершивших скулшутинг. Более того, наличие психического расстройства не делает человека невменяемым. Трудности с выявлением причин психологического характера обусловлены еще тем, что большая часть скулшутеров заканчивали свое преступление самоубийством или вступлением в безсмысленную перестрелку с правоохранительными органами, что не дает возможности провести специалистам комплексную диагностику личности. В связи с этим нельзя дать четкую оценку, является ли наличие психического расстройства истинной причиной совершения массового убийства. Несомненно, наличие того или иного расстройства влияет на поведение людей, но делать ее основной причиной совершения скулшутинга, на наш взгляд, считаем неправильным.

Одной из наиболее спорных точек зрения на причины совершения преступных действий такими обучающимися является увлечение стрелков деструктивным интернет-контентом, зависимость от социальных сетей, а также злоупотребление видеоиграми, основанными на насилии.

Под деструктивным контентом по тематике скулшутинга авторы понимают семантические признаки, оставленные пользователями в киберпространстве, которые отражают положительное и поощряющее отношение к акту скулшутинга и личностям, ранее совершившим нападения; желание совершить насильственный акт в отношении субъектов образовательной организации и себя; а также наличие подготовки и конкретных планов нападения. Участие в группах едино-

мышленников, приверженных идеологии скулшутинга, может содействовать росту убежденности в правомерности совершения нападения как реально возможного способа разрешения проблем [1].

Так, у ряда стрелков были выявлены элементы одежды, схожее поведение, являющиеся признаками подражания главных участников трагедии, произошедшей в 1999 г. в школе «Колумбайн» в США. Например, Керчинский Стрелок Владислав Росляков незадолго до совершения массового убийства приобрел помповое оружие Hatsan Escort, которое имеет схожие характеристики с Stevens 311D 12-го калибра, из которого были совершено нападение на школу Колумбайн. Практически все скулшутеры имели схожие элементы одежды, грубую обувь, привалирование черного цвета, а также различные надписи агрессивного проявления на одежде «Ненависть» и т. д. Кроме того, как показал анализ, практически все нападавшие большое количество времени проводили в интернет-пространстве, состояли в тематических сообществах, в том числе играли в видеоигры. Несмотря на это, до сих пор остается открытым вопрос негативного влияния данных элементов на подростков.

Особого внимания среди обозначенных причин совершения вооруженных нападений на образовательные организации семейные проблемы. Изучив особенности 20 семей скулшутеров, можно сделать вывод, что все скулшутеры воспитывались в благополучных семьях, которые не вызывали вопросов ни у правоохранительных органов, ни у администрации. Однако необходимо обратить внимание на следующее: во-первых, более чем у половины биологические родители находились в разводе; во-вторых, исследуя подход к воспитанию, можно заметить, что нападавшие воспитывались как дети «индиго». В связи с этим, когда подросток на протяжении длительного времени слышит о своей уникальности, он пытается перенести свою значимость в иной социальный круг. В данном случае в образовательную организацию, однако, зачастую общество сверстников не видит «таланта» данного учащегося, тем самым «недооценивает» значимость и уникальность ученика. У скулшутера происходит когнитивный диссонанс. Именно в этот момент и просыпается идея доказать всем, что ты лучше других, появляется возможность возвысить себя не только в собственных, но и в глазах жертв.

Указанные причины являются лишь небольшой частью многообразия причин, влияющих на совершение вооруженного нападения на образовательную организацию обучающимся (выпускником) в комплексе. В связи с этим считаем важным не перекладывать ответственность на кого-то одного и рассматривать их (причины) в совокупности.

Исходя из обозначенных причин можно предложить следующие меры профилактики:

– усовершенствовать систему безопасности в образовательной организации. Перевод ее на автоматический режим. В таком случае образовательной организации не потребуется ставить охрану. Данную позицию в своем исследовании поддерживал вице-президент Российской криминологической ассоциации И. Ю. Сундиев. По мнению ученого, «охранник в школе один, пенсионного

возраста, что он реально может сделать с вооруженным преступником? В лучшем случае – нажать „тревожную кнопку” и после этого погибнуть» [3];

– осуществлять мониторинг психологического состояния обучающихся в образовательной организации. Именно при помощи качественной диагностики имеется реальная возможность выявить лиц, склонных к преступлениям подобного характера;

– проводить мониторинг социальных сетей по выявлению фактов распространения информации, носящей деструктивный характер, администрацией образовательной организации. Указанные полномочия могут быть частично переданы сотрудникам ПДН;

– увеличить количество бюджетных факультативных занятий для подростков;

– организовать онлайн-платформу, где обучающиеся смогут анонимно задать вопросы или обозначить проблемы, с которыми они сталкиваются в образовательной организации;

– проводить дополнительные профилактические мероприятия с лицами, в чьей семье имеется оружие или обучающиеся, имеющие разрешение на него.

В заключение отметим, предложенные меры носят комплексный характер, в виду чего их применение окажет эффективное воздействие на снижение рисков совершения новых фактов массовых убийств в образовательных организациях.

Список литературы

1. Дозорцева Е. Г., Ошевский Д. С., Сыроквашина К. В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10. № 2. С. 97–110.

2. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанский юридический институт МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 442–446.

3. Сундиев И. Ю. Насыщающий террор //URL: https://iz.ru/1162435/igor-sundiev/nasyshchaiushchii-terror.

4. Школьный террор: когда стреляют дети: библитодайджест / сост. О. Б. Шакирова. Миасс : ЦБС, 2021.

5. Salmivalli C. Bullying and the Peer Group: A Review // Aggression and Violent Behaviour. 2010. Vol. 15, iss. 2. P. 112–120.

Панов М. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кадников Н. Г.***,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЙ, УГРОЖАЮЩИХ БЕЗОПАСНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

Транспортная безопасность России связана с наличием уголовно-правовой регламентации общественных отношений, возникающих в связи с допущенными нарушениями правил, устанавливающих среди прочего безопасную для всех лиц эксплуатацию транспортных средств.

Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" в УК РФ введена новая статья – 267^1, в соответствии с которой совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, наказывается лишением свободы на срок до двух лет. Данная новелла уголовного закона не имеет квалифицирующих признаков, вся статья представлена в одной вышеназванной первой части с такой допустимо сказать краткой диспозицией и небольшой санкцией – лишением свободы сроком до двух лет лишения свободы либо иным, более мягким наказанием.

Однако при внесении законодательной инициативы по принятию данных изменений в УК РФ предлагалась как раз дифференциация уголовной ответственности за подобные деяния и ее более широкое применение. Во второй части те же действия, но при эксплуатации именно воздушных судов предлагалось наказывать до семи лет лишения свободы. В третьей части статьи предлагалось предусмотреть конкретные общественно-опасные последствия в виде повлекших по неосторожности смерть человека или иных тяжких последствий, при этом санкция статьи уже предусматривала лишение свободы до 10 лет [1].

Законодательной инициативой ранее ставился вопрос о снижении до четырнадцати лет возраста, с которого подлежали уголовной ответственности лица, совершившие преступления, предусмотренные чч. 2 и 3 ст. 267^1 УК РФ. Данное положение связывалось с повышенной общественной опасностью указанных

[1] © Панов М. В., 2022.

преступных деяний. Также предлагалось внести изменения в УПК РФ в части определения подследственности и подсудности данной категории уголовных дел.

С позиций сегодняшнего дня данные положения, изначально предлагаемые законодателем, были бы необходимы и в настоящее время сразу по ряду причин.

По степени общественной опасности вред, причиняемый в результате хулиганских действий, совершенных на улице в отношении граждан, и действий, совершенных из хулиганских побуждений, угрожающих безопасности эксплуатации транспортных средств, в особенности воздушных судов, отличается между собой. Пассажиры, находясь в транспортном средстве, и лица, им управляющие, подвергаются большей опасности, чем граждане в результате хулиганских действий, совершенными в других общественных местах. Данный факт обусловлен ограниченностью пространства. Что касается 14-летнего возраста привлечения к уголовной ответственности именно по чч. 1 и 1 рассматриваемого проекта ст. 267^1 УК РФ, считаем его также уместным в связи с тем, что хулиганские побуждения традиционно преследуют именно молодые и даже юные лица, и если их уголовно-правовыми средствами не остановить, то данная вседозволенность может в дальнейшем способствовать совершению ими новых преступлений.

Решение указанных проблем стало важной задачей по Транспортной стратегии России до 2030 г.

При всем при этом даже в нынешнем виде ст. 267^1 УК РФ имеет ряд недостатков, которые требуют внесения дополнений и уточнений для правильной единообразной трактовки и применения. Так, если в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ говорится о транспорте общего пользования, то в ст. 267^1 УК РФ имеется только общее понятие транспортного средства, что влечет отсутствие четкости понимания самого определения такого обязательного элемента данной статьи особенной части УК РФ как транспортное средство. Но это далеко не единственное отличие от данных конкурирующих уголовно-правовых норм. На практике правоприменитель сталкивается с рядом проблем квалификации действий лица, совершающего на общественном транспорте действий их хулиганских побуждений. В данном случае необходимо обращаться к положению ст. 8 УК РФ и разобрать все элементы состава преступления. И начать именно с видового и непосредственного объектов, так как они различны у данных уголовно-правовых норм. В ст. 267^1 УК РФ происходит посягательство именно на сам безопасный порядок эксплуатации транспортных средств. Кроме того, в субъективной стороне ст. 267^1 УК РФ обязательным элементом является мотив – именно хулиганские побуждения, а в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ мотив не является обязательным элементом и может как вообще отсутствовать, так и быть различным. Также одной из проблем при правоприменительной деятельности в ст. 267^1 УК РФ является нераскрытое понятие действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Диспозиция данной нормы не содержит конкретного перечня действий, ставящих под угрозу безопасность эксплуатации транспортных средств или ссылки на другие источники, содержащие такой перечень. Более того, термин «хулиганские побуждения» также не раскрыт должным образом.

На основании изложенного, в настоящее время имеется необходимость в установлении и закреплении ряда положений в диспозиции, которые будут способствовать верному толкованию и применению ст. 267^1 УК РФ.

Так, сам термин «безопасная эксплуатация транспортных средств», указанный в диспозиции ст. 267^1 УК РФ, было бы допустимо трактовать с учетом ссылок в диспозиции статьи к специальной юридической литературы.

При этом в безопасности на транспорте имеет место угроза, обусловленная вмешательством в функционирование объектов транспорта извне» [2, с. 2–6].

Согласно изначальных положений законопроекта, введение ст. 267^1 УК РФ необходимо для пресечения деяний, угрожающих безопасной эксплуатации всех видов транспорта общего пользования.

Под определение транспортных средств в ст. 267^1 УК РФ подпадают устройства для перевозки пассажиров и грузов на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования [3, с. 94].

По мнению Ю. В. Голика, к указанным действиям могут относиться действия, направленные на создание угрозы эксплуатации конкретного транспортного средства, что влечет за собой угрозу безопасности пассажиров и экипажа [4, с. 164]. «При этом, – отмечает ученый, – эти действия совершаются непосредственно на этом транспортном средстве. А в случае совершения подобных действий вне транспортного средства ответственность может наступать по другим уголовно-правовым нормам (ст. 267 УК РФ «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения»)» [4, с. 164].

Вместе с тем представляется несколько неполным вменение исключительно совершаемых непосредственно на конкретном транспортном средстве активных ставящих под угрозы безопасной эксплуатации действий. Если возвращаться к изначальной законодательной инициативе, то там указано, что данным преступным действиям необходимо было относить повреждения стекол, создания препятствий движения [2, с. 2–6].

В последнее время появились мнения о несогласии с существующим на практике подходом к отнесению действий «зацеперов» к признакам преступления, предусмотренного ст. 267^1 УК РФ. Мы не согласны с данным подходом и отстаиваем существующие нормы законодателя и правоприменителя. Действия «зацеперов» несут общественную опасность в части непосредственной угрозы нормальному порядку организации движения транспорта. Не находим аргументированным тот подход, в соответствии с которым ущерб причиняется самим виновным их же действиями, т. е. «зацеперам», поэтому состав преступления отсутствует как таковой. Безопасная эксплуатация транспорта как раз и стала объектом уголовно-правовой охраны именно для обеспечения защищенности всех лиц вне зависимости от их отношения к самому этому транспорту.

Обязательным элементом субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 267^1 УК РФ, является хулиганский мотив. Что примечательно, совершение данного деяния при наличии всех признаков состава преступления, но по иному мотиву, например экстремистскому, не образуют состав

ст. 267[1] УК РФ. В юридической литературе справедливо отмечается, что хулиганский мотив «позволяет отграничить данное преступление от других, где действия виновного направлены на подрыв общественной безопасности» [5, с. 18].

На основании изложенного предлагаем ряд изменений, необходимых для внесения в ст. 267[1] УК РФ.

Так, необходимо более детально законодательно закрепить понятие транспортного средства либо в самой диспозиции ст. 267[1] УК РФ, либо в ссылке на конкретный правовой акт из иных источников. Тем самым исчезнет несистемность интерпретаций из различных источников данного важного для правильной квалификации понятия.

Также необходимо внести дополнения в части раскрытия определения угроз безопасной эксплуатации транспортных средств. На наш взгляд, данное понимание необходимо закрепить прямо в статье и изложить следующим образом: непосредственные действия, которые способствуют возникновению реальной опасности жизни или вреда здоровью лиц, управляющих транспортным средством, их пассажиров или иных находящихся в транспортном средстве лиц, а равно причинения вреда имуществу и деловой репутации собственников или иных владельцев грузов, размещенных на транспортных средствах.

Ввести вторые и третьи части данной статьи по указанному в статье принципу, предлагаемому еще на стадии законодательной инициативы, а также повысить предел ответственности по первой части до четырех лет, т. е. повысить на одну ступень категорию преступления до средней тяжести, что будет более эквивалентно способствовать реализации целей уголовного наказания, таких как восстановлению социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений. При этом сохранится и гуманистическая линия развития уголовного законодательства Российской Федерации в части того, что лицо, впервые совершившее указанное преступление, может возместить ущерб либо иным образом загладить причиненный преступлением вред, тем самым избежать своей судимости в связи с примирением с потерпевшим либо применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Как правило, расследование указанных преступлений имеет весомую доказательственную базу в связи с наличием средств объективного контроля, большого количества свидетелей и очевидцев общественно опасного деяния, тем самым обеспечивается полнота и всесторонность процесса установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Однако, отсутствие четкого толкования терминологии и краткость диспозиции ст. 267[1] УК РФ создают иные сложности расследования в части доказывания.

Указанные положения будут способствовать повышению транспортной безопасности России, являющейся, с учетом географических и иных особенностей нашей страны, отражением уровня правопорядка в государстве в целом, важным показателем порядка и культуры российского общества, высокого уровня правосознания среди населения, позволит сохранить жизнь и здоровье людей и уменьшить количество сбоев в графиках движения транспорта.

Список литературы

1. Законопроект № 572517-5 и пояснительная записка Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/ bill/572517-5.

2. Шатилович С. Н. «Отдельные вопросы уголовно-правовой оценки конструктивных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 2–6.

3. Шарапов Р. Д., Шатилович С. Н., Зворыгина С. А. Субъект транспортного преступления : монография. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2018.

4. Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 162–166.

5. Баранчикова М. В. Криминологическая обусловленность уголовной ответственности за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспорта // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д : РЮИ МВД России, 2017. С. 16–19.

6. Баранчикова М. В. Квалификация новых криминальных угроз транспортной безопасности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 644–647.

Сироткина Т. Г.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий [1].

Согласно отчету МВД России за 2021 г. каждое тридцать второе преступление (3,1 %) совершено несовершеннолетними или при их соучастии [2]. При этом зарегистрировано 1 467 случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или антиобщественных действий.

Показатель преступлений экстремистской направленности за тот же отчетный период увеличился на 26,9 % (1 057 преступлений), что вызывает особенную тревогу. Также увеличилось и количество преступлений по ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) именно в информационно-телекоммуникационной сети Интернет – 455 преступлений (33,8 %). Такая тенденция весьма опасна, так как именно несовершеннолетние наиболее часто попадают под влияние различных призывов в социальных сетях. Их психика наиболее не устойчива ввиду физиологических особенностей, преобладает юношеский максимализм, и они слепо следуют за взрослыми провокаторами. Таким образом, подростков вербуют, подкупают, обманывают, заставляют совершать преступления, в том числе и экстремистской направленности.

Особую угрозу таит в себе пропаганда насилия, цинизма, жестокости, что существенным образом противоречит нравственным и правовым нормам и приводит к деструктивному, зачастую криминальному поведению. На сегодняшний день вопрос о противодействии вовлечению несовершеннолетних в деструктивные, экстремистские группы в сети Интернет стоит наиболее остро.

Следствием вовлечения является совершение несовершеннолетними преступлений как в качестве исполнителей, так и в качестве пособников. Преобладает данный вид противоправных деяний в республиках Северного Кавказа. Как отмечают в своей работе Д. З. Зиядова и Р. Т. Гамидов, в результате вовлечения в радикальную деятельность сформировался значительный контингент молодых людей, пополнивших отряды экстремистских сообществ. Именно экстремистские взгляды среди молодежи в ее криминальном проявлении являются актуальной проблемой республик Северного Кавказа [3].

---

[1] © Сироткина Т. Г., 2022.

Как правило, вербовщики выбирают несовершеннолетних из неблагополучных семей, испытывающих материальные трудности. Такие подростки не имеют защиту со стороны взрослых (безразличие, пьянство родителей и т. п.). Они подвергаются психологической обработке, вырываются из привычного уклада жизни.

В современных реалиях все вышеуказанное приобретает еще большую опасность. Происходит явное возрождение нацизма, попытка повлиять на законную власть с помощью несовершеннолетних (призывы на не санкционированные митинги, противоправная агитация в социальных сетях). Наиболее адаптивны форматы Twitter, Instagram, Tik Tok, в которых доминирует фиксированное число знаков, фото, коротких видео. Активная визуализация провоцирует неосознанные действия, которые потом, в «оправдание», будут «рационализированы» рассуждениями об их необходимости.

Существует классическая схема вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы. В начале потенциальные объекты для вовлечения в экстремистские группы подвергаются убеждающей коммуникации и навязыванию им определенной системы ценностей через контент. Общий контекст такого воздействия выстраивается на продвижении стереотипов, предрассудков и предубеждений, разделяющих людей на «своих» и «чужих». Контекст убеждения с целью продвижения определенных идей, а затем постепенное внутреннее усваивание этих идей несовершеннолетними приводит к тому, что под воздействием такого рода коммуникации они постепенно меняют свою мотивацию и поведение. Под воздействием массированной пропаганды они становятся последователями продвигаемых деструктивным сообществом идей и начинают существовать в соответствии с нормами и моделями поведения, принятыми в таких преступных сообществах.

Далее подростки, проявившие высокую восприимчивость к предлагаемым идеям и ценностям, вовлекаются в данные сообщества и становятся его членами. Они подвергаются уже насильственному убеждению, лидерами этих групп запускается механизм тотального контроля их сознания.

Одна из крайних форм проявления экстремизма – это терроризм. Так, очень громким стало «дело канских подростков» – судебный процесс в Канске над тремя подростками, которые были задержаны органами ФСБ в 2020 г. Их обвинили в подготовке терактов. 10 февраля 2022 г. одного из обвиняемых, 16-летнего Никиту Уварова, приговорили к 5 годам колонии – подросток был признан виновным в прохождении обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ) и незаконном изготовлении взрывных устройств и их хранении (ст. 223.1 и ст. 222.1 УК РФ) [5]. Данное решение было подвержено жесткой критике со стороны общественности и средств массовой информации.

Нам представляется, что столь жесткие меры в отношении несовершеннолетнего не являются целесообразными. Так как при реальном отбывании срока в колонии подросток лишь углубится в криминальные связи, после освобождения ему будет сложно влиться в нормальную среду. С такими субъектами необ-

ходимо работать психологам, выяснять мотивы совершения преступления экстремистского, террористического характера, откуда была взята информация, кто из взрослых, возможно, повлиял на поведение подростка.

Ужесточать наказание следует не несовершеннолетним, вовлекаемым в совершение преступлений экстремистской направленности, а самим вербовщикам.

Чрезвычайно важно требовать от местных властей проведения реальных мероприятий по адекватной ресоциализации несовершеннолетних, которые были вовлечены в совершение преступлений экстремистской направленности в рамках общепрофилактической работы.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/?ysclid=l7ydxobffu367663108.

2. Обзор: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г.: МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/.

3. Зиядова Д. З., Гамидов Р. Т. Молодежный религиозный экстремизм и его криминологические показатели // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 7. С. 25–27.

4. Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5207277.

Таранина Е. И.[1],
соискатель по кафедре криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Молчанова Т. В.***,
доцент кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬЮ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, СОВЕРШЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Цифровая трансформация является значимой национальной целью Российской Федерации до 2030 г., одним из показателей достижения которой является соответствие предприятий, учреждений, организаций, граждан стандартам «цифровой зрелости». Наряду с социально значимыми интересами государства – повышение уровня жизни, создание комфортной и безопасной среды для жизни – наблюдается стремительная цифровизация общественных отношений, негативным проявлением которой является контроль частной жизни граждан, зачастую носящий нелегитимный характер.

Таблица 1

Количественная преступлений, связанных с неприкосновенностью частной жизни, в том числе совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2018–2021 гг.

	2018	**2019**	**2020**	**2021**
Всего зарегистрировано преступлений (ст. 137 УК РФ)	518	633	754	918
Зарегистрировано преступлений, свершенных с использованием ИТТ (ст. 137 УК РФ)	432	508	643	756
Удельный вес преступлений, совершенных с использованием ИТТ (ст. 137 УК РФ), %	83,39	80,25	85,27	82,35

Анализ статистических данных, представленных в таблице 1, свидетельствует об увеличении числа преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ, с одновременным ростом противоправных посягательств на неприкосновенность частной жизни, совершенных с помощью информационно-телекоммуникационных технологий.

В период с 2018–2021 гг. преступления, предусмотренные ст. 137 УК РФ, совершенные с использованием ИТТ, в среднем составляли 82,07 % от числа всех зарегистрированных преступных деяний, связанных с неприкосновенностью

[1] © Таранина Е. И., 2022.

частной жизни. Ежегодное увеличение абсолютных и относительных показателей, предусмотренных ст. 137 УК РФ, связано в том числе с общероссийской тенденцией роста преступлений, совершенных указанным способом.

Отметим, что раздел 11 «Сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выявленных и предварительно расследованных» включен в формы федерального статистического наблюдения только лишь в 2018 г. Статистическое закрепление и выделение нового способа совершения преступления подчеркивает, что лица для реализации волевого поведения используют новые методики, последовательность действий, которые принимают массовый характер.

Таблица 2

Сведения о зарегистрованных преступлениях, связанных с неприкосновенность частной жизни, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2018–2021 гг.

	2018	**2019**	**2020**	**2021**
Всего зарегистрировано преступлений (ст. 137 УК РФ)	432	508	643	756
Выявлено сотрудниками ОВД	305	380	475	577
Удельный вес выявленных сотрудниками ОВД, %	70,60	74,80	73,87	76,32

Следует отметить, что предварительное следствие производится следователями следственного комитета по уголовным делам, возбужденным по признакам преступлений, предусмотренным ст. 137 УК РФ, оперативно-разыскная деятельность осуществляется органами внутренних дел. Так, в период с 2018–2021 гг. более 70 % преступлений, связанных с неприкосновенностью частной жизни, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий было выявлено сотрудниками органов внутренних дел. Наибольшая доля выявления преступлений указанного вида сотрудниками ОВД приходится на оперативные подразделения – специальных технических мероприятий (в 2020 г. выявлено 55 преступлений, 2021 г. – 187) и уголовного розыска (2020 г. – 4, 2021 г. – 6).

Статистические сведения о возрастном составе лиц, совершивших преступления, нарушающие неприкосновенность частной жизни с использованием ИТТ демонстрируют, что основной возраст совершения преступлений находится в диапазоне 30–49 лет. Отметим, данный интервал содержит большое количество возрастных значений, что может констатировать наивысшее зарегистрированное значение лиц, совершивших преступления по сравнению с другими возрастными категориями (14–15 лет; 16–17 лет; 18–24; 25–29 лет; 50 лет и старше).

Лица старше 30 лет чаще всего могут относиться к специальным субъектам совершения преступления – должностным лицам, сотрудникам финансово-кредитных и банковских организаций, которым предоставлен доступ к базам данных, содержащие персональные данных, включенные в категорию «информация о частной жизни лица».

Также в качестве возраста совершения преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ статистические формы наблюдения выделяет возрастной интервал

18–24, что отражает наибольшую активность этой возрастной группы в сети Интернет (в 2020 г. выявлено 60 лиц, в 2021 – 82). Лица рассматриваемого возраста совершают преступления при помощи средств мобильной связи (2021 г. – 112 преступлений), сети Интернет (2021 г. – 525 преступлений, социальных сетей (2021 г. – 267 преступлений), средств мгновенного обмена сообщений (интернет-мессенджеров) (2021 г. – 90 преступлений). Спецификой совершения преступлений рассматриваемой категорией является распространение фото- и видеоматериалов (как правило, интимного характера; персональные данные; документы, удостоверяющие личность) в отношении третьих лиц с целью нанести ущерб их чести, достоинству и репутации.

По характеристике социального положения лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 137 УК РФ, наибольшую категорию составляют лица без постоянных источников доходов. Так, прирост данной категории лиц по сравнению с 2020 г. составил 17,57 % (2020 г. – 131; 2021 г. – 154). Для них характерно негативно-пренебрежительное отношение к личности, ее важнейшим благам, в число которых входит неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна. Имея корыстный мотив совершения рассматриваемой группы преступных деяний, преступник нередко распространяет сведения, характеризующие жертву (личные фотографии, видеозаписи, сведения о членах семьи, уровне дохода и адресе регистрации), требуя за несовершение указанных действий передачи чужого имущества – денежных средств.

Рассматривая вопрос об образовательных характеристиках лица, совершающего преступления, связанные с неприкосновенностью частной жизни, полагаем, что уровень полученного образования не оказывает влияние на выбор преступного поведения. Распространение персональных данных может совершить любой человек, вне зависимости от имеющегося документа об образовании, но обладающий приобретенными знаниями и опытом. Владение лицом представлениями о посягательствах на неприкосновенность частной жизни может происходить в любой возрастной период жизни человека.

В заключение отметим, что частная жизнь является важным объектом распространения любых сведений о ней.

В связи с этим принцип законности и разумной достаточности является основным принципом сбора, обработки, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях. Специалисты Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека отмечают, что «цифровая трансформация будет способствовать развитию государства, общества и каждого отдельного человека только при соблюдении прав и свобод человека и гражданина».

Конституционная и уголовно-правовая защита личности, в том числе от распространения информации, носящей недостоверный, унижающий честь и достоинство характер, должна гарантироваться каждому, в том числе при использовании страниц в сети Интернет.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012?ysclid=l7yec7o5wm713439099.

2. Ф. 494 кн. 10. Сводный отчет по России «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений». Раздел 11.

3. Ф. 491 кн. 1. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности».

4. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на тему: «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве».

Титова А. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Габдрахманов Р. Л.****,*
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) криминализует провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ или услуг для государственных или муниципальных нужд (далее – провокация взятки или подкупа) (ст. 304 УК РФ). Согласно статистическим данным рассматриваемая норма на практике встречается довольно редко, а в год по провокации в среднем выносят порядка 1–2 приговоров. Так, по информации, содержащейся на сайте Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации за последние пять лет по данной статье осуждено 10 челок (осуждены по дополнительной квалификации) [1].

Представляется, что подобная ситуация складывается в результате сложностей, возникающих в процессе расследования данной категории дел ввиду неоднозначного изложения диспозиции правовой нормы и ее неверного понимания.

Анализ состава преступления провокации необходим для выявления проблемных вопросов, связанных с практическим применением уголовно-правовой нормы. В рамках данной статьи мы уделим внимание исследованию вопроса объективной стороны состава провокации преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ.

Уголовным законом общее понятие провокации не закреплено. Применительно к ст. 304 УК РФ под провокацией понимается попытка передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации, лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, либо лицу, указанному в части первой ст. 200.5 УК РФ (далее – должностное лицо), без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа.

Объективная сторона исследуемого состава преступления выражена в активных действиях провокатора и представляет собой попытку передачи предмета

---

[1] © Титова А. С., 2022.

провокации взятки или подкупа либо попытку оказания услуг имущественного характера, являющихся предметом провокации взятки или подкупа.

В русскоязычном понимании слово «попытка» означает действие, направленное к осуществлению или достижению чего-нибудь и связанное с некоторым риском, неуверенностью в успехе [2].

Состав преступления с точки зрения конструкции объективной стороны провокации взятки или подкупа представляется формальным, поскольку в диспозиции рассматриваемой статьи законодатель не указывает на необходимость наступления последствий в результате совершения противоправного деяния. В то же время некоторыми специалистами поддерживается позиция, определяющая состав провокации взятки или подкупа как усеченный [3].

Конструкция состава преступления определяет момент окончания конкретного преступления. Как известно из теории уголовного права, преступное деяние, состав которого сформулирован как формальный, является оконченным с момента совершения определенных диспозицией уголовно-правовой нормы действий [4].

Таким образом, полагаем, что моментом окончания провокации взятки или подкупа является именно попытка передачи предмета преступления или попытка оказания услуг, составляющих предмет провокации.

Однако позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации сводится к тому, что провокация взятки или подкупа является оконченным преступлением с момента передачи хотя бы части имущества либо начала оказания услуг имущественного характера [5]. Такой правоприменительный подход к определению момента окончания преступления, на наш взгляд, противоречит содержанию диспозиции ст. 304 УК РФ и конструкции состава преступления.

Способы совершения провокации взятки или подкупа законом не определены, поэтому могут быть любыми. Отметим, что чаще всего в правоприменительной практике встречаются случаи подбрасывания предмета взятки или подкупа в карманы одежды, сумки, на рабочее место, в автомобили, переводы денежных средств на лицевой счет потерпевшего [6, с. 88].

Одним из обязательных признаков объективной стороны состава провокации взятки или подкупа выступает отсутствие согласия должностного лица на получение предмета провокации взятки или подкупа. На основании данного признака осуществляется отграничение провокации взятки или подкупа от непосредственно дачи взятки или коммерческого подкупа.

Отсутствие согласия потерпевшего на получение предмета подкупа или взятки предполагает, что оно открыто либо путем каких-либо намеков не выразило намерение получить вознаграждение, и факт отсутствия такого согласия должен осознаваться провокатором. Весьма значимым моментом выступает и то обстоятельство, что потерпевший не знает и не осознает, что в отношении него осуществляется провокация в целях искусственного создания доказательств совершенного преступления либо шантажа.

Вопрос о наличии состава преступления в случае согласия должностного лица на получение предмета провокации в науке уголовного права является

спорным. Некоторые специалисты отмечают, что законодатель формулировкой диспозиции как «попытка передачи» переносит момент окончания преступления на более ранний период, и при таком положении реакция (принятие или отказ) должностного лица не имеет значения для квалификации содеянного по ст. 304 УК РФ [7, с. 314].

Вместе с тем, как нами уже отмечалось выше, отсутствие согласия должностного лица – это обязательный признак объективной стороны, исключение которого не позволяет квалифицировать содеянное как провокацию. В связи с этим правоприменителю во всех случаях необходимо проверять факт отсутствия предварительной договоренности между провокатором и должностным лицом.

Список литературы

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2021 гг. // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

2. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова // URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54152.

3. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп.

4. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. Городец, 2006.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

6. Любавина М. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 с изменениями, внесенными постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 3 декабря 2013 г. № 33. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2014.

7. Волженкин Б. В. Служебные преступления: научно-практический комментарий. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2005.

Трошкина Д. Э.[1],
адъюнкт адъюнктуры
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина

Научный руководитель: ***Сафронова Е. В.****,*
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина,
доктор юридических наук

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Революционная законность ярко прослеживается в период становления советского государства. Данное понятие подразумевало «соблюдение не только законов, изданных рабоче-крестьянским правительством, но и проведение на их основе революционного правосознания в интересах трудящихся масс, а за отсутствием в законе указания на тот или иной случай в жизни, разрешение его на основе того же правосознания в соответствии с общим духом политики» [1]. Необходимость в революционной законности была вызвана борьбой с гражданами, не поддерживающими советскую власть, так называемыми врагами народа. Что позволило большевикам законодательно регламентировать репрессии, проводимые в отношении данных граждан, и значительно расширить круг полномочий как судебным органам власти, так и органам, осуществляющим противодействие контрреволюции.

Определяя сущность революционной законности в советском государстве, В. А. Рыбаков утверждает, что она проявляется через ее особенности, к которым он относит классовость, политизированность, революционную целесообразность и революционное правосознание [3, с. 59].

Классовый характер революционной законности единообразно подтверждается мнениями многих ученых. Так, В. А. Рыбаков полагает, что классовость законности обусловлена «сущностью советского права», заключающегося в установлении диктатуры пролетариата как «средства подавления политических противников» [3, с. 59]. В свою очередь А. В. Григорьев отмечает, что содержание революционной законности определяется классовой борьбой, поэтому считается, что «законность должна служить не интересам всего общества, а интересам рабочих и крестьян» [1]. В. В. Никулин утверждает, что классовое толкование права позволяло определять «законность как волю господствующего класса», которая соответствовала политике коммунистической партии, тем самым предоставляя возможность государству действовать в случае необходимости за пределами правового законодательства [5, с. 12].

---

[1] © Трошкина Д. Э., 2022.

Стоит отметить, что революционная законность явление во многом политизированное и идеализированное [3, с. 58]. Политика большевиков основывалась на марксистско-ленинской идеологии, позволяющей раскрыть социальную ценность и политическую направленность правоприменительных органов, обеспечивающих социалистический правопорядок. В связи с этим волеизъявление советской власти, выраженное в декретах, постановлениях, распоряжениях, инструкциях и т. д. поддерживалось революционной законностью.

Революционная законность нашла свое отражение в первых актах советской власти. Согласно уголовному законодательству РСФСР государственные преступления были подсудны революционным трибуналам (п. «а» ст. 28 УПК РСФСР) [9], которые в своей деятельности руководствовались инструкцией НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» [2, с. 181]. В соответствии с п. 2 данной инструкции революционный трибунал определял меру наказания за контрреволюционные преступления, «руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести». Данный нормативный акт подчеркивает тот факт, что основополагающим критерием в деятельности судебных органов являлось революционное правосознание, а не норма права.

Постановление VI Всероссийского чрезвычайного съезда советов рабочих и крестьянских депутатов от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов» на законодательном уровне закрепило положение о революционной законности. Согласно указанному нормативному акту для борьбы с контрреволюцией допускается «принятие экстренных мер, непредусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него». Указанные меры, «отступающие от законов РСФСР или выходящие за их пределы», могут быть допустимы при соблюдении двух условий: первое – «формальным установлением наличности условий, требующих выхода из пределов закона», второе – «сообщением соответствующего заявления в Совет Народных Комиссаров, с копией, для местных и заинтересованных властей».

Революционная законность неразрывно связана с революционной целесообразностью. Последняя была особенно важна для советской власти, так как она в случае необходимости позволяла руководствоваться непосредственно директивными указаниями, а не нормами права. По мнению В. В. Никулина, достаточно трудно найти взаимосвязь между «революционной законностью» и «революционной целесообразностью», поскольку данные понятия не имеют ничего общего, а являются прямо противоположными [5, с. 12]. Революционная законность предполагает точное и неукоснительное соблюдение закона, в свою очередь революционная целесообразность подразумевает достижение политических целей, пренебрегая при этом законом.

Одним из примеров применения принципа революционной целесообразности является деятельность местных административных органов. Так, в статье «Революционная законность или революционная целесообразность» журнала «Ежене-

дельник Советской Юстиции» 1925 г. обращается внимание на применение законодательства об избирательном праве местными органами власти согласно «местным условиям». Перед местной администрацией была поставлена задача в лишении избирательных прав около 30 % граждан. Для ее выполнения должностные лица, руководствуясь революционной целесообразностью, лишали граждан избирательных прав по мотивам религиозной или классовой принадлежности. Данные сведения свидетельствуют об игнорировании законодательства в сфере избирательной системы. Как отмечает автор данной статьи, «нецелесообразно и далее вредно оставлять какие бы то ни было неясности и лазейки для толкования – решать ли по закону или так, как кажется для данной местности целесообразней» [4, с. 1575].

Одной из особенностей революционной законности является революционное правосознание, которое закрепилось как источник права в советских нормативных актах. Так, декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» [6] обязывал суды местного уровня руководствоваться в своей деятельности революционной совестью и революционным правосознанием. Декрет СНК РСФСР от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» содержал положение о рассмотрении судами гражданских и уголовных дел в соответствии с социалистическим правосознанием [7]. Декрет СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде» прямо указывал на применение социалистической совести местными народными судами при назначении наказания [8]. Тем самым революционное правосознание стало основополагающим принципом в деятельности судов, а также определяющим критерием при толковании и исполнении советского законодательства.

Таким образом, революционная законность в советском государстве прочно закрепилась в правоприменительной деятельности государственных органов власти. Интерпретация закона на основе революционной законности сводилась к соблюдению не только законов, изданных рабоче-крестьянским правительством, но и к применению наиболее целесообразных мер, не противоречащих советской политической доктрине.

Список литературы

1. Григорьев А. В. Принцип революционной законности и его реализация советской властью // Государство и право в эпоху революционных преобразований (к 100-летию революции в России). Материалы международной научно-практической конференции. URL: https://law.wikireading.ru/73173.

2. Инструкция НКЮ РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917–1918. № 12. Ст. 170.

3. Рыбаков В. А. Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 58–62.

4. Зайцев П. Революционная законность или революционная целесообразность // Еженедельник Советской Юстиции. 1925. № 52. С. 1573–1575.

5. Никулин В. В. От чрезвычайного права к «революционной законности». Формирование концепции «революционной законности» в советской правовой доктрине // Право: история и современность. 2020. № 4 (13). С. 7–16.

6. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917–1918. № 4. Ст. 50.

7. Декрет СНК РСФСР от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917–1918. № 26. Ст. 347.

8. Декрет СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917–1918. № 52. Ст. 589.

9. Постановление III сессии ВЦИК от 25 мая 1922 г. «Об Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

Христофорова С. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Дайшутов М. М.****,*
начальник кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРИНУЖДЕНИЮ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

Права и законные интересы граждан обеспечиваются благодаря действующему функционированию различных государственных институтов, среди которых немаловажным является институт правосудия. Эффективное осуществление правосудия может быть реализовано только тогда, когда должностными лицами, вовлеченными в эту деятельность, неукоснительно соблюдаются требования законов. Так, в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 г. отражено, что «не имеют права требовать соблюдения прав человека от других те, кто сам их не уважает, не соблюдает и не может обеспечить» [1].

На сегодняшний день достаточно большое внимание уделено проблемам, связанным с неправомерными действиями сотрудников правоохранительных органов. Опасность таких действий заключается в том, что они посягают как на законные права и свободы граждан, так и на интересы самого государства, в том числе правосудия.

Такие негативные явления со стороны лиц, призванных противоборствовать преступности, вызывают крайне отрицательную реакцию со стороны общественности к правоохранительным органам, дестабилизируют авторитетность судебных органов, целями которых являются надлежащая реализация и справедливое обеспечение законности.

Любые случаи посягательств на интересы правосудия, независимо от форм их проявления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, влекут за собой недоверие граждан ко всей судебной системе, а также к государству, обязанностью которого является реализация силы законов и поддержание правопорядка.

Беззаконие, несправедливость, а также принуждение в тех или иных его проявлениях со стороны представителей власти негативно влияют на все общество. Свыкаясь с такими неприемлемыми явлениями, общество воспринимает их как нечто обыденное. И эти обстоятельства негативно влияют на эффективность мер, направленных на противодействие указанным противоправным деяниям.

---

[1] © Христофорова С. А., 2022.

Важную роль в системе мер, сосредоточенных на укреплении законности и правопорядка, играет совершенствование института уголовно-правового регулирования общественных отношений в сфере правосудия, что способствует укреплению процессуальных гарантий от нарушений прав и свобод человека и гражданина, а равно эффективному противодействию преступности. Этим и объясняется ужесточение уголовной ответственности за посягательства на интересы правосудия со стороны лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Так, действующим уголовным законодательством определен круг таких посягательств, одним из которых является принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ).

Актуальность изучения данной уголовно-правовой нормы, как верно в своих научных трудах отмечают И. Ю. Бунева [2], А. А. Калашникова [3], Ю. И. Кулешов [4], Е. А. Авдеева [5], В. Л. Кудрявцев [6], заключается в немногочисленной практике ее применения. На что указывают и статистические данные, согласно которым в период с 2015 по 2021 г. было зарегистрировано всего девять преступлений указанной категории [7], несмотря на то, что фактическая распространенность указанного противоправного явления значительно больше. К такому выводу мы приходим исходя из анализа изученной судебной практики, свидетельствующей о многочисленности жалоб граждан на подобного рода действия сотрудников, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам. Изученные судебные решения указывают на то, что такие нарушения законности вызваны стремлением правоприменителей к «выполнению перспективы», «поддержанию статистики» по раскрытию и расследованию преступлений.

Кроме того, в следственной практике существуют сложности, связанные с расследованием уголовных дел данной категории. Они обусловлены различными причинами, среди которых целесообразно отметить: отсутствие или недостаточность доказательств, подтверждающих виновность лица; противодействие со стороны субъекта данного преступления, а так же его защиты и т. д. Многие из таких дел не доходят до суда и прекращаются еще на стадии предварительного следствия по причине недоказанности вины потенциального субъекта преступления. Как следствие, неслучайно то обстоятельство, что количество уголовных дел указанной категории, направленных в суд с обвинительным заключением, единично. К такому выводу мы приходим исходя из статистических сведений, которые указывают на тот факт, что в тот же период времени (с 2015 по 2021 г.) в суд было направлено лишь четыре уголовных дела [7].

Сопоставив представленные данные о количестве зарегистрированных преступлений и количестве уголовных дел, направленных в суд, следует отметить, что пять преступлений из общего числа зарегистрированных, так и не нашли своего доказательственного подтверждения.

Указанные факты свидетельствуют о сложности противодействия данному противоправному явлению. Это обстоятельство обусловлено множеством причин, одной из которых является законодательное несовершенство рассматриваемой уголовно-правовой нормы, что вызывает определенные трудности у работников практических органов, реализующих данную норму в своей правоприменительной деятельности.

Рассмотрим один из примеров правового пробела в регулировании общественных отношений, охраняемых ст. 302 УК РФ.

Так, в соответствии с вышеназванной статьей, уголовно наказуемым признается принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний [8]. Показания и заключения обозначенных лиц, согласно ст. 74 УПК РФ, относятся к числу доказательств по уголовному делу [9]. Соотнеся указанные нормы, можно сделать вывод о том, что они абсолютно не противоречат друг другу, однако несмотря на это, спорный вопрос все же возникает.

И это связано с тем, что к числу доказательств, наряду с вышеуказанными, законодатель относит «иные документы». Понятие «иные документы» достаточно многозначно, но, как правило, под таким следует понимать любые сведения, которые имеют значение для уголовного дела, оформленные в письменном виде. К таковым допустимо отнести явку с повинной, в которой подозреваемый излагает сведения о совершенном деянии, тем самым показывая свою признательную позицию. В последующем указанные сведения, закрепленные в протоколе явки с повинной, как известно, учитываются судами при рассмотрении уголовных дел и назначении виновному соответствующего наказания. Однако, учитывая практической опыт, можно заметить, что явка с повинной не всегда бывает получена надлежащим образом. Нередки случаи, когда она получена от подозреваемого путем применения различных незаконных действий, связанных с нарушением требований УПК РФ. В нашем случае к таким отнесены: принуждение, совершенное путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, а также принуждение, соединенное с применением насилия, издевательств или пытки.

Полученные таким путем доказательства, как известно, признаются недопустимыми как на уровне Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 50) [10], так и на уровне УПК РФ (ч. 3 ст. 7, ч. 1 ст. 75) [9]. Подобным доказательствам характерно создание условий для вынесения неправосудного приговора или судебного решения, а также осуждения невиновного, а это влечет за собой ущерб интересам правосудия [11, 12].

Таким образом, на основании вышеизложенного полагаем, что целесообразно внести в диспозицию исследуемой статьи дополнения, касающегося сведений, закрепленных в иных документах и имеющих доказательственное значение по уголовному делу. При этом под такими сведениями, применительно к ст. 302 УК РФ, следует понимать информацию о расследуемом преступлении. Эти сведения должны быть закреплены в процессуальном документе, относящемся, в соответствии со ст. 74 УПК РФ, к «иным документам», являющимся доказательствами [9]. К таким сведениям, на наш взгляд, следует относить: явку с повинной, расписку, ходатайство, а также другие документы, имеющие важное значение для всестороннего расследования уголовных дел.

Учитывая вышеизложенное, предлагается изложить данную уголовно-правовую норму в следующей редакции: «…специалиста к даче заключения или показаний, а равно к предоставлению сведений, содержащихся в иных документах, имеющих значение для уголовного дела, путем…».

Список литературы

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53088/?ysclid=l7yfnq2vag687928570.

2. Бунева И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2000.

3. Калашникова А. А. Принуждение к даче показаний: Уголовно-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.

4. Кулешов Ю. И. Преступления против правосудия: Проблемы теории, законотворчества и правоприменения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007.

5. Авдеева Е. А. Принуждение к даче показаний: Причины и меры предупреждения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

6. Кудрявцев В. Л. Принуждение к даче показаний (состав преступления) как обстоятельство, исключающее допустимость доказательства (вопросы теории и практики) : монография. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018.

7. Сведения Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр МВД России».

8. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=l7yfrgi3v8446090694.

9. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7yfty1zr5428386429.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7pur6okle379445320.

11. Кудрявцев В. Л. Проблемы установления истины через механизм доказывания в контексте деятельности государственного обвинителя в суде // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 61–70.

12. Кудрявцев В. Л. Некоторые вопросы допустимости доказательств в контексте назначения уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Российский следователь. 2012. № 24. С. 2–5.

13. Щетинина Н. В. Актуальные аспекты применения статьи 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (22). С. 91–94.

Чан Ф. Л.[1],
аспирант кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Научный руководитель: ***Понятовская Т. Г.***,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

В главе VI УК СРВ 2015 г. закрепляется система наказаний, в том числе 16 статей от ст. 30 до ст. 45. Эти статьи имеют особо важную роль в отражении уголовную политику СРВ. Понятие системы наказаний в УК СРВ отсутствует, но некоторые ученые по юриспруденции установили, что полная система наказаний должна иметь следующие характерные признаки: 1) перечень наказаний, указанных в Уголовном кодексе; 2) определенный порядок, отражающий жесткость каждого наказания [4, с. 293–295; 5]. Эти признаки отражены и в понятии системы наказаний, описанной А. В. Наумовым: «Системой наказаний является установленный в уголовном законе исчерпывающий перечень видов наказаний, расположенных в определенном порядке» [2, с. 564].

Система наказаний формируется из основных и дополнительных наказаний, в том числе наказаний для физических лиц и наказаний для коммерческих юридических лиц, совершивших преступления. Основное наказание отличается от дополнительного применимостью за каждое преступление. Основное наказание применяется независимо от дополнительного наказания и назначается отдельно за каждое совершенное преступление. Дополнительное наказание не может применяться отдельно, а соединяется с основным видом наказания. Суд может применить одно или несколько дополнительных наказаний помимо применения одного основного наказания. Можно сказать, что кодификация системы наказаний во вьетнамском уголовном праве находилась под сильным влиянием прежнего советского уголовного законодательства и действующего уголовного законодательства Российской Федерации

Наказания, применяемые к физическим лицам, включают семь основных и семь дополнительных [3]. К основным наказаниям для физических лиц относятся: предупреждение; штраф; исправительные работы без лишения свободы; выдворение за пределы СРВ иностранного гражданина или лица без гражданства; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь. Их можно разделить на наказания, не связанные с лишением свободы (предупреждение, штраф, исправительные работы без лишения свободы,

---

[1] © Чан Ф. Л., 2022.

выдворение за пределы СРВ иностранного гражданина или лица без гражданства), наказания в виде лишения свободы (лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы) и специальные наказания (смертная казнь). К дополнительным наказаниям для физических лиц относятся: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; запрет проживать в определенном месте; испытательный срок (пробация); лишение некоторых прав граждан; конфискация имущества; штрафы и выдворение за пределы СРВ иностранного гражданина или лица без гражданства. Особенно выдворение и штраф – это два наказания, которые могут применяться как в качестве основного, так и дополнительного наказания в конкретных случаях.

Положения о наказании в Уголовном кодексе СРВ 2015 г. являются конкретным проявлением институционализации руководящих принципов и направлений Коммунистической партии Вьетнама в отношении со судебной реформой. В частности, следующей точки зрения: «Основные направления реформы уголовного законодательства: сокращения применения наказаний в виде лишения свободы; расширения применения штрафов и мер наказания, не связанных с лишением свободы, за отдельные виды преступлений. В то же время ограничение применения смертной казни в сторону применения ее лишь к нескольким видам особо тяжких преступлений» [6]. Внесение изменений и дополнений в нормах о системе наказаний в Уголовном кодексе СРВ 2015 г. было сосредоточено на основных вопросах: 1) сужение сферы применения смертной казни; 2) сужение применения лишения свободы на определенный срок; 3) увеличение применения штрафов; 4) сужение сферы лишения избирательных прав – одного из прав, отнимаемых под угрозой лишения некоторых прав граждан; 5) совершенствование исправительных работ без лишения свободы для повышения гуманности, целесообразности и эффективности этого наказания.

При изучении данной темы необходимо упоминается система наказаний, применимая к несовершеннолетним, совершившим преступление. Согласно УК СРВ 2015 г. лица, не достигшие ко времени совершения преступления 18-летнего возраста, подлежат уголовной ответственности за несколько преступлений. К ним применяются не все, а только ряд видов наказаний, в том числе: предупреждение; штраф; исправительные работы без лишения свободы; лишение свободы на определенный срок [3]. При этом никакие дополнительные наказания к ним применяться не могут. Кроме того, при применении наказаний: штраф; исправительные работы без лишения свободы; лишение свободы на определенный срок для лиц, не достигшего восемнадцати лет также мягче, чем для других субъектов. Это объясняется тем, что это особый субъект, наказания к которому служат цели воспитания и создают им возможность становлении полезными гражданами для общества [3].

Вместе с тем вводится (при определении понятия преступления) новый субъект совершения преступления (наряду с физическим лицом) – коммерческое юридическое лицо (ч. 1 ст. 8). В УК СРВ 2015 г. для осужденных коммерческих юридических лиц предусмотрены как три основных, так и три дополнительных вида наказаний в системе видов наказаний [1]. К основным видам наказания для коммерческих юридических лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, относятся: штраф; приостановление деятельности на определенный срок; постоянное приостановление деятельности [3]. К дополнительным наказаниям для

коммерческих юридических лиц относятся: штраф; запрет на деятельность в определенных областях; запрет на привлечение капитала. В частности, штраф только что был прописан в качестве основного и дополнительного наказания, применяемого в отдельных случаях. Это новая норма Уголовного кодекса СРВ 2015 г. по сравнению с предыдущими, потому что впервые коммерческое юридическое лицо определяется как субъект преступления, подлежащий уголовной ответственности и, как следствие, наказанию.

Таким образом, следует сделать следующие выводы:

Во-первых, система наказаний в Уголовном кодексе СРВ состоит из основных и дополнительных наказаний. Наказания в Уголовном кодексе СРВ расположены в порядке возрастания строгости.

Во-вторых, наказания осужденным назначаются все более гуманно, обеспечивая права человека и гражданина и повышение эффективности их практического применения.

В-третьих, система наказаний, применяемая к несовершеннолетним, совершившим преступления, преследует цель воспитания и помощи им в исправлении своих ошибок, здоровом развитии и становлении полезными гражданами для общества.

В-четвертых, по-новому построена система наказаний для коммерческих юридических лиц, совершивших преступления.

Список литературы

1. Ле Ван Кам, Нгуен Тхи Лан. Уголовное законодательство Вьетнама после третьей кодификации: некоторые новые главные особенности норм Общей части // Вестник СПбГУ. Право. 2017. Т. 8. Вып. 4. С. 452–458.

2. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.

3. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г. (принят 27.11.2015, вступил в силу 01.7.2016) // Thư viện pháp luật: [сайт]. URL: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx.

4. Уголовное право Вьетнама. Части Общая : учебник для бакалавров / отв. ред. Нгуен Нгок Хоа. 24-е изд., перераб. и доп. Ханой, Ханойский юридический университет, Народная полиция, 2018.

5. Ле Ван Кам, Чинь Тиен Вьет, Текущее состояние положений уголовного законодательства Вьетнама о системе наказаний и направления совершенствования // Научный журнал Вьетнамского национального университета. Серия Экономика. Юриспруденция. 2008. № 24. С. 206–217.

6. Резолюция Политического бюро Коммунистической партии Вьетнама от 2 июня 2005 г. NQ49-NQ/TW «О стратегии судебной реформы до 2020 г.» // Hội luật gia Việt Nam: [сайт]. URL: http://hoiluatgiavn.org.vn/nghi-quyet-so-49-nqtw-ngay-02-thang-06-nam-2005-cua-bo-chinh-tri-ve-chien-luoc-cai-cach-tu-phap-den-nam-2020-d563.html.

Чернова К. Б.[1]*,*
курсант международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Колбасина Е. Е.****,*
доцент кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Интернет – одно из самых влиятельных технологических изобретений сегодняшнего дня, присутствующее в повседневной жизни почти каждого человека на Земле. Миллионы людей подключены к киберпространству, и каждый день еще тысячи попадают в онлайн-мир. Интернет не только произвел революцию в том, как мы взаимодействуем с другими людьми и учимся, он навсегда изменил наш образ жизни. Динамичное внедрение новейших технологий в повседневную жизнь приводит не только к положительным изменениям, но и к ряду негативных тенденций и явлений, суммарно получивших свое выражение в последовательном росте статистических показателей совершения так называемых киберпреступлений.

Киберпреступления – это новый вид преступлений, которые совершаются с использованием компьютера, компьютерной сети или сетевого устройства. Киберпреступность отличается от обычной преступности, и в силу того, что она совершается с помощью электронного носителя, процесс отслеживания и идентификации преступника значительно затрудняется. Преступникам не нужен компьютер для совершения мошенничества, торговли детской порнографией и интеллектуальной собственностью или кражи личных данных. Все эти деяния существовали и до того, как префикс «кибер» стал повсеместным. Необходимо отметить, что киберпреступность, особенно связанная с глобальной сетью Интернет, представляет собой расширение существующего преступного поведения наряду с некоторыми новыми незаконными действиями. К наиболее распространенным видам киберпреступлений относятся мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) [6], распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ).

В криминологии существует ряд теорий, пытающихся объяснить причины преступного поведения людей. Хотя изначально эти теории предназначались для объяснения преступлений, совершенных в «реальном мире», их также возможно применять и к киберпреступности. Среди множества теорий наиболее интересными по отношению к киберпреступлениям представляются теория социального

[1] © Чернова К. Б., 2022.

научения, теория низкого самоконтроля, теория общего напряжения и гипотеза фрустрационной агрессии [4, с. 302].

Теория социального научения нашла свое отражение в работах Рональда Айкерса [3]. Это общая теория преступности, которая использовалась для объяснения разнообразных форм преступного поведения. Эта работа воплощает в себе четыре фундаментальные предпосылки, которые включают дифференциальную ассоциацию, определение закона, дифференциальное подкрепление и иммитацию. Теория социального научения основана на идее о том, что люди развивают мотивацию и навыки для совершения преступления посредством общения с другими людьми, вовлеченными в преступление (т. е. с лицами, занимающимися преступной деятельностью подобного рода). Рональд Айкерс предположил, что девиантное поведение человека определяется мерой влияния поощрения (позитивного подкрепления) или наказания (негативного подкрепления). Относительно киберпреступности исследования показали, что теория социального обучения может объяснить развитие и текущую проблему компьютерного пиратства. В своем исследовании пиратства программного обеспечения Дж. Баррусс обнаружил, что люди, которые общаются с лицами, занимающимися незаконным копированием и распространением программного обеспечения, учатся и впоследствии перенимают преступное поведение. Пиратство требует определенной степени навыков и знаний, для обучения которым человек обращается к более «опытным» преступникам. Кроме того, они рационализируют свое преступное поведение и создают сайты и форумы, которые связывают и обучают других людей необходимым навыкам. Исследование также показало, что люди с большей вероятностью будут заниматься пиратством программного обеспечения, когда видят, что другие получают положительное подкрепление за их незаконную деятельность [1, с. 1157–1184]. Таким образом, основная идея теории социального обучения заключается в том, что мы становимся теми, кто мы есть, в зависимости от нашего окружения, и данная теория применима для объяснения преступлений в сфере киберпространства.

В то время как теория социального научения подчеркивает важность внешних факторов, влияющих на преступную деятельность, теория низкого самоконтроля утверждает, что личностные качества являются ключевым фактором, лежащим в основе преступности [2]. Эта теория была первоначально разработана криминологами Майклом Готтфредсоном и Трэвисом Хирши. Они предположили, что их теория самоконтроля может объяснить все виды преступлений во все времена. Для лиц с низким самоконтролем характерны склонность к риску, недальновидность, импульсивность, предпочтение простых и легких задач. Эти характеристики препятствуют способности человека точно рассчитывать последствия своих действий. Согласно этой теории преступление рассматривается как средство получения немедленного удовлетворения, исходя из того, что люди с низким самоконтролем действуют импульсивно – без долгих размышлений и основываясь на том, что они чувствуют в данный момент, не учитывая последствия своих действий. Характеристики низкого самоконтроля можно применить к некоторым простым формам киберпреступности, например мошенничеству.

Общая теория напряжения Роберта Агнью предполагает, что напряжение приводит к негативным эмоциям, которые в свою очеред могут привести к ряду результатов, включая преступления [5]. Конкретные напряжения, обсуждаемые в теории, включают неспособность достичь положительно значимых целей (например, денег), устранение положительно значимых стимулов (например, потеря ценного имущества) и представление отрицательно значимых стимулов (например, физическое насилие). По словам Роберта Агнью, напряжение не приводит к преступлению напрямую, а скорее вызывает негативные эмоции, такие как агрессия и разочарование. Это напрямую связано с гипотезой фрустрационной агрессии психологов Йельского университета [7]. Они считали, что гнев предшествует разочарованию, а разочарование может проявляться как в агрессивном, так и в неагрессивном поведении. В свою очередь эти негативные эмоции требуют ответных реакций как способа снятия внутреннего давления. Наиболее актуальной эта проблема представляется среди молодежи вследствие уязвимости и невозможности себя защитить в полной мере одной частью подростков и излишней жестокости и желания занять лидерское положение в иерархии – другой. Наиболее наглядно, учитывая современные реалии распространенности социальных сетей, это выражается в кибербуллинге.

Кибербуллинг – это серьезная и актуальная проблема, возникающая, когда молодые люди используют цифровые технологии для преследования и травли своих сверстников. В цифровой среде есть некоторые уникальные элементы, которых нет в реальном мире, например: анонимность преследователя, быстрота распространения информации, неограниченная аудитория и постоянство. Эта новая технология позволяет атаковать жертв в любое время, а анонимность киберпреступников затрудняет их идентификацию.

Подводя итог вышесказанному, стоит сказать о том, что информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью жизни современного человека. Динамичное внедрение цифровых технологий во многие сферы общественной жизни неумолимо приводит к трансформации и развитию новых форм преступного поведения – киберпреступности. В попытках объяснить преступное поведение криминологи разрабатывают различные теории, такие как теория социального научения, низкого самоконтроля, общего напряжения и гипотезу фрустрационной агрессии. Нам представляется, что преступное поведение невозможно полностью объяснить одной теорией; это требует сочетания различных положений. Отдельные аспекты каждой теории могут использоваться вместе, чтобы компенсировать то, что каждая отдельная теория не могла объяснить. Например, теория социального научения считает, что о возможности преступного поведения начинают задумываться через общение с лицами, единожды или систематически нарушающими закон. Однако в данном случае сложно ответить на вопрос: применима ли теория социального обучения ко всем типам киберпреступлений или лишь к определенным.

Таким образом, существующие концепции объяснения преступного поведения наиболее полно охватывают весь спектр причин и условий лишь в совокупности друг с другом. Тенденции развития современного общества и усиление

влияния цифровых технологий на жизнь современного общества обусловливают необходимость понимания преступного поведения для наиболее эффективной профилактики преступной деятельности.

Список литературы

1. Оценка влияния более полной модели социального научения и теории низкого самоконтроля на пиратство программного обеспечения / Дж. Баррусс, В. Босслер, М. Адам, Холт Томас Дж // Crime and Delinquency. 2012. № 59 (5). С. 1157–1184.

2. Васильев Ф. П. Ограничения имплементации общей теории преступлений Готтфредсона и Хирши // Юридическая наука. 2019. № 1.

3. Комлев Ю. Ю. Развитие теории социального научения и профилактика терроризма // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1.

4. Комлев Ю. Ю. Теории преступности : учебное пособие. Казань : КЮИ МВД России, 2013.

5. Плетнев А. В. Эвристический потенциал теории аномии в современной криминологии // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 9 (41).

6. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c193654ae5c3bd5b02d92ade18796cd8864ec353/.

7. Шестакова Е. Г. Фрустрационные теории агрессии (к истории проблемы) // Сибирский психологический журнал. 2009. № 33.

Юдина У. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Кадников Н. Г.***,
профессор кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ ОБ ОТГРАНИЧЕНИИ УМЫШЛЕННЫХ УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ОТ ВАНДАЛИЗМА

Дифференциация уголовной ответственности предполагает разграничение смежных составов преступлений в рамках уголовного закона. Такая дифференциация осуществляется с помощью определенных средств в рамках Особенной части УК РФ. По мнению многих ученых, они представляют собой квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, санкции статей и другие.

Уничтожение и повреждение чужого имущества могут выступать в качестве самостоятельных составов преступлений, предусмотренных общими нормами – ст.ст. 167 и 168 УК РФ, а также специальными нормами – ст.ст. 214, 243, 243.4, 244, 260, 261, 346, 347 и другими статьями УК РФ. Данные деяния могут являться способом совершения преступлений, например, предусмотренных ст.ст. 195 и 205 УК РФ, и в качестве квалифицирующих признаков других преступлений.

В практической деятельности зачастую возникают сложности при квалификации преступлений, смежных по составу, в связи с чем необходимо разработать критерии их отграничения.

Особое внимание следует обратить на отграничение умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) от вандализма (ст. 214 УК РФ). Первое относится к преступлениям против собственности (глава 21 УК РФ), второе – к преступлениям против общественной безопасности (глава 24 УК РФ).

Исследуемые преступления следует отличать по субъективным и объективным признакам. Субъектом преступлений, предусмотренных ст. 214 УК РФ и ч. 2 ст. 167 УК РФ, является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет, тогда как предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ – 16 лет. Однако, на наш взгляд, лицо и в 14 лет в полной мере может осознавать фактическую опасность совершаемых им умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, повлекших причинение значительного ущерба. Отличие следует проводить и по субъективной стороне преступления: в рамках ст. 167 УК РФ предусмотрен прямой и косвенный умысел, в рамках ст. 214 УК РФ – исключительно прямой.

---

[1] © Юдина У. С., 2022.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся по поводу соблюдения права собственности физического или юридического лица. При совершении рассматриваемого деяния виновный осознает, что своими действиями в виде умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества он посягает на вышеуказанные общественные отношения, лишая собственника или иного законного имущества права владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом. Предметом рассматриваемого преступления, по мнению Н. Г. Кадникова, является чужое имущество, на которое у виновного отсутствуют права: объекты материального мира, имеющие стоимостный эквивалент [3, с. 130]. Мы поддерживаем данную позицию и отмечаем, что в область предмета указанного преступления не входит совместно нажитое имущество супругов, бесхозяйные вещи и то имущество, которое является предметом других преступлений, предусмотренных специальными нормами УК РФ, в частности ст. 214 УК РФ. По мнению Л. Д. Гаухмана, непосредственный объект вандализма – общественные отношения, обеспечивающие общественный порядок – порядок использования общественного имущества неопределенным кругом лиц [8, с. 564], тогда как отношения собственности представляют собой дополнительный объект указанного преступления [9, с. 260]. Полагаем, что это совершенно правильная позиция. Предметом вандализма являются здания или иные сооружения, а также имущество, находящееся на общественном транспорте или в иных общественных местах.

Кроме того, отличие следует проводить и по объективной стороне составов преступлений. Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, составляют деяния в виде уничтожения или повреждения чужого имущества. Объективная сторона вандализма включает в себя осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Законодатель использует следующие понятия: уничтожение и повреждение (ст. 167 УК РФ), осквернение и порча (ст. 214 УК РФ). Следует подробнее рассмотреть данные термины. Исходя из позиций большинства ученых [6, с. 284; 4, с. 437; 10, с. 225–226; 11, с. 256–257], следует отметить, что при повреждении имущества последнее изымается из экономического оборота временно, и его свойства могут быть восстановлены при определенных затратах на ремонт, а при уничтожении имущество изымается навсегда и оно не может быть восстановлено или использоваться по назначению. В науке уголовного права есть различные точки зрения по поводу определения понятия «порча» [7, с. 212–215; 5, с. 123–125; 2, с. 117–120]. Суммируя все научные позиции, отметим, что порча имущества представляет собой вид повреждения, предполагающий изменение эстетического вида имущества с сохранением возможности использования его по назначению, а причиненный собственнику или иному законному владельцу имущества в результате его порчи ущерб не является значительным. По мнению большинства ученых, осквернение предполагает придание зданиям, сооружениям или их частям оскорбительного для общественной нравственности вида, например, посредством нанесения надписей

непристойного содержания [4, с. 621; 10, с. 504; 5, с. 123]. Как отмечает О. С. Пашутина, осквернение имущества, не относящееся к зданиям и иным сооружениям, может быть квалифицировано как уничтожение или повреждение чужого имущества [5, с. 123]. Стоит согласиться с указанным автором, однако, на наш взгляд, следует учитывать такое последствие, как причинение значительного ущерба.

По мнению А. Г. Безверхова и И. Г. Шевченко, порча в рамках вандализма не предполагает причинение значительного ущерба, а также отсутствие возможности использовать имущество по назначению, так как произойдет изменение его внешнего вида, восстановление которого не исключит мелкий ремонт [1, с. 57–58]. Однако, по нашему мнению, например, если виновный нанес надпись на сиденье автобуса, то пассажиры смогут продолжать им пользоваться, так как изменится внешний облик сиденья в эстетическом смысле. Повреждение сидения подразумевает его конструктивное изменение, например, отсутствие составляющего элемента, вследствие чего поездка будет невозможной или небезопасной для пассажира. Отметим, что при совершении вандализма определяющее значение для квалификации имеет место совершения преступления – общественный транспорт или иные общественные места. Если же лицо совершает деяние в месте, не относящемся к общественному, то при причинении значительного ущерба его действия надлежит квалифицировать по ст. 167 УК РФ.

В практической деятельности зачастую возникают сложности при квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 167 и 214 УК РФ. В частности, характерен следующий пример. Приговором Сыктывкарского городского суда Ч.И.Н. был признан виновным в совершении вандализма. Так, Ч.И.Н. нанес несколько ударов руками и ногами фасаду офиса салона «Теле2», а именно по стеклянным витринам и двери. В результате действий Ч.И.Н. ООО «Т2 Мобайл» был причинен значительный ущерб на сумму 45 000 руб. [13]. По нашему мнению, в случае причинения значительного ущерба деяние подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст.ст. 167 и 214 УК РФ.

Таким образом, нормы, предусмотренные ст.ст. 167 и 214 УК РФ, соотносятся соответственно как общая и специальная. Учитывая вышеизложенное, возникла необходимость в дополнительном разъяснении в рамках судебного толкования о том, что если лицо наряду с вандализмом совершает умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшие причинение значительного ущерба, из хулиганских побуждений, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167 и соответствующей частью ст. 214 УК РФ.

Список литературы

1. Безверхов А. Г., Шевченко И. Г. Ответственность за уничтожение и повреждение чужого имущества : учебное пособие. Самара : Изд-во «Универс групп», 2011.

2. Бохан А. П. Уголовно-правовая характеристика вандализма и отграничение его от смежных составов преступлений и административных правонарушений // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 117–120.

3. Кадников Н. Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования : монография. М. : Юриспруденция, 2019.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. проф. Н. Г. Кадникова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юриспруденция, 2019.

5. Пашутина О. С. Предмет вандализма: понятие и проблемы законодательного определения // Бизнес в законе. 2008. № 2.

6. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. М. : Издательство Г.А. Леман, 1912.

7. Садчикова Д. Н., Синяева М. И. Вандализм по УК РФ: проблемы отграничения от смежных составов преступлений // Юность и Знания – Гарантия успеха – 2017 : 4-я Международная молодежная научная конференция : сборник научных трудов : в 2 т., Курск, 27–28 сентября 2017 г. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Университетская книга, 2017. С. 213–215.

8. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная : учебник / под общ. ред. проф. Л. Д. Гаухмана, проф. Л. М. Колодкина и проф. С. В. Максимова. М. : Юриспруденция, 1999.

9. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012.

10. Уголовное право. Особенная часть : учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М. : Юридическая фирма «Контракт» : Инфра-М, 2008.

11. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012.

12. Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., с изм. и доп. М. : Норма, 2008.

13. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми № 22-1533/2019 от 2 июля 2019 г. по делу № 22-1533/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации [сайт]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/-xD7WfqzUfjYN.

РАЗДЕЛ VII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, КРИМИНАЛИСТИКИ И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Абрамочкина Е. М.[1],
слушатель факультета заочного обучения
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Мичурина О. В.,***
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О СБЫТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Информационные технологии прочно вошли в нашу жизнь и трудно представить себе современного человека, не обладающего минимальными набором цифровых компетенций, которые открывают значительные возможности, в том числе и негативные, способствующие совершению преступлений с использованием информационно-телекоммуникационной среды. Сбыт наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий – это теперь та современная реальность, в которой в сфере уголовного судопроизводства приходится противостоять следователю (дознавателю). Но для этого он должен быть соответствующим образом вооружен знаниями, умениями и навыками, которые формируют его цифровые компетенции.

Пунктом «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ установлена уголовная ответственность за незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

В процессе проверки сообщений о сбыте наркотических средств следователю (дознавателю) требуется принимать во внимание п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 16 мая 2017 г.), которым незаконный сбыт наркотических средств определяется как незаконная деятельность лица, направленная на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажу, дарение, обмен, уплату долга, дачу взаймы

[1] © Абрамочкина Е. М., 2022.

и т. д.) другому лицу (приобретателю) любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте, введения инъекции.

Как показывает анализ судебной практики в подавляющем большинстве поводом для проверки сообщения о преступлениях в сфере сбыта наркотических средств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, становится рапорт оперативного сотрудника об обнаружении признаков преступления. Именно в результате оперативно-разыскных мероприятий устанавливается источник поставки наркотического средства и зачастую выясняется, что наркотические средства приобретались посредством использования сети Интернет.

Приведем соответствующий пример. Можайским городским судом Московской области 28 февраля 2022 г. был вынесен приговор гражданину П., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено, что П., с целью возможности заработать покупал наркотические средства, забирал их посредством тайника-закладки, после чего продавал своим знакомым за денежное вознаграждение. Наркотические средства П. заказывал заранее на сайте «В», координаты с местом тайника-закладки и фотография с местонахождением наркотических средств приходили ему на телефон в виде сообщений. 14 января 2022 г. Можайским городским судом Московской области вынесен приговор гражданину К., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. В ходе предварительного расследования установлено, что с целью возможности заработать К. через мобильный телефон скачал специальную программу зашел на сайт «Г» и заказал в одном из интернет-магазинов 5 г марихуаны. После оплаты 4 300 руб. ему на телефон пришли сообщения в виде координат закладки с наркотиком, который он забрал, рассыпал по сверткам для дальнейшей продажи. Денежные средства от последующей перепродажи поступали ему на банковскую карту, к которой был привязан номер его телефона.

Таким образом, при проверке сообщений о сбыте наркотических средств, в результате прямого контакта покупателя с продавцом органам следствия (дознания) требуется, в рамках проведения следственного действия, выявлять источник получения наркотических средств с целью установления интернет-магазинов, сайтов и т. п. в сети Интернет, осуществляющих противоправное функционирование по сбыту наркотических средств.

Отдельным вопросом является изъятие информации с телефона, на который были переданы координаты тайника-закладки наркотических средств и получения информации о движении денежных средств со счета покупателя на счет организатора «магазина», осуществляющего сбыт наркотических средств. В частности, Л. В. Головко отмечает: «…есть два противостоящих друг другу подхода. Первый проповедует принцип безусловной защиты прав человека. Его сторонники… считают, что телефон – это источник настолько личной информации, что должен быть особый порядок его вскрытия… недостаточно законного изъятия…

Второй подход связан с „теорией сейфа”. Его сторонники говорят, что если полиция пришла с обоснованным, санкционированным обыском в жилище и увидела замурованный в стене, закрытый сейф с кодовыми замками, то она вправе его вскрыть, не получая на это отдельного решения…» [2, с. 36–37].

Отдельно стоящей проблемой является получение образцов для сравнительного исследования, в случае назначения компьютерно-технической экспертизы телефона, где хранятся координаты тайника-закладки наркотического средства или проведение следователем (дознавателем) осмотра предмета (телефона). Они проводятся с целью изъятия с телефона данных о контактах и переписке в приложениях мессенджеров, установленных на телефоне, по вопросам незаконного оборота наркотических средств; изъятия информации с координатами тайников-закладок наркотических средств; возможности доступа к установленным на телефоне приложениям финансово-кредитных организаций, с целью выявления движения денежных средств, участвующих в незаконном обороте наркотических средств. И это маркер компетентности сотрудников органов предварительного следствия и дознания в области применения информационно-телекоммуникационных технологий.

Важной частью проверки сообщения о рассматриваемых нами преступлениях является оперативное (в кратчайшие сроки) получение информации о движении денежных средств со счета покупателя наркотических средств на счет продавца и информации о владельце данного счета. В настоящее время это проблемный вопрос, так как финансово-кредитные организации имеют право предоставлять ответы на запросы в установленный законом срок до 30 дней. В 2021 г. были заключены соглашения с крупными финансово-кредитными организациями об электронном обмене документами и информацией для выполнения правоохранительными органами, возложенных на них функций и получение запрашиваемой информации уже сократилось до одного рабочего дня. Однако взаимодействие с мелкими компаниями по-прежнему остается сложным.

Установление владельцев интернет-магазинов, сайтов и т. п., через которые осуществляется незаконный сбыт наркотических средств, является отдельным вопросом. Здесь важно оперативное получение информации от интернет-провайдеров. Как отмечают авторы, исследующие данную проблему: «…если IP-адрес оказался российским… необходимо направить запрос провайдеру, который предоставит информацию об абоненте, использовавшем данный IP. Если IP-адрес принадлежит, иностранному государству… правоохранительным органам нужно делать официальный запрос хостингу, который выдавал этот IP-адрес… Воспользовались сервисом VPN или proxy иностранного государства необходимо воспользоваться… СОРМ (сокр. от «система технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий»)… В результате СОРМ может выдать перечень лиц, которые подключались к указанному IP-адресу, используя достаточно популярные VPN или proxy-сервисы. Далее, чтобы определить кто именно из представленного списка СОРМ злоумышленник, поможет оперативная работа…» [3, с. 112–113].

При проверке сообщений о преступлениях, совершенных с использованием информационных технологий, часто появляется необходимость направления запросов дознавателем, следователем, органом дознания и руководителем следственного органа в финансово-кредитные организации, операторам связи и организаторам распространения информации в сети Интернет и т. д. Например, при незаконном переводе денежных средств с банковских карт потерпевших установлению подлежат номера счетов, на которые они были переведены и их владельцы. Информация о движениях денежных средств и их владельцах находится в финансово-кредитных организациях, которые предоставляют ответы на запросы в срок до 30 дней. Очевидно, что несвоевременное получение информации о движении денежных средств, затрудняет установление лица, совершившего преступление.

Кроме того, хотелось бы затронуть еще один важный аспект рассматриваемой проблемы. В целях соблюдения принципа законности при производстве по уголовному делу и выполнения требований Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенции) при проверке сообщений о преступлениях необходимо исключить провокацию к сбыту наркотических средств со стороны сотрудников органов внутренних дел. На данную проблему обращено внимание многих авторов, в частности Ю. П. Гармаев отмечает, что необходимо оценить, не оказал ли влияние на фигуранта оперативный сотрудник или «содействующее лицо» с целью склонения к преступлению, к иным незаконным действиям [1, с. 65]. Данная точка зрения является обоснованной, в виду наличия решений Европейского суда по правам человека, указывающих на нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции при проведении негласных операций, и наличие структурного характера данной проблемы в Российской Федерации, о чем, в частности, говорится в бюллетене № 12 за 2021 г. «Кузьмина и другие против Российской Федерации».

В настоящее время в условиях напряженной политической мировой обстановки и исключения Российской Федерации из Совета Европы важно продолжить работу по соблюдению положений Конвенции, опираясь на решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные ранее и являющиеся маркерами пробелов, существующих в уголовном процессе Российской Федерации.

Таким образом, осуществляя проверку сообщений о преступлениях в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законом, руководствуясь принципами уголовного судопроизводства, профессионально применяя цифровые компетенции, следователи, дознаватели и органы дознания будут иметь в руках материалы проверки сообщений о преступлениях, с достаточной доказательной базой, по которым возбуждение уголовного дела станет очевидным, законным и обоснованным.

Список литературы

1. Гармаев Ю. П. Как проверить результаты ОРД на предмет нарушений. Типичные ситуации // Уголовный процесс. 2022. № 3.

2. Головко Л. В. Как 2021 год повлиял на уголовный процесс // Уголовный процесс. 2022. № 2. С. 36–37.

3. Третьякова Е. И., Босхолов С. С., Щербина Р. П. Возможности деанонимизации лиц, совершающих мошенничество с применением спуффинг-атак // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 20. № 4.

Алымова А. И.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗОВАННЫМ ПРЕСТУПНЫМ ГРУППАМ ЭТНИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В настоящее время в Российской Федерации происходит ряд событий политического, экономического и социального характера, которые влияют на общество, отношения между членами общества, в том числе и на иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации.

Вместе с экономическими потрясениями и социальным кризисом меняется оперативная обстановка, которая напрямую зависит от состояния общества. В таких условиях как никогда остро встает вопрос о противодействии организованной преступности, а наиболее опасной разновидностью данного вида преступности, по нашему мнению, является преступность иностранных граждан, носящая организованный характер и подразумевающая политический, религиозный подтекст. Данный вид преступности опасен тем, что является в большинстве своем идейным, направленным на борьбу с другими организованными преступными группами этнической направленности за главенствующие позиции в преступной иерархии. Часто данный вид преступности носит массовый характер и граничит с экстремизмом и разжиганием межнациональной розни, носит высокую степень общественной опасности, что, несомненно, говорит о важности и актуальности научной статьи.

Конец XX в. стал временем действия в мировой общественной жизни экстремизма и фанатизма. В данном контексте поднимается проблема терроризма, как одного из опаснейших явлений во всем мире, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и иные противоправные действия с высочайшей степенью общественной опасности.

Основным способом противодействия организованным преступным группам этнической направленности в широком смысле является оперативно-разыскная деятельность, а именно оперативно-разыскные меры противодействия преступлениям, совершаемым организованными преступными группами этнической направленности.

В связи с этим отметим ряд проблем, связанных с обеспечением противодействия данным преступлениям. Законодательная база несовершенна в данном направлении, а именно ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» допускает проведение оперативно-разыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, в связи с этим оперативно-разыскное мероприятие «Прослушивание телефонных пере-

[1] © Алымова А. И., 2022.

говоров» возможно только при совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких, что не позволяет оперативным подразделениям органов внутренних дел проводить данное мероприятие с целью профилактики и предупреждения организации преступной группы этнической направленности на стадии ее формирования, когда с юридической точки зрения преступление еще не совершено, однако с точки зрения оперативно-разыскной деятельности общественная опасность уже наступила, а способов ее предотвратить, не нарушая законодательство Российской Федерации, не так много.

Законодатель требует судебное решение на прослушивание телефонных переговоров, даже имея разрешение заявителя. Это порой затрудняет своевременное проведение оперативно-разыскного мероприятия с целью пресечения преступления.

Следует учитывать характер и степень общественной опасности преступлений, совершаемых организованными преступными группами этнической направленности, в связи с этим мы согласны с точкой зрения С. И. Захарцева о допустимости и необходимости проведения по заявлению граждан оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан без судебных санкций.

С учетом сложившейся оперативной обстановки в г. Москве и других регионах, особенно граничащих с территорией Украины, необходимо, по нашему мнению, учитывать сложившиеся обстоятельства, настроения в обществе, угрозу распространения преступлений, совершаемых организованными преступными группами этнической направленности, преступлений, носящих экстремистский характер, а также террористическую опасность. В связи с этим предлагается расширить права и возможности оперативных подразделений, занимающимся противодействием такого рода преступлений. В частности, внести поправки в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», где в ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» внести изменения, касающиеся условий проведения оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров», а именно разрешить проводить данное мероприятие не только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких, но и в отношении иных лиц, если это необходимо, для пресечения создания или деятельности организованной преступной группы этнической направленности.

Необходимо улучшить способы взаимодействия между оперативными подразделениями как органов внутренних дел, так и иных субъектов оперативно-разыскной деятельности, имеющих право осуществлять оперативно-разыскную деятельность на территории Российской Федерации. Следует обратить внимание на повышение эффективности оперативных сотрудников органов внутренних дел путем создания отдельных групп (по работе с предупреждением преступлений, относящихся к международным организациям экстремизской направленности, незаконной миграции, преступности иностранных граждан) на уровне территориальных отделов полиции городов Федерального значения и приграничных районов со сложной оперативной обстановкой, связанной с организованными

преступными группами этнической направленности, а также с преступностью иностранных граждан.

Новые угрозы и связанные с ними события, происходящие на уровне геополитики, позволяют нам сделать вывод о том, что правоохранительным органам Российской Федерации необходимо чувствовать и своевременно реагировать на развитие угроз возникновения межнациональных конфликтов, своевременно выявлять зарождение новых видов преступлений.

Изменения в идеологии, в обществе и государстве требуют изменений подходов к осуществлению оперативно-разыскной деятельности для более эффективного обеспечения безопасности и решения задач оперативно-разыскной деятельности.

Список литературы

1. Хромов И. Л. Международный экстремизм: оперативно-розыскная деятельность и криминологический анализ : монография. М. : Юриспруденция, 2016.

2. Захарцев С. И. Оперативно-розыскные мероприятия: теория и практика : монография. СПб., 2004.

3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=l7yi00l9ef640798267.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7pur6okle379445320.

Ахметгалеев В. Р.[1],
адъюнкт заочной формы обучения
Уфимского юридического института
МВД России

Научный руководитель: ***Низаева С. Р.***,
доцент кафедры криминалистики
Уфимского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ТАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСА О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕМ СВОБОДЫ

Результаты оперативно-разыскной деятельности (далее – результаты ОРД) при подготовке и принятии решения об избрании и применении мер пресечения играют довольно существенную роль. Однако уголовно-процессуальное законодательство в ч. 1 ст. 108 УПК РФ обязывает суд отражать в своем решении о применении мер пресечения, связанных с лишением или ограничением свободы, конкретные обстоятельства, на основании которых оно принято. Вышеуказанная норма в том числе имеет прямой запрет на принятие в качестве указанных обстоятельств результатов ОРД, не отвечающих требованиям, предъявляемым к доказательствам [1, с. 39].

Учитывая, что под доказательствами понимаются любые сведения, на основании которых имеется возможность установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), законодатель в ст. 75 УПК РФ и п. 19 «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [4], все же предусматривает возможность использования результатов ОРД при принятии решения о применении мер пресечения, связанных с лишением или ограничением свободы.

Важно упомянуть, что в ст. 85 УПК РФ предусмотрена необходимость проверки и оценки полученных следователем результатов ОРД [5, с. 117], содержащих в себе сведения о планировании или осуществления сокрытия лица от предварительного следствия, занятий преступной деятельностью или воздействия на потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства, а также предметы и объекты, имеющие криминалистическое значение. Кроме того, пп. 2, 3, 6, 21, 29 постановления Пленума Верховного Суда № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [3], содержат нормы, которые предусматривают необходимость установления оснований применения мер пресечения и учитываемых при этом обстоятельств, которые должны содержаться в представленных суду материалах уголовного дела [2, с. 25].

[1] © Ахметгалеев В. Р., 2022.

С учетом вышеизложенного при рассмотрении вопросов о применении мер пресечения, связанных с лишением или ограничением свободы в судах, возникают наиболее часто встречающиеся проблемы, которые могут свести на нет возможность тактического использования результатов ОРД: 1) без приложения обосновывающих оперативных документов в суд предоставляется только справка о результатах ОРД; 2) представленные оперативные материалы имеют незаполненные реквизиты; 3) оперативные материалы содержат не сопоставимые с материалами уголовного дела сведения; 4) оперативные материалы содержат данные об очевидцах, в отношении которых не применены меры безопасности; 5) оперативные материалы содержат сведения, которые позволяют выяснить направленность и ход расследования стороной защиты.

Проведенный анализ дает основание утверждать, что вышеуказанные проблемы при использовании результатов ОРД в судах в большинстве своем носят комплексный характер. В связи с чем подготовку материалов для направления в суд следователю следует начинать осуществлять с наиболее ранних этапов.

При расследовании преступлений, имеющих полноструктурный способ совершения, подготовка оперативных материалов под руководством следователя должна начинаться на этапе доследственной проверки путем проведения оперативно-разыскных мероприятий с целью установления фактов подготовки подозреваемого лица:

– к совершению преступного деяния;

– противодействию расследованию посредством воздействия на потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства, а также на доказательства;

– намерению скрыться от органов предварительного следствия.

Кроме того, в ходе ОРМ могут быть обнаружены предметы и объекты, имеющие криминалистическое значение (ст. 97 УПК РФ), установлены обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ. Исходя из полученных оперативных материалов, содержащих вышеуказанные сведения, а также квалификации совершенного преступления, следователь может определить перечень мер пресечения, которые возможно применить в отношении лица, совершившего преступление. Целесообразно при избрании меры пресечения взаимодействовать с сотрудником, осуществляющим оперативное сопровождение расследования преступления, в целях обмена криминалистически значимой информацией.

Учитывая, что в момент рассмотрения судом ходатайства следователя о применении мер пресечения, связанных с лишением или ограничением свободы, сторона защиты вправе знакомиться с предоставленными в суд материалами, необходимо обеспечить безопасность очевидцев преступления, взаимодействуя в данном вопросе с другими подразделениями полиции. Следователю также необходимо исключить вероятность содержания в материалах, представляемых в суд, информации о направленности и ходе расследования.

Тактически грамотно для обеспечения криминалистической значимости результатов ОРД при рассмотрении вопроса о применении мер пресечения в суде, учитывать порядок формирования предоставляемых материалов. Целесообразно информацию о признаках совершаемого или совершенного преступления формировать отдельно от материалов, в содержании которых имеются сведения

о планировании или осуществления сокрытия лица от предварительного следствия, занятия им преступной деятельностью, воздействия на потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства, сведения о предметах и объектах, имеющих криминалистическое значение. Особую актуальность данный способ формирования результатов ОРД имеет при документировании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также коррупционных преступлений. Сформированные вышеуказанным способом надлежаще оформленные результаты ОРД предоставят следователю не только возможность их проверки путем проведения процессуальных и следственных действий, но и заблаговременно принять меры, направленные на обеспечение безопасности очевидцев преступления.

Тактически грамотные действия позволят следователю предъявить в суд не только справки, но и оперативные материалы, подтверждающие отраженные в них сведения. Вместе с тем, учитывая, что в данном случае деятельность следователя и оперативного сотрудника имеют единую направленность, результаты оперативно-разыскной и следственной деятельности, отраженные в представленных в суд материалах, будут содержать дублирующие сведения, что приведет к соответствию представленных результатов ОРД требованиям ч. 1 ст. 108 УПК РФ и возможности их применения в суде при разрешении вопроса о применении мер пресечения, связанных с лишением или ограничением свободы.

Список литературы

1. Газарян А. А. Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 2 (98). С. 39–43.

2. Еникеев З. Д. Избранные труды. М. : Юрлитинформ, 2012.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/70548674/.

4. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/70531824/.

5. Россинский С. Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 111–119.

Баранова Т. Ю.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ОБЪЕКТАХ ВОЗДУШНО-ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИТТ

Криминалистическая характеристика преступления, по мнению Р. С. Белкина, – это абстрактное научное понятие, результат научного анализа определенного вида преступной деятельности (вида или рода преступления), обобщения его типичных признаков и особенностей. Она содержит типичную информацию об обстоятельствах преступлений, признаках и свойствах лиц, их совершающих, о способах совершения и сокрытия.

Зацепив одно звено в этой системе взаимосвязей, пишет Н. П. Яблоков, можно вытащить наружу всю цепь. В частности, выявление наличия в расследуемом преступлении какого-либо элемента из их взаимосвязанной цепочки с той или иной степенью вероятности может указывать на существование другого, еще не установленного элемента, и определить направление и средства его поиска. При осуществлении первоначальных мероприятий по расследованию преступлений криминалистическая характеристика позволяет выдвинуть обоснованные версии относительно неустановленных обстоятельств за счет устойчивых корреляционных связей между ее отдельными элементами.

Отмеченные общие теоретико-методологические положения о понятии, содержании, структуре и значении криминалистической характеристики преступлений и их видов являются научной основой для определения этой криминалистической категории применительно к преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ на объектах воздушного транспорта. При этом важно иметь в виду особенности уголовно-правовой характеристики данного вида преступления.

Предметом преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспорта с использованием ИТТ, выступает компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, что является одним из элементов криминалистической характеристики.

Объектом данного вида преступных посягательств, в том числе на воздушном транспорте, выступает общественная безопасность, поскольку противоправные деяния в данной сфере приводят к нарушению эффективного функционирования воздушного транспортного комплекса.

К способам совершения преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспорта с использованием ИТТ, относятся:

---

[1] © Баранова Т. Ю., 2022.

– несанкционированное получение данных о применяемых на объектах воздушного транспортного комплекса системах защиты;

– получение злоумышленником информации о программно-аппаратной среде, обеспечивающей соответствующее функционирование транспортного объекта в целом;

– несанкционированный доступ стороннего пользователя к ресурсам систем, обеспечивающих безопасность транспортного комплекса;

– хищение (копирование) носителей информации;

– несанкционированное копирование программного обеспечения;

– перехват данных, передаваемых по служебным каналам связи и т. д.

Для обстановки преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспортного комплекса с использованием ИТТ, характерно использование виртуального пространства. Анализ следственной практики свидетельствуют о том, что данный вид преступления предполагает обязательное наступление одного или нескольких указанных в законе последствий, которые относятся к элементу их криминалистической характеристики:

– уничтожение информации – приведение ее полностью либо в существенной части в непригодное для использования по назначению состояние;

– блокирование информации – создание условий ее недоступности, невозможности ее надлежащего использования;

– модификация (переработка) информации – любые изменения компьютерной информации, в том числе внесение изменений в программы, базы данных, текстовую информацию, находящуюся на материальном носителе;

– копирование информации – неправомерный перенос информации на другой материальный носитель.

Следы совершения компьютерно-информационных преступлений на объектах воздушного транспортного комплекса наделены соответствующими криминалистически значимыми признаками, позволяющими идентифицировать таковые в общей системе преступлений данной категории:

– события преступления отображается в информационном поле;

– выражаются в результате преобразования компьютерной информации;

– служат носителями свойств, присущих компьютерной информации;

– обладают способностью к дублированию, т. е. копированию на другие электронные носители без изменения их характеристик.

Подводя итоги изложенному, отметим, что в современных условиях, когда цифровизация общественных отношений приобрела характер социального явления, когда высокотехнологичная (компьютерная) преступность демонстрирует динамику роста, серьезно угрожающего безопасности общества и государства, а также адекватному функционированию объектов транспортных инфраструктур общества, что в свою очередь является местом ежедневного скопления значительного количества граждан, чрезвычайно значимо выросла роль изучения элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспорта, как одного из самых подверженных на данном этапе, угрозам со стороны информационно-телекоммуникационных преступных

посягательств. В таковой ситуации «компьютерная криминалистика» приобретает особый смысл и играет немаловажную роль в разработке и применению мер по формированию адекватного ответа на вызовы современной высокотехнологичной преступности.

Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых на объектах воздушного транспортного комплекса с использованием ИТТ, складывается из элементов, установление которых имеет особое значение при раскрытии преступлений. К таковым относятся: объект преступного посягательства, предмет, типичные черты, последствия преступных деяний, характеристика личности преступника и т. д.

Результаты изучения криминалистической характеристики преступлений, совершенных с использованием ИТТ на объектах воздушного транспортного комплекса, убеждают в необходимости применения в целях их выявления и расследования специальных знаний в области информационных технологий, компьютерной и криминалистической техники в форме предварительных, а затем и экспертных исследований. Совершение высокотехнологичных преступлений объективно обусловливает необходимость использования еще более совершенных технологий, систем и аппаратно-программных комплексов в целях их выявления и расследования.

Список литературы

1. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c193654ae5c3bd5b02d92ade18796cd886-4ec353/.

2. Александров А. Н., Гундаров А. В., Жукова П. Н. Транспортная безопасность : учебное пособие. М., 2017.

3. Агеев А. С. Право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов : учебное пособие. М., 2016.

4. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000.

5. Овчинский В. С. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом : учебное пособие. М., 2017.

6. Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского го сударственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2.

7. Сидакова А. А. Система норм об обеспечении транспортной безопасности в уголовном законодательстве России и за рубежом // Транспортное право. 2018. № 1. С 22–25.

Богатырев Д. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ендольцева А. В.***,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРИНЦИП НЕДОПУСТИМОСТИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Злоупотребление правом на сегодняшний день является весьма неоднозначным и спорным правовым явлением. До сих пор в науке отсутствует единое общепринятое мнение о его правовой природе и понятии.

Дискуссионность данного вопроса подогревается и тем, что законодательство Российской Федерации весьма ограниченно и размыто регламентирует рассматриваемый правовой институт. Многие авторы отмечают, что защита прав и свобод является одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики государства [2, с. 5]. При этом злоупотребление правом, как правило, так или иначе их затрагивает, в том числе речь идет и об ограничении прав и свобод личности.

Обратим внимание на то, что некоторые нормативные правовые акты России так или иначе касаются вопроса злоупотребления правом. Так, ч. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что злоупотребление правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой предусмотренные кодексом неблагоприятные последствия. В некоторых нормативных правовых актах запрет на злоупотребление правом представлен опосредованно. Статья 4 Федерального закона «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 предусматривает недопустимость злоупотребления свободой массовой информации. Укажем, что согласно ст. 29 Конституции Российской Федерации свобода массовой информации гарантируется, а потому является неотъемлемым правом, в связи с чем можно сделать вывод о том, что указанная конституционная норма, по сути, представляет собой запрет на злоупотребление конкретным правом. Однако наиболее полно это отражено в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая предусматривает запрет на злоупотребление правом, что возводит указанное деяние в ранг процессуальных правонарушений.

В уголовно-процессуальном законе отсутствуют какие-либо упоминания о злоупотреблении правом, в том числе и запрет на него. Несмотря на это, указанная проблема является весьма актуальной, и на практике участники уголовного судопроизводства достаточно часто сталкиваются с данным правовым явлением.

---

[1] © Богатырев Д. В., 2022.

Стоит отметить, что наибольшую опасность для уголовного судопроизводства несет злоупотребление, осуществляемое должностными лицами, обеспечивающими законность и обоснованность уголовного судопроизводства, которые имеют властные полномочия.

Уголовно-процессуальный закон содержит достаточное количество диспозитивных норм, таких как: «следователь имеет право», «следователь вправе», чтобы сделать вывод, что он имеет весьма обширные возможности злоупотребить своими правами. Сложность в данном случае заключается в том, что именно следователь проводит предварительное расследование и обладает процессуальной независимостью [4, с. 24], а это позволяет нам полагать, что злоупотребление правом следователем может напрямую повлиять на производство по делу, например на срок предварительного расследования, исход уголовного дела и т. д.

Важно обратить внимание на ст. 17 Конституции Российской Федерации, которая указывает, что осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права и свободы других лиц. Отметим размытость указанной нормы, она содержит мало конкретики и, кроме того, не регламентирует такого термина, как «злоупотребление правом». Исходя из указанного, мы можем предположить, что запрет, закрепленный в данной норме, далеко не всегда применим в контексте злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве. Это связано прежде всего с тем, что при злоупотреблении правом участником процесса права и свободы могут не нарушаться, либо такое злоупотребление будет являться незначительным, но все равно при этом будет причиняться вред, потому как, по нашему мнению, причинение вреда или угрозы его возникновения является обязательным признаком злоупотребления правом.

По причине отсутствия запрета на рассматриваемое явление подобные деяния могут признаваться судом злоупотреблением правом, а могут таковыми и не признаваться. И указанный аспект играет весьма важное значение, потому как распространяется и на доказательства. Доказывание является одним из центральных институтов уголовно-процессуальных отношений, и такая неопределенность ставит под сомнение допустимость доказательств, полученных путем злоупотребления правом. Например, следователь, проводя обыск, имеет право изымать предметы и документы. При этом, злоупотребляя таким правом, следователь может изъять те предметы и документы, которые фактически не содержат доказательственной информации по уголовному делу, однако их изъятие нанесет вредоносные последствия для их собственника или владельца.

Пример такой ситуации отражен в апелляционном постановлении № 22-К-1764/2015 22К-1764/2015 от 18 ноября 2015 г. по делу № 22-К-1764/2015 [3]. В данном случае следователь провел обыск в помещении, в котором располагалось имущество организации. Далее, один из участников, представляющих сторону защиты, подал апелляционную жалобу в рамках которой указал, что в ходе проведенного ранее обыска следователь без достаточных на то оснований изъял у него системные блоки компьютера, чем парализовал работу его кампании,

в результате чего ему был причинен имущественный вред в виде упущенной выгоды. В своей жалобе просит признать производство обыска незаконным и необоснованным.

Суд, рассмотрев жалобу, пришел к выводу о том, что предусмотренная УПК РФ процедура проведения обыска нарушена не была и, кроме того, в ходе проведения следственного действия конституционные права и свободы личности не нарушались, а обстоятельства, ограничивающие доступ к правосудию, отсутствовали. В результате суд постановил оставить апелляционную жалобу заявителя без удовлетворения.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в силу правовой неопределенности, вопросы, касающиеся злоупотребления правом, остаются сугубо оценочными, итоговое решение по которым принимают должностные лица уголовного судопроизводства. При этом важным аспектом нам видится то, что решение о наличии злоупотребления правом либо его отсутствии должен принимать именно суд как наиболее объективный и беспристрастный участник уголовного судопроизводства.

Подводя итоги, отметим, что на сегодняшний день прямой запрет на злоупотребление правом в рамках уголовного судопроизводства отсутствует. Такая ситуация видится нам весьма негативной, потому как предполагает в этом вопросе правовую неопределенность. Поэтому правоприменители руководствуются лишь собственным опытом и судебной практикой, которая весьма неоднозначна, что зачастую приводит к проблемам, связанным с предупреждением злоупотреблений правом. Мы считаем, что вопрос, касающийся предупреждения и пресечения злоупотребления правом в уголовном процессе, может быть частично урегулирован путем введения в уголовно-процессуальный закон прямого запрета на его осуществление. Многие авторы связывают принцип недопустимости злоупотребления правом с добросовестностью реализации права [1, с. 28–32], а в уголовном судопроизводстве его участники имеют возможности реализовывать свои процессуальные права недобросовестно, поэтому необходимо, чтобы законодатель установил этому преграду, регламентированную нормами права.

Список литературы

1. Даровских С. М., Даровских О. И. Принцип недопустимости злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2012. № 43 (302). С. 28–32.

2. Ендольцева А. В., Парфенов В. Н. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке судебного разбирательства : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России, 2012.

3. Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.ru/regular/doc/cazmVHJsBplC/?regular-txt=1645100346898&snippet_pos=934#snippet.

4. Уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав, свобод и интересов личности, общества и государства : учебное пособие / О. В. Химичева, Н. В. Григорьева, С. В. Гурдин, И. Б. Тутынин. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2018.

Вознюк Е. П.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Бобров В. К.,***
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Проблеме выработки критериев оценки достаточности доказательств посвящено немало научных трудов на разных этапах развития науки уголовного процесса. Однако ни законодательного, ни единообразного доктринального определения критериев оценки достаточности доказательств, так же, как и самого понятия «достаточность доказательств», не существует и никогда не существовало.

Имеющиеся точки зрения на заявленную проблему лежат в основном в плоскости двух основных подходов к оценке доказательств. Первый подход основан на теории формальных доказательств, второй – на теории свободной оценки доказательств (по внутреннему убеждению).

В первом случае правоприменитель исходил из признания наличия доказательств, значение (ценность) которых заранее установлены законом. Следует признать, что при таком подходе преобладает жесткий формализм в оценке доказательств, без учета морально-нравственных установок [9, с. 429].

В России в результате реформ середины XIX в. на смену формальной оценке доказательств пришло правило «внутреннего убеждения». Позже этот же принцип нашел отражение и в советских процессуальных кодексах.

В действующем УПК РФ в ст. 17 закреплено, что правоприменитель оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Следует подчеркнуть, что, несмотря на субъективный характер «внутреннего убеждения», всегда существовали правила объективного характера – это связанность правоприменителя законом.

Внутреннее убеждение следователя (дознавателя) основано на его собственных знаниях, суждениях, правосознании. В оценке доказательств он самостоятелен и независим от чьего-либо мнения и связан только законом и совестью. При этом правосознание следователя (дознавателя) основывается на правовых нормах, актах толкования, научных исследованиях, накопленном практическом опыте правоохранительных органов, целях и задачах уголовного процесса,

---

[1] © Вознюк Е. П., 2022.

а также конкретно-историческом моменте и сложившихся в обществе на данной ступени его развития представлениях о справедливости и правосудии.

За последние сто лет в теории уголовного процесса делались разные предложения по решению проблемы оценки достаточности доказательств. Однако все многочисленные теории, несмотря на определенные достоинства, так и не способствовали выработке единообразных, устойчивых критериев оценки достаточности доказательств.

В настоящее время все большую популярность приобретает идея разработки «стандартов» доказывания, порожденная англосаксонской правовой системой и взятая на вооружение рядом отечественных ученых и практиков.

Так, авторы Доктринальной модели доказательственного права Российской Федерации предлагают разработать «доказательственный стандарт» [2, с. 20]. Как указывает Т. В. Хмельницкая, доказательственный стандарт «обусловливает… технологию доказывания (производства) истины. Определяются три вида доказательственных стандартов: «вне разумного сомнения», «высокая степень вероятности», «судебная (процессуальная) истина» [10, с. 63–64].

Однако в странах континентального права, включая Россию, традиционным был и остается подход, согласно которому единственной целью доказывания является установление объективной истины без какой-либо градации, вероятность практически из нее исключается. А при применении стандарта доказывания, необходимо лишь получить высокую степень вероятности [6, с. 112].

Необходимо отметить, что правила доказывания, действующие в странах англосаксонской правовой семьи, существенно отличаются от правил доказывания в странах континентального права, в том числе и в России. Корни этих отличий в исторических особенностях формирования данных правовых систем [4, с. 289–294]. Иными словами, для России понятие «стандарт доказывания» неестественно с точки зрения как правовых традиций, так и специфики современной правовой системы. Стандарт доказывания и принцип свободной оценки доказательств в данном случае несовместимы.

Представляется, что выработка стандартов доказывания как критериев оценки достаточности доказательств в сфере арбитражного и гражданского процесса в России возможна и, как показывает практика Верховного Суда Российской Федерации, эффективна. Но в сфере уголовного процесса, где, во-первых, наблюдается большее разнообразие событий и фактов, в силу чего каждое уголовное дело уникально; и во-вторых, цена ошибки правоприменителя, в отличие от экономических и гражданско-правовых споров, слишком высока, использование стандартов доказывания неприемлемо.

В последнее время все большую популярность, особенно на Западе, приобретают нейронауки, которые обосновывают мнение, что свобода воли – иллюзия, а действия человека инициируются бессознательными психическими процессами [8, с. 20–37 и др.]. Если принять за основу такое понимание «свободы воли» и, соответственно, «внутреннего убеждения», то выработка стандартов доказы-

вания вполне оправданна. Однако такой подход выглядит примитивным, сводящим человека на уровень животного, которому, как известно, моральные, нравственные переживания чужды.

В связи с этим А. В. Победкин справедливо отмечает: «Свободная оценка доказательств является одним из величайших достижений… означает, что пришло время поверить в человека, его способности, возможности, достоинство и совестливость» [5, с. 104–108].

Считаем, что достаточность доказательств должна рассматриваться с точки зрения количественного и качественного критериев, поскольку достаточность доказательств – это качественно-количественная категория. При этом качественная характеристика является главной и определяется через соответствие таким свойствам доказательств, как относимость, допустимость и достоверность. Количественная же характеристика определяется не наличием некоей суммы доказательств, а их системностью. Безусловно, при принятии процессуальных решений ни один из этих критериев не может считаться определяющим.

Неизбежно встает вопрос, существует ли четкий, обособленный от качественного, количественный критерий достаточности доказательств? Нет, не существует. Количественный фактор здесь имеет значение только как системообразующий. Наша точка зрения подтверждается и мнением профессора В. А. Лазаревой, которая отмечает: «Оценка количественной характеристики доказательств осуществляется по внутреннему убеждению субъекта доказывания с учетом требования закона об обоснованности процессуального решения…» [3, с. 142].

На разных этапах развития науки уголовного процесса предпринимались попытки сделать определяющими количественные характеристики достаточности доказательств, применить математическую теорию вероятностей для их оценки и на этой основе выработать соответствующие критерии (Лейбниц, Лапласс, Пуассон, Бентам, Уильз, А. М. Бобрищев-Пушкин и др.).

Можно утверждать, что применение математических методов оценки доказательств с практической точки зрения неэффективно в силу огромного объема информации о «доказательственных прецедентах», их специфичности, и вследствие этого, невозможности выработки единых алгоритмов. Кроме того, изменчивость общественных отношений, динамизм уголовно-правовых норм никогда не позволят алгоритмизировать процесс оценки доказательств.

В то же время практика зарубежных стран показывает, что в сфере гражданско-правовых отношений такое возможно. Так, в Эстонии функционирует робот-судья, который разбирает мелкие дела [1]. Аналогичные попытки предпринимаются в Великобритании и некоторых штатах США.

Перспективы роботизации системы правосудия, на наш взгляд, несостоятельны не только в силу огромного объема информации (как указано выше), но и потому, что машина копирует поведение человека, заложенное в программу, учится принимать такие же решения, как человек-судья. Ожидать от робота самостоятельной, более объективной и справедливой оценки доказательств, основанной на критериях, заложенных в некую программу, бессмысленно. Алгоритмы эффективно заменяют человека в механической работе. Но там, где требуется

принятие многофакторных решений, основанных в том числе и на моральных аргументах, машина воспроизвести поведение человека не может, а если и воспроизведет, то подобное решение рискует быть несправедливым или аморальным [7].

В то же время, признание только качественного критерия оценки достаточности доказательств приводит к смешению категорий относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, поскольку упор делается только на качество доказательств. Достаточность же – это не свойство отдельного доказательства, а качество, получаемое в результате накопления доказательств, это определенное их количество, совокупность. Качественная оценка достаточности совокупности доказательств заключается прежде всего в оценке возможности всех собранных по делу доказательств установить обстоятельства предмета доказывания и другие юридически значимые обстоятельства.

Доказательства, чтобы быть достаточными для разрешения дела, должны находиться в определенной совокупности, а точнее – системе. Количественный критерий имеет значение не с точки зрения количества собранных доказательств в абсолютных цифрах (три, десять или сто), а с точки зрения категории «все необходимые следственные действия», т. е. система собранных доказательств должна быть оптимальной.

В уголовном судопроизводстве должны быть четко представлены критерии достаточности доказательств. В то же время сформулировать конкретно определенные, императивно установленные критерии, вроде западных «стандартов доказывания», невозможно по ряду причин, рассмотренных выше. И самое главное – установление стандартов, жестко установленных правил будет противоречить ключевому принципу – свободе оценки доказательств. Поэтому критерии оценки достаточности доказательств могут быть установлены только рамочно в виде определенных требований. Во-первых, это выполнение всех необходимых следственных действий по делу либо в рамках того или иного этапа расследования, требуемых для принятия процессуального решения, т. е. проведение всестороннего, полного и объективного расследования. Во-вторых, оценка каждого доказательства с точки зрения относимости, допустимости и достоверности в соответствии со ст. 88 УПК РФ. В-третьих, между собранными доказательствами должна существовать системная, логическая взаимосвязь и непротиворечивость.

Список литературы

1. В Эстонии представили робота-судью, рассматривающего иски на сумму до 7 тыс. евро // URL: https://www.tadviser.ru/index.php.

2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. М. : Юрлитинформ, 2015.

3. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2012.

4. Персидская А. А., Богданова Н. В., Руднева Ю. В. Сравнительный анализ современного доказательственного права России и зарубежных стран // Образование и право. 2019. № 5.

5. Победкин А. В. Принцип свободы оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды академии управления МВД России. 2017. № 1 (41).

6. Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997.

7. Спасут ли роботы-судьи российскую судебную систему // URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/ articles/2019/12/19/819082-spasut-roboti-sudi.

8. Станек Ю. Право и нейронаука – точки пересечения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4 (333).

9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юридическая литература, 1973.

10. Хмельницкая Т. В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

Воронина Н. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогическихи научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Химичева О. В.****,*
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ: О ПРОБЕЛАХ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Понятие «доступ к правосудию» было заимствовано российским правом из международных правовых актов.

В научной литературе достаточно часто встречаются следующие утверждения: право на доступ к правосудию как фундаментальное, признаваемое международным сообществом право регламентировано ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [10, с. 183]; первым международно-правовым актом, который устанавливает основополагающие идеи, исходные начала права на доступ к правосудию, считается ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [11].

Однако признать эти точки зрения корректными можно лишь с большой долей условности, поскольку в упомянутой Всеобщей декларации прав человека содержится норма, имеющая совершенно иное предписание. Так, в первоисточнике, а именно в ст. 8 сказано: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом». Очевидно, что в положениях этой правовой нормы говорится о праве на восстановление в правах посредством суда, что имеет другое значение, чем доступ к правосудию.

Исходя из этого, представляется, что в научной литературе сформирована некая иллюзия того, что положения ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. следует рассматривать как доступ к правосудию, что мешает выработке надлежащего теоретического понимания данного положения. В свете этого считаем целесообразным отметить рассуждение Европейского Суда по правам человека относительно того, каким должно быть право на доступ к правосудию. Так, «…право на доступ к правосудию должно быть эффективным и практически осуществимым, а не теоретическим и иллюзорным» [13].

Упоминание о праве на доступ к правосудию имеется в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г.:

---

[1] © Воронина Н. А., 2022.

«Лица, которым в результате преступного деяния причинен вред, включая телесные повреждения, моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав, должны иметь *право на доступ к механизмам правосудия*…». В связи с тем, что в данной норме законодатель использует формулировку «право на доступ к механизмам правосудия», но не раскрывает содержание этого права, это привело к появлению ряда дискуссионных, нерешенных вопросов. В качестве таковых выступаю следующие:

– что понимать под термином «доступ к правосудию»?

– какие конкретно права имеет жертва преступления и злоупотребления властью?

Считаем необходимым отметить тот факт, что после принятия указанной выше декларации понятие «доступ к правосудию» стало активно использоваться в других международных актах и фактически вышло за рамки уголовного судопроизводства и вообще судопроизводства. Об этом свидетельствуют международные акты, закрепляющие положения, об окружающей среде, а также нормы о правах инвалидов.

Так, в Конвенции Европейской Экономической Комиссии ООН от 25 июня 1998 г. «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды», есть ст. 9, которая называется «Доступ к правосудию». К сожалению, положения этой статьи не раскрывают содержание и сущность данного права.

Еще одним документом, закрепляющим право доступ к правосудию, выступает Конвенция о правах инвалидов, принятая резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН 13 декабря 2006 г. Положения ст. 13 закрепляют обязанность государства гарантировать эффективный доступа к правосудию каждому инвалиду.

По нашему мнению, в международных документах прослеживается расширительное толкование понятия доступа к правосудию, право на которое может быть реализовано любым человеком.

Сравнительно недавно из международного права данное положение пришло в российское законодательство.

В качестве первого правового акта, закрепляющего доступ к правосудию в российском законодательстве, выступила Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. [7].

В ст. 33 этого программного документа было закреплено положение о том, что государство берет на себя обязательство гарантии доступа к правосудию жертвам преступлений.

В принятой 12 декабря 1993 г. Конституции Российской Федерации положения о доступе к правосудию также нашли свое отражение в ст. 52 [1].

В тексте Конституции Российской Федерации не содержится конкретизации доступа к правосудию, право на это и гарантий данного права, что выступило причиной того, что другие нормативные правовые акты страны лишь текстуально закрепляют доступ к правосудию.

Будучи гарантированным Основным законом страны, данное положение требует конкретизации в отраслевом законодательстве. Но в уголовно-процессуальном законе доступ к правосудию должной регламентации не получил и данный термин – *доступ к правосудию* – упоминается лишь однажды в ст. 125 УПК РФ (при определении предмета жалоб в судебном порядке) без раскрытия его сущности и содержания.

Н. М. Коршунов отмечал, что отсутствие в УПК РФ права на доступ к правосудию следует признавать уникальным случаем пробела в праве, даже несмотря на то, что подобные пробелы прослеживаются также и в гражданском законодательстве [9, с. 105–106]. Действительно, это так. Например, Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в п. 2 ст. 2 закрепляет в качестве одной из *задач – обеспечение доступности правосудия*, однако никакой ясности, относительно того – что понимать под доступностью правосудия, в законе не содержится.

Положения ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» выступают еще одним наглядным примером подобной пробельности в праве. Так, в качестве одной из целей адвокатской деятельности законодатель устанавливает доступ к правосудию, однако содержание доступа к правосудию в тексте закона не раскрывает.

Отсутствие нормативного определения понятий «доступ к правосудию», «право на доступ к правосудию», как и самого термина «правосудие», обусловливает расширительное толкование данного положения, которое поочередно выступает в качестве цели, задачи и субъективного права при регулировании тех или иных правоотношений.

Однако это проблема свойственна не только отечественному праву. Так, в справочнике по европейскому законодательству, касающемуся доступа к правосудию: «… сложность определения данного понятия связана с тем, что «доступ к правосудию» одновременно представляет из себя процесс, задачу, цель, а также механизм, который обеспечивает реализацию иных прав человека» [12].

Исходя из проведенного нами анализа международно-правовых актов, а также положений российского законодательства, прослеживается тенденция к широкой интерпретации правосудия, а это, в свою очередь, указывает на необходимость рассматривать доступ к правосудию в качестве всеобъемлющего права, имеющего как общеправовое, так и общечеловеческое значение.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7pur6okle379445320.

2. Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г., ратифицирована Российской Федерацией 5 июня 1998 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.

3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН

от 29 ноября 1985 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=195#n9eiRxShHaXV4X38.

4. Конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (заключена в г. Орхусе 25 июня 1998 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.unece.org/env/pp/.

5. Конвенция о правах инвалидов, принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи 13 декабря 2006 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/2565085/.

6. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docment/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7yfty1zr5428386429.

7. Постановление ВС РСФСР «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

8. Вилкова Т. Ю. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве: правовые позиции Европейского Суда по правам человека // Науки криминального цикла. 2019. № 12 (157).

9. Коршунов Н. М. Проблемы восполнения пробелов законодательного закрепления принципов гражданского права // Проблемы в российском законодательстве. 2008. № 2.

10. Пластинина Е. В. Правовые аспекты понятия «Доступ к правосудию» // Марийский юридический вестник. 2013. № 10.

11. Топилина Т. А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий : дис. … канд. юрид. наук. М., 2021.

12. Handbook on European Law Relating to Access to Justice. European Union. European Union Agency for Fundamental Rights (FRA) 2016 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Handbook_access_justice_ENG.

13. Постановление Европейского Суда по правам человека «Белле против Франции (Bellet v. France)» от 4 декабря 1995 г. (жалоба № 23805/94) // URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57952.

Гольченко Д. С.[1],
адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

Детков А. А.[2],
адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

Научный руководитель: ***Чечетин А. Е.***,
*профессор кафедры ОРД ОВД Барнаульского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

О КОЛЛИЗИИ ПРИНЦИПОВ КОНСПИРАЦИИ И ЗАКОННОСТИ ПРИ РЕГИСТРАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

При решении задач оперативно-разыскной деятельности (ОРД) по борьбе с незаконным оборотом наркотиков зачастую возникает необходимость неоднократного проведения оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «проверочная закупка» (ПЗ) при сохранении в тайне от проверяемых фактов проводимого ОРМ. Возможность сохранения такой тайны допускается закрепленным в ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») принципом конспирации. Однако реализация названного принципа осложняется требованиями надзирающих за ОРД прокуроров о незамедлительной регистрации факта выявленного преступления, а невыполнение таких требований расценивается как нарушение законности.

Точка зрения о ведущей роли прокуратуры в борьбе с нарушением законности распространена и в научных кругах. Представители такого подхода предлагают «решить проблему соблюдения учетно-регистрационной дисциплины средствами прокурорского надзора… одним путем – перенеся надзор прокурора на более ранние этапы, упреждая нарушения закона» [4, с. 87–93]. Таким образом, по их мнению, это позволит значительно сократить вероятность укрывательства преступления от учета в целом или наступления негативных последствий, которые могут проявиться при регистрации на более поздних этапах.

Ряд исследователей указывает на то, что «поздняя регистрация сообщений о преступлениях влияет на качество раскрытия из-за возможной утраты следов и вещественных доказательств, а также вызывает недоверие и негативное отношение граждан к деятельности ОВД» [5, с. 76–79]. Однако в этих исследованиях главным образом рассматриваются вопросы укрывательства по заявлениям и обращениям граждан. Сведения же о признаках преступлений, полученных по результатам ОРД, представляют собой абсолютно иную организационную и правовую форму.

---

[1] © Гольченко Д. С., 2022.
[2] © Детков А. А., 2022.

Вопросы правового регулирования учетно-регистрационной дисциплины в разрезе действующей Инструкции, утвержденной приказом МВД России № 736, детально исследует Д. Г. Шашин. Основной проблемой он обозначает: «не укрытие преступления от учета вообще, а то как это оценивается прокурорами и контролирующими службами …» [6, с. 57–65]. Авторы настоящей статьи согласны с приведенными Д. Г. Шашиным доводами о негативных последствиях в решении задач ОРД при незамедлительной регистрации материалов ПЗ, которые могут проявиться в случае необходимости проведения повторных и последующих ОРМ. В частности, в делах о незаконном сбыте наркотиков распространена практика намеренного искажения имеющихся сведений о сбытчике в рапорте об обнаружении признаков преступления. Это фактически можно назвать фальсификацией. Для обеспечения дальнейших наступательных действий в документировании преступной деятельности оперативники и следователи используют все возможные «лазейки» уголовно-процессуального законодательства, чтобы отсрочить возбуждение УД (продление сроков доследственной проверки для проведения экспертиз, вынесение отказного материала и др.). В случае возбуждения УД, его ведение и оперативное сопровождение осуществляется формально. При этом такая волокита по делу, нередко ведется с согласия самих надзирающих органов.

Однако, мнение Д. Г. Шашина, что после первой проверочной закупки «сотрудник оперативного подразделения *должен сообщить* о совершенном преступлении» [6, с. 62], на наш взгляд, является спорным. В указанной инструкции не закреплены обязанности оперативного сотрудника сообщать о признаках преступления, ставших ему известных по результатам проведения ОРМ, поскольку предметом правового регулирования данного нормативного акта является *прием и регистрация* заявлений и сообщений о преступлениях, а не порядок использования результатов ОРМ.

Процедура использования результатов ОРД регламентирована другим нормативным актом – «Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», утвержденной приказом МВД России от 27 сентября 2013 г. № 776. Согласно пп. 6 и 7 данной Инструкции результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления, который должен регистрироваться в установленном порядке. Однако п. 8 этой же Инструкции в качестве обязательного элемента процедуры представления результатов ОРД включает в себя рассмотрение вопроса о необходимости рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну. Отсюда следует, что для оперативного сотрудника рассмотрение вопроса о рассекречивании результатов ОРД является первичной обязанностью, по отношению к их регистрации и представлению и допускает возможность принятия решения о преждевременности такого рассекречивания.

Незамедлительное рассекречивание и регистрация результатов ПЗ может привести к расшифровке лица, принимающего участие в ПЗ на конфиденциальной основе в качестве закупщика, и нарушению принципа конспирации ОРД. Принцип конспирации, как отмечалось исследователями, не умаляет конститу-

ционного принципа законности, а находится с ним в полной взаимообусловленности. Это проявляется в необходимости и легитимности при проведении ОРМ сохранения в тайне сил и средств, действий субъектов ОРД как от преступника, так и от окружающих граждан. Все это предопределяется важными обстоятельствами, известными практике, в первую очередь раскрытие негласными ОРМ латентной преступности,; а во-вторых, несоблюдение принципа конспирации ведет к «необоснованной и преждевременной компрометации лиц, подозреваемых в совершении преступлений, когда ОРМ проводятся при наличии непроверенной или противоречивой первичной информации» [3].

Наглядным примером взаимообусловленности принципов законности и конспирации при проведении ПЗ служит деятельность подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, при выявлении преступлений на потребительском рынке, связанных с реализацией контрафактной алкогольной и табачной продукции. На практике активно проводятся две, три и более ПЗ такой продукции, а их результаты рассекречиваются и регистрируются лишь по достижении цели оперативной проверки. И при активном и наступательном ведении дела оперативного учета, никаких вопросов у надзирающих органов прокуратуры об укрывательстве преступлений не возникает. Так, для документирования преступной деятельности гражданина Б., была проведена серия ПЗ (21 февраля, 6 марта и 11 апреля 2019 г.). После проведения дополнительных ОРМ и достижения целей оперативной проверки данные результаты ПЗ рассекречены и зарегистрированы 23 апреля 2019 г. [2].

Изучение и анализ правоприменительной практики борьбы с НОН позволяет сделать вывод, что без проведения негласных повторных ОРМ в настоящее время невозможно бороться с латентной преступностью, при этом в процессе осуществления данной специфической деятельности права человека и гражданина не нарушаются, так как она изначально основана на законе. Как следствие, при решении вопроса о целесообразности и необходимости рассекречивания результатов ОРД с целью их последующей регистрации как повод для возбуждения УД оперативные сотрудники должны руководствоваться закрепленным в Законе об ОРД принципом конспирации, что, на наш взгляд, не нарушает требований подзаконных нормативных актов о своевременной и полной регистрации сообщений о преступлениях.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И.Г. Черновой» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/?ysclid=l7yn1fju8z343804259.

2. Приговор Рубцовского районного суда по делу № 1-3/2021 (1-330/2020) // URL: https://rubtcovsky--lt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num =1&name_op=case&case_id=160303107&case_uid=dde25624-e2da-4aec-8cda-3eacc36645b7&delo_id=1540006.

3. Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Постатейный комментарий к ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 2008.

4. Серова В. Е., Серова Е. Б. Способ нарушения учетно-регистрационной дисциплины сотрудниками правоохранительных органов как элемент системы преступления и возможности его выявления прокурором // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы VI Междунар. науч. конф., г. Казань, октябрь 2017 г. Казань : Бук, 2017. С. 87–93.

5. Старосельцева М. М., Старосельцев С. А. Проблемы учетно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2014. № 4. С. 76–79.

6. Шашин Д. Г. Проблемы нормативного правового регулирования и обеспечение законности проведения повторных оперативно-розыскных мероприятий в рамках решения задач оперативно-розыскной деятельности // Вестник сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 57–65.

Грачева А. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Волынская О. В.****,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук

ПОВОДЫ И ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОПЕЧИТЕЛЬНЫХ И ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Важной гарантией социальной защиты прав и законных интересов подозреваемых или обвиняемых, задержанных или заключенных под стражу, являются закрепленные в ст. 160 УПК РФ меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества.

Реализация попечительных и обеспечительных мер является деятельностью следователя, дознавателя, которая подразумевает возникновение новых правоотношений. Они вполне могут быть охарактеризованы как особые, в связи с этим полагаем, что именно рассмотрение уголовно-процессуальных отношений позволит отразить и структурировать содержание данных мер.

Однако закрепление в нормах уголовно-процессуального законодательства прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства не свидетельствует о возникновении процессуальных отношений. Практическая реализация законодательных установлений возможна лишь при наступлении *юридического факта*, который приводит к возникновению соответствующих прав и обязанностей у конкретных участников уголовно-процессуальных правоотношений.

Процессуальные отношения, возникающие в связи с реализацией попечительных и обеспечительных мер, являются производными, так как обязанность следователя, дознавателя по их применению «образуется» при задержании или заключении под стражу подозреваемого или обвиняемого.

А. П. Рыжаков, формируя классификацию прав обвиняемого, относит права, предусмотренные ст. 160 УПК РФ, к группе «одинаковые с правами подозреваемого, составной частью которых являются права, обусловленные избранием в отношении обвиняемого меры пресечения – заключения под стражу [1]».

В доктрине уголовно-процессуального права традиционно выделяются два элемента деятельности: «основания» и «условия», к примеру: применения мер процессуального принуждения, прекращения уголовного дела, производства дознания в сокращенной форме [2, с. 82; 3, с. 141]. Однако, исходя из «обособленности», в некотором смысле «специфичности» попечительных и обеспечительных мер и возникновения обязанности по их реализации, считаем необходимым

---

[1] © Грачева А. С., 2022.

выделение в качестве ее элементов «поводов» и «оснований». Отметим, что применительно к рассматриваемой проблематике не совсем уместна аналогия с системой поводов и оснований для возбуждения уголовного дела.

Возникновение обязанности следователя, дознавателя по применению мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и мер по обеспечению сохранности его имущества связано с определенными юридическими фактами. Отметим, что при выделении поводов и оснований применения мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и мер по обеспечению сохранности его имущества, речь идет лишь о формальном определении данных категорий.

В словаре Д. Н. Ушакова «повод» определяется как случай, обстоятельство или причина чего-либо [4]. В словаре С. И. Ожегова приведено следующее определение повода: обстоятельство, способное быть основанием чего-либо [5, с. 529].

М. Т. Коридзе отмечает, что не совсем корректно отождествлять причину и повод. Обосновывая данное утверждение, он рассматривает понятия с точки зрения философии, которая раскрывает первое как внутренний смысл, а второе – как внешнее проявление (предлог) [6, с. 79–80].

При реализации попечительных и обеспечительных мер внутренний смысл и внешнее его проявление совпадают, а именно задержание и заключение под стражу априори осуществляются в рамках нормативного регулирования; применение указанных мер процессуального принуждения всегда «обличается» в процессуальную форму.

В философии основание, наряду с обоснованием, рассматривается как «определяющее условие и его воздействие на определяемую реальность» [7]. В нормативном определении основания представляют собой «достаточные данные» для принятия какого-либо процессуального решения.

Вместе с тем Е. С. Кузьменко, рассматривая поводы и основания как систему, отмечает, что поводу присущ нормативный формализм, в свою очередь основанию свойственен принцип свободной оценки доказательств [8].

Поддерживая позицию Н. А. Громова, А. Н. Гущина, Ю. В. Францифорова, которые рассматривают поводы и основания как причину и следствие [9, с. 15], возможно заключить, что данные понятия являются системой. А соответственно, необходимо обозначить, что *поводом* к применению мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и мер по обеспечению сохранности имущества является юридический факт, не требующий дополнительной познавательной деятельности следователя, дознавателя.

Задержание и заключение под стражу является «обстоятельством», наличие которого образует «следствие» – обязанность следователя, дознавателя по установлению иждивенцев подозреваемого или обвиняемого, а также его имущества.

Обстоятельства, предусмотренные в ч. 1 и ч. 2 ст. 160 УПК РФ (остались без присмотра и помощи несовершеннолетние дети, другие иждивенцы, престарелые родители, нуждающиеся в постороннем уходе; или имущество (жилище) без надзора) составляют два самостоятельных основания: первое – для применения

мер попечения, второе – для применения мер по обеспечению сохранности. Фактическое основание может быть установлено как в процессе доказывания, так и иными способами. Формальное основание, независимо от реализуемой меры, должно отвечать всем условиям, выработанным наукой для оформления правоприменительных актов данного вида.

Полагаем, что можно выделить фактическое и формальное основания применения попечительных мер.

В качестве фактического основания применения мер попечения, по мнению автора, следует рассматривать достаточные данные о том, что иждивенец остается без присмотра, помощи или ухода.

Формальным основанием применения мер попечения может стать решение следователя или дознавателя о реализации мер попечения, облеченное в форму мотивированного постановления.

При применении обеспечительных мер также можно обозначить фактическое и формальное основания.

В качестве фактического основания применения мер по обеспечению сохранности, как полагает автор, следует рассматривать достаточные данные о том, что имущество остается без надзора. Несмотря на отсутствие законодательного закрепления условия «бесхозности» имущества, данное требование вытекает из постановления Конституционного Суда Российской Федерации № 34-П [10].

Формальным основанием применения мер попечения может стать решение следователя или дознавателя о реализации мер по обеспечению сохранности имущества, облеченное в форму мотивированного постановления.

Список литературы

1. Рыжаков А. П. Обвиняемый: Комментарий к ст. 47 УПК РФ // НПП «Гарант-сервис».

2. Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: Теоретические и организационно-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.

3. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. М. : Норма : Инфра-М, 2010.

4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Хит-книга, 2020.

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М. : Российская академия наук, 2003.

6. Коридзе М. Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2006.

7. Современный философский словарь / С. А. Азаренко [и др.]. М. ; Екатеринбург : Академический Проект, Деловая книга, 2015.

8. Кузьменко Е. С. Повод и основание как система // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 1-1.

9. Гущин А. Н., Францифоров Ю. В., Громов Н. А. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. 2000. № 4.

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 29. Ст. 4735.

Демичева Т. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Земскова А. В.***,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научно-технический прогресс имеет транснациональный характер, в отличие от суверенной политической воли законодателя и национального законодательства, ограниченного территорией государства. В связи с этим изучение зарубежного опыта нормативно-правового регулирования информационных технологий в уголовном процессе на сегодняшний день важно не только с точки зрения оценки возможного совершенствования национального законодательства, но и с точки зрения осуществления нормативного регулирования существующих реалий научно-технического прогресса.

Особенно интересным представляется процессуальная форма использования информационных технологий на начальных стадиях уголовного процесса. В Российском законодательстве отправной точкой всего уголовного судопроизводства выступает стадия возбуждения уголовного дела, задачей которой является установление признаков преступления, направленная на обеспечение условий эффективного осуществления правосудия по уголовным делам [1].

В уголовном процессе многих стран присутствует стадия возбуждения уголовного дела, хоть и в некоторой иной, отличной от российского законодательства форме. В каждой из стран просматриваются свои пути цифровизации предварительного расследования, однако можно выявить некоторые сходства в данном вопросе оптимизации уголовного процесса.

В ходе производства по уголовному делу используются различные информационные технологии. По мнению Д. А. Гришина, они подразделяются на две группы: криминалистические и процессуальные [2, с. 120]. Более подробно стоит рассмотреть именно использование информационных технологий в процессуальной деятельности, их влияние на процесс предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела на примере положительного опыта зарубежных стран.

В современном мире существуют две основные правовые семьи: романо-германская (континентальная) и англо-американская. В «чистом» виде представителей этих семей осталось немного, поскольку со временем государства одной

[1] © Демичева Т. С., 2022.

правовой семьи стали перенимать отдельные подходы другой, и образовались так называемые смешанные системы уголовно-процессуального права. Однако в государствах различных правовых семей остались наиболее характерные подходы «родной» правовой семьи. Как следствие, нам показалось целесообразным рассмотреть особенности использования информационных технологий на начальном этапе расследования в указанных далее странах.

Интересным представляется опыт Республики Казахстан. Уголовно-процессуальное законодательство республики реализует идею детального нормативного закрепления информационных технологий. УПК Казахстана закрепляет критерии допустимости применения научно-технических средств:

1. Законность, соответствие нормам и принципам законодательства.
2. Научная состоятельность.
3. Обеспечение эффективности производства по уголовному делу.
4. Безопасность.

По нашему мнению, введение подобных критериев в УПК РФ было бы полезны, однако, необходимо пояснить, что внесение подобной статьи в кодекс потребует детальной адаптации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Происходящие процессы цифровизации оказывают существенное влияние на нормативное регулирование многих процессуальных институтов. В связи с этим актуальными в настоящий момент являются вопросы совершенствования ряда процессуальных действий при использовании информационных технологий, а также решение проблем, возникающих в связи с этим. В данном вопросе стоит учитывать положительный опыт зарубежных стран.

Уголовно-процессуальное законодательство Швейцарии включает в себя достаточное количество положений, регламентирующих особенности использования информационных технологий как в области электронного документооборота в суде, так и в процессе сбора доказательств на досудебных стадиях уголовного производства. Органам предварительного расследования доступна электронная система идентификации, которая позволяет хранить биометрические данные, фотографии, описание примет личности и иные данные, находящиеся во взаимосвязи с уголовно наказуемым деянием. В Положении указывается, что данная информация хранится в служебных целях и во исполнение норм УПК Швейцарии [6, с. 88]. Также в ст. 95 УПК Швейцарии указано, что данная информация хранится для защиты общественных или частных интересов, имеющих преимущественное значение. В этой стране развита система электронного документооборота на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. В ст. 91 УПК Швейцарии регламентирован вопрос соблюдения сроков доставления документов при их направлении посредством электронных систем. Например, при направлении запросов срок считается соблюденным если документ получен органом предварительного расследования не позднее последнего дня установленного срока. Срок исполнения запроса может быть продлен по требованию организации, но об этом она должна проинформировать орган предварительного

расследования, направив соответствующий документ [7]. Данный опыт интересен для уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, так как особенности соблюдения сроков исполнения запросов путем направления их в электронном виде в настоящий момент не регламентируется.

Говоря о цифровизации на начальных стадиях уголовного процесса, стоит упомянуть опыт ФРГ и КНР в данном вопросе. В ФРГ граждане могут составить обращение в полицию, прокуратуру или в суд в виде электронного документа посредством онлайн-сервиса Onlinewache. Подпись заявителя в таком сообщении не требуется, достаточно идентификации по IP-адресу и личному кабинету гражданина. По нашему мнению, подпись лица является обязательным требованием соблюдения легитимности. В данном случае необходимо использование электронной подписи гражданина.

В России дефиниция «электронная подпись», «электронный документ» имеют легальные определения, указанные Федеральном законе «Об электронной подписи». В КНР также используются информационные технологии при подаче заявления о преступлении. Граждане в Китае вправе обратиться с жалобой в органы общественной безопасности через сайт Национальной администрации по работе с обращениями населения. В настоящее время в одной из провинций функционирует полностью автоматизированный полицейский участок на базе искусственного интеллекта. Кибернетический участок работает без участия персонала 24 часа в сутки, но его функционал ограничен вопросами, связанными с автотранспортными средствами. Примечательно, что документы заявителю не нужны, так как в данном участке используется система распознавания лиц.

УПК Германии содержит разнообразный перечень следственных действий, схожий с российским, но заслуживает внимания такое новое следственное действие, в котором центральной фигурой выступает слабый искусственный интеллект. Речь идет о сравнении данных (Datenabgleich). Оно производится посредством использования слабого искусственного интеллекта, который осуществляет анализ имеющейся информации практически по всем базам данных с целью поиска сведений о возможных подозреваемых.

В рамках данной процедуры обычно сравниваются базы данных судов, а также автоматическому анализу подвергаются персональные данные, собранные в ходе производств по другим уголовным делам [5, с. 118]. Стоит также отметить, что УПК Германии позволяет участникам уголовного судопроизводства использовать некоторые процессуальные документы в электронном виде при помощи электронной почты со специальным криптографическим паролем (§ 487 (абз. 1) УПК Германии) [5, с. 102].

Интересен и опыт Китая в рассматриваемом вопросе. Набирают популярность онлайн-платформы для подачи заявления о преступлении посредством сети Интернет. Данная система также предоставляет потерпевшим возможность полной дистанционной подачи заявления о преступлении. На платформе заявитель получает идентификационный номер, который позволяет ему отслеживать на сайте отдела безопасности процесс проведения проверки, а также получает

уведомления о принятых по данному заявлению решениях [4]. В уголовно-процессуальном законодательстве России в настоящий момент отсутствуют точные формулировки относительно возможности подачи заявления о преступлении в электронном виде. Существует ряд ведомственных приказов, в которых указывается возможность подачи сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, но в УПК РФ отсутствует регламентация данной процедуры, что, по нашему мнению, требует внимания.

По мнению В. К. Захаровой, посредством таких онлайн-платформ, которые существуют в Китае, происходит обеспечение реализации права заявителя на доступ к информации о ходе рассмотрения заявления, принятого органом общественной безопасности. Это позволяет пострадавшему лицу отслеживать ход рассмотрения поданного им сообщения почти в режиме реального времени и реагировать на действия или бездействие следователя [3, с. 101]. По нашему мнению, подобный опыт использования онлайн-платформ является весьма полезным для внедрения его в отечественную уголовно-процессуальную деятельность. Это позволит сократить сроки расследования, уменьшить лишний документооборот, что положительно скажется на качестве расследования.

Технологии могут сделать возможность совершать процессуальные действия в ином контексте, на более высоком техническом уровне. Положительный зарубежный опыт использования информационных технологий на начальном этапе уголовного судопроизводства может быть полезен при разработке концепции построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий.

Список литературы

1. Возбуждение уголовного дела : учебное пособие / О. В. Химичева [и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.

2. Гришин Д. А. Совершенствование применения информационных технологий в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 119–122.

3. Захарова В. К. Применение современных медиакоммуникационных технологий в деятельности органов общественной безопасности и народной прокуратуры КНР // Академическая мысль. 2018. № 2 (3). С. 99–102.

4. Смирнова И. Г., Алексеева Е. В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в ходе проверки сообщения о преступлении: сравнительно-правовой анализ УПК РФ и УПК КНР // Уголовная юстиция. 2021. № 17. С. 128–133.

5. Информационные технологии в уголовном процессе зарубежных стран : монография / [Д. В. Бахтеев и др.] ; под ред. С. В. Зуева. М. : Юрлитинформ, 2020.

6. Трефилов А. А. Информатизация уголовного процесса Швейцарии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2 (75).

7. Schweizerische Strafprozessordnung (Strafprozessordnung, StPO // URL: file:///C:/Users/user/Downloads/strafprozessord-d%20(1).pdf.

Елизарова А. Д.[1],
адъюнкт Уфимского юридического
института МВД России

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Совершенствование российского законодательства влечет за собой не только появление дополнительных гарантий соблюдения и защиты прав граждан, но и возникновение определенных проблем в процессе практического применения норм. В качестве примера следует выделить принятую относительно недавно ст. 105.1 УПК РФ, предусматривающую введение новое меры пресечения – запрет определенных действий.

В научной литературе возникла дискуссия относительно необходимости существования такой нормы, поскольку она фактически схожа с уже существующей мерой пресечения – домашним арестом, является ее производной [1, с. 157]. Однако с данной позицией согласны немногие, считая, что отличия между запретом определенных действий и домашним арестом весьма существенны [3, с. 30].

Для уточнения сходств и различий между указанными мерами пресечения проведем их сравнительную характеристику.

Запрет определенных действий предполагает обязанность обвиняемого (подозреваемого) являться по вызову следователя (дознавателя) или суда, а также соблюдение одного или нескольких запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Домашний арест, в свою очередь, подразумевает изоляцию обвиняемого (подозреваемого) от общества.

Следовательно, можно сказать, что сущность рассматриваемых мер отлична друг от друга, при этом назначение каждой из них подразумевает осуществление контроля за обвиняемым (подозреваемым) со стороны уполномоченных органов.

Запрет определенных действий также, как и домашний арест, назначается судом в случае, когда не представляется возможным применить к обвиняемому (подозреваемому) более мягкую меру пресечения. При этом при избрании обеих мер, впрочем, как и любых иных мер пресечения, следует учитывать обстоятельства совершенного противоправного деяния, личность лица обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, а также иных фактических данных, имеющихся в материалах дела.

Анализ ст. 107 УПК РФ позволяет заключить, что при назначении домашнего ареста лицо, обвиняемое (подозреваемое) в совершении преступления, обязано находиться в изоляции от общества, т. е. ему запрещается покидать место жительства. Регламентация запрета определенных действий содержит указание лишь на то, что при избрании ограничения, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, лицу запрещается выходить из жилого помещения, в котором он находится на законных основаниях в определенных временные промежутки [4, с. 554].

---

[1] © Елизарова А. Д., 2022.

Следовательно, запрет определенных действий предполагает возможность обвиняемого (подозреваемого) покидать место, в котором он проживает, поскольку в судебном решении устанавливается промежуток времени, когда лицу запрещается выходить из жилого помещения, все остальное время он вправе свободно находиться за его пределами.

Помимо назначения обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения в виде домашнего ареста на него может быть возложена обязанность соблюдения запретов, предусмотренных пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, т. е. фактически ст. 107 УПК РФ частично включает в себя ограничения, предусмотренные ст. 105.1 УПК РФ.

Правовой режим домашнего ареста предполагает определенные послабления, связанные с состоянием здоровья обвиняемого (подозреваемого), в связи с чем местом пребывания для него может послужить лечебное учреждение.

УПК РФ в ст.ст. 107 и 105.1 содержит весьма важное уточнение о том, что несмотря на избранные в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения, он не может быть ограничен в праве вызова в случае необходимости экстренных служб.

Известно, что предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством меры пресечения располагаются от менее строгой к более строгой. В иерархии пресекательных мер домашний арест расположен на предпоследнем месте, перед заключением под стражу, что свидетельствует о его весьма строгом характере. В то время как запрет определенных действий расположен перед залогом – это говорит об относительной мягкости данной меры.

Период времени, в течение которого в отношении обвиняемого (подозреваемого) может быть избрана та или иная мера пресечения, зависит от тяжести совершенного деяния. Сходство исследуемых мер состоит в том, что общее количество времени их применения – два месяца.

Срок применения запрета покидать жилое помещение в рамках п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ не может превышать 12 месяцев (по уголовным делам небольшой и средней тяжести), 24 месяца (по тяжким преступлениям), 36 месяцев (по особо тяжким преступлениям). Сроки исчисления домашнего ареста аналогичны срокам заключения под стражу и составляют 6,12,18 месяцев соответственно, что опять же свидетельствует о более строгом характере данной меры.

Предусмотренные пп. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ не имеют каких-либо временных ограничений и применяются до отмены/изменения меры пресечения [2, с. 135].

Таким образом, в качестве основного фактора, позволяющего отличить одну меру пресечения от другой, выступает характер ограничения ей прав и свобод личности. Каждая из предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер пресечения обладает своими особенностями и признаками, отличающими ее от иных мер.

Сравнительный анализ запрета определенных действий и домашнего ареста показал наличие между ними как сходств, так и отличий. Некоторые признаки

запрета определенных действий действительно были продублированы и заимствованы из домашнего ареста. Тем самым полагаем следует согласиться с позицией авторов, считающих меру пресечения в виде запрета определенных действий «вычлененной» из домашнего ареста. Однако наличие у нее собственных признаков и особенностей позволяет говорить о ее самостоятельном характере.

Список литературы

1. Головинская И. В. О расширении перечня мер пресечения // Территория науки. 2018. № 2. С. 157–163.

2. Демичева Т. С. Сравнительная характеристика мер пресечения домашнего ареста и запрета определенных действий // Инициатива в науке: вопросы продуктивного взаимодействия в рамках образовательного процесса : Сборник научных трудов. Казань : ООО «СитИвент», 2019. С. 133–136.

3. Муравьев К. В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения // Российский следователь. 2017. № 2. С. 29–33.

4. Филатова А. Ю. Домашний арест и запрет определенных действий: сравнительно-правовая характеристика // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 12 (51). С. 553–557.

Емельянова Н. Ю.[1],
преподаватель кафедры
уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Уголовное судопроизводство Российской Федерации включает в себя ряд исключительных особенностей, констатирующих незыблемость либеральности и гуманности в нашей стране, при которых, в теории, всячески улучшается положение лиц, попавших под уголовное преследование. Именно таким является особый порядок судебного разбирательства, в частности – досудебное соглашение о сотрудничестве.

Нормы уголовно-процессуального законодательства указывают нам на условия, при которых возможно наступление так называемой сделки с правосудием. Помимо волеизъявления самого обвиняемого, выражающегося в ходатайстве, согласия с преступным характером совершенных действий и желанием смягчить свое положение, лицо берет на себя обязательства, а также ответственность за их выполнение, причем исключительно сами обязательства и носят ценностный характер данного вида особого порядка. Ключевое обязательство с точки зрения законодательства заключается в качественном (деятельном) содействии расследованию совершенного преступления, изобличении соучастников, помощи в отыскании доказательственной базы и предупреждении совершения новых преступлений [1]. При всем при этом обвиняемый гарантированно получает со стороны государства обязательство, предусматривающее «назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или освобождение от отбывания наказания» и предоставление мер государственной защиты [1]. В целом видится прозрачная картина беспристрастного и объективного правосудия, но что же происходи на самом деле?

Да, закон обязывает правоохранительные органы принимать в отношении нуждающихся в государственной защите лиц меры таковой защиты, приводимые в исполнение оперативными подразделениями с использованием различных сил и технических средств, в зависимости от степени угрозы и уровня опасности [1]. Однако представим ситуацию, при которой обвиняемый всячески способствует раскрытию преступления путем предоставления информации, на основании которой происходят последующие следственные и процессуальные действия, приносящие результат. В итоге обвиняемый, который уже приобрел статус подсудимого после проведения всех мероприятий, предусмотренных заключенным договором, например, приговаривается к лишению свободы на определенный срок в колонии-поселении. Следом за таким осужденным в эту же колонию поступает информация о не совсем правильных и честных поступках, которые явно

[1] © Емельянова Н. Ю., 2022.

не ценятся за пределами «колючей проволоки». Практика показывает, что тем самым мы ставим дальнейшие жизнь и здоровье лица под угрозу, потому как бывалые заключенные найдут способ и возможность отомстить «неугодному сокамернику».

Или же обратная ситуация: суд приговаривает лицо к условному осуждению. Здесь мы видим еще более высокий риск нападения на защищаемое лицо. Конечно, проанализировав сложившуюся ситуацию, у правоохранительных органов появятся основания для предоставления мер государственной защиты на основании Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и, вероятнее всего, эти основания будут обеспечивать защиту прав и интересов защищаемого лица некоторое (возможно даже продолжительное) время. Однако этот же Федеральный закон предполагает и отмену мер обеспечения безопасности, указывая, что «меры безопасности отменяются в случае, если устранены основания их применения» [2]. При таком развитии событий лицо также подвержено опасности со стороны «недоброжелателей», поэтому говорить о необходимости, а главное – практичности применения мер государственной защиты стоит лишь с субъективной точки зрения, особенно если речь идет о резонансных делах, вызвавших общественное негодование.

Биполярность заключается еще и в том, что, удостоверяя факт необходимости применения мер государственной защиты, государство в лице соответствующих правоохранительных органов, подвергает защищаемое лицо пассивной, постоянно обитающей угрозе. Здесь следует говорить, к примеру, о возможных свидетелях по тому или иному уголовному делу, которые могут обладать наиболее значимой (продуктивной) информацией, дающей ход расследованию. Ведь данные лица становятся участниками уголовного процесса в большинстве своем по воле случая. Но именно такое стечение обстоятельств отныне обязывает их быть ограниченными в конкретном круге прав, жить в страхе и риске, причем чувство безопасности описываемый институт, как мы уже определили, предоставляет кратковременно [3].

С другой стороны, нельзя забывать об исключительной необходимости института государственной защиты, ведь именно благодаря такому инструменту регулирования общественных отношений происходит обеспечение защитой участников уголовного судопроизводства во многих странах мира, потому как каждое отдельно взятое суверенное государство несет ответственность за своих граждан, особенно если дело касается жизни и здоровья. Российская Федерация многосторонне развивает эту тему, всячески регламентируя и уточняя неопределенные моменты, связанные с предоставлением государственной защиты, постоянно обновляя, дополняя и модернизируя способы и методы защиты [4]. Так, заканчивает в этом году свое действие постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. «Об утверждении государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019 – 2023 годы”», в котором четко расписываются приоритеты в сфере реализации программы, предоставляется информация

по ресурсному обеспечению, оговариваются мероприятия, а также указывается финансирование и распределение затрат между участниками данной программы. Это свидетельствует о том, что институт государственной защиты в Российской Федерации – новелла XXI в., требующая пристального внимания и усовершенствования в соответствии с требованиями, выдвигаемыми современным миром и развивающейся преступностью.

К тому же меры государственной защиты могут применяться и к самим сотрудникам правоохранительных органов. В данном случае речь идет о внутриведомственном контроле со стороны такой службы, как «Собственная безопасность» МВД России (далее – СБ), в задачи которой, в частности, входит обеспечение безопасности личного состава указанного министерства. Однако в настоящее время, как показывает практика, мы стали забывать об истинном предназначении этого подразделения «полиции в полиции», потому как по статистике СБ занимается преимущественно борьбой с неблагоприятным контингентом в полицейских рядах, о чем свидетельствует информация на сайте МВД России [5].

Таким образом, реализация мер государственной защиты не только при особом порядке, но и при любой другой форме предварительного расследования, судебного разбирательства, уголовного преследования и даже после завершения всех его стадий носит исключительно актуальный характер, что связано прежде всего с проверкой значимости таких мер именно временем, конкретными лицами, а порой, и жизнями некоторых людей, погибших в результате недоработки правоохранительных органов и неполноценности всей системы мер государственной защиты в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docment/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7yfty1zr5428386429.

2. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/?ysclid=l7yoaaydfc464987915.

3. Дмитриева А. А. Проблема применения мер государственной защиты и обеспечения безопасности участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 150–155.

4. Колосович М. С., Колосович О. С. Государственная защита участников уголовного судопроизводства как средства обеспечения их прав и законных интересов // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2303–2309.

5. URL: https://77.xn--b1aew.xn--p1ai/.

Ендольцева А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРИНЯТИЯ СУДОМ РЕШЕНИЯ О ЗАКОННОСТИ ИЛИ НЕЗАКОННОСТИ ПРОИЗВЕДЕННОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Солидное место среди полномочий судьи отведено судебному контролю за законностью производства следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Судьи ежегодно осуществляют порядка 600 000 производств в рамках указанного вида судебного контроля [1].

Несмотря на мнения некоторых авторов о недостаточной эффективности указанного вида судебного контроля [2, с. 38; 3, с. 67] и о возврате полномочий прокурору по санкционированию следственных и иных процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан [3, с. 232]. Законодатель выбирает путь укрепления роли суда в решении рассматриваемого вопроса. Так, Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в исключительное ведение суда был передан вопрос о выемке предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; Федеральным законом от 3 декабря 2007 г. № 322-ФЗ – о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи; Федеральным законом от 1 июля 2010 г. №143-ФЗ – о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ – о производстве обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. Мы поддерживаем такую позицию и считаем, что именно суд как надежный гарант прав и свобод личности может в полной мере обеспечить их незыблемость. Однако относительно порядка применения положений пятой части ст. 165 УПК РФ возникают некоторые вопросы.

Часть 5 ст. 165 УПК РФ связана с проверкой судьей законности произведенного без предварительной санкции суда следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан. Она позволяет проведение некоторых следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, без получения судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, но предусматривает проверку судьей законности проведения следственного действия в 24-часовой срок с момента поступления уведомления от следователя, дознавателя о его проведении.

Эта судебно-контрольная процедура определена в указанной норме следующими элементами:

---

[1] © Ендольцева А. А., 2022.

– *субъект, который обращается в суд*: следователь или дознаватель, который произвел в условиях безотлагательности следственное действие без предварительного получения судебного разрешения;

– *форма обращения*: уведомление, к которому прилагаются копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия;

– *срок уведомления*: не позднее трех суток с момента начала производства следственного действия;

– *срок проверки* судьей законности производства следственного действия без судебного разрешения: не позднее 24 часов с момента поступления уведомления (в этом случае часть пятая отсылает к положениям ч. 2 ст. 165 УПК РФ);

– *решение*, которое выносит судья и его *процессуальная форма*: постановление о законности или незаконности произведенного следственного действия.

Однако в ч. 5 ст. 165 УПК РФ не указана форма рассмотрения судьей уведомления, т. е. не говорится о том, что для решения рассматриваемого вопроса проводится судебное заседание, а соответственно, не определена и последовательность его проведения, не указаны лица, которые имеют право участвовать в судебном заседании, не подчеркнута возможность обжалования решения, принятого судьей. Отсутствие законодательной регламентации этих вопросов представляется нам неправильным.

Процедура принятия судом решения о законности или незаконности произведенного следственного действия в рассматриваемом случае осуществляется постфактум, следовательно, тайны следствия в рассматриваемом вопросе не усматривается и в судебном заседании на условиях состязательности сторон могут принимать участие заинтересованные участники уголовного процесса. Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 свидетельствует, что «по ходатайству лица, конституционное право которого было ограничено следственным действием, произведенным в случае, не терпящем отлагательства, его защитника, представителя и законного представителя, а также иных заинтересованных лиц, им должна быть обеспечена возможность участия в проверке судом законности такого следственного действия по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ, а также возможность обжалования принятого по результатам проверки судебного решения. В этих целях они извещаются о месте, дате и времени судебного заседания, им направляется копия судебного решения» [4].

Таким образом, поскольку законодатель упустил обозначенные моменты из виду, эти недостатки вынужден исправлять Верховный Суд Российской Федерации, что, на наш взгляд, является недопустимым, поскольку его решения не являются источником права, он не может создавать правовых норм.

Процедура принятия судом решения по производству следственного действия, регламентированная в чч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, значительно отличается от процедуры принятия судом решения в случаях, когда производство следственного действия не терпит отлагательства (разные: форма обращения, субъекты, принимающие участие, виды решений).

Считаем, что закрепление в УПК РФ участников судебного заседания по решению судом вопроса о законности произведенного в безотлагательном случае следственного действия, а также возможности обжалования принятого судом решения необходимо, поскольку это способствует реализации прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Согласно данным судебной практики, несмотря на указанные положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, встречаются случаи, когда участники со стороны защиты не уведомляются о проведении судебного заседания по проверке законности произведенного следственного действия. Примером тому может быть апелляционное постановление № 22К-5729/2020 от 10 ноября 2020 г. по делу № 3-171/2020 [5]. Следователь провел обыск в жилище без судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, о чем уведомил суд в установленный законом срок. Постановлением районного суда производство обыска признано законным. Однако позже заявитель и адвокат подали апелляционную жалобу, указав на то, что постановление суда о признании обыска законным считают незаконным, необоснованным. Заявитель указал в жалобе о том, что не был извещен о судебном заседании по вопросу проверки законности произведенного обыска, в связи с чем его конституционные права были ограничены. Рассмотрев жалобу, апелляционный суд отметил, что в представленных материалах отсутствуют сведения о том, что заинтересованные лица извещались о дате, времени и месте судебного заседания. Судебное заседание проведено без участия заинтересованных лиц. Суд апелляционной инстанции, признав существенным указанное нарушение, отменил решение суда первой инстанции. Наличие таких примеров на практике свидетельствует о необходимости законодательного закрепления участников судебно-контрольной процедуры и их уведомления о дате, месте и времени проведения судебного заседания.

Однако полагаем, что в тот срок, который определен законодателем для рассмотрения в суде уведомления следователя/дознавателя (не позднее 24 часов с момента его поступления), известить стороны о времени и месте судебного заседания с тем, чтобы обеспечить им реальную возможность участия в заседании, невозможно. Поэтому считаем, что этот срок должен быть в данном случае изменен. Его целесообразно определить в пределах пяти суток, как это установлено в ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ.

В заключение сделаем вывод о том, что судебно-контрольная процедура, регламентированная в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, должна быть уточнена относительно участия в судебном заседании заинтересованных лиц, сроков рассмотрения уведомления следователя, дознавателя о проведенном следственном действии без судебного решения и возможности обжалования принятого судом решения. Считаем, что разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данным вопросам недостаточно, поскольку Суд не может выполнять функции законодателя, а указанные положения должны быть урегулированы в уголовно-процессуальном законе.

Список литературы

1. Судебная статистика // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

2. Кальницкий В. В. УПК РФ не обеспечивает процессуальную независимость суда // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства : Избранные труды. Омск, 2016.

3. Ковтун Н. Н. Оперативный судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: фикция или конституционная, по сути, гарантия? // Государство и право. 2011. № 1.

4. Россинский С. Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Российская газета. 2017. № 125.

6. Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: https://sudact.-ru/regular/doc/RQcTQv7sgA1r/.

Игнатьева М. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ФИГУРА ЗАПОДОЗРЕННОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В ныне действующем законодательстве, регламентирующем правовое положение участников уголовного судопроизводства, в целях обеспечения прав и свобод личности, а также в целях их укрепления, регулярно происходят изменения. В первую очередь данные изменения касаются тех лиц, чьи права, как личности, затрагиваются в наибольшей степени. Речь идет о процессуальной фигуре подозреваемого. Интерес к институту подозрения не случаен, так как подозрение – это деятельность, в процессе которой предполагается изобличения лица, совершившего преступление.

Несмотря на огромное количество периодических изданий, в которых исследуется правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России, а также различные аспекты его участия в уголовном деле, и по сей день возникает ряд проблем, касающихся данной процессуальной фигуры.

В действующем УПК РФ дано четкое законодательное определение уголовного преследования. Так, в соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ «уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Однако стоит отметить, что сам термин «подозрение» отсутствует.

Исследование законодательно закрепленного термина позволяет говорить о том, что в уголовном преследовании выделяется два процессуальных лица, в отношении которых может осуществляться уголовное преследование: подозреваемый и обвиняемый.

Детальный анализ процессуального статуса подозреваемого в первую очередь порождает за собой одну из наиболее острых проблем, споры по которой в науке и правоприменительной практике не утихают. Данная проблема касается лица, в отношении которого проводится предварительная проверка сообщения о совершенном преступлении.

В УПК РСФСР 1960 г. этап доследственной проверки сообщения о преступлении был впервые выделен в самостоятельную стадию возбуждения уголовного дела. В связи с этим в законе и науке утвердилось мнение об отсутствии в данной стадии самого по себе уголовного преследования и соответственно уголовно-преследуемого лица. Это означало лишь одно, что само преступление признается с момента вынесения уполномоченным процессуальным лицом соответствующего процессуального документа – постановления о возбуждении уголовного дела. Соответственно, с данного момента и лицо приобретает статус подозреваемого.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ст. 144 УПК РФ была введена новая норма – ч. 1.1. В ней четко прослеживается косвенное признание уголовного преследования не на стадии предварительного расследования, а уже

[1] © Игнатьева М. С., 2022.

на стадии возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, вправе пользоваться услугами адвоката [3]. По сути данное положение полностью подтверждает тот факт, что уже на данном этапе уголовного судопроизводства появляется совершенно новый законодательно неопределенный участник – лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, которое в науке называют по-разному: «условный подозреваемый», «потенциально подозреваемый», «преследуемое лицо», «заподозренный» [10, с. 2568], «заподозренный свидетель».

На первый взгляд проблема именования лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, несет за собой некий лингвистический характер. Однако это абсолютно не так. С точки зрения уголовно-процессуальной науки данный вопрос приобретает содержательное свойство.

Итак, поднимая данную проблему невольно сталкиваешься с рядом вопросов: в какой момент возникает и оканчивается статус подозреваемого? Если предположить, что процессуальный статус заподозренного лица будет законодательно определен, то какой круг прав, обязанностей и ответственности на него будет возложен? А также какие правовые последствия будет нести лицо, заподозренное в совершении преступления? И, пожалуй, самый важный вопрос: а существует ли необходимость в дубляже идентичных процессуальных фигур?

Обращаясь к международному законодательству, мы можем обнаружить примечательный факт. Так в германском уголовно-процессуальном законе для лица, совершившего преступление, законодатель выделил целых четыре термина: Verdächtiger (заподозренный), Angeschuldigter (виновный), Beschuldigter (обвиняемый), Angeklagter (подсудимый) [11, с. 34]. Данный перечень неслучаен и более того данные термины приведены по степени возрастания доказанности их причастности к преступлению. Первый термин как раз определяется как имеющееся предположение о причастности лица к преступлению. В данном контексте напрямую прослеживается связь с незакрепленным в УПК РФ статусом «заподозренного» лица.

Некоторые авторы, исследующие проблему существования процессуального статуса заподозренного лица, считают, что его введение в уголовно-процессуальное законодательство нецелесообразно и может привести к нагромождению существующей системы участников уголовного судопроизводства. Предполагаемое нагромождение возможно будет связываться не только с участниками уголовного судопроизводства в целом, но и вносить изменения в процессуальные документы, потому как возникнет необходимость в создании соответствующего постановления, протокола, либо иного процессуального документа, который станет основанием для придания тому или иному лицу статуса заподозренного. Другие же авторы, например, такие как Л. М. Карнеева, Е. В. Сопнева, А. Н. Заливин, придерживаются абсолютно противоположной позиции и выступают за законодательное закрепление процессуального статуса заподозренного лица.

Одной из первых в уголовно-процессуальной науке суждение о признании заподозренного самостоятельным процессуальным лицом выдвинула Л. М. Карнеева. В соответствии с ее точкой зрения, пока само по себе подозрение процессуального лица о наличии в действиях лица, в отношении которого проводится

предварительная проверка сообщения о преступлении, признаков преступления, не нашло закрепления в конкретном процессуальном документе, нельзя ставить вопрос о признании лица подозреваемым. В связи с этим данному лицо необходимо другое, наиболее подходящее название– заподозренный [6, с. 36]. Суждение Л. М. Карнеевой поддерживается некоторыми современными учеными-процессуалистами.

Стоит отметить, что авторы, имеющие идентичное Л. М. Карнеевой мнение, считают, что начальной точкой обретения лицом статуса заподозренного следует считать тот момент, когда у органов предварительного расследования появляется информация или предположение о причастности лица к совершенному противоправному деянию, но в силу недостаточности доказанности его вины, отсутствуют основания для приобретения им установленного уголовно-процессуальным законом статуса подозреваемого.

Так, по мнению Е. В. Сопневой, создание заподозренного обусловлено многими обстоятельствами как исторического характера, так и содержанием современного законодательства, в том числе международного. Е. В. Сопнева предложила определение данной процессуальной фигуры: «Заподозренный – это лицо, в отношении которого выдвинуто предположение о его причастности к преступлению».

Е. В. Сопнева создала определенную концепцию, в соответствии с которой логично выстраивается ряд участников уголовного судопроизводства, демонстрирующих эволюцию уголовного преследования в отношении того или иного лица: заподозренный, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный [10]. Однако, на наш взгляд, этот ряд не конечен и в него, наряду с заподозренным, могут войти и иные процессуальные фигуры.

А. Н. Заливин также придерживается идеи введения такого участника уголовного судопроизводства, как «заподозренный». Он считает, что необходимо заменить термин «лицо, подозреваемое в совершении преступления» на «заподозренный», замечая, что именно последний термин отражает начало подозрения и потому более точно отражает процессуальный статус лица, в отношении которого производятся официально изобличающие его действия, ущемляющие его права и свободы [5, с. 888].

Говоря о технологии производства дознания, нельзя не отметить тот факт, что одним из оснований, предусмотренным ст. 46 УПК РФ, при котором лицо приобретает процессуальный статус подозреваемого, является уведомление о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 233.1 УПК РФ. Прежде чем дознаватель выносит соответствующий процессуальный документ, лицо, в отношении которого применяется уличающее действие, необходимо ввести в уголовное дело в качестве свидетеля. А будет ли данное лицо именно свидетелем? Или все же, придерживаясь мнения о необходимости введения фигуры заподозренного, стоит говорить о еще одной новой процессуальной фигуре «заподозренный свидетель» или «подозреваемый свидетель»?

Проведя анализ, можем прийти к выводу, что в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов зачастую термином «подозреваемый» именуются лица, не обладающие таким статусом, но в силу сложившихся обстоятельств условно являются таковыми, так как в отношении них проводятся мероприятия, направленные на установление их причастности к совершению

того или иного преступления. Совершенно точно относительно данного вопроса высказывается В. Н. Григорьев: «В результате подобных действий лицо ставится в двусмысленное положение: с одной стороны, они объективно свидетельствуют о существовании подозрения о причастности лица к совершенному преступлению, с другой – это лицо, не будучи поименованным в постановление о возбуждении уголовного дела либо задержанным или арестованным, не имеет формального статуса подозреваемого» [4, с. 43].

Самое важное положение, на наш взгляд, в данной проблеме условно «заподозренному лицу» процессуальными лицами, проводящими расследование, должным образом должно быть обеспечено право на защиту, потому как несоблюдение права на защиту может повлечь за собой признание того или иного следственного действия недопустимым доказательством.

Так, по жалобе гражданина Демьяненко, Конституционным Судом Российской Федерации было вынесено определение от 6 февраля 2004 г. № 44-О. Согласно обстоятельствам дела Демьяненко обратился с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации, в которой он оспаривает конституционность ч. 3 ст. 56 УПК РФ. В жалобе указывается, что в связи с отказом гражданина Демьяненко от своих показаний в судебном заседании, Октябрьский районный суд г. Красноярска, по ходатайству прокурора вызвал и допросил в качестве свидетелей следователей, производящих предварительное следствие по уголовному делу в отношении Демьяненко, которые воспроизвели его показания, данным им в ходе досудебного производства в отсутствии защитника. Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении изложил доводы о том, что ст. 56 УПК РФ не исключает возможности допроса процессуальных лиц, проводивших расследование, в качестве свидетелей. Вместе с тем эти положения не дают оснований допрашивать данных лиц касательно показаний лица, подозреваемого в совершении преступления, данных им в отсутствии защитника и не подтвержденных в суде. В связи с чем данные доказательства являются недопустимыми.

Нельзя не согласиться с мнением В. Н. Григорьева, который писал, что расширение круга лиц, поставленных в положение подозреваемых, – неположительный факт. Самое главное в вопросе наделения лица статусом подозреваемого – обеспечение реальной возможностью воспользоваться правами, направленными на защиту своих интересов [4, с. 46].

Проанализировав различные точки зрения авторов, изучающих проблематику, касающуюся фигуры заподозренного лица, стоит отметить, что они неоднозначны. Споры в научном мире не утихают. На наш взгляд, введение в круг участников уголовного судопроизводства фигуры заподозренного лица не совсем обоснованно. Мы считаем, что закрепленный в УПК РФ круг участников, если и не безупречен в плане защиты их прав, то конечен. По сути, мнение о фигуре заподозренного своего рода дубляж установленной и уже названной фигуры – лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. На этапе проверки данный статус лица, безусловно, ограничивает его права, но не несет за собой никакого негативного отпечатка на дальнейшей судьбе. Думается, в случае законодательного закрепления фигуры заподозренного лица, негативные последствия в виде внесения сведений о подозрении в базы данных, будут предусмотрены правоохранительными органами в той же

мере, как и это положение касается статуса подозреваемого. Важно в полной мере обеспечивать защиту прав и законных интересов лиц, в отношении которых ведутся уличающие действия.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l7pur6okle379445320.

2. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docment/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7yfty1zr5428386429.

3. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

4. Григорьев В. Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–46.

5. Заливин А. Н. «Лицо, подозреваемое в совершении преступления» или «подозреваемый»: соотношение понятий // Науч. тр. Рос. Акад. юрид. наук (РАЮН). 2009. Вып. 9. Т. 3. С. 35–38.

6. Карнеева Л. М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1959. № 4. С. 35–38.

7. Клевцов К. К. Процессуальный статус и показания заподозренного лица – старые песни о главном // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 166–169.

8. Смолькова И. В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 70–77.

9. Сопнева Е. В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1474–1480.

10. Сопнева Е. В. Развитие представлений о заподозренном лице // Актуальные проблемы уголовного процесса. 2014. № 11 (48). С. 2568–2573.

11. Тарасов А. А. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Евразийская адвокатура. 2015. № 2 (15). С. 70–77.

Изюмский Д. И.[1],
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Емельянова Н. Ю.***,
преподаватель кафедры уголовного процесса,
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Каждый день органы расследования, а также суд сопоставляют совершенное человеком деяние с мерой, которую необходимо избрать в каждом конкретном и индивидуальном случае. Можно сказать, что они ищут компромисс между необходимостью применения этих мер и обеспечением базовых прав и свобод человека.

По общему правилу суд должен убедиться в том, что невозможно применить иную, более лояльную меру пресечения.

Если лицо не представляет серьезной общественной опасности, то заключать его под стражу неразумно. То же самое и с домашним арестом: например, нерационально ограничивать права лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 155 УК РФ, т. е. мешать ему вести нормальную жизнь, ходить на работу, за покупками в магазин. В данном случае лицо не будет изолировано от общества.

«При обсуждении нормы о запрете определенных действий законодательство опиралось на то, что правоприменители зачастую избирают заключение под стражу в досудебном производстве, а домашний арест и залог в общем количестве мер пресечения не превышают нескольких процентов» [1, с. 37–38].

На сентябрь 2021 г. законодательство предусматривает перечень запретов по ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ:

– на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

– нахождение в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, на посещение мероприятий и участие в них;

– общение с определенными лицами;

– отправление и получение почтово-телеграфных отправлений;

– пользование средствами связи и информационно-телекоммуникационной сетью Интернет;

– управление транспортным средством, когда преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Длительность перечисленных запретов зависит от тяжести преступления (ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ):

---

[1] © Изюмский Д. И., 2022.

1) о преступлениях небольшой и средней тяжести – не более 12 месяцев;

2) тяжких преступлениях – не более 24 месяца;

3) об особо тяжких преступлениях – не более 36 месяцев.

Анализируемая мера применяется так же, как и заключение под стражу, – по судебному решению, однако отличается более мягким режимом ограничений, применяемых к лицу [2]. Немаловажным аспектом здесь являются и обязательства, накладываемые на само лицо (являться по вызовам следователя, дознавателя, суда; соблюдать установленные запреты).

Опираясь на судебную статистику за 2021 г., сделаем вывод, что правоприменитель нечасто использует данную меру пресечения по сравнению с другими, налагаемыми судами, за исключением разве что залога, который применяется куда реже.

Так, за 2021 г. заявлено 96 728 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 84 919 из них удовлетворено. Ходатайств об избрании домашнего ареста 8 065, удовлетворенно – 6 949. Ходатайств об избрании залога 264, 244 удовлетворено. Ходатайств об избрании запрета определенных действий 2 117, удовлетворено – 1 850 [3].

Не любовь правоприменителя к использованию данной нормы связана с нецелесообразностью ее применения, она не в состоянии как-либо помешать обвиняемому скрыться от расследования или же суда. Если у обвиняемого или подозреваемого есть желание скрыться от правоохранительных органов, то рациональнее применить в отношение него заключение под стражу или домашний арест. «В других ситуациях достаточно подписки о невыезде, решение об избрании которой принимает следователь самостоятельно, а не по решению суда как в случае с запретом определенных действий» [4, с. 85].

Возможный вариант, при котором мы видим возможность применения запрета определенных действий, – при реализации п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а именно если подозреваемый или обвиняемый может угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем препятствовать производству по уголовному делу. Здесь правильным вариантом будет отграничить или лишить общения обвиняемого с определенными людьми.

В качестве примера работы данной нормы можно вспомнить ходатайство следователя перед Басманным судом Москвы об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий до 18 января 2021 г. аудитору Счетной палаты и экс-главе Ивановской области М. [5].

Его обвиняли в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ в период с 2005 по 2013 г., когда он руководил Ивановской областью.

К нему был применен запрет на покидание дома более чем на 2 часа в день и запрет на общение с фигурантами дела. Уголовное дело было прекращено в связи с истечением сроков давности.

Главу профсоюза «Альянс врачей» Васильву А. привлекли к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 236 УК РФ, в конце дела № 01-0528/2021 она была приговорена к одному году ограничения свободы, однако на момент расследования,

начиная с февраля, в отношении нее была избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий, заключающаяся в запрете: на получение почтово-телеграфных отправлений, использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет, исключением являлось необходимость вызова экстренной помощи.

Не редки случаи, когда обвиненные ходатайствуют о замене мер пресечения на запрет определенных действий, так как данное ограничение является в разы мягче заменяемых. Так было и с Ариной Маркеловой, осужденной за мошенничество в крупном размере. Маркелова ограбила путем введения в заблуждение не менее 500 пенсионеров. Зная, что у пенсионеров маленькие пенсии и они доверчивы, находятся в тяжелом материальном положении, Маркелова предлагала повысить им денежное пособие за то, что они будут перечислять ей либо периодические, либо едино разовые денежные выплаты, при этом сумма перечислений всегда варьировалась. На время следствия к ней была применена мера пресечения в виде заключения под стражу. В ходатайстве суду она отметила, что считает несправедливым применение по отношению к ней данной меры, так как ко всем соучастникам был применен либо залог, либо запрет определенных действий. В аргументацию своей позиции указала, действия правоохранительных органов об избрании в отношении ее заключения под стражу являются мерами психологического давления, так как в отличии от своих «коллег по цеху» она единственная кто не признала свою вину. Действия сотрудников считает недопустимыми в связи с чем просила изменить заключение под стражу на запрет определенных действий. Прокурор П. А. Боковская опротестовала ее доводы, ссылаясь на отсутствие у Маркеловой в Перми места жительства. Ходатайство удовлетворено не было, и все осталось без изменений.

Еще один яркий пример применения рассматриваемой нормы произошел по делу в отношении Александра Мучаева, осужденного по ч. 1 ст. 318 УК РФ. 23 января 2021 г., в день проведения несанкционированных акций в поддержку А. А. Навального сотрудники полиции попытались задержать двух «акционерок», которые сели в автомобиль Мучаева, начавшего движение, задевшего одного из них бампером и наехавшего на ногу. Свою вину он признал. Девушки были признаны свидетелями. Суд удовлетворил ходатайство о запрете определенных действий, а если конкретнее, то запретил общение со свидетелями, посещение несанкционированных массовых мероприятий.

Резюмируя изложенное, сделаем вывод – ст. 105.1 УПК РФ имеет право на существование, мМожет применяться лишь в случае «привлечения лица к уголовной ответственности в рамках законности и обоснованности» [6]. В статью необходимо внести дополнение касательно лиц, с которыми нельзя ограничить общение, как пример это может быть лечащий врач, в случае какого-либо хронического заболевания, подтвержденного в соответствующем медицинском учреждении.

Законодатель разрешает устанавливать запрет на посещение определенных мест, но при этом не уточняет каких. Непонятен момент вызова подозреваемого к следователю, дознавателю или в суд, в тот промежуток времени, когда действует запрет на покидание жилого помещения. Например, к И. И. Иванову был

применен запрет на покидание жилого помещения с 8 до 12 часов. В 10 часов следователь П. П. Петров вызывает И. И. Иванова в территориальный орган. Иванов покидает жилое помещение в 10 часов 30 минут, тем самым нарушая введенный в отношении него запрет. В этом случае мы видим два решения данной проблемы: 1) изложить п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ так: «выходить в определенные периоды времени», кроме случаев вызова следователем, дознавателем или судом «за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях»[7]; 2) дополнить ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ следующим предложением – может быть вызван только в тот период времени в который по отношении к нему не действует запрет, в случае не требующем отлагательства сопроводить его на служебном транспортном средстве.

Только эти введения могут гарантировать успешное применение указанной меры пресечения в уголовном судопроизводстве.

Так же необходимо дополнить ст. 105.1 УПК РФ предложением: при применении запрета определенных действий необходимо получить согласие всех проживающих с подозреваемым граждан о том, что они не против, чтобы с ними проживали.

Список литературы

1. Квык А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7. С. 34–35.

2. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1820592/.

3. URL:http://www.cdep.ru/index.php.

4. Николай Николаевич Загвоздкин, Сергей Анатольевич Кузора Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12.

5. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/06/2021/60b747da9a794790d2ab2915.

6. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юридическая литература, 1971.

7. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docment/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7yfty1zr5428386429.

Кононов П. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Тишутина И. В.****,*
профессор кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИШЕСТВИЙ С УЧАСТИЕМ СРЕДСТВ ПЕРСОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

В научной сфере нет общего мнения о том, как и когда привлекать специалистов к следственным действиям по фактам дорожно-транспортных происшествий с участием средств персональной мобильности, таких как электросамокат или электроскутер, электровелосипеды и моноколесо, а также других транспортных средств.

В своей нучной работе И. Е. Лопушной писал о необходимости привлечения специолистов в тех следственных действиях, где возникает необходимость применения определенных (специальных) знаний, без которых сотрудник правоохранительных органов не сможет установить какие либо обстоятельства, относящиеся к делу [1, с. 7]. Так же хочется отметить, что В. Н. Махов писал о привлечении специалиста с другой точки зрения, а именно как о его позитивном влиянии, направленном на деятельность (работу) лица, ведущего уголовный процесс, и не таком эффективном и производительном, как это происходит без его участия [2, с. 10]. Вышеуказанные мнения отражают необходимость и пользу привлечения специалиста при расследовании в определенных обстоятельствах.

Мы также хотим отметить, что для верного направления сотрудников правоохранительных органов в их повседневной практической деятельности, важным является установление и определение условий, при которых возникает необходимость вызова специалиста для привлечения его к участию в следственных действиях. В своей научной работе А. В. Мусиенко указывает на общие условия и цели, при которых возникает необходимость вызова специалиста. Он в том числе пишет о паре принципов, которые должны придерживатся при раследовании сотрудники правоохранительных органов: практической целесообразности привлечения специалиста; необходимости привлечения специалиста [3, с. 96].

Далее мы расмотри один из вышеуказаных принципов более подробно. Так, если сотрудники правоохранительных органов четко и ясно понимают, что без использования навыков и знаний специалиста они не в состоянии провести следственое действие либо если в соответсвии с закнодательством его участие

[1] © Кононов П. А., 2022.

обязательно в уголовном процессе, это и будет являтся принципом необходимости. При раследовании преступления практическую целесообразность использования знаний и навыков специалиста отражает их эфективное и рациональное применение следователем. Очень ярко это проявляется сейчас в повседневной жизнедеятельности социума, потому что развитие автомобилей (гибридные, электромобили с функцией автопилота) и средств персональной мобильности взаимосвязано с гаджитолизацией и цифровизацией нашего общества в целом и транспортных средств в частности.

Следователь на месте проишествия и при раследовании уголовного дела является руководителем следственно-оперативной группы. Участвующий в производстве специалист, вызваный следователем, также руководствуется указанием руководителя группы. Данное управление может осуществляться в различных вариациях. Хочется начать с имеративной, когда следователь дает поручения специалисту, который непосредсвенно их выполнет. Далее необходимо отметить противоположную вышеуказаной – автономную, – при которой специалист действует самостоятельно. Симбиозом будет являтся смешание императивной и автономной деятельности, при которой следователь определяет вектор и общий характер деятельности специалиста, а последний в соотвествии с ним самомостоятельно продолжает работать. Мы считаем, что это зависит как от специальной или криминалистической подготовки лица, ведущего уголовный процесс, так и от непосредственного взаимодействия между ним и участвующим специалистом.

В ходе раследования выбор и порядок перименения знаний, навыков, технико-криминалистических средств и методов их использования должен самостоятельно определятся специалистом в том случае, когда таковые отсутсвуют у следователя. Также, по мнению А. В. Гусева, не должно быть вмешательства в деятельность специалиста, если она осуществляется в рамках закона и отвечает целям и задачам раследования преступления [4, с. 22].

Важно понимать, что курс криминалистики изучается во всех юридических вузах и является профильным для судебно-прокурорско-следственной деятельности юриста. Но если эту позицию преломить через призму расследования определенной категории преступлений, которыми являются дорожно-транспортные происшествия, а они взаимосвязаны с множеством технических и юридических факторов и особенностей, то не каждый следователь или сотрудник органа дознания обладает техническими знаниями, пониманием принципов управления различными транспортными средствами и особенностями, которые влияют на безопасность дорожного движения. Следовательно, специалисты на месте происшествия и при проведении следственных действий будут являться незаменимыми помощниками органов уголовного преследования. Сейчас актуально использование специалиста, обладающего знаниями в сфере компьютерной техники и информационных технологий, так как средства персональной мобильности являются совокоупностью механических, электронных, цифровых, узлов и агрегатов, а также общностью програмного обеспечения, которое объединяет вышеперечисленное.

В ходе расследования дорожно-транспортных проишествий нами установлено, что специалисты привлекались и участвовали в абсолютном большенстве изученных уголовных делах, где-то в большем, а где-то в меньшем количестве, в зависимости от конкретного преступления и обстоятельств его расследования.

К категории сложных преступлений относятся дорожно-транспорные проишествия с участием средств персональной мобильности. По мнению А. А. Полещука, следователю при расследовании таких дел необходимо осуществлять большое количество действий по установлению фактов, относящихся к различным областям научных знаний. В связи с чем увеличивается продолжительность расследования, что обусловлено снижением эфективности производительности труда следователя [5, с. 6]. Ему необходимы дополнительные познания в автотехнике, дорожном движении и цифровой (компьютерной) информации, которыми обладать специалисты из этих сфер.

Участие специалистов в расследовании дорожно-транспортных проишествий с участием средств персональной мобильности важно, так как оно заключается в использовании их результатов деятельности при квалификации деяний УК РФ, диспозиции которых относятся к дорожно-транспортным преступлениям. Это подтверждается изученными нами уголовными делами и материалам проверок по фактам сообщений о дорожно-транспортных происшествий.

Список литературы

1. Лопушной Е. Я. Участие специалиста-криминалиста в следственных действиях : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1971.

2. Махов В. Н. Участие специалиста в следственных действиях : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1971.

3. Мусиенко А. В. Принципы привлечения специалистов к производству следственных действий // Проблемы предварительного следствия : Сб. науч. раб. Волгоград, 1978. С. 93–96.

4. Гусев А. В. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных познаний в ходе предварительного расследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.

5. Полещук А. А. Следственная практика. М., 1972.

Кучин М. В.[1],
начальник курса
института-факультета
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАПАДНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА. ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

В условиях постоянной угрозы, связанной с проведением специальной операциии на Украине, вопрос обеспечения безопасности западных регионов Российской Федерации стоит как нельзя остро. Регулярные удары военных вертолетов, ствольной и реактивной артиллерии наносят существенный урон и разрушения как объектам социальной и транспортной инфраструктуры, так и объектам муниципального и жилого фонда. К большому сожалению, в результате таких ударов зачастую не обходится без пострадавших и погибших среди гражданского населения. С учетом все более обостряющейся ситуации, население семи регионов Российской Федерации (Брянская область, Курская область, Белгородская область, Воронежская область, Ростовская область, Краснодарский край и республика Крым), граничащих с Украиной, находится в постоянной опасности, регулярно подвергаясь различным нападениям.

С начала специальной военной операции украинские боевики многократно проводили диверсии в регионах Российской Федерации, граничащих с территорией Украины. В таких областях, как Брянская, Белгородская и Курская, в ряде районов Краснодарского края и Воронежской области, а также в северной части полуострова Крым введен «желтый» (средний) уровень террористической опасности.

На территории Белгородской области «желтый» уровень террористической опасности продлен до 24 июля 2022 г. Как сообщил губернатор области Вячеслав Гладков: «В области по-прежнему действует постановление о запрете запуска фейерверков, салютов и петард».

Ранее, еще на две недели «желтый» уровень террористической опасности был продлен на территории Курской области. По информации губернатора Романа Старовойта, ситуация в регионе остается напряженной.

Вместе с тем основные жертвы вооруженных сил Украины – это гражданское население, проживающее в регионах, освобожденных Российской Армией. Так, по информации «Известия» [1], предоставленной главой военно-гражданской администрации Владимиром Леонтьевым 11 июля 2022 г., обстрелу Вооруженных Сил Украины подверглись жилые дома и рынок на территории Новой Каховки Херсонской области. Предположительно обстрел велся с использованием HIMARS американского производства, выпущенные ракеты попали в склады для хранения минеральных удобрений.

---

[1] © Кучин М. В., 2022.

Как сообщил Леонтьев: «В результате удара ВСУ по Новой Каховке повреждены жилые дома, поскольку ракеты американские попали в склады с минеральными удобрениями, которые начали взрываться. Есть пострадавшие, повреждены больница, рынок и жилые дома, в радиусе двух километров повылетали окна». В результате ракетных попаданий жилому фонду нанесен большой ущерб, серьезно пострадал склад с гуманитарной помощью, несколько раненых доставлено в медицинские учреждения. По информации Кирилла Сергеевича Стремоусова (с 26 апреля 2022 г. – заместитель главы военно-гражданской администрации Херсонской области) в общей сложности было нанесено шесть ракетных ударов, из них системами противовоздушной обороны отбиты три [4].

По состоянию на 12 июля 2022 г. число погибших в результате обстрела Новой Каховки увеличилось до 7 жителей. При этом количество пострадавших возросло до 90 человек.

С учетом важности и актуальности данной проблемы обратимся к историческому опыту периода последних лет императорской России. Данная проблематика была актуальна как в тот исторический период, так и в нынешнее время. В связи с этим наиболее интересны события, описанные в мемуарных воспоминаниях государственного деятеля, занимавшего высшие правительственные посты, – Курлова Павла Григорьевича [7]. Павел Григорьевич по праву является выдающимся государственным чиновником своего времени. Начиная свою карьеру с военных должностей, он последовательно занимал ответственные государственные посты, сначала прокурора Вологодского окружного суда, затем губернатора Минской губернии, а впоследствии и товарища министра (заместителя министра) внутренних дел Российской империи. Довольно яркий и продолжительный период в его карьере был связан с обеспечением личной безопасности императора Николая II и членов его семьи в кровавый период террористических актов, совершаемых революционно настроенными людьми в отношении первых лиц Российской империи. Впоследствии недостаточные меры безопасности привели к покушению на П. А. Столыпина, занимавшего пост председателя совета министров Российской империи, в результате которого он умер.

П. Г. Курлов по праву может нами считаться патриотом своей страны, потомственным военным, как о себе говорил Павел Григорьевич: *внук и сын солдата*. До последнего дня это был убежденный монархист, воспитанный в вере и любви к Богу, а также в бесконечной преданности Государю. Большую часть своей жизни, посвятив служению Российской империи, Павел Григорьевич глубоко переживал события, связанные с русской революцией, отречением от власти последнего Императора Российской империи Николая II, приходом к власти абсолютно неподготовленных политиков, составивших кабинет временного правительства, а затем большевиков.

Вместе с тем в рамках рассматриваемого вопроса нас больше интересуют исторические события, участником и современником которых являлся П. Г. Курлов. Речь в первую очередь идет о прогнозируемых и согласованных действиях высшего военного командования и гражданских чинов на территории

Эстляндской (в настоящее время Эстония) и Лифляндской губерний (в настоящее время Латвия) в период проведения военных действий между Российской империей и Германией. Рассматриваемые события относятся к 1914–1915 гг. и происходят на территории Эстлянской губернии, в ту пору входящую в состав Российской империи. Вместе с тем город Рига с уездом и Курляндская губерния были включены в район Двинского округа так, что в административном отношении стояли в ведении начальника этого военного округа. В целях безотлагательного решения ряда вопросов, остро стоявших в военный период перед кабинетом министров императорской России, задачи гражданского управления всего северного края были возложены на П. Г. Курлова. При этом основной целью являлось исключить двойственность военной и гражданской администрации на одной территории. Для решения поставленных задач ему были даны соответствующие полномочия и четко определена подчиненность.

Как указывает П. Г. Курлов: «Штат моей канцелярии не был еще утвержден, и я приехал в Ригу только с одним офицером для поручений. Разобраться при таких условиях во всех делах было невозможно, вследствие чего я решил лично проехать в Ревель переговорить с адмиралом Герасимовым по общим вопросам, а также ознакомиться с делами эстлянского губернатора» [7, с. 208]. В дальнейшем, из воспоминаний Павла Григорьевича мы видим, что ограниченный штат его подчиненных не позволял оперативно решать стоявшие перед ним задачи. А его личное участие в важных поездках по вверенной территории отнимало большое количество времени и впоследствии такой подход в работе даже ставился ему в вину.

В свою очередь нас больше интересуют негативные моменты, связанные с нарушением логистики на данной территории. В период военного времени эта проблема является крайне важной, поскольку затрудняет продвижение воинских частей и доставку боеприпасов и материальных средств для нужд армии, что в свою очередь приводит к необратимым последствиям на фоне военных действий.

П. Г. Курлов приводит конкретные примеры: «Надо было видеть картину этого нового переселения народов: шоссе от Прусской границы на Шавли и Ригу, а затем и далее было сплошь запружено беженцами, двигавшимися с семьями и скарбом. Такое скопление народа на дорогах препятствовало проходу воинских частей, и военному начальству приходилось для последней цели выбирать и охранять параллельные пути» [7, с. 216].

Кроме того, непродуманные и несогласованные действия военной и гражданской администрации по эвакуации заводов и промышленных предприятий, выпускающих в том числе продукцию военного назначения, привели не только к значительным затруднениям в работе железнодорожного сообщения, но и к большому отрыву подвижного состава. В результате неправильных решений, принятых людьми, далекими от производственных процессов, значительная часть станков и оборудования была утрачена, что повлекло острый дефицит изделий военного назначения в необходимом для фронта количестве. Как показало время, такая эвакуация оказалась поспешной и преждевременной, поскольку Рига была занята немцами только спустя два года после описанных событий.

Вместе с тем эвакуированные предприятия впоследствии не восстанавливались [7; с. 222], оборудование разных предприятий смешалось, значительное количество станков исчезло. Все это, по мнению автора, нанесло непоправимый удар, «неизмеримый вред» государству. И все это в условиях военного противостояния Российской империи и Германии.

Список литературы

1. Стало известно об ударе ВСУ по рынку и жилым домам в Новой Каховке // URL: https://iz.ru/1363367/2022-07-11/stalo-izvestno-ob-udare-vsu-po-rynku-i-zhilym-domam-v-novoi-kakhovke.

2. Число погибших при ударе ВСУ по Новой Каховке выросло до семи // URL: https://iz.ru/1363435/2022-07-12/chislo-pogibshikh-pri-udare-vsu-po-novoi-kakhovke-vyroslo-do-semi.

3. При обстреле ВСУ Новой Каховки пострадал склад с гумпомощью // URL: https://iz.ru/1363374/2022-07-12/pri-obstrele-vsu-novoi-kakhovki-postradal-sklad-s-gumpomoshchiu.

4. Что известно об обстреле Новой Каховки // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15189811.

5. В Белгородской области продлен «желтый» уровень террористической опасности // URL: https://vz.ru/news/2022/6/25/1164705.html.

6. Самая страшная ночь в Белгороде с начала спецоперации на Украине: как это было // URL: https://bel.ru/news/incident/03-07-2022/samaya-strashnaya-noch-v-belgorode-s-nachala-spetsoperatsii-na-ukraine-kak-eto-bylo.

7. Курлов П. Г. Гибель императорской России / под ред. Т. П. Коновалова. М. : Современник, 1991.

Лисова А. П.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Сумин А. А.***,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Уголовно-процессуальное законодательство, как и любое другое, претерпевает изменения с течением времени. Изменяется оно вследствие многих факторов: трансформации уголовно-процессуальной политики государства, экономической среды, эффективности или неэффективности уголовных и уголовно-процессуальных норм и др. К наименьшей, почти нулевой подверженности к таким изменениям можно отнести принципы уголовного судопроизводства, поскольку они являются основополагающими началами, на которых базируется все уголовное судопроизводство. Однако и известные нам принципы, закрепленные в УПК РФ, в современном мире могут пониматься и трактоваться несколько иначе, чем десятилетия назад, о чем свидетельствуют мнения многих ученых-процессуалистов.

В связи с этим, на наш взгляд, научный интерес представляет рассмотрение такого принципа, как «презумпция невиновности», и включенного в него положения о бремени доказывания, которое, как известно, в нашем государстве возлагается на сторону обвинения, а именно возможность переложения этого бремени относительно отдельных обстоятельств уголовного дела на сторону защиты. Данным правовым исследованием в последнее время занимается ряд ученых-процессуалистов, которые также обсуждают теоретическую и практическую возможность такого перемещения как в нашем государстве, так и за рубежом. Так, в статье «Бремя доказывания в уголовном процессе: некоторые сравнительно-правовые аспекты» [2, с. 1–7] О. В. Химичева и А. А. Сумин соглашаются с позицией К. Б. Калиновского относительно распределения бремени доказывания в уголовном процессе. Позиция автора заключается в следующем: «Иногда фактическое переложение бремени представления доказательств на обвиняемого даже не скрывается за ширмой „внутреннего убеждения” и прямо используется презумпция виновности» [3, с. 1].

Как известно, в традиционном понимании, в мире принято выделять следующие правовые семьи: романо-германская, англо-саксонская, и исламская. Они различаются типами уголовного процесса, и в связи с этим представляется необходимым рассмотреть возможность «перемещения» бремени доказывания со

[1] © Лисова А. П., 2022.

стороны обвинения на сторону защиты в различных государствах, входящих в данные правовые семьи.

Из англо-саксонской правовой семьи для рассмотрения поставленного вопроса представляется возможным выделить Великобританию. В этом государстве законодательно закрепляется реверс бремени доказывания, о чем свидетельствует изучение как национального законодательства в сфере уголовного процесса, так и прецедентная судебная практика, которая идет по пути формирования возможности перемещения бремени доказывания на сторону защиты. Вступивший в законную силу в 2017 г. Закон «О преступных финансах» (Criminal Finances Act 2017) возлагает на защиту бремя доказывания того обстоятельства, которое бы дало основание государству полагать, что сторона защиты может обосновать необъяснимое богатство чиновника или лица, у которого имеется спорное имущество. По аналогичному пути действует и Закон об отмывании денежных средств.

Говоря о романо-германской правовой семье, следует сказать, что в эту правовую семью входят европейские страны, для которых принцип «презумпция невиновности» имеет огромное основополагающее значение, данная норма закреплена в международных конвенциях, касающихся самых основных прав и свобод. Однако и в этой правовой семье существует ряд государств, которые пошли по пути формирования возможности «реверса» бремени доказывания в уголовном процессе. Так, в Федеративной Республике Германия, в очень ограниченном числе случаев доказывание некоторых обстоятельств возлагается на сторону защиты. К таким случаям относится, например, положения ст. 76а Уголовного кодекса ФРГ, допускающие конфискацию активов, имеющих неясное происхождение.

Во Французской Республике, например, ст. 122-6 Уголовного кодекса также влечет «реверс» бремени доказывания. В статье закрепляются два случая освобождения от уголовной ответственности вследствие действий в состоянии необходимой самообороны. Представляется возможность сделать вывод о том, что данная правовая норма законодательно закрепляет отсутствие при определенных обстоятельствах уголовной ответственности, несмотря на то, что деяние содержит признаки преступления.

Конечно, приведенные в пример государства и обозначенные правовые нормы не являются единственными примерами возможности переноса бремени доказывания, о чем свидетельствует глубокий, всесторонний анализ зарубежного законодательства и судебной практики во всех правовых семьях. Данная тема представляет особый научный интерес и требует детального, комплексного рассмотрения.

Список литературы

1. Химичева О. В., Сумин А. А. Бремя доказывания в уголовном процессе: некоторые сравнительно-правовые аспекты. М., 2018.

2. Калиновский К. Б. Распределение бремени доказывания в уголовном процессе: всегда ли в пользу обвиняемого? // Уголовная юстиция: связь времен: избранные материалы Международной конференции. СПб., 2010.

3. Criminal Finances Act, 2017.
4. The Sanctions and Anti-Money Laundering Act, 2018.
5. Strafgesetzbuch // BGBI I S. 3322.
6. Code pénal // Официальный сайт правовой информации Франции. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/2020-12-14/.

Любимова А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Ендольцева А. В.****,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В современных условиях право собственности является не только основой имущественной независимости участников общественных отношений, что является необходимым условием рыночной экономики, но и его неприкосновенность стала, без преувеличения, одной из основ современного демократического общества и верховенства закона. В этих обстоятельствах важным становится создание механизмов, позволяющих обеспечить баланс между частными и общественными интересами в уголовном судопроизводстве и предпосылок для того, чтобы лица, владеющие имуществом, могли осуществлять свои полномочия в отношении данного имущества и в то же время государство смогло бы достигать целей уголовного судопроизводства, хотя во многих случаях это может быть осуществлено только при условии ограничения или даже лишения прав собственности в ходе расследования уголовных преступлений.

В связи с этим возникает вопрос об основаниях ограничения права собственности при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. В объективном смысле право частной собственности граждан представляет собой совокупность правовых норм, которые устанавливают и защищают право собственности граждан на имущество потребительского и финансово-производственного назначения и предоставляют собственникам право владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению, использовать его с любой целью, если иное не предусмотрено законом. Концепция неприкосновенности прав собственности как основы уголовного судопроизводства определяется как исходная идея уголовного процесса правового характера, которая заключается в направлении содержания и формы уголовного судопроизводства на защиту лица от незаконного вмешательства в его способность владеть, пользоваться или распоряжаться своей собственностью в пределах, установленных законом, по своему усмотрению.

Так, в соответствии со ст. 93(1)(k) Римского статута Международный уголовный суд [2] может просить свои государства-участники выявлять, отслеживать,

---

[1] © Любимова А. А., 2022.

замораживать и арестовывать активы в связи с расследованиями или судебными преследованиями. Такие меры могут быть запрошены палатой предварительного производства в соответствии со ст. 57(3)(e) Статута Международного уголовного суда после выдачи ордера на арест или повестки в суд с должным учетом убедительности доказательств и прав заинтересованных сторон.

Замораживание и конфискация направлены на предотвращение использования активов в совершении уголовных преступлений владельцем или другими лицами. Следовательно, они не являются формами наказания, особенно учитывая, что замораживание и конфискация могут быть осуществлены до уголовного суда над подозреваемым. При этом крайне важно для подозреваемых, а также их представителей и членов семьи иметь доступ к процедурам, которые позволяют им оспаривать как включение в список, так и административные меры по замораживанию и конфискации, даже если такие процедуры не такие строгие, как те, которые применяются в уголовном процессе.

Досудебные защитные меры с целью конфискации не являются уникальными для Международного уголовного суда. Их наличие и использование можно увидеть в национальных правовых системах государств с правовыми традициями как общего, так и гражданского права. Но международное уголовное судопроизводство не является национальным уголовным судопроизводством. Римский статут включает ряд процессуальных гарантий в отношении защитных мер, применение которых четко прослеживается в прецедентном праве Международного уголовного суда. Тремя факторами, которые должны быть рассмотрены палатой предварительного производства в соответствии со ст. 57(3)(e), являются: (i) убедительность доказательств; (ii) права заинтересованных сторон в процессе; и (iii) конечная выгода потерпевших. Следовательно, интересам потерпевших придается значительный вес в правовой базе Международного уголовного суда в том, что касается защитных мер.

В Великобритании Раздел 35 Закона Великобритании 1973 г. «О полномочиях уголовных судов» [1] разъясняет положения, касающиеся имущества, выступающего в качестве предмета доказывания по уголовным делам. Статьи 451–459 данного закона касаются полномочий судов в вопросах распоряжения имуществом. Когда какое-либо имущество предстает перед любым уголовным судом во время любого расследования или судебного разбирательства, суд может по своему усмотрению распорядиться о надлежащем хранении такого имущества до завершения расследования или судебного разбирательства, и если имущество подвержено быстрому и естественному разложению, или, если это целесообразно сделать иным образом, суд может, после регистрации таких доказательств, которые он сочтет необходимыми, распорядиться о их продаже или ином отчуждении.

Статья 451 Закона Великобритании 1973 г. «О полномочиях уголовных судов» позволяет магистратному судье обеспечивать временное содержание арестованного имущества. Цель суда состоит в том, чтобы любое имущество, находящееся под прямым или косвенным контролем суда, было отчуждено судом в соответствии со справедливым и надлежащим порядком его распоряжения. Когда арест касается недвижимого имущества, такого как земля, дома и т. д., оно

не может быть изъято сотрудником полиции в соответствии со ст. 102 Закона Великобритании 1973 г. «О полномочиях уголовных судов».

В Казахстане уголовно-процессуальный закон механизму наложения ареста на имущество посвятил четыре статьи (ст.ст. 161–164 УПК РК) [3]. Многие законодательные положения сохранены и в новом кодексе, учтено большинство предложений и рекомендаций, вносимых зарубежными процессуалистами, а также юридическим сообществом Казахстана. Однако следует отметить, что Казахстанскими процессуалистами рассматриваемому институту не уделялось должного внимания и практически отсутствуют работы по данной проблематике. В целях реального обеспечения соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства необходимо, чтобы решение о временном ограничении по распоряжению имуществом, принималось исключительно прокурором, исходя из принципа целесообразности.

Единственным моментом, обусловленным абзацем вторым ч. 7 ст. 161 УПК РК, учрежден запрет на установление временного ограничения на распоряжение имуществом в отношении перечисленных в данном пункте средств (счета накопительного пенсионного фонда, жилищных строительных сбережений и т. п.). Других условий наложения ограничения на распоряжение имуществом закон не оговаривает.

Относительно вопроса оснований ограничения права собственности в уголовном судопроизводстве Украины законодатель предусмотрел временное изъятие имущества до решения вопроса об его аресте или возвращении, или специальной конфискации. В соответствии со ст. 168 УПК Украины [4] существует три основания для временного ареста имущества: 1) законное задержание лица; 2) обыск; 3) досмотр. В свою очередь законное задержание делится на две группы: задержание любым лицом (обычным гражданином) и задержание уполномоченным лицом. Так, ч. 2 ст. 207 УПК Украины предоставляет каждому лицу право на законное задержание в следующих случаях: 1) совершение или попытка совершения уголовного преступления; 2) сразу после совершения уголовного преступления или продолжения преследования лица, подозреваемого в совершении преступления. В то же время, согласно ч. 3 ст. 207 УПК Украины, такой гражданин обязан немедленно доставить задержанное лицо уполномоченному должностному лицу или немедленно сообщить уполномоченному должностному лицу о задержании и местонахождении лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления. В этом случае обязанность произвести временный арест имущества также возлагается на это лицо. Такая обязанность, по сути, наделяет гражданина правами уполномоченного должностного лица, не предоставляя ему специальной подготовки или реальных властных полномочий.

Принимая во внимание положительный аспект применения временного ареста имущества, который дает возможность сохранить и в дальнейшем осуществить возмещение ущерба потерпевшему за счет реализации данного имущества, следует также учитывать проблемную сторону данного процессуального действия, которая предусматривает необходимость в разработке фактических оснований для временного ареста имущества для случаев, когда такой арест осуществляется лицом,

которое осуществило законное задержание, но не является уполномоченным должностным лицом. Предлагается рассмотреть возможность применения данного положительного опыта Украины в российском законодательстве, но при этом следует учесть целесообразность ограничения перечня вещей, которые могут быть временно изъяты неуполномоченными должностными лицами.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что существует, с нашей точки зрения, положительный зарубежный опыт по защите имущественных прав участников уголовного судопроизводства на досудебной стадии, реализуемых прежде всего за счет наложения ареста на имущество. Указанный положительный опыт, в частности, возможность временного ареста имущества, с учетом доработки проблемных аспектов, мы предлагаем учесть и применить в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Список литературы

1. Criminal Procedure Rules and Practice Directions. URL: https://www.gov.uk/-guidance/rules-and-practice-directions-2020.

2. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Московский журнал международного права. 1999. № 4.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2014. № 23. Ст. 335.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28 декабря 1960 г. № 1001-V // Ведомости Верховной Рады Украины. 1991. № 4. Ст. 20.

Мичурин В. С.[1],
доцент кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПО УСТРАНЕНИЮ НАРУШЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ

В основе российского уголовного процесса, как и уголовного процесса, любого другого правового государства, лежит основополагающий принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Нарушение его требований влечет за собой признание недопустимыми полученных таким путем доказательств. С указанными правилами согласуется назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), а также все другие принципы и правовые институты. Именно этим обусловлено то, что действия, а также решения государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, детально регламентированы законом и должны полностью ему соответствовать. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод обеспечивает единство производства по уголовным делам, служит гарантией законности деятельности его участников на всех стадиях уголовного процесса. Любое нарушение уголовно-процессуальных норм, выразившееся в процессуальном правонарушении либо процессуальной ошибке, препятствует реализации назначения уголовного судопроизводства. Независимо от того, связаны нарушения уголовно-процессуальных норм по своему характеру с нарушением прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, или же с нарушением процессуальной формы производства по уголовному делу, как в том, так и в другом случаях имеет место нарушение закона, которое не дает полноценно осуществить назначение уголовного судопроизводства.

К субъектам устранения нарушений уголовно-процессуальных норм относятся те, кто наделен контрольно-надзорными полномочиями в уголовно-процессуальной сфере: суд, прокурор, руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания. Кроме того, нарушение уголовно-процессуальных норм может быть устранено не только средствами прокурорского надзора и процессуального контроля, но и самим субъектом, допустившим это нарушение, а именно следователем, органом дознания и дознавателем.

Таким образом, прокурор является полноправным участником процессуальной деятельности по устранению нарушений уголовно-процессуальных норм, обладая необходимым для этого арсеналом полномочий. Об этом свидетельствует анализ ст. 37 УПК РФ, где прокурор упомянут как должностное лицо, уполномоченное действовать не только как орган уголовного преследования, но

[1] © Мичурин В. С., 2022.

также надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Такой прокурорский надзор осуществляется с целью выявления имеющихся нарушений в действиях следователя, органа дознания и дознавателя, а также проверки принимаемых ими процессуальных решений на предмет их соответствия нормам закона.

Согласно официальной статистической отчетности по итогам работы органов прокуратуры Российской Федерации за 2021 г. ими было выявлено 4 251 163 нарушений закона, что на 2,8 % больше в сравнении с 2020 г. Отметим также положительную динамику осуществления прокурорами надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания, выразившуюся в увеличении на 2,3 % количества оконченных производством уголовных дел, на 5,2 % – направленных в суд. Сократилось на 1,3 % число уголовных дел, расследованных в срок свыше установленного законом, на 3,6 % – приостановленных производством, на 4,4 % – возвращенных прокурорами для производства дополнительного расследования [2].

Деятельность прокурора по устранению нарушений уголовно-процессуальных норм можно определить посредством двух основных направлений: выявление как самих нарушений, так и обстоятельств, способствовавших их совершению, а также осуществление мероприятий, направленных на их ликвидацию. В качестве средств, применяемых для осуществления своих полномочий прокурор использует предоставленные ему законом меры уголовно-процессуального воздействия: указания, требования, возвращение уголовного дела следователю или дознавателю для производства дополнительного расследования, разрешение жалоб и пр.

Вместе с тем, несмотря подробную регламентацию в законе полномочий в рамках прокурорского надзора, продолжают оставаться востребованными для обсуждения ряд неразрешенных проблем. Кратко остановимся на тех, которые могут непосредственно отражаться на деятельности прокурора по устранению уголовно-процессуальных нарушений, и обозначим свой взгляд на возможные нормативные коррективы, которые способствовали бы повышению эффективности этой деятельности.

Вот уже пятнадцать лет не теряет своей актуальности дискуссия о справедливости нормативного перераспределения контрольно-надзорных полномочий за процессуальной деятельностью следователя между прокурором и руководителем следственного органа. Перед прокурорским надзором в этой сфере поставлена задача сохранения процессуальной самостоятельности следователя, с одной стороны, а с другой – обеспечение соблюдения прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Прокурор продолжает выявлять и устранять нарушения, допущенные следователем, органом дознания и дознавателем, осуществляя свой надзор непрерывно с момента возбуждения уголовного дела и до передачи его в суд. Между тем, если рассматривать деятельность прокурора на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, то можно столкнуться с такой весомой проблемой, как невозможность отмены прокурором незаконных решений следователя. Как следует из смысла п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ,

у прокурора нет прямого полномочия на данные действия, а есть только право требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, производстве дознания или предварительного следствия. Совершенно очевидно, что требовать устранения нарушения и самому его устранять путем отмены незаконных постановлений – две большие разницы. И, если при установлении незаконных и необоснованных постановлений органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя у прокурора нет никаких препятствий к их отмене, то относительно решений следователя они вполне очевидны, так как аналогичные полномочия у прокурора отсутствуют, а требования об устранении нарушений руководителями следственных органов не всегда исполняются. Причем неисполнение руководителем следственного органа требований прокурора не всегда может быть связано с объективными процессуальными разногласиями, нередко причиной являются ведомственные противоречия и даже какие-то личные мотивации.

Кроме того, непосредственным инициатором проверки принятого решения, к примеру, о приостановлении предварительного следствия является только сам следователь, поскольку, направляя соответствующее постановление, предполагается, что прокурор изучит материалы уголовного дела и соответствующее постановление на предмет значимых критериев – законности и обоснованности. В законе четко не обозначены те временные рамки, в которые следователь обязан направить прокурору копию соответствующего постановления, что, как справедливо замечают исследователи, следует признать серьезным пробелом, поскольку данное обстоятельство в разы снижает эффективность деятельности прокурора [1, с. 86].

Отметим также, что прокурор для проверки материалов не может истребовать в полном объеме уголовное дело, находящееся в производстве следователя. Полностью он с ним знакомится только по окончании предварительного следствия в процессе изучения обвинительного заключения. Между тем в ходе предварительного следствия может возникнуть немало ситуаций, которые следовало бы проконтролировать на предмет нарушений уголовно-процессуальных норм. Как правило, прокурор получает только наиболее важные процессуальные документы следователя, а многие другие его постановления и протоколы остаются в самом уголовном деле, минуя прокурорский надзор. Таким образом, объективно прокурор не может оценить степень доброкачественности всех доказательств, так как не может просто взять и изучить все процессуальные документы, а от этого напрямую зависят права лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. По этой причине нам представляется целесообразным законодательно закрепить право прокурора истребовать любые материалы уголовного дела, необходимые для тщательной проверки законности процессуальной деятельности не только органов дознания, но и органов предварительного следствия. Вряд ли это негативно отразится на процессуальной самостоятельности следователя, а вот усиление эффективности деятельности прокурора по устранению нарушений уголовно-процессуальных норм нам видится в таком случае несомненным.

Следующая проблема касается того, что прокурор не может напрямую привлечь следователя к процессуальной ответственности за допущенные им нарушения. К примеру, отстранить его, также как дознавателя, от производства предварительного расследования. Прокурор только выносит требование об устранении нарушений и «предлагает» руководителю следственного органа принять необходимые для этого меры. А вот уже руководитель в сфере предварительного следствия сам решает, принимать их или нет. Тем самым теряется определенный смысл в осуществлении надзора за органами предварительного следствия, когда у прокурора отсутствуют реальные процессуальные рычаги воздействия на правонарушителей.

Из всего вышеизложенного следует, что проведенная реформа перераспределения контрольно-надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, с одной стороны оказало положительное влияние на взаимоотношения прокурора с органами предварительного следствия в силу их процессуальной обособленности. Но, с другой стороны, утратив ряд своих немаловажных полномочий в отношении следователя, прокурор в какой-то степени потерял свое влияние над ним. При этом вряд ли мы считаем целесообразным согласиться с предложениями о возвращении прокурору всех его ранее утраченных полномочий на производство следственных и иных процессуальных действий, а также дачу согласия на возбуждение уголовного дела [3, с. 12]. Однако отдельные нормативные коррективы его полномочий, отраженные нами в настоящей статье, способствовали бы повышению эффективности деятельности прокурора, направленной на устранение нарушений уголовно-процессуальных норм. В некоторых случаях они могли бы даже способствовать пресечению совершения таких нарушений. Ведь эффективная реализация рассматриваемого нами института заключается не только в применении процессуальной или иной другой ответственности, но и проведении профилактической работы по предотвращению нарушений уголовно-процессуальных норм. Оба направления тесто взаимосвязаны. Невозможно только одними карательными мерами обеспечить соблюдение законности со стороны следователя, органа дознания и дознавателя.

Список литературы

1. Малиненко М. К. Проблемы обеспечения прокурорского надзора за законностью предварительного следствия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 1. С. 84–89.

2. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – декабрь 2021 г. // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result.

3. Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016.

Московцева К. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА И ПРОКУРОРА НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время в условиях реформирования уголовно-процессуального права, а также его непрекращающейся глобализации появляются все больше проблемных вопросов. Так, касаясь этапа окончания предварительного расследования, особый интерес у ученой среды вызывает прокурорский надзор и ведомственный контроль за деятельностью следователя.

Обращаясь к официальной статистике, мы можем наблюдать, что количество уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, снижается, а значит можно уверенно говорить об укоренившейся тенденции оптимизации качества предварительного расследования на завершающем его этапе. Например, в 2018 г. судьями Республики Крым было рассмотрено 6 606 уголовных дел. Возвращено прокурору – 84 уголовных дела. По 19 уголовным делам возврат был признан необоснованным. В 2019 г. было рассмотрено 2 593 уголовных дела. Было возвращено прокурору 43 уголовных дела. При этом возврат восемь уголовных дел был признан необоснованным [2].



Вследствие законодательных изменений, произошедших в ходе реформирования, полномочия руководителя следственного органа и прокурора были пересмотрены. Так, начиная с 2008 г., перед передачей прокурору уголовного дела с обвинительным заключением, стало обязательным получение на то согласия руководителя следственного органа. Кроме того, руководитель следственного органа также уполномочен возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями для производства дополнительного расследования. Соответственно, реализуя вышеуказанные полномочия, руководитель следственного органа осуществляет свою непосредственную деятельность по контролю за законностью

[1] © Московцева К. А., 2022.

и обоснованностью принятых следователем решений, а также за достаточностью и допустимостью собранных доказательств.

Приведем статистические данные Генеральной прокуратуры Новосибирской области за 1 квартал 2020 г. [5].

	1 квартал 2020 г.
Количество уголовных дел, находившихся в производстве следователей ОВД	8124
Направлено для рассмотрения в суд	2958
Возвращено прокурорами для дополнительного расследования	134
Прекращено по различным основаниям	144

Заметим, что достаточно небольшое количество дел было возвращено прокурорами для дополнительного расследования. А значит, налицо эффективность ведомственного контроля руководителя следственного органа. Между тем приведенные данные также могут свидетельствовать и о высокой роли прокурорского надзора, а именно одной из его форм – проверкой уголовных дел, поступивших с обвинительным заключением.

А. Г. Халиулин верно подмечает, что на завершающем этапе предварительного расследования происходит переход уголовного дела из досудебной стадии в судебную, а также существенно меняются функции прокурора. Так, первоначально прокурор осуществлял надзорную деятельность, проверял уголовное дело с точки зрения законности, обоснованности, доказанности обвинения, но «утверждая обвинительное заключение и направляя дело в суд, он принимает на себя роль органа, осуществляющего уголовное преследование» [3].

По мнению Ю. В. Бурова, «на данном этапе у прокурора должно сформироваться внутреннее убеждение о том, что назначение уголовного судопроизводства достигнуто» [1]. В противном случае прокурору предоставлено право вернуть уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования.

Также отметим, что вследствие известных законодательных изменений прокурор был лишен полномочия по корректировке и пересоставлению обвинительного заключения, также он больше не вправе прекратить уголовное дело или преследование. Соответственно, прокурор больше не выполняет функцию процессуального руководства следствием, а его роль ограничивается лишь надзорной деятельностью.

Продолжая исследование данного вопроса, можем отметить, что роль руководителя следственного органа существенно возросла. Согласуя обвинительное заключение, руководитель следственного органа воплощает функцию ведомственного контроля наилучшим образом, анализируя на данном этапе не только обвинительное заключение, но и подвергая оценке всю деятельность следователя по производству предварительного расследования. Деятельность руководителя следственного органа так же, как и деятельность прокурора на завершающем этапе

предварительного расследования, направлена на обеспечение законности, всесторонности, полноты, объективности принятых решений, устранение допущенных ошибок, а также на оценку выдвинутого обвинения с позиции достаточности.

Таким образом, роль ведомственного контроля, прокурорского надзора на этапе окончания предварительного расследования очевидна высока. Имеющиеся статистические данные только подтверждают эффективность и целесообразность принятых законодательных изменений.

Список литературы

1. Климова Я. А. Реализация прокурором правообеспечительной функции на завершающих этапах досудебного производства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017.

2. Обобщение практики возвращения уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ районными (городскими) судами Республики Крым в 2018 г. и первом полугодии 2019 г. // URL: http://vs.krm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=138.

3. Минаева С. А. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01007908899.pdf.

4. Насонова И. А., Буров Ю. В. Уголовно-процессуальное значение окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 1. С. 51–55.

5. Статистика Генеральной прокуратуры Новосибирской области // URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/regionalnews/news-1825444//

Петлицкий С. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Волынский А. Ф.****,*
профессор кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, БУДУЩЕЕ

Развитие института специальных знаний в Республике Беларусь осуществлялось на протяжении длительного многолетнего периода. Процесс его становления коренным образом тесно связан с различными организационно-правовыми изменениями, происходившими первоначально в структуре и деятельности правоохранительных органов Российской империи, а в последующем с образованием суверенного белорусского государства, в работе отечественных субъектов раскрытия и расследования преступлений.

Первые факты, свидетельствующие о развитии в Российской империи института специальных знаний, находят свое отражение в правовых источниках XVIII в. Нормы свода уголовного законодательства 1832 г. ввели в оборот термин «сведущие лица», а в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства регламентировал их правовое положение.

Активный рост исследований и достижений в области естественно-технических наук способствовал ускоренному развитию научно-технического прогресса. Под влиянием указанного фактора в российских губерниях, в том числе входящих в их состав белорусских территориях, начала вводиться уголовная регистрация преступников – первоначально антропометрическая (1890 г.), затем дактилоскопическая (1906 г.). Организация ее применения возлагалась на Министерство юстиции.

Полагаем, что в тот период она воспринималась больше как формальная система учета преступников и фиксации их биометрических данных. Только спустя почти два десятка лет, осмыслив пользу уголовной регистрации, ее дальнейшим ведением начинают заниматься органы полиции, где она приобретает более выраженный, организационно-прикладной характер в раскрытии и расследовании преступлений. Для систематизации данных и их эффективного использования в уголовном процессе создается довольна широкая сеть регистрационных кабинетов (бюро). В их оснащение начинают поступать научно-технические средства обнаружения и фиксации следов преступления. Фактически это послужило осно-

[1] © Петлицкий С. В., 2022.

вой для становления в общей системе организации раскрытия и расследования преступлений нового вида деятельности – экспертно-криминалистической (ЭКД). Кроме того, благодаря уголовной регистрации было положено начало развития системы государственных судебно-экспертных подразделений, так как на тех же сотрудников бюро возлагались функции по проведению сравнительных (идентификационных) исследований объектов, впервые поступающих к ним на регистрацию, с теми объектами, которые ранее уже регистрировались.

Судебная экспертиза в начале пути своего развития быстро приобрела популярность и практическое признание в борьбе с преступностью. В марте 1919 г. принимается решение о создании кабинета судебной экспертизы. Уже через год кабинет был переименован в научно-технический подотдел, а затем отдел (далее – НТО). Наряду с проведением криминалистических (судебных) экспертиз, в обязанность НТО входило ведение криминалистических учетов; участие в осмотрах мест происшествий и иных следственных действиях. С 1924 г. аналогичные отделы образовываются в союзных республиках РСФСР. Так, в БССР первые НТО появились на территории ее столицы, где в последующем и вовсе был образован институт криминалистики и судебной экспертизы (1929 г.).

В дальнейшем названия указанных отделов, структура, правовая регламентация их деятельности, неоднократно менялись, что свидетельствовало только об одном – недооценки роли НТО в борьбе с преступностью и отсутствии единой государственной политики научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства [1, с. 145–146]. В конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. судебная экспертиза и ее роль в раскрытии и расследовании преступлений только продолжила укреплять свои позиции. По нашему мнению, это было связано прежде всего с отделением в советский период судебной экспертизы от криминалистики, что способствовало расширению сферы ее практического применения.

Таким образом, возникнув по объективным причинам, – создание эффективных средств и методов борьбы с преступностью; из единого источника – уголовная регистрация; отечественная криминалистика, а в ее прикладном выражении ЭКД, и судебная экспертиза или судебно-экспертная деятельность (далее – СЭД), длительное время существовали, как бы не замечая друг друга. Данное обстоятельство предопределило в дальнейшем неоднозначность предмета и целей этих видов деятельности, в том числе их организационно-правовое обеспечение.

Для современного этапа развития правоохранительной сферы характерна всеобщая глобализация всех видов ее деятельности. В связи с этим проблемы организации СЭД, ее правовое обеспечение, вопросы международного сотрудничества стали объектом внимания Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Принятая данной комиссией в 2010 г. резолюция № 19/5 закрепила стандарт СЭД, в том числе один из важных принципов ее осуществления (процессуальной независимости судебного эксперта), который был реализован в ряде стран Европейского союза.

В Республике Беларусь этот стандарт в последующем нашел свое отражение при реформировании системы судебно-экспертных подразделений. С образованием Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ) разобщенно действовавшие в различных государственных органах судебно-экспертные учреждения, в том числе экспертно-криминалистические службы, были объединены

в единое ведомство, которое получило статус самостоятельного и независимого правоохранительного субъекта.

Эффективность построения в Республике Беларусь централизованной государственной политики в сфере СЭД в сравнении с децентрализованной позволила обеспечить достижение лучших результатов по таким параметрам, как оперативность проведения экспертиз, их качество, доступность судебно-экспертного сопровождения правоохранительной деятельности и судопроизводства, единство подходов при проведении исследований, отсутствие монополизации этого вида деятельности, при этом не ограничив состязательность сторон [2, с. 6].

Однако в общей системе научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений судебная экспертиза «вторична» (условно) по отношению к поисково-познавательной деятельности специалиста. Ее эффективность как средство доказывания напрямую зависит от качества его работы. Как следствие, обращает на себя внимание внешне мало заметная, но весьма существенная функция, выполняемая на сегодняшний день работниками ГКСЭ, а именно участие его сотрудников в качестве специалистов в следственных и других процессуальных действиях, оперативно-разыскных мероприятиях.

О значимости этой функции в раскрытии и расследовании преступлений можно судить по эмпирическим данным. Так, в ходе интервьюирования 80 % сотрудников указанного ведомства сообщили, что три и более раз в неделю они привлекаются в качестве специалиста (криминалиста) по поступающим заявлениям (сообщениям) о преступлениях. Основным «заказчиком» этого вида деятельности выступают следователи Следственного комитета Республики Беларусь (99 %) и должностные лица органов дознания (53 %).

Несмотря на это, криминалистическая деятельность продолжает рассматриваться в единстве с СЭД. В науке данное положение обосновывается тем, что практика выполнения судебными экспертами роли специалиста основывается на применении специальных знаний самого судебного эксперта, а также реализации им одних и тех же научно-технических возможностей. Вместе с тем содержание этих видов деятельности, организационные и правовые основы их осуществления имеют принципиальные различия, обусловленные особенностями решаемых ими в уголовном судопроизводстве задач.

На сегодняшний день ЭКД в Республике Беларусь продолжает вносить огромный вклад в правоохранительную работу органов раскрытия и расследования преступлений. Однако ввиду организационно-правовой неопределенности этого вида деятельности на практике порой неэффективно используются профессиональные навыки специалистов. Более наглядно и убедительно об этом свидетельствуют ответы респондентов.

Так, в большинстве случаев нецелесообразное привлечение работников ГКСЭ происходило по очевидным преступлениям (84,3 %), или же их участие в следственных действиях было немотивированным, так как в силу объективных обстоятельств произошедшего применение специальных знаний не требовалось и это никак не сказывалось на принятии процессуального решения по заявлению (сообщению) о преступлении (43 %). По некоторым делам специалисты вовсе использовались на местах происшествий с целью фотографирования, в то время

как следователь, обладая базовой криминалистической подготовкой, самостоятельно мог провести это действие (36 %). Как результат, 91,3 % опрошенных судебных экспертов отметили, что в служебной деятельности им приходилось сталкиваться с подобными ситуациями. Лишь 8,7 % сотрудников указали, что их привлечение было целесообразным и необходимым.

Вполне очевидно, что такое нерациональное использование специальных знаний в уголовном процессе негативно отражается на совместной работе по материалам и уголовным делам. Из-за этого в ряде случаев специалистам приходилось вносить замечания в протокол следственного действия, что в целом неблагоприятно сказывалось на результативности его проведения. Об этом отметили 37,2 % опрошенных респондентов. Иногда возникающие разногласия по поводу их участия в следственных действиях удавалось разрешить на уровне руководителей взаимодействующих ведомств – 52,9 %.

Полагаем, что возникновение на практике подобных ситуаций отрицательно сказывается на реализации принципов разумности и экономичности, предполагающих системное и осмысленное размещение сотрудников, обладающих профессиональными криминалистическими навыками. Искусственно созданная дополнительная нагрузка снижает эффективность участия специалистов в следственных действиях, а также не лучшим образом отражается на своевременности и безотлагательности использования специальных знаний в тех моментах, где это действительно необходимо и востребовано, когда их деятельность играет ключевую роль в раскрытии и расследовании преступлений.

В заключение отметим, что СЭД и ЭКД (как «автономные части») во многом предопределяют эффективность раскрытия и расследования преступлений («целого»). Их развитие и совершенствование – задача государственной важности, а потому качественное ее решение не может быть обеспечено на узковедомственном (моносистемном) уровне. Для этого, как нам представляется, необходимо проведение комплексного исследования, на основании которого будет разработана и внедрена в правоохранительную сферу концепция о единой государственной системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Путем образования межведомственной рабочей комиссии эта цель может быть достигнута с большим успехом.

Список литературы

1. Волынский А. Ф. Экспертно-криминалистическая служба МВД России: когда и почему искажен вектор ее развития, как его исправить // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 142–152.

2. Швед А. И. Теоретические предпосылки и прикладные аспекты реализации в Республике Беларусь единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности : автореф. … д-ра юрид. наук : 12.00.16. Минск, 2021.

Плахота К. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЕМ (ДОЗНАВАТЕЛЕМ)

Население планеты Земля составляет 7,81 млрд человек, из которых 5,2 млрд являются пользователями смартфонов, а 4,66 млрд – пользователи сети Интернет [1]. Согласно статистическим данным в Российской Федерации в 2010-м г. из общего числа домохозяйств 27,6 % имели мобильный сотовый телефон, в 2017-м г. – 55,1 %; в 2010-м г. число персональных компьютеров на 100 домохозяйств составляло 63, в 2017-м г. – 124; доля домохозяйств из общего числа, имеющих доступ в сеть Интернет, в 2010-м г. составила 48,4 %, а в 2017-м г. уже 76,3 % [2]. Тенденция цифровизации всех сфер жизни общества и государства оказала негативное влияние в части интенсивного развития современной преступности. По данным МВД России, динамика роста кибермошенничеств увеличилась в период с 2018 по 2019 г. на 68,5 %. «За период январь – декабрь 2019 г. зарегистрировано 294,4 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из них 48,5 % относится к категориям тяжких и особо тяжких» [3].

В докладе Европола 2017 г. было отмечено, что правоохранительные органы могут добиться серьезных успехов в борьбе с организованной преступностью, используя возможности современных информационных технологий, однако даже при высоком качестве материально-технической базы и программно-аппаратного обеспечения, из-за низкого уровня компьютерной грамотности полицейских их потенциал не реализуется [4]. В данном случае необходимо обеспечить подразделения МВД России соответствующими специалистами, которые бы повысили грамотность сотрудников правоохранительных органов в области цифровизации.

Как отметил В. В. Путин 3 марта 2021 г., на расширенном заседании коллегии МВД России – следственная практика нуждается в новых формах собирания доказательств. По нашему мнению, в качестве одной из новых форм собирания доказательств можно считать использование видео-конференц-связи (ВКС) на стадии предварительного следствия.

Интерес представляет тактика производства следственных действий посредством использования ВКС, структуру которых составляют три этапа: а) подготовительный; б) рабочий; в) заключительный. Отечественными учеными-правоведами выделены процессуальные действия, производство которых возможно посредством использования ВКС: допрос, предъявление для опознания, очная ставка, освидетельствование [5; 6, с. 125–130].

---

[1] © Плахота К. С., 2022.

В ходе исследования было проведено анкетирование сотрудников следственных подразделений, которые оценили возможность производства отдельных следственных действий дистанционно. Результаты анкетирования приведены на рис. 1.

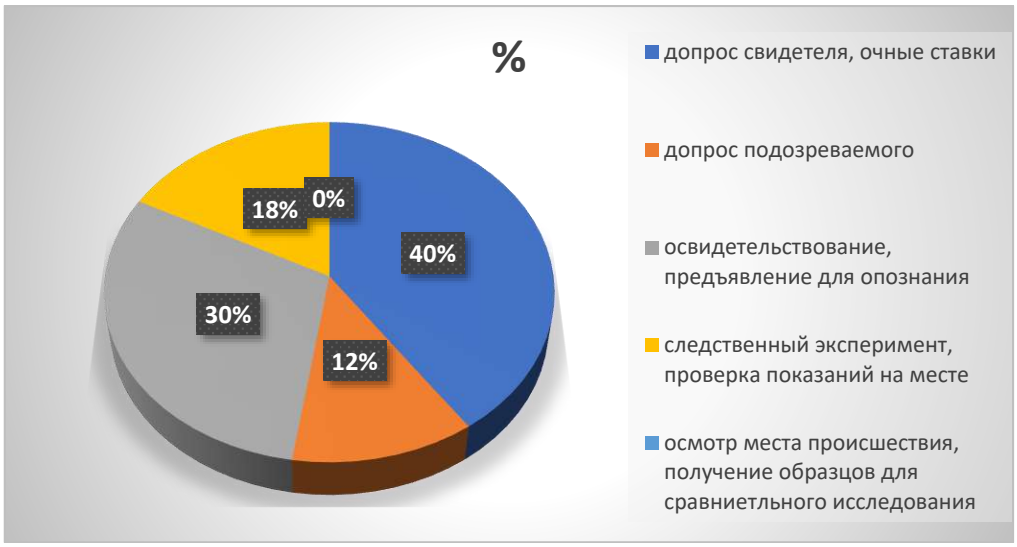


Рис. 1. Производство следственных действий дистанционно

Однако на основе данных, полученных в ходе анкетирования, можно сделать вывод, что 48 % следователей применяли в своей практике аудио-, видео аппаратуру, 50 % компьютеры/ноутбуки, ВКС – 1 %, иную криминалистическую технику – 1 % (рис. 2).

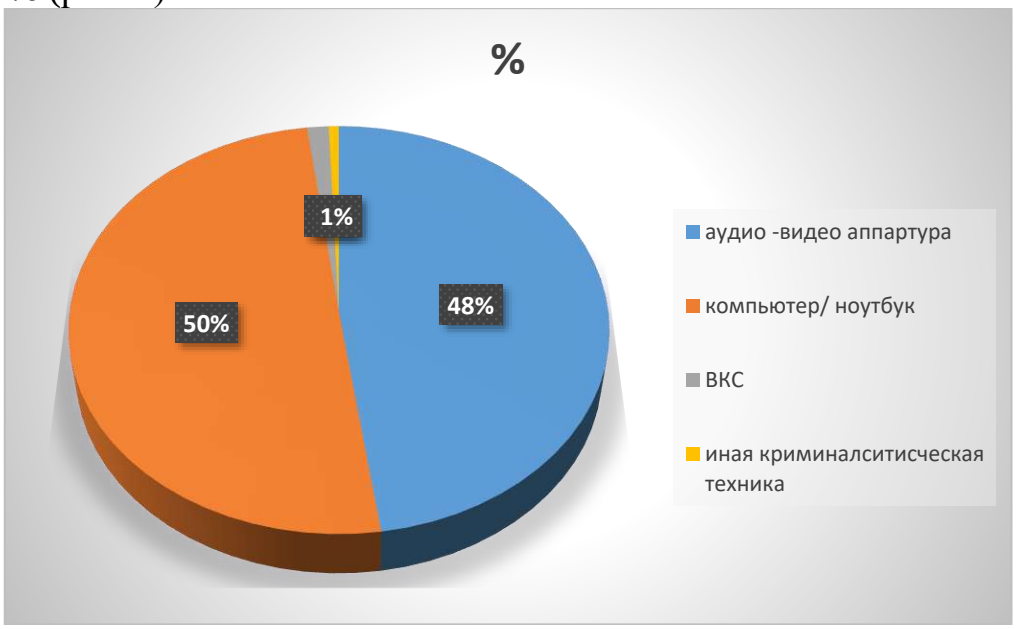


Рис. 2. Технические средства, используемые в работе следователя

Производство следственных действий с использованием видео-конференц-связи имеет ряд тактических особенностей. Прежде всего это связано с тем, что следователь должен тщательнее подготавливаться, составить детальный план, включающий вопросы и предполагаемые ответы, которые впоследствии необходимо будет конкретизировать. Он должен предусмотреть, какие материалы уголовного дела, вещественные доказательства следует использовать для демонстрации гражданину в ходе проведения следственного мероприятия.

Несомненно, при производстве дистанционного допроса следователю (дознавателю) будет сложнее установить психологический контакт с допрашиваемым. Однако современные технологии активно развиваются: изображения, выведенные на монитор, становятся более четкими (без помех), звук чистый (без шумов, перебоев, пауз), что позволяет видеть мимику гражданина и т. п. Важно помнить, что помимо допрашиваемого в ходе допроса будут участвовать следователь, производящий предварительное расследование, следователь-исполнитель, специалист в каждом из пунктов связи. В связи с этим необходимо подробно продумать расположение участников следственного действия (возможно так, чтобы они находились на периферии и позади допрашиваемого, создавая ощущение отсутствия, однако в таком случае следует использовать несколько камер фиксации).

Вызывает интерес производство дистанционного освидетельствования, так как данное следственное действие можно проводить до возбуждения уголовного дела, а значит тактически верное использование технико-криминалистических средств позволит впоследствии придать собранным материалам статус доказательства. На наш взгляд, использование ВКС при освидетельствовании необходимо для выявления и фиксации «зримой» информации (т. е. той, которую можно наблюдать органами чувств), и напротив совершенно не оправдано применение ВКС для обнаружения алкогольного, наркотического или токсического опьянения. Бесполезным и бессмысленным будет дистанционное производство освидетельствования, когда его целью является обнаружение и изъятие следов, чье доказательственное значение определит судебная экспертиза (например, смывы с ладоней, срезы ногтевых пластин и т. д.).

В случае если между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим, свидетелем сложились неприязненные отношения, один подавляет другого или может угрожать жизни и здоровью то, по нашему мнению, оправдано использование технологии видео-конференц-связи. В случае территориально удаленного местонахождения одного из участников уголовного судопроизводства неоспоримое преимущество имеет производство очной ставки дистанционно.

Подготовительный этап имеет неоценимое значение для успешного производства любого следственного мероприятия. Особое место в УПК РФ отведено времени и месту производства следственного действия (так невозможно его проведение в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства). Приняв решение об их производстве дистанционно, следователь должен учитывать, что в России девять часовых поясов, поэтому между двумя точками связи может быть значительный временной разрыв, который необходимо учесть при назначении времени производства процессуального действия. В бланке протокола, как нам кажется, необходимо указывать время начала и окончания следственного действия в обоих местах связи, подобная процедура должна быть соблюдена при приостановлении и возобновлении видеосвязи.

По общему правилу, в соответствии со ст. 187 УПК РФ, допрос осуществляется по месту производства следствия. Однако в соответствии со ст. 152 УПК РФ следователь, определяя место следственного действия, если это требуют обстоятельства дела, может провести допрос в любом месте. На наш взгляд, местом производства дистанционного допроса будут обе точки видеосвязи.

Внесенные в декабре 2021 г. изменения в УПК РФ положили конец научным дискуссиям о возможности и невозможности производства следственных действий посредством видео-конференц-связи. Так, ст. 189.1 УПК РФ наделяет следователя (дознавателя) правом производить допрос, очную ставку и опознание дистанционно. Наша позиция относительно фиксации установочных данных обеих точек связи в протоколе дистанционного следственного действия (дата, время и место) нашла свое отражение в нововведенной норме уголовно-процессуального закона.

Следователи (следователь, производящий расследование по делу и следователь-исполнитель) должны пригласить специалиста, способного обеспечить качественную работу ВКС (как при предварительной проверке, так и непосредственно при производстве следственного действия в порядке технической поддержки). По нашему мнению, следует предусмотреть требования, предъявляемые к подобного рода специалистам (образование, опыт работы, квалификация). На подготовительном этапе в соответствии с вышеуказанными требованиями следователь должен удостовериться в компетентности специалиста (убедиться, что тот знаком с программным обеспечением, осведомлен о содержании его предстоящей работы).

В заключение заметим, что для внедрения ВКС потребуется определенное финансирование на оснащение следственных подразделений соответствующим помещением и техническим оборудованием; реализации иных организационных мероприятий по созданию условий для осуществления следственных действий дистанционно. Изложенное также свидетельствует о возможностях и перспективах использования ВКС в повседневной следственной практике, а вместе с тем и о том, что еще много остается нерешенных вопросов, касающихся организационного, правового, технического обеспечения использования электронных средств связи в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. URL: http://www.kanobu.ru/news/zanimatelnaya-statistika-60-lyudej-polzuyutsya-internetom-kazhdyij-vtoroj-zhitel-zemli-gejmer-429365/.

2. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // URL: https://rosstat.gov.ru/anketa1-4.

3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics.

4. Доклад Европола «Оценка серьезных угроз организованной преступности в 2017 г.» // URL: https://www.europol.europa.eu/.

5. Архипова Е. А. Применение видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013 // URL: https://www.dissercat.com/content/primenenie-videokonferentssvyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-i-zarubezhnykh-stran.

6. Кравец Е. Г., Мартынов А. Н., Шувалов Н. В. Организационно-тактический модуль дистанционных следственных действий // Криминологические проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 4 (44). С. 125–130.

Степаков Д. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБЪЯСНЕНИЙ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Вопросы, связанные с формированием доказательственной базы на стадии возбуждения уголовного дела, продолжают оставаться дискуссионными в науке уголовного процесса. Бесспорно, что доказывание начинается уже на стадии возбуждения уголовного дела. Уголовно-процессуальный закон регламентирует порядок собирания доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий. Производство определенных следственных и иных процессуальных действий нормативно возможно уже в рамках проверки сообщения о преступлении, что говорит о допустимости собирания на данном этапе некоторых доказательств. В связи с этим возникает резонный вопрос: возможно ли получение показаний в рамках так называемой «доследственной проверки»?

Отечественное уголовное судопроизводство категорично называет допрос единственным законным способом получения (собирания) показаний, при этом допрос возможен исключительно после возбуждения уголовного дела. Очевидно, что без показаний участников уголовного судопроизводства невозможно представить, пожалуй, ни одно уголовное дело. Показания могут быть и должны быть собраны не только после возбуждения уголовного дела, а гораздо раньше. Появление информации о преступлении, которая впоследствии может приобрести форму показаний или вещественных доказательств, прямо не зависит от уголовного процесса, а происходит «благодаря преступлению». Иными словами, когда совершено преступление, то информация о нем, которая должна стать доказательствами, уже есть, а уголовное судопроизводство призвано ее обнаружить, «запустив» соответствующие механизмы. Одна из задач уголовного процесса как раз и состоит в максимальном сокращении временного отрезка между появлением доказательств (в том числе показаний) и их обнаружением с документальной фиксацией надлежащим субъектом. В данном случае мы рассматриваем показания в их широком значении, имея в виду ту вербальную информацию, которая «рождается» в связи совершением преступления и которая, к сожалению, далеко не всегда становится показаниями в их строго процессуальном смысле. Но ведь в уголовном процессе имеется институт объяснений, который способен включаться гораздо быстрее, нежели институт допроса. Получение объяснений позволяет наиболее быстро собрать вербальную информацию о преступлении, чем выгодно отличается от процедуры допроса, которая гораздо более формализована и требует более серьезных подготовки и обеспечения. Преимущество объяснений было отмечено А. В. Победкиным: «Основная ценность объяснений заключается в том, что их получают сразу же после совершения преступления или,

[1] © Степаков Д. А., 2022.

по крайней мере, в течение непродолжительного срока с момента совершения» [3, с. 204].

Из-за отсутствия нормативного обеспечения института объяснения возрастает риск утраты доказательств, когда лицо, давшее объяснение на стадии возбуждения уголовного дела, в дальнейшем может просто исчезнуть или умереть, в связи с чем его допрос будет просто физически невозможен. Проблема усугубляется временным промежутком (порой значительным) между регистрацией сообщения о преступлении и возбуждением уголовного дела. Безусловно, существуют «экзотические» выходы из данной ситуации, когда в качестве свидетеля допрашивается должностное лицо правоохранительного органа, которое ранее получало указанное объяснение. Придание показаниям должностных лиц правоохранительных органов статуса показаний свидетеля по меньшей мере вызывает сомнения. Значимость института объяснений состоит также в их прямом влиянии на завершение стадии возбуждения уголовного дела, когда на их основании принимается либо решение о возбуждении уголовного дела, либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Традиционно к негативным качествам объяснения относят отсутствие нормативной регламентации процесса его получения, процессуальных статусов лиц, от которых они получаются, и лиц, которые их получают, ненадлежащее обеспечение прав участников в связи с получением объяснения. Задумавшись над перечисленными негативными чертами объяснения, мы неожиданно обнаружили одну его положительную характеристику – исключительную добровольность дачи и получения. Иными словами, уголовно-процессуальный закон лишь предоставляет должностным лицам правоприменительного органа получать объяснения, но не содержит такой обязанности, что в свою очередь касается и лиц, которые дают объяснения. Возможно ли привлечь к уголовной ответственности лицо, отказавшееся от дачи объяснений? Ответ отрицательный хотя бы потому что уголовная ответственность предусмотрена за отказ от дачи показаний, коими объяснения в строго правовом смысле не являются. Добровольный характер получения и дачи объяснений выражен в отсутствии в отношении лица, дающего объяснения «давления» уголовной ответственности за отказ от дачи показаний либо за дачу ложных показаний. Человек, дающий объяснения, делает это не по принуждению и не из чувства страха быть привлеченным к уголовной ответственности. Достоверность таких объяснений, безусловно, может вызывать обоснованные вопросы, но ведь достоверность любого доказательства должна быть подвергнута сомнению следователем, дознавателем, прокурором и судом. Далеко не всегда угроза возбуждения уголовных дел по признакам преступлений, предусмотренных ст.ст. 307 и 308 УК РФ, гарантирует дачу правдивых показаний. Так, согласно статистическим данным, за 2021 г. по ч. 1 ст. 306 УК РФ осуждено 344 лица, по ч. 2 ст. 307 УК РФ 9 лиц, по ст. 308 УК РФ осуждено 32 лица при общем числе осужденных 565 317 [4]. Приведенные цифры свидетельствуют, на наш взгляд, о сравнительно небольшом количестве людей, давших ложные показания или отказавшихся от дачи показаний, при этом их число было выявлено благодаря проведению допросов. Важно понять, насколько фактор

привлечения к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу ложных показаний обеспечивает процесс доказывания. Всегда ли лицо, отказавшееся от дачи показаний и привлеченное за такой отказ к уголовной ответственности, все же дает показания? Лицо, давшее заведомо ложные показания и изобличенное в этом спустя некоторое время, может дать правдивые показания, но насколько они будут актуальны для доказывания по уголовному делу? Мы ни в коем случае не ставим под сомнение значительную превентивную роль института уголовной ответственности за дачу ложных показаний или отказ от дачи показаний, которая подтверждается не только отечественным опытом, но и данными правоприменительной практики многих зарубежных государств, в том числе Германии, Испании, Польши, Швеции, Швейцарии и др. Принципиальным является сохранение указанной ответственности только при проведении допроса, без распространения на процедуру получения объяснений.

Справедлива точка зрения о том, что «если объяснения не вызывают сомнений у сторон, то они используются как полноценные доказательства наравне с другими» [1, с. 196–212]. Необходимо нормативное признание объяснения способом получения показаний, которые, в свою очередь, нуждаются в общем определении. При этом объяснение ни в коем случае нельзя отождествлять с допросом, который должен сохранить свою фундаментальную функцию в процессе доказывания. В формулировку общего определения показаний нужно включить тезис о том, что к показаниям относятся объяснения, данные лицами, участвующими в проверке сообщения о преступлении. При этом некоторые авторы объективно отмечают недостаточную регламентацию статуса лиц, в отношении которого проводится проверка: «Процессуальное положение лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, не только не регламентировано, но и вызывает сложности в правоприменительной деятельности» [5, с. 35–37]. В связи с этим мы считаем, что за исключением объяснения лица, совершившего преступление, иные участники стадии возбуждения уголовного дела вполне могут быть наделены теми же процессуальными гарантиями, что и лица при допросе в рамках уголовного дела, тем более что, по сути, они выполняют функции, присущие потерпевшему и свидетелю в рамках уголовного дела. О. В. Мичурина в связи с этим отмечает, что «понимание статуса участника уголовного судопроизводства совсем не произвольно, оно обусловлено кругом его прав и обязанностей, а также выполняемой функцией» [2, с. 192–195].

Актуален также вопрос о целесообразности процедуры признания потерпевшим. Известно, что институт дознания в сокращенной форме разрешает дознавателю не допрашивать лиц, от которых при проверке сообщения о преступлении были получены объяснения, что невозможно в случае с подозреваемым и потерпевшим. Подозреваемый должен быть именно допрошен, поскольку, как следует из ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ, до начала первого допроса ему разъясняется право ходатайствовать о производстве дознания в сокращенной форме, о чем в протоколе допроса делается соответствующая запись. Наличие потерпевшего в уголовном деле безальтернативно, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно

с момента возбуждения уголовного дела. Кроме того, потерпевший обладает правом возражать против производства дознания в сокращенной форме и правом давать показания. Правом давать объяснения потерпевший не наделен. Из этого следует, что на практике потенциальное преимущество сокращенного дознания в виде права дознавателя не допрашивать некоторых участников процесса сводится к признанию объяснений лиц, являющихся по своей сути свидетелями, но не имевшиех на момент дачи объяснений соответствующего процессуального статуса, «показаниями свидетелей» путем их указания в обвинительном постановлении. Интересно, что для свидетеля процедура допуска к участию в уголовном деле менее формализована, нежели для потерпевшего.

Отдельного внимания заслуживают показания понятого, которых в юридической природе не существует. Очевидно, что понятой является одним из немногих участников уголовного судопроизводства, которые приобретают процессуальный статус уже на стадии возбуждения уголовного дела и принимает участие в процессе фактически с момента соответствующего указания в протоколе следственного действия, которым, например, может быть протокол осмотра места происшествия. В связи с этим логично говорить о той информации, которую понятой может сообщить в связи с участием в производстве следственного действия, но уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможность получения показаний понятого, допрашиваемого на практике в качестве свидетеля. Если все же ввести полноценную процедуру получения объяснений на стадии возбуждения уголовного дела, то вполне возможно обойтись без допроса понятого, от которого было получено объяснение, тем более что данная процедура не нуждается в особенных процессуальных гарантиях.

Таким образом, возможно констатировать, что в настоящее время фактически собирание доказательств в виде показаний на стадии возбуждения уголовного дела возможно, но только в случае применения сокращенного дознания и только в отношении свидетелей. Теоретическое преимущество института дознания в сокращенной форме, выраженное в разрешении лицу, проводящему расследование уголовного дела, не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, необходимо распространить на все формы предварительного расследования, за исключением обязательного допроса подозреваемого. При этом важно избежать излишней формализации процедуры получения объяснения, которое должно сохранить свое главное преимущество – простоту и скорость получения. Также, безусловно, необходимо сохранить добровольный характер дачи объяснений. Важно, что нормативное разрешение вопроса получения (собирания) объяснений автоматически обусловит необходимость установления правил их проверки и оценки, которые будут иметь свою специфику.

Список литературы

1. Кузнецов А. Н. Собирание доказательств в стадии возбуждения уголовного дела// Вестник ВГУ. Серия: Право. 2014. № 2. С. 196–212.

2. Мичурина О. В. Гарантии соблюдения прав лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность без приобретения статуса участника уголовного судопроизводства // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 192–195.

3. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 2006.

4. Судебная статистика Российской Федерации. URL: http://stat.апи-пресс.рф.

5. Черкасова Ю. А. К вопросу о реализации процессуальных прав и обязанностей лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, как участника уголовного судопроизводства с неопределенным уголовно-процессуальным статусом // Российский следователь. 2021. № 5. С. 35–37.

Такмаков Е. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНА ДОЗНАНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Современное состояние развитие российского государства, функционирование его политических, экономических и правовых основ сегодня сталкиваются с проблемами и угрозами все более сложных форм организованной преступности, использования криминальной средой новейших информационных технологий, развития международных криминальных отношений и т. д. Эти обстоятельства требуют адекватного реагирования на существующие формы преступности, включая организацию тесного взаимодействия между следственными органами и органами дознания. В частности, действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, определяющее полномочия следователя и подчеркивающее его независимость в вопросах, определяющих ход расследования уголовных дел, наделяет следователя полномочиями по реализации правовых и организационных возможностей. Задача расследования преступлений и выявления виновных лежит в компетенции не только следственных органов, но и других российских правоохранительных органов. Расследование и раскрытие преступлений всегда являлось организованной коллективной деятельностью. Следователь без помощи других правоохранительных органов не может полностью самостоятельно раскрыть тщательно подготовленное преступление, совершенное при отсутствии доказательств. В связи с этим эффективность предупреждения, расследования и раскрытия преступных деяний во многом зависит от уровня организации взаимодействия между различными правоохранительными органами.

Обусловленная необходимость такого взаимодействия имеет ряд основных причин [14, с. 189].

Во-первых, это общая задача, стоящая перед сотрудниками органов, которая заключается в борьбе с организованной преступностью и устранении причин и условий, создающих преступность.

Во-вторых, это отличие в используемых методах, что требует сочетания результатов действий, которые в полной мере выполняют задачи, поставленные перед следственными органами в области пресечения, выявления и расследования уголовных преступлений.

В-третьих, взаимодействие возникает вследствие независимости и отсутствия подчиненности рассматриваемых органов друг от друга. И следователь, и дознаватель самостоятельно выбирают, какие из доступных методов, способов, средств и инструментов могут быть использованы в рабочем процессе, каким образом результаты расследования будут фиксироваться и передаваться друг другу.

---

[1] © Такмаков Е. А., 2022.

По большей части это взаимодействие между органами предварительного следствия и органами дознания является эффективным и в итоге результативным. Таким образом, весьма важным представляется раскрыть вопросы правильного определения форм взаимодействия.

В настоящее время вопросы, связанные с деятельностью органов предварительного расследования по раскрытию и расследованию преступлений, являются достаточно актуальными и обсуждаемыми в научных кругах юристов и практических деятелей. Налаженное и согласованное сотрудничество, разграничение полномочий, формы взаимодействия органов предварительного следствия и сотрудников органов дознания – условия раскрытия преступлений в оптимальные для следствия сроки. Успех в раскрытии и расследовании преступлений невозможен без слаженной и согласованной работы участников уголовного судопроизводства.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве закреплены предусмотренные правовые основы и формы рассматриваемого взаимодействия и содействия (ст.ст. 38, 157 УПК РФ).

Буквальное толкование норм УПК РФ говорит о том, что взаимодействие при производстве следственных действий может осуществляться посредством содействия или участия. При этом законодатель не разъясняет терминологическое значение понятий «содействие» и «участие», хотя их разграничение или единство будут способствовать точному, единообразному применению норм, а потому имеют практическое значение. Из этого можно выделить еще один признак классификации взаимодействия следователя с органом дознания – по характеру осуществления взаимодействия: содействие или участие.

На специфические смысловые оттенки терминов «содействие» и «участие» обращает внимание Р. В. Зимин. Он видит отличие содействия от участия в том, что в первом случае не требуется оформления в документах уголовно-процессуальной деятельности тех обстоятельств, когда орган дознания не участвует напрямую в следственных или процессуальных действиях, а осуществляет выполнение технической или организационной работы, которая связана прежде всего с подготовкой и проведением таких действий, как подыскание понятых, статистов, предоставление помещения для проведения следственного действия и т. п. [6, с. 28], в отличие от участия, которое согласно п. 7 ст. 164 УПК РФ в протоколе подтверждается соответствующей отметкой. При этом содействие может выражаться в охране места происшествия, обеспечении порядка во время осуществления следственного или иного процессуального действия [13, с. 95]. Относительно «участия» при осуществлении взаимодействия следует отметить, что участие – это совместная с кем-нибудь деятельность, сотрудничество в чем-нибудь [10]. Например, при производстве следственного действия в виде обыска должностное лицо органа дознания может совместно с сотрудником следственного органа непосредственно участвовать в отыскании сокрытых объектов.

Однако, к сожалению, стоит констатировать тот факт, что до сих пор не выработан единый понятийный аппарат для понятия «взаимодействие следователя с органом дознания», что создает определенные трудности в оперативной дея-

тельности, а также ее результатах, что напрямую влияет на производство предварительного следствия. Поэтому прежде следует определиться с содержанием самого понятия «взаимодействие».

Рассматривая особенности взаимодействия необходимо отметить, что в УПК РФ нет определения понятия взаимодействия следователя с органами дознания, тогда как в научной литературе существует немало вариантов таких определений, так как оно является чисто научным и каждый ученый правовед дает свое определение данному явлению.

Так, Н. П. Яблоков такое взаимодействие понимает в рамках основанной на действующем законе и согласованной по всем принципиальным условиям деятельности органов предварительного следствия и дознания, направленной на раскрытие преступлений и решение всех остальных задач их расследования и предупреждения [15, с. 147]. А. А. Пономаренко, в свою очередь, данное понятие трактует, как такую связь в их деятельности, которая позволяет правильно сочетать полномочия, средства и методы, присущие конкретным участникам взаимодействия [11, с. 79].

А. М. Багмет отмечает, что «взаимодействие следователей с органами дознания является одним из основных условий оперативного и качественного расследования преступлений, а также принятия всех предусмотренных законом мер, направленных на выявление и изобличение лиц, совершивших преступления» [1, с. 32].

По мнению А. И. Бастрыкина, под взаимодействием «следует понимать согласованную деятельность следователя и органа дознания, экспертного подразделения и других субъектов доказывания, предполагающую рациональное сочетание процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий и других мероприятий, выполняемых каждым из них в соответствии с их функциями и в пределах полномочий, предоставленных законом, с использованием специальных знаний, технических и судебно-медицинских средств для наиболее успешного и эффективного выполнения задач уголовного судопроизводства» [8, с. 32]. Данную позицию поддерживают и другие ученые, в частности Л. Я. Драпкин и Д. В. Бахтеев, проанализировав ряд определений, сделали вывод о том, что «более широкое толкование понятия взаимодействия, осуществляемого в процессе раскрытия и расследования преступлений, оправдано, поскольку такое взаимодействие не может ограничиваться участием только двух субъектов этого процесса в нем. Роль экспертов и специалистов в процессе доказывания в настоящее время очень велика и будет возрастать с каждым годом, особенно при установлении и доказывании вины конкретных лиц и выявлении признаков скрытых преступлений» [4].

С точки зрения А. В. Бутырской и Е. А. Лушина, «взаимодействие при расследовании преступлений представляет собой форму взаимоотношений, в которой осуществляются действия каждого субъекта доказывания, характеризующиеся общим пониманием ситуации, уникальным чувством действий, солидарностью и согласием. Только в этом случае можно намеренно и эффективно противостоять преступной деятельности организованных формирований» [3, с. 42].

Согласимся с мнением Д. В. Бахтеева и Л. Я. Драпкина о том, что «в процессе раскрытия и расследования преступлений, особенно в проблемных ситуациях, нередко возникают серьезные трудности, подчас неразрешимые лишь процессуальными методами предварительного следствия. В таких случаях большое значение имеют оперативно-разыскные мероприятия, проводимые органами дознания» [2, с. 89].

А. С. Тарасов под взаимодействием понимает «согласованную и коллективную деятельность сил следователей и органов дознания, обусловленную их компетенцией, формами деятельности, основанную на законе и общности задач уголовного судопроизводства, которая предусматривает эффективное использование правовых мер и направлена на расследование и предупреждение преступлений» [12, с. 185].

На наш взгляд, наиболее удачный вариант предложила Т. В. Аверьянова, определив взаимодействие как «…согласованную по своим целям, задачам, силам, средствам, месту и времени деятельность в процессе установления истины по уголовному делу» [9, с. 258].

Обобщая вышеизложенные определения, можно всецело установить, что институт взаимодействия основан на нормах действующего уголовно-процессуального законодательства и иных нормативных правовых актов, которые возлагают на следователей и органов дознания ряд обязанностей в пределах своей компетенции возбуждать уголовные дела и раскрывать преступления. Такой порядок действий реализуется в рамках предусмотренных законом форм взаимодействия, что также представляет научный интерес для изучения.

Для успешного выполнения некоторых задач взаимодействующим сторонам предоставляются все полномочия, предусмотренные законом. Закон, в свою очередь, определяет формы взаимодействия. В частности, в ходе досудебного производства взаимодействие следователя с органами дознания осуществляется в следующих формах [5, с. 36]:

– направление поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий и производстве отдельных следственных действий;

– оказание органом дознания содействия следователю при производстве процессуальных действий по уголовному делу;

– организация и деятельность следственно-оперативной группы;

– осуществление оперативного сопровождения по уголовному делу.

Учеными выделяются достаточно большое количество классификаций форм и отдельных направлений взаимодействия следователя и органов дознания. Они различаются в зависимости от выбранного критерия, а именно: целей, задач, характера деятельности, правовой регламентации, стадии уголовного процесса, на которой осуществляется взаимодействие.

На наш взгляд, наиболее оптимальной вариантом классификация, основанная на критерии правовой регламентации. Так, разделяют процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия. В своем труде Д. А. Иванов также подчеркивает важность выделения указанный выше форм взаимодействия органов следствия с органами дознания [7].

В зависимости от конкретной следственной ситуации по уголовному делу следователь по своему усмотрению применяет ту или иную форму взаимодействия с сотрудниками органов дознания.

В современной следственной практике важной формой процессуального взаимодействия является поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий и отдельных следственных действий. При этом правильно выбранной тактикой при вынесении поручения следователем будет являться возможность изучения оперативным работником органа дознания материалов уголовного дела в той части, в которой направлено ему поручение. Это позволит наиболее полно и быстрее исполнить поручение. Несмотря на это, проблемным вопросом является вопрос о сроках исполнения поручений следователя органом дознания. В целях достижения эффективного результата взаимодействия следователь должен самостоятельно устанавливать срок исполнения поручений, предусмотренных УПК РФ, исходя из сложности и обстоятельств конкретного уголовно дела. Оперативный сотрудник органа дознания, в свою очередь, при исполнении поручения может вынести мотивированный рапорт о невозможности выполнения поручения в установленный законом срок и просить следователя о продлении срока по исполнению поручения. Данное положение необходимо закрепить в ст. 38 УПК РФ.

Отдельно необходимо рассмотреть взаимодействие органов дознания при осуществлении следственных действий, исполнении постановлений о задержании, аресте, приводе и иных процессуальных действиях. Данная форма взаимодействия на практике встречается достаточно часто, поскольку отдельные следственные действия требуют участия как следователей, так и сотрудников органов дознания.

Большое значение в осуществлении эффективного взаимодействия имеет образование следственных групп. В частности, создание следственной группы положительно сказывается на эффективности и качестве предварительного расследования. Можно выделить следующие преимущества: сокращение сроков предварительного расследования; возможность эффективного решения тактических задач (например, одновременное производство нескольких следственных действий).

Непроцессуальные формы взаимодействия выражаются: в изучении и анализе оперативных материалов при проверке сообщения о преступлении; совместном и согласованном планировании следственного органа и органа дознания при проведении следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, профилактической деятельности; регулярном обмене информацией в ходе осуществления предварительного расследования об обстоятельствах конкретного уголовного дела.

Таким образом, можно сделать вывод, что следователь обладает достаточным арсеналом средств по взаимодействию с органом дознания для осуществления полного, всестороннего и объективного расследования уголовных дел на стадии досудебного этапа.

Отметим, что несмотря на то, что следственные органы и органы дознания как субъекты взаимодействия являются самостоятельными и независимыми по отношению друг к другу участниками уголовного судопроизводства, их эффек-

тивное участие в следственных действиях и оказание содействия друг другу являются важнейшим фактором в эффективном расследовании и раскрытии преступлений. Поэтому в рамках такого взаимодействия закон предоставляет следователю и органу дознания все необходимые полномочия в целях успешного выполнения стоящих перед ними задач, а также определяет круг возможных форм взаимодействия в раскрытии преступлений. При решении вопроса об оказании помощи следователю начальник органа дознания должен исходить из вида необходимой помощи и основного направления деятельности структурного подразделения и учитывать при этом профессиональную компетентность и квалификацию конкретного должностного лица, реализующего полномочия органа дознания в этой части. Только в этом случае можно говорить о качественном и эффективном взаимодействии, которое позволяет осуществлять расследование преступлений на качественном уровне.

Список литературы

1. Багмет А. М. Коррупционные преступления, совершаемые полицейскими // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения : сборник научных трудов : Выпуск № 3 (17). М. : Академия Следственного комитета, 2017. С. 31–35.

2. Бахтеев Д. В., Драпкин Л. Я. Взаимодействие следователя с органами дознания и другими участниками расследования преступлений // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 3 (41). С. 87–96.

3. Бутырская А. В., Лушин Е. А. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при возбуждении уголовного дела за создание преступного сообщества (преступной организации): проблемы, пути решения // Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: проблемы и пути их решения / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская академия СК РФ, 2018. С. 39–44.

4. Драпкин Л. Я., Бахтеев Д. В. Взаимодействие следователей с органами дознания и другими участниками расследования преступлений // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3.

5. Есина А. С. К вопросу о взаимодействии следователя и органа дознания // Эпоха науки. 2017. № 11. С. 35–37.

6. Зимин Р. В. Методические рекомендации по взаимодействию следователя и органа дознания при оказании содействия следователю в производстве следственных и процессуальных действий // Законодательство и практика. 2008. № 1.

7. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018.

8. Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М. : Инфра-М, 2017.

9. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. М. : Норма: Инфра-М., 2017.

10. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка // URL: http: //www. slovarozhegova.ru.

11. Пономаренко А. А. Понятие взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при расследовании преступлений // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 6. С. 78–85.

12. Тарасов А. С. Взаимодействие следователя с органами дознания. М. : Центр научного знания «Логос», 2016.

13. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания системы МВД России : учебное пособие / К. В. Муравьев [и др.]. М. : ЦОКР МВД России, 2010.

14. Харченко С. В. Некоторые особенности взаимодействия следственных органов СК России с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 189–191.

15. Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. М. : Юрайт, 2019.

Тарабрин Д. О.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Волынский А. Ф.****,*
профессор кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Проблема обеспечения экологической безопасности является, несомненно, важной в вопросе национальной безопасности государства в общества. Последние нормативные преобразования в указанной сфере наглядно показывают, что законодательных инициатив по данному вопросу становится все больше. Причиной этому служит не только ухудшающаяся экологическая обстановка в некоторых регионах нашей страны, но и то, что за последние десять лет России пришлось столкнуться с различными случаями, когда законодательная регламентация в сфере охраны окружающей среды не помогла избежать (предотвратить) последствий различных катастроф, ставших возможными по причине исключительно неправомерного поведения со стороны самих граждан [1].

Более того, необходимость формирования новых подходов в сфере экологической безопасности возникает в последнее время по ряду социальных причин: расширение сферы внутреннего развития предприятий легкой и тяжелой промышленности, возрастающие выбросы токсичных веществ в окружающую среду, а также возникновение природных катастроф и техногенных аварий.

В связи с этим исследователями все чаще ставится вопрос о качестве расследования экологических правонарушений, в том числе в части сбора необходимой информации, позволяющей наиболее точно определить их причины, а также установить масштаб последствий. Давно известно, что качество проведения таких неотложных следственных действий, как осмотр места происшествия, опрос очевидцев и сбор вещественных доказательств, значительно повышает шансы следствия в установлении обстоятельств произошедшего. При этом грамотность и профессионализм сотрудников правоохранительных органов в таких случаях играет ключевую роль уже на ранних стадиях сбора необходимых доказательств [2, с. 291].

Осмотр места происшествия, как одно из важнейших процессуальных действий, направленных на сбор доказательств по уголовному делу, проводится в соответствии с требованиями ст.ст. 176, 177 УПК РФ [3]. При этом вне зависимости от того, какие именно данные находятся в распоряжении должностного

[1] © Тарабрин Д. О., 2022.

лица, производящего осмотр, его проведение требует четкой организации, строгой последовательности и необходимого привлечения высококвалифицированных специалистов, как правило, входящих в состав следственно-оперативной группы (следователь, кинолог, криминалист, специалист и др.).

Как справедливо подмечают практически все исследователи в области криминалистической тактики, успешное расследование экологических преступлений во многом зависит именно от умело проведенного осмотра места происшествия. Его результаты, как отмечает В. Н. Банин, играют одну из ключевых ролей для последующей оценки обстоятельств произошедшего преступного события. К примеру, по делам, где объектом расследования является незаконная рубка лесных насаждений ст. 260 УК РФ [4], когда первоначальные повреждения были произведены подручными средствами, организация осмотра должна строиться по принципу комплексного анализа значительного количества разнообразных факторов, связанных с обнаружением и изъятием следов незаконной вырубки, в частности остатков образцов древесины (деревьев, кустарников и др.). С осуществлением замера участка вырубки (для установления степени наступившего вреда); изготовлением слепков отпечатков автомобильных шин и следов обуви, что позволяет уже в рамках проводимого осмотра места происшествия установить количество злоумышленников и особенности их действий на месте происшествия.

Стоит отметить, что проведение осмотра места происшествия по делам о вырубке требует не просто соблюдения общих тактических правил (наблюдение фото или видеофиксация, протоколирование, получение образцов, и др.), но и применения нестандартных методик. Закономерность данной логики в том, что после незаконной вырубки лесных насаждений, как правило, часть следов может быть утеряна, а это значит, что при проведении такого осмотра требуется обращать особое внимание на некоторые нюансы, соблюдение которых на общих основаниях не всегда представляется возможным. К примеру, для обнаружения следов преступления необходимо не просто произвести замеры поврежденных участков, а собрать образцы спилов или срубов, тем самым определяя разновидность того предмета, которым указанные повреждения наносились [6, с. 209].

Особое внимание в данном вопросе следует уделить преступлениям, где источником причинения экологического вреда стали действия, повлекшие за собой нарушение правил обращения с опасными веществами и отходами (ст. 247 УК РФ). В таких случаях правила производства осмотра места происшествия могут быть несколько иными. Кроме того, в его процессе проводится оценка соответствующих (характерных) условий возникновения и развития указанных действий, поэтому основными целями его, как правило, являются следующие:

– правильно определить и зафиксировать признаки выброса отходов (как правило, это остаточные следы, которые остаются на растениях, покровах земли или на глади водных объектов);

– произвести сбор вышеуказанного материала, способствующего распространению вредного влияния на флору и фауну для последующей фиксации в качестве вещественных доказательств;

– зафиксировать сведения, которые будут указывать на факторы, предшествующие или сопутствующие выбросу опасных отходов (уклоны почвы, наличие водоемов, атмосферные и погодные условия), а также другие возможные причины, приведшие к нарушению экологических стандартов.

Для производства качественного осмотра места происшествия обязательным аспектом для следователя является привлечение к данному действию специалистов, обладающих специальными познаниями в различных сферах. В частности, участие такого специалиста, в соответствии с требованиями ст. 144 УПК РФ, поможет даже на первоначальных стадиях анализа обстановки получить ценную разыскную и доказательственную информацию о произошедшем событии.

Из практики привлечения специалистов, способных определять особенности распространения химических веществ в окружающей среде, следует, что сам по себе дознаватель очень редко обладает информацией, позволяющей ему самостоятельно на месте определить возможные причины экологического нарушения. В то время как специалист, с учетом даже косвенных признаков, может смоделировать возможные направления негативного распространения и тем самым помочь в определении вектора дальнейшего расследования [7, с. 50].

Специалист, как нам представляется, привлекается следователем для участия в производстве осмотра места происшествия по экологическим преступлениям по единой причине. Это отсутствие специальных знаний в той или иной области у сотрудника, производящего осмотр места происшествия, и необходимость установить причину либо иные обстоятельства, относящиеся к преступному событию. Кроме того, специалист может дать прогноз следователю (дознавателю) как в дальнейшем могут повлиять последствия от экологического преступления и его распространение на окружающую среду.

Таким образом, тактика осмотра места происшествия по фактам нарушения норм экологического законодательства несмотря на то, что его правовая основа является общей, имеет свои особенности. В большей степени тактика такого осмотра не отличается какой-либо индивидуальной тактико-правовой характеристикой, но в ее реализации важное значение имеет привлечение специалиста, который уже на раннем этапе исследования обстоятельств способен определить характер и причины распространения экологической угрозы.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. Ст. 2546.

2. Тарабрин Д. О., Лавров В. П. Осмотр места происшествия как способ преодоления противодействия расследованию экологических преступлений в современных условиях цифровизации общества // Развитие учения о противодействии расследованию преступлений и мерах по его преодолению в условиях цифровой трансформации : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / под ред. Ю. В. Гаврилина, Ю. В. Шпагиной.

М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 290–298.

3. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docment/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7yfty1zr5428386429.

4. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c193654ae5c3bd5b02d92ade18796cd886-4ec353/.

5. Банин В. Н., Курбатова С. М. Фактические и правовые основания производства следственного осмотра по уголовным делам об экологических преступлениях // Правовые чтения на Енисее. Актуальные вопросы применения норм материального и процессуального права : сборник материалов региональных (межвузовских) научно-практических конференций, Красноярск, 1–8 декабря 2020 г. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2021. С. 3–7.

6. Курганникова Т. П. Некоторые аспекты фиксации следов и объектов, указывающих на незаконную рубку леса, в ходе осмотра места происшествия // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, 1–4 февраля 2021 г. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 206–211.

7. Морозова Н. В. Общетеоретические аспекты проведения осмотра места происшествия при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4 (89). С. 48–52.

Тютерева Ю. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Мичурина О. В.****,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ВКС ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Изменения уголовно-процессуального закона в части внедрения дистанционных следственных действий, применяемых в ходе предварительного расследования, вызывают повышенный интерес как со стороны практических сотрудников, так и научного сообщества. В связи с этим автором статьи проведен анализ наиболее актуальных вопросов применения систем видео-конференц-связи (далее – ВКС) при производстве следственных и иных процессуальных действий.

На расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 г. Министр внутренних дел В. А. Колокольцев отметил: «Планомерно повышается качество предварительного расследования. Были подготовлены дополнения в УПК РФ, закрепившие возможность применения видео-конференц-связи в рамках следственных действий. Подобный механизм упростит и ускорит производство по уголовным делам» [3]. Тем не менее, предусмотрев возможность использования следователем и дознавателем систем ВКС при производстве допроса, очной ставки и предъявления для опознания, законодатель не регламентировал детально ее процедуру. Согласно опросу 100 % респондентов из числа следователей и дознавателей в январе 2022 г. (на момент вступления в силу ст. 189.1 УПК РФ) были не готовы к применению систем ВКС [1]. Они поясняли, что действовать исходя из собственного усмотрения опасаются, поэтому ждут более подробных корректив законодателя или ведомственных инструкций.

Интересной является позиция С. Б. Россинского, который указывает на излишнюю формализацию деятельности органов предварительного расследования, заключающуюся в их зависимости от «пошаговых инструкций» [2, с. 44]. Такие «инструкции», с одной стороны, усиливают процессуальную надежность, обеспечивают повышение качества получаемых доказательств, а с другой – становятся «памяткой» и «учебником по криминалистике» для безграмотных правоприменителей. Именно этим объясняется, почему после вступления в силу указанной выше новеллы, практические органы не поспешили к ее активному

[1] © Тютерева Ю. С., 2022.

правоприменению, дожидаясь тех самых «инструкций» и «алгоритмов». Указанная позиция не заставила себя долго ждать и уже в феврале 2022 г. во многих регионах Российской Федерации на уровне отдельных подразделений органов внутренних дел были разработаны и внедрены алгоритмы обеспечения и проведения следственных действий с использованием систем ВКС.

В связи с этим рассмотрим наиболее актуальные вопросы применения систем ВКС при производстве следственных действий, предусмотренных ст. 189.1 УПК РФ. Прежде всего надлежит учитывать, что при наличии возможности производства следственного действия традиционным способом не следует использовать возможности, предусмотренные ст. 189.1 УПК РФ. Несмотря на то, что данная норма не содержит ограничений и в ней используется формулировка «вправе произвести», что может быть истолковано как предоставление следователю, дознавателю, возможности производить следственные действия с использованием ВКС в каждом случае, когда есть для этого техническая возможность. На наш взгляд, целесообразно применять рассматриваемый порядок производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания только в исключительных случаях.

Важным условием успешного производства следственного действия является наличие технической возможности применения систем ВКС. В настоящее время в системе МВД России данная возможность может быть реализована посредством использования автоматизированного рабочего места, подключенного к Единой системе информационно-аналитического обеспечения деятельности (далее – ИСОД) МВД России. Поэтому следователь, дознаватель, приняв решение о производстве следственного действия с использованием ВКС, должен убедиться в наличии соответствующего рабочего места и в том территориальном органе внутренних дел, в котором будет находиться лицо, необходимое для участия в следственном действии. Одним из основных принципов функционирования ИСОД является широкое использование современных разработок в сфере информационных технологий, связи и защиты информации. Все обязательства по защите информации в ходе дистанционного производства должны возлагаться на сотрудников органов внутренних дел. В связи с этим, по нашему мнению, использование известных общедоступных мессенджеров Skype, Zoom, WhatsApp и других схожих технологий, не отвечающих требованиям по защите информации в рамках уголовного судопроизводства, не могут применяться в ходе предварительного расследования.

В соответствии с ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ следователь должен направить следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии, которое оформляется в соответствии с требованиями, предусмотренными ч. 4 ст. 21 УПК РФ, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, ст. 152 УПК РФ, а также с учетом специфики, которая предусмотрена ст. 189.1 УПК РФ. После включения данной нормы законодатель не внес соответствующих изменений в ст. 152 УПК РФ, при этом необходимо понимать, что в данном случае следова-

тель, дознаватель не поручают произвести следственное действие в другом месте, формулировка поручения должна содержать указание на необходимость обеспечения производства следственного действия именно посредством ВКС производимого лицом, в производстве которого находится уголовное дело. С этой целью автор считает необходимым дополнить ст. 152 УПК РФ соответствующей частью, предусматривающей в случае необходимости производства следственного действия с участием лица, находящегося в другом месте, с использованием ВКС, право следователя, дознавателя поручить организацию участия данного лица в следственном действии следователю, дознавателю или органу дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым.

Обратимся к ч. 3 ст. 189 УПК РФ, содержащей следующее положение: «Запись о разъяснении участникам следственного действия, находящимся вне места производства предварительного расследования, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, а также запись об оглашении им протокола следственного действия удостоверяется подписями данных участников следственного действия, о чем у них берется подписка следователем или дознавателем по месту нахождения участников следственного действия». Из данного положения следует, что те участники следственного действия, которые находятся в месте производства предварительного расследования, удостоверяют факт разъяснения им прав, обязанностей, порядка производства следственного действия, а также факт содержания протокола непосредственно в нем. В то время как участники, находящиеся в месте, где их участие обеспечено в соответствии с поручением следователя, дознавателя, удостоверяют данные факты в подписке. Ознакомление с протоколом следственного действия, исходя из положений ст. 189.1 УПК РФ, возможно лишь путем его оглашения. Ознакомление с протоколом путем личного прочтения не предусматривается. Однако автор предполагает реализацию указанной возможности путем направления протокола следственного действия с помощью электронных средств связи. Представляется, что законодательно должна быть обеспечена соответствующая возможность, поскольку не всегда участники следственных действий могут воспринять и уяснить в полном объеме информацию «на слух», в особенности, если не владеют языком уголовного судопроизводства. По мнению автора, на сегодняшний день созданы предпосылки для обжалования результатов следственного действия со стороны лиц, находящихся не в месте производства предварительного расследования, поскольку своими подписями разъяснение прав и ознакомление с протоколом они удостоверяют в отдельном документе – подписке. Необходимо проработать возможность приобщения к материалам уголовного дела двух вариантов протоколов следственного действия, содержащих подписи всех его участников.

Отметим, что в соответствии с ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ применение видеозаписи в ходе производства следственного действия является обязательным, однако не уточнено, где именно она должна производиться – по месту производства расследования или в месте, где находится лицо, участие которого в следственном

действии признано необходимым. Представляется, что обеспечить полную фиксацию всего хода и результатов следственного действия возможно лишь при условии, что видеозапись будет производиться в обоих вышеуказанных местах.

Производство следственного действия в порядке, предусмотренном ст. 189.1 УПК РФ, должен быть реализован с учетом особенностей того следственного действия, которое проводится. В то же время есть и ряд общих требований, рекомендаций, которые должны быть соблюдены в каждом случае производства следственного действия с использованием ВКС. Целесообразно привлечение к производству следственного действия как по месту производства предварительного расследования, так и по месту нахождения лица, участие в следственном действии которого признано необходимым, специалиста отдела технического обеспечения. Это позволит избежать проблем с прерыванием ВКС, а также качеством видеосигнала. В том случае, когда невозможно обеспечить качественную трансляцию, а она выступает непременным условием допустимости результатов следственного действия (например, при производстве предъявления для опознания), его производство с использованием ВКС недопустимо.

В заключение отметим, что, несмотря на достаточно детальное содержание ст. 189.1 УПК РФ, остается много вопросов, которые будут разрешаться лишь по мере накопления опыта производства следственных действий с использованием ВКС. Однако в целях недопущения ошибок, неверного толкования положений закона, в результате чего может быть подвергнута сомнениям допустимость полученных доказательств, необходимо стремиться к разрешению данных вопросов в настоящее время.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/docment/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=l7yfty1zr5428386429.

2. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6.

3. Расширенное заседание коллегии МВД России 17 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru.

Черкасова Ю. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О НЕДОПУСТИМОСТИ РАЗГЛАШЕНИЯ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ СТАТУСОМ

В соответствии с содержанием гл. 21 УПК РФ одним из общих условий предварительного расследования является недопустимость разглашения данных предварительного расследования. Согласно положениям ст. 161 УПК РФ данный запрет распространяется на участников уголовного судопроизводства, которые привлекаются для участия по уголовному делу. Следует отметить, что законодатель не уточняет, на каких именно участников распространяется действие данной нормы права. Исходя из буквального толкования ст. 161 УПК РФ, только на тех лиц, регламентированных в Разделе II УПК РФ. Уполномоченное должностное лицо должно заранее предупредить об уголовной ответственности (ст. 310 УПК РФ).

Однако возникает вопрос, как быть с теми участниками, процессуальный статус которых носит неопределенный характер (например, у помощника судьи, нотариуса, педагога или психолога и т. д.), а также есть ли необходимость в разъяснении им положений ст. 161 УПК РФ. Для целостного представления всей сложившейся правовой ситуации и принятия конкретного решения рассмотрим деятельность некоторых участников уголовного судопроизводства с неопределенным процессуальным статусом.

По мнению В. Руднева и Г. Беньягуева: «Деятельность нотариуса не ограничивается гражданско-правовой сферой и гражданским судопроизводством. Его участие возможно и в других сферах судопроизводства, в частности, в уголовном судопроизводстве» [1, с. 87]. Основное процессуальное назначение нотариуса в сфере уголовного судопроизводства заключается:

1. В обеспечении урегулирования процесса примирения стороны (выражается в фиксации согласованных взаимных намерений сторон).

2. Оказании вспомогательной помощи при избрании мер пресечения (залог, подписка о невыезде и надлежащем поведении) или принуждения (арест), а также фиксации или подтверждения показаний лица.

Представленные выше направления заставляют задуматься о том, что нотариус входит в круг участников, обладающих информацией, попадающей под категорию данных, разглашение которых недопустимо. Если нотариус располагает сведениями о примененной мере пресечения, значит, знает также причину и квалификацию противоправного деяния, вменяемого подозреваемому (обвиняемому).

---

[1] © Черкасова Ю. А., 2022.

Кроме того, в аналогичной правовой ситуации оказывается и педагог, вовлекаемый с момента начала и до конца производства по уголовному делу с участием несовершеннолетнего. Процессуальный статус педагога в настоящее время в законодательстве не урегулирован, при этом уполномоченные лица, как правило, задействуют школьных педагогов, следовательно, тех, которые:

1) взаимодействуют с другими преподавателями (например, с классным руководителем несовершеннолетнего);

2) могут «передать» информацию о несовершеннолетнем директору школы (так как находится в подчиненных трудовых правоотношениях).

Распространение информации может негативно сказаться на окружении несовершеннолетнего (друзья или школьный класс), что будет отражаться на моральном и эмоциональном состоянии. Ведь участие в производстве по уголовному делу возможно в качестве не только подозреваемого (обвиняемого), но и свидетеля, при этом в подростковом возрасте сложно самостоятельно различить процессуальную грань в статусах, в связи с чем детьми воспринимается любое участие как уже что-то сделанное противоправное, подлежащее наказанию.

В аналогичном правовом положении находится и психолог, который выполняет следующие задачи:

1) установление доверительных (тесных) контактов с несовершеннолетним;

2) выявление и сообщение следователю отклонений, связанных с как физическим, так и с психологическим состоянием несовершеннолетнего, а также устранение проблем, напрямую затрагивающих деятельность психолога;

3) акцентирование внимания следователя на психологических особенностях допрашиваемого с целью устранения в дальнейшем трудностей в получении показаний [3, с. 179].

Педагог и психолог, при вовлечении в производство с участием несовершеннолетнего, принимают участие во всех следственных действиях, следовательно, обладают сведениями, характеризующими:

1) степень, характер и роль участия несовершеннолетнего в противоправном деянии;

2) квалификацию преступления, в том числе возможное наказание;

3) иную информацию, относящуюся к личности несовершеннолетнего, условиям жизни и воспитания и т. д.

Указанные выше сведения входят в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, а значит, входят в данные предварительного расследования. Считаем, что педагогу следователь (дознаватель) должен разъяснять обязанность, выражающуюся в неразглашении информации, полученной при вовлечении в производство по уголовному делу.

Хотелось бы также обозначить, что недопустимость разглашения данных расследования обеспечивает:

1) скорейшее рассмотрение и раскрытие преступления,

2) охраняемые законом тайны [2, с. 25],

3) честь и деловую репутацию,

4) безопасность участников уголовного судопроизводства.

Пункт 4, по нашему мнению, наиболее важен, так как в отношении участников уголовного судопроизводства, которые обладают неопределенным процессуальным статусом, реализовать данную уголовно-процессуальную гарантию наиболее затруднительно: отсутствует как теоретическая, так и практическая основы. Обладание сведениями, относящимися к уголовному делу, накладывает определенную ответственность, при чем, если у нотариусов предусмотрена ответственность за разглашение нотариальной тайны, то у большинства участников, не входящих в перечень раздела II УПК РФ, она отсутствует. Однако, как было показано на примере с педагогом, проблема становится еще более актуальной, ведь помимо личной ответственности накладывается и ответственность за несовершеннолетнего.

В связи с чем ч. 3 ст. 161 УПК РФ требует определенных корректировок, а именно: «Следователь или дознаватель предупреждает всех вовлекаемых в производство по уголовному делу участников уголовного судопроизводства…». Считаем, что уточнение поспособствует устранению вопросов, связанных с тем, кому необходимо разъяснять анализируемую норму, а также обеспечит сохранность сведений и информации в рамках предварительного расследования.

Список литературы

1. Руднев В., Беньягуев Г. Возможно ли участие нотариуса в уголовном судопроизводстве? // Российская юстиция. 2002. № 8.

2. Терехов М. Ю., Химичева О. В. Некоторые проблемные вопросы производства проверки сообщения о преступлении // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 97–102.

3. Усачев А. А. Участие психолога в производстве следственных действий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. С. 170–184.

Яковлева К. Ю.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Сумин А. А.****,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

КОПИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Статистические данные состояния преступности в России с января по март 2022 г. показывают 124,2 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Данные настоящего и прошлого аналогичного периода продемонстрировали, что вышеуказанные преступления снизились на 8,5 % в 2022 г., хотя их объем по-прежнему является высоким. Одним из недостаточно урегулированных вопросов остается использование копии электронной информации в уголовном процессе. Данный факт имеет особую значимость для повышения качества собранных материалов уголовных дел, исследуемых преступлений [1].

УПК РФ ст. 164.1 предусматривает создание копий электронной информации [2]; в ст. 474.1 регулирует предоставление копии судебного решения, изготовленного в форме электронного документа.

Электронная информация – элемент нереального мира (элемент электронного мира), скопированный или созданный с помощью электронных технологий, пока не имеющих в реальном мире никакого выражения [3, с. 30]. Обращается особое внимание на информационный процесс – копирование.

Электронное копирование предполагает получение копии с электронных носителей информации. Результатом данного процесса является электронная копия. Электронную копию можно разделить на две группы, содержащие электронную информацию: первая – контент, которая несет основную содержательную информацию (как правило, такая информация имеет наиболее востребованное значение, так как данный электронный объект создавался с целью передачи значимой информации); вторая – метаданные, которые являются обязательной сопутствующей информацией (например, дата создания, дата последнего сохранения). Существование этих групп имеет независимый двусторонний характер.

Одним из видов, часто используемых в уголовных делах, копий электронной информации является скриншот (от англ. screenshot). Скриншот – изображение, полученное компьютером (или иным электронным устройством) и показываю-

[1] © Яковлева К. Ю., 2022.

щее в точности то, что видит пользователь на экране монитора в конкретный момент времени [4, с. 181]. Скриншот создает копию электронной информации. Одним из примеров является протокол заслушивания уголовных дел, в котором имеется «пункт 2 – фрагмент видеозаписи осмотреть, сделать скриншоты возможного похитителя, принять процессуальное решение по видеозаписи» [5]. Особо значимо изучение вопроса достоверности примененного скриншота.

Зарубежный уголовный процесс имеет некоторую законодательную базу, касаемо регулирования в применении копии электронной информации. Уголовно-процессуальное законодательство Израиля (смешанная правовая система) знает фотокопию. В постановлении о доказательствах 1971 г. [6] в ст. 40 «F: Фотокопия» содержится определение: фотографическая копия – копия источника, полученного путем ксерокопирования или иным способом, установленным регламентом, и в соответствии с которым получается сохранившаяся и точная копия оригинала, будь то в его первоначальном или в другом размере. Статья 41 «Копии фотографий в качестве доказательств» предусматривает: во-первых, законом допускается доказывать содержание документа, представленного копией. Во-вторых, к ксерокопии прилагается справка о том, что копия изготовлена с первоисточника в установленном порядке.

Имеются некоторые различия в уголовном процессе: во-первых, в Израиле предусматривается процесс ксерокопирования как источник получения копии, в УПК РФ – процесс копирования; во-вторых, в Израиле необходимо наличие справки о достоверности копии, в России же копии заверяются печатью и подписью следователя (дознавателя) в материалах уголовного дела.

В Боснии и Герцеговине (романо-германская правовая семья) в ст. 20(p) Уголовно-процессуального кодекса Боснии и Герцеговины [7] определяется значение термина «оригинал», это сам файл, запись или аналогичный эквивалент, который реализует то же самое произведение лицом, которое его пишет, записывает или выдает. «Оригинал» фото включает в себя негатив и все копии. Если данные хранятся в компьютере или аналогичном устройстве автоматической обработки данных, оригинал также является любой распечатанной копией или визуально воспринимаемой сохраненной информацией. «Копия» (статья 20(r) – это зеркальное отображение оригинала, включая масштабирование и ухудшение, механическое или электронное перекопированние, химическое воспроизведение или любые другие эквивалентные методы, которые точно воспроизводят оригинал. Тем самым особенность уголовного процесса Боснии и Герцеговины в том, что существует предметное разграничение оригинала и копии.

Уголовно-процессуальное законодательство России не предусматривает дефиницию копии. Представленный зарубежный опыт позволяет автору статьи сформулировать дополнение п. 63 ст. 5 УПК РФ: «Копия электронной информации – это сведения (сообщения, данные), полученные в процессе копирования электронного объекта с одного электронного носителя информации на другой с учетом изменения метаданных оригинала». Представленное определение позволяет обозначить существование таких сведений (копий), которые сделаны как целого, так и части оригинала в процессе доказывания.

Остается открытым вопрос корректности таких сведений. Соответственно, создается угроза достоверности доказательств, содержащих копию электронной информации. Достоверность копии электронной информации позволит обеспечить хэш-сумма (сумма электронного кода) электронного объекта. Хэширование – это процесс преобразования массива данных произвольной длины на входе в выходную строку фиксированной длины, что и является хэш-суммой [8, с. 534].

Предлагается закрепить в ч. 4 ст. 164.1 УПК РФ: «В ходе копирования электронной информации должны обеспечиваться условия сохранения идентичности копии по отношению к оригиналу. Обязательно в протоколе следственного действия делается запись о хэш-сумме оригинала электронной информации».

Также обращение копий и оригиналов документов имеет некоторые затруднения в определении его юридической силы. В связи с этим возрастает угроза потери сведений.

Документооборот с использованием ИСОД МВД России [9] обеспечивает дистанционный порядок обмена электронными документами, предполагает обязательное создание электронного образа документа. Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации [10] разъясняет существование «электронного образа документа» как электронной копии документа, изготовленной на бумажном носителе или с помощью технических средств. Следовательно, выделяется электронный образ документа как вида копии электронной информации, который усовершенствованный для обмена данными.

Таким образом, необходимо дополнить п. 63 ст. 5 УПК РФ: копия электронной информации – это сведения (сообщения, данные), полученные в процессе копирования электронного объекта с одного электронного носителя информации на другой с учетом изменения метаданных оригинала.

В ходе сравнительного анализа выделяются виды копий электронной информации в уголовном процессе:

– копии с электронных носителей информации,
– электронный образ документа,
– скриншот.

Для того чтобы предусмотреть достоверность копии электронной информации, следует дополнить ч. 4 ст. 164.1 УПК РФ: «В ходе копирования электронной информации должны обеспечиваться условия сохранения идентичности копии по отношению к оригиналу. Обязательно в протоколе следственного действия делается запись о хэш-сумме оригинала электронной информации».

Понятие копии электронной информации и выделение ее видов в уголовно-процессуальном праве, а также регламентация процесса копирования, предложенные автором дополнения в УПК России, конкретизируют возможность следователя (дознавателя) собирать копии электронной информации, в результате чего данные сведения будут допустимыми доказательствами в уголовном деле.

Список литературы

1. Состояние преступности в России за январь – март 2022 г. // Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/ Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen].

2. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации, совершаемых против собственности : учебное пособие / А. В. Пузарин, О. В. Химичева, А. В. Андреев [и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020.

3. Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c193654ae5c3bd5b02d92ade18796cd886-4ec353/.

4. Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А. Метаданные электронного сообщения как электронное доказательство в уголовном процессе // Северный регион: наука, образование, культура. № 1 (47). 2021. С. 29–34.

5. Денисов Е. А. Скриншоты в системе уголовно-процессуальных доказательств: вопросы теории и практики // СКИФ. Вопросы студенческой науки. 2017. № 15. С. 179–183.

6. Протокол заслушивания уголовных дел, находящихся в производстве СО ОМВД России по Ломоносовскому району г. Москвы, по преступлениям «прошлых лет» от 11 марта 2022 года.

7. Официальный сайт Израильской правовой базы данных. URL: https://www.nevo.co.il/law.

8. Zakon o krivičnom postupku Bosne i Hercegovine // URL: https://www.paragraf.ba/ propisi/bih/zakon-o-krivicnom-postupku-bosne-i-hercegovine.html.

9. Семашко А. В., Кулаков А. В. Криптографическая хэш-функция // Сборник Международной научно-технической конференции «Информационные системы и технологии» ИСТ-2018. С. 534–538.

10. Приказ МВД России от 23 ноября 2016 г. № 755 «Вопросы эксплуатации центра разработки, поддержки, внедрения и администрирования сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России» // Специализированная территориально распределенная автоматизированная система (СТРАС) МВД России «Юрист».

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. № 297 (7463).

Ушаков А. С.[1],
аспирант кафедры уголовного права
и процесса Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одной из главных проблем для развития уголовно-правовой науки остается назначение уголовного наказания [2, с. 51]. Немаловажное значение для юридической науки играет исследование вопросов, посвященных освобождению от уголовной ответственности. Несмотря на то, что Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) включает общий порядок освобождения от уголовной ответственности, дифференцирующийся разнится в зависимости от категорий преступления, проблему освобождения от уголовной ответственности принято относить к разряду сложных ввиду особенности действия уголовно-правовых норм в отношении различных субъектов преступления и специфики объектов и предметов преступного посягательства [2, 3].

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения и выявления качественно различимых характеристик в основаниях и порядке освобождения от уголовной ответственности за ряд общественно опасных посягательств в налоговой сфере (ст.ст. 198, 199, 199^1 и 199^2 УК РФ). В Пленуме Верховного Суда Российской Федерации указанные составы образуют группу преступлений, обозначенную как «налоговые преступления» [4]. Логика законодателя в данном вопросе состоит в том, что в случае погашения задолженности в надлежащем порядке отпадает такой признак деяния, как общественная опасность деяния [5, с. 112].

Для наиболее полного исследования обозначенной проблемы считаем целесообразным рассмотреть нормативные правовые особенности освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления согласно УК РФ и Модельного уголовного кодекса ввиду того, что указанные страны схожи в вопросах формирования системы права, в том числе уголовно-правовой отрасли. На наш взгляд, действенность норм, освобождающих от уголовной ответственности, зависит не только от качества модельного законодательства государств – участников СНГ и национального законодательства государств-участников, но и взаимосвязи и взаимодействии стран-участников данной сфере.

Согласно ст.ст. 74–77 гл. 11 Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ [6], носящим лишь рекомендательный характер, в качестве общих обозначены четыре основания освобождения от уголовной ответственности: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, изменение обстановки и истечение срока давности. Подобные основания были закреплены в первой редакции УК РФ (гл. 14) до ее дополнения ст.ст. 76^1 и 76^2, которое расширяло перечень оснований по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности [7]

[1] © Ушаков А. С., 2022.

(впоследствии как «освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» [8]) и в связи с назначением судебного штрафа [9], а также сужения указанного перечня путем исключения основания в виде изменения обстановки, предложенного рассматривать в качестве еще одного основания [10].

В нормах Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ (ст.ст. 280 и 281), устанавливающих наказание за уклонение от уплаты налогов, не содержится каких-либо специальных условий. Данный факт связан с тем, что обозначенные составы являются преступлениями небольшой и средней тяжести. Учитывая то, что уклонение от уплаты налогов не отнесено к тяжким и особо тяжким преступлениям, при освобождении от уголовной ответственности за их совершение правоприменитель использует общие основания, предусмотренные уголовным законодательством.

Примечательно, что налоговые преступления в России не являются самыми распространенными, но, в свою очередь, требуют особого внимания ввиду отрицательной динамики за счет возрастающего их количества.

Анализ материалов прекращенных уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что в качестве основания прекращения чаще всего выступает истечение сроков давности. Довольно часто встречаются случаи, когда расследование уголовных дел выходит за установленные ч. 1 ст. 78 УК РФ сроки давности (например, по ст. 198, ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199^1 и ч. 1 ст. 199^2 УК РФ). Так, срок давности по чч. 1 и 2 ст. 198 УК РФ составляет два года, однако процесс формирования, выявления недоимки, начисления пеней, а также доказывания данного преступления занимает достаточно много времени, часто превышающего предусмотренные сроки давности.

Подобный подход реализуется правоприменителем при анализе сроков давности по уголовным делам о преступлениях по ч. 1 ст. 199, ч. 1 ст. 199^1 и ч. 1 ст. 199^2 УК РФ, являющихся преступлениям небольшой тяжести. Согласно санкций обозначенных статей за их совершение может быть назначено наказание в виде лишения свободы, которое дифференцируется в зависимости от наличия квалифицирующих признаков. Например, санкциями ч. 1 ст. 199 и ч. 1 ст. 199^1 УК РФ максимальный срок лишения свободы составляет два года, а по ч. 2 ст. 199 и ч. 1 ст. 199^1 УК РФ – шесть лет, что означает об отнесении этих последних преступлений к категории тяжких преступлений.

Санкции чч. 1 и 2 ст. 199^2 УК РФ содержат санкцию в виде лишения свободы в размере трех лет как максимальный предел, а в ч. 2 – данный срок достигает семь лет. Примечательно, что минимальный срок наказания в виде лишения свободы в санкциях данных статей УК РФ не указываются. Согласно практике лишение свободы с реальным отбыванием назначается достаточно редко, не более чем в 6 % проанализированных уголовных дел.

Таким образом, можно утверждать, что обозначенная проблема, связанная с соотношением санкций приведенных норм уголовного законодательства, свидетельствует о недостаточно четкой дифференциации уголовной ответственности за рассматриваемый вид преступлений [11]. Примечательно, что разрешение

указанной проблемы будет положительно влиять не только на применение уголовно-правовых норм, регулирующих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности, но и в целом на реализацию норм уголовного законодательства. Решение указанных проблем будет способствовать формированию положительного общественного мнения относительно справедливости уголовного закона и назначения уголовного наказания. Думается, что содержание санкций в составах налоговых преступлений напрямую влияет на действенность и эффективность уголовного законодательства и его гуманизацию.

Список литературы

1. Осокин Р. Б., Денисенко М. В. Генезис института наказания в отечественном уголовном праве // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 4 (22).

2. Осокин Р. Б. Проблемы квалификации налогового мошенничества по субъективным признакам // Вестник Тамбовского университета. 2008. № 6. С. 360–361.

3. Осокин Р. Б., Цыркалюк А. А. Ошибки квалификации неоконченного уклонения от уплаты налогов и (или) сборов // Современные тенденции развития государства и права в России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. М. : Тамбовский филиал Московского университета МВД России, 2010. С. 277–278.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. 2019. 6 дек.

5. Цирит О. А. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 9.

6. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.

7. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

8. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 761 и 1451 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный ко-декс Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8459.

9. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

10. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

11. Осокин Р. Б., Клещенко Ю. Г. Квалификация причинения имущественного ущерба путем обмана в сфере налогообложения по субъективным признакам (на примере уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица или с организации) // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 4. С. 356–361.

Горобцова Ю. О.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ УСЛОВИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ НЕОСТОРОЖНОГО ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ ИЛИ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Предваряя анализ собственно условий освобождения от уголовной ответственности **за** квалифицированные виды неосторожного причинения смерти или тяжкого вреда здоровью, необходимо обратить внимание на комплекс рекомендаций по изменению положений ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ, регламентирующих наказание за виды неосторожного причинения смерти и тяжкого вреда здоровью при исполнении профессиональных обязанностей. В юридической науке существуют полярные точки зрения относительно санкций за рассматриваемые виды и иные разновидности преступлений, которые на протяжении длительного периода вызывают научные дискуссии [1–4].

О необходимости исключения наказания в виде лишения свободы за неосторожное причинение смерти упоминается в трудах Н. Г. Кадникова [5], И. М. Тяжковой [6]. Ведь, согласно статистике, на практике в 2/3 случаев приговор суда ограничивается условным лишением свободы, а в более 80 % случаев – минимальным наказанием.

Другая группа ученых (Л. Д. Гаухман, В. В. Лунеев, С. М. Ханахок) считает необоснованным установление менее строгого предела санкций за совершение преступлений, предусмотренных чч. 2 ст.ст 109 и 118 УК РФ, и предлагает их ужесточить [7, с. 197]. Согласно мнению Д. А. Корецкого и Е. С. Стешича, судебная практика не является достоверным подтверждением эффективности действия правовой нормы [8, с. 681]. К тому же подобная рекомендация [смягчение наказания] воспринимается «особо болезненно» [9, с. 73], влечет недооцененность общественной опасности и девальвирует саму ценность человеческой жизни, поскольку по степени общественной опасности неосторожное причинение смерти приравнивается к преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 140 и ч. 1 ст. 141 УК РФ. Указанная рекомендация аргументирована, так как верхний предел наказания в виде лишения свободы на срок до трех лет (ч. 2 ст. 109 УК РФ) и на срок до одного года (ч. 2 ст. 118 УК РФ) гораздо меньше, чем санкции за аналогичные преступные посягательства по уголовному законодательству зарубежных стран (Германия, Южная Корея – пять лет лишения свободы, Беларусь, Казахстан, Франция – пять лет, пять лет и три года соответственно).

В связи с наличием противоречий в вопросе форм вины и наказуемости за квалифицированные виды неосторожного причинения смерти и тяжкого вреда

[1] © Горобцова Ю. О., 2022.

здоровью полагаем обоснованным внесение изменений в рассматриваемые статьи с учетом соответствия степени общественной опасности, соизмеримости наказания за иные преступные деяния против жизни и здоровья, а также связанные с нарушением правил в конкретных областях профессиональной деятельности [10]. Анализ работ, посвященных корректировке наказаний за преступления, предусмотренные чч. 2 ст.ст. 109 и 118 УК РФ, показал, что предложения по изменению санкций приводятся без коррекции и учета смежных составов. К примеру, при внесении предложения по увеличению наказания до пяти лет лишения свободы за причинение смерти по неосторожности при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей не учитывается тот факт, что тождественное наказание предусмотрено за заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ). Учитывая это, можно заключить, что последствие в виде летального исхода имеют большую степень общественной опасности, чем заражение болезнью, с которой можно прожить до 70–80 лет [11]. Полагаем, что данный момент нуждается в доработке.

В целях предупреждения возможности исключения уголовной ответственности за преступления, предусмотренные чч. 2 ст.ст 109 и 118 УК РФ, некоторые ученые (И. О. Кондратьева) предлагают внести поправки в нормы, связанные с освобождением от уголовной ответственности (ст. 75 и 76 УК РФ), а именно: «лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, последствием которого явилась смерть человека или нескольких лиц, освобождению от уголовной ответственности не подлежит» [12]. Предложенная правка по своей сути обоснована и целесообразна, поскольку обеспечивает полную реализацию одного из конституционных принципов, гласящего, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [13]. Помимо этого, указанное примечание необходимо внести и в другие статьи, содержащие основания освобождения от уголовной ответственности (глава 11 УК РФ).

Проанализировав мнения специалистов относительно совершенствования чч. 2 ст.ст. 109 и 118 УК РФ, отметим наиболее оптимальные из них: 1) создать отдельную статью (статьи) Особенной части УК РФ, регламентирующую ответственность за неосторожные преступления, связанные с ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей; 2) ужесточить санкции за причинение тяжкого вреда здоровью двум и более лицам, а также в отношении малолетнего или иного беспомощного лица; 3) исключить освобождение от уголовной ответственности лиц, причинивших смерть другому человеку, за преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 109 и ч. 2 ст. 118 УК РФ; 4) внести поправки в статьи главы 11 УК РФ в следующей редакции: «Положения настоящей статьи не применяются к лицам, совершившим преступления, последствием которых явилась смерть потерпевшего».

Список литературы

1. Осокин Р. Б., Денисенко М. В. Уголовно-правовая характеристика незаконно-го распространения порнографических материалов или предметов : науч.-практ. пособие. М. : Московский университет МВД России, 2005.

2. Осокин Р. Б. О необходимости совершенствования норм об ответственности за жестокое обращение с животными // Российская юстиция. 2016. № 2. С. 71–74.

3. Осокин Р. Б. Состояние уголовно-правового противодействия преступлениям против общественной нравственности в некодифици-рованный период развития российского уголовного законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 86–89.

4. Осокин Р. Б. Порнография: опыт легального, доктринального и судебного толкования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1(25). С. 134–140.

5. Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2000.

6. Тяжкова И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003.

7. Ханахок С. М. Особенности законодательного описания состава причинения смерти по неосторожности в УК отдельных стран СНГ и Балтии // Общество и право. 2010. № 4.

8. Корецкий Д. А., Стешич Е. С. Проблема оценки тяжести неосторожных преступлений, связанных с лишением свободы // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4.

9. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : ЮрИнфоР, 2001. С. 73.

10. Курсаев А. В., Осокин Р. Б. Разграничение форм вины в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции, Москва, 27–28 января 2011 г. М. : Проспект, 2011. С. 199–202.

11. Жизнь с ВИЧ-инфекцией, как она изменится после диагноза и сколько можно прожить // ВИЧ – серийный убийца [сайт]. URL: https://medsito.ru/-zabolevanie/vich/zhizn-s-vich-infektsiej-kak-ona-izmenitsya-posle-diagnoza-i-sko-lko-mozhno-prozhit#i-2.

12. Кондратьева И. О. Ответственность за причинение смерти по неосторожности в контексте либерализации уголовного законодательства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2 (12). С. 225–228.

13. После смерти не мирятся. Готовится запрет на примирение после убийственных аварий // Российская газета [сайт]. URL: https://rg.ru/2011/02/07/dtp-site.html.

Филонова А. А.[1]***,***
магистрант Московского
гуманитарного университета

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Совершенствование законодательства должно рассматриваться как последовательный, единый и согласованный процесс. В связи с этим следует определить направления совершенствования законодательства в области информационной безопасности.

В настоящее время актуализировалась проблема использования информации в качестве оружия. Угроза применения достижений в области информационных технологий в целях, не совместимых с задачами поддержания международного мира, весьма реальна, что показывают информационные атаки на Россию в связи проведением специальной военной операции на Украине.

Важным является вопрос регулирования обмена информацией в сети Интернет. По аналогии с политической теорией можно выделить два подхода к проблеме правового регулирования в сети Интернет: первый пропагандирует абсолютную свободу (либертарный подход), второй – верховенство законодательства в сети (этатистский подход). Вместе с тем необходимо иметь в виду, что отмеченные подходы, определяющие стратегию правового обеспечения информационной безопасности в сети Интернет, являются крайними по отношению друг к другу умозрительными абстракциями. В действительности данные принципы применяются в синтезированном виде.

Россия входит в число стран-лидеров по объему законодательства в сфере информации, в частности обеспечения и защиты информации. Существует также большое количество законов, регулирующих разные стороны информационной деятельности применительно к конкретным явлениям: законы Российской Федерации «О средствах массовой информации», «Об авторском праве и смежных правах», «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», федеральные законы «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации», «О рекламе» и т. д. Имеется огромное количество указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации, принято также значительное количество документов по вопросам телевидения и радиовещания, отдельным средствам массовой информации и проч. документы не юридического, а программного значения. Это, с одной стороны, обусловливает сложность и запутанность нормативной регламентации защиты информации. С другой – множественность моделей в области регулирования и защиты информации, персональных данных порождает правовые коллизии, путаницу в правоприменительной практике.

Несовершенен и понятийно-категориальный аппарат, формируемый в том числе и отечественными нормативными правовыми актами. Это следует также

[1] © Филонова А. А., 2022.

рассматривать как одно из направлений совершенствования национального законодательства в области информационной безопасности.

В научной литературе обращается внимание на многогранность категории «информация» и зависимость содержания этой категории от сферы человеческой деятельности [1, с. 41; 2, 3]. Вместе с тем российский законодатель дает легальную дефиницию информации, подразумевая под ней любые «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [4]. Таким образом, законодатель снимает проблему определения предмета правонарушений в сфере информации. Однако существует ряд других понятий, непосредственно связанных с категорией «информация», в числе которых, например, «персональные данные», «личная и семейная тайна», «секрет производства», «засекреченная информация» и т. д. Представляется, что указанные понятия в целом охватываются категорией «информация», однако характеризуются собственной спецификой, не изменяющей их качественное состояние.

В контексте проблематики защиты информации следует разграничивать понятия «защита информации» и «правовое обеспечение защиты информации». Так, понятие «защита информации» можно использовать в узком и широком смыслах. В узком смысле – это реализация совокупности мер, направленных на недопущение утечки защищаемых данных либо недопущение несанкционированного воздействия на защищаемые данные. По сути, такая деятельность предполагает непосредственное блокирование доступа сторонних лиц к защищаемым данным. Содержание такого понимания защиты информации не предполагает использование норм права, так как нормы права сами по себе без должной реализации ничего ни пресечь, ни блокировать не могут. Отечественный законодатель формализовал в норме-дефиниции защиту информации в широком смысле. Так, защита информации представляет собой принятие правовых, организационных и технических мер, направленных: на обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации; соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа; реализацию права на доступ к информации» [2]. Иными словами, защита информации в широком смысле предполагает использование всей совокупности мер: организационного, инженерно-технического и правового характера. Таким образом, при использовании легального (в широком смысле) понятия «защита информации» понятие «правовое обеспечение защиты информации» оказывается тавтологичным, так как в развернутом виде оно будет выглядеть примерно так: «Правовое обеспечение принятия правовых… мер, направленных на обеспечение защиты информации…». Тем не менее оборот «правовое обеспечение» призван акцентировать внимание именно на правовом аспекте защиты информации, минуя инженерно-технический и организационный аспекты.

Таким образом, совершенствования правового регулирования информационной сферы и информационной безопасности как ее составляющей по-прежнему является насущной задачей для современного государства.

Список литературы

1. Методы и средства защиты информации / А. Аль-Аммори [и др.] // The Scientific Heritage. 2020. № 51-1.

2. Осокин Р. Б., Панфилов П. О. Правоохранительные органы : учебник. М. : Издательство МГТУ имени Н. Э. Баумана, 2022.

3. Осокин, Р. Б. Правоохранительные органы в системе безопасности России : лекция. Тамбов : Тамбовский филиал Московского университета МВД России, 2006.

4. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (последняя редакция) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // URL: https://duma.consultant.ru/page.-aspx?878565.

Немтинов Д. В.[1],
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ОБОСНОВАННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ВНЕСЕНИЯ В РЕЕСТР ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЦЕННЫХ БУМАГ В СИСТЕМУ ДЕПОЗИТАРНОГО УЧЕТА ЗАВЕДОМО НЕДОСТОВЕРНЫХ СВЕДЕНИЙ ПУТЕМ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К РЕЕСТРУ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЦЕННЫХ БУМАГ К СИСТЕМЕ ДЕПОЗИТАРНОГО УЧЕТА

Обеспечение безопасности общественных отношений в сфере экономической деятельности является одной из приоритетных задач правоохранительной системы любого государства. При этом следует учитывать, что уголовно наказуемые деяния причиняют наибольший вред данным отношениям, ставят под угрозу развитие экономики страны в целом, что в свою очередь создает предпосылки для дестабилизации социальной политики и роста общеуголовной преступности. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в частности, отмечается, что к числу основных задач, подлежащих решению для обеспечения экономической безопасности государства, относятся снижение доли теневого и криминального секторов экономики, а также уровня коррупции в предпринимательской среде [1].

Изучение статистических данных за последние семь лет (с 2015 по 2021 гг. включительно) позволяет утверждать, что преступления в сфере экономической деятельности, несмотря на сравнительно небольшой удельный вес в общей структуре официально зарегистрированной преступности, отличаются относительной стабильностью как с количественной, так и с качественной сторон [2, с. 2; 3, с. 122; 4, с. 236]. Кроме того, такие преступления характеризуются высокой латентностью, причем не только скрытой, но и скрываемой, а также тесной взаимосвязью с коррупцией на всех уровнях государственной власти и местного самоуправления. В частности, в 2014 г. было выявлено 26 737 преступлений в сфере экономической деятельности, что на 2,8 % меньше, чем за аналогичный показатель предыдущего года; в 2015 г. – 30 058 таких преступлений (+11,9 %), в 2016 г. – 28 967 преступлений (–3,5 %), в 2017 г. – 30 042 преступления (+3,7 %), в 2018 г. – 36 543 преступления (+21,6 %), в 2019 г. – 37 788 преступлений (+3,4 %), в 2020 г. – 39 591 преступление (+4,8 %) и в 2021 г. – 40 706 преступлений (+2,8 %) [4]. Согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за преступления в сфере экономической деятельности в 2014 г. по основной и дополнительной квалификации было осуждено 4 707 лиц, в 2015 г. – 5 211 лиц; в 2016 г. – 6 663 лица; в 2017 г. – 7 618 лиц; в 2018 г. – 9 092 лица; в 2019 г. – 8 490 лиц; в 2020 г. – 7 975 лиц и в 2021 г. – 9 493 лица [6].

---

[1] © Немтинов Д. В., 2022.

Логическое толкование диспозиции ч. 1 ст. 170[1] УК РФ приводит к выводу о том, что документы, предоставляемые в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в организацию, осуществляющую учет прав на ценные бумаги, должны содержать такие заведомо ложные данные, внесение которых в единый государственный реестр юридических лиц, реестр владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета способны привести к приобретению права на чужое имущество. В связи с этим данное преступление относят к проявлениям рейдерства [7–9].

В ч. 2 данной уголовно-правовой нормы предусмотрена ответственность за взаимосвязанное преступление, состоящее уже во внесении в реестр владельцев ценных бумаг в систему депозитарного учета сведений, заведомо имеющих недостоверный характер, посредством неправомерного доступа к таким реестру и учету.

В ч. 2 ст. 170[1] УК РФ в самостоятельный состав преступления выделяется внесение в реестр владельцев ценных бумаг в систему депозитарного учета заведомо недостоверных сведений путем неправомерного доступа к реестру владельцев ценных бумаг к системе депозитарного учета. Полагаем, что выделение такой разновидности фальсификации реестра владельцев ценных бумаг либо системы депозитарного учета следует признать необоснованным, так как в диспозиции ч. 2 ст. 170[1] УК РФ не указывается цель деяния, что неизбежно отражается и на содержании объективной стороны преступления. Например, неясным является, какие именно ложные сведения вносятся виновным в реестр владельцев ценных бумаг или в систему депозитарного учета, на что направлено и к чему может привести внесение таких сведений. На практике это может привести к произвольному толкованию и применению ч. 2 ст. 170[1] УК РФ, а также основанной на данных признаках ч. 3 данной статьи УК РФ. В связи с этим нами предлагается признать ч. 2 ст. 170[1] УК РФ утратившей силу. При этом внесение заведомо ложных сведений целесообразно, по нашему мнению, указать в диспозиции ч. 1 ст. 170[1] УК РФ в качестве альтернативного действия, наряду с представлением документов, содержащих такие сведения.

Таким образом, следует сформулировать вывод о необходимости признать ч. 2 ст. 170[1] УК РФ утратившей силу по причине отсутствия причин криминализации соответствующего деяния.

Список литературы

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

2. Осокин Р. Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.

3. Осокин Р. Б., Немтинов Д. В. К вопросу о признаках преступлений в сфере экономической деятельности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Общество и право. 2016. № 2 (56).

4. Осокин Р. Б. Законодательство советского периода о мошенничестве и его способах // Правовая реформа и развитие российского законодательства : сборник трудов II Всерос. межвуз. конф. М., 2002.

5. Официальный сайт МВД России: статистика и аналитика // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/18556721/.

6. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

7. Верченко Н. И. О понятии рейдерства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16. С. 12–13.

8. Кондраткова Н. В., Дмитриевский В. С. К вопросу о противодействии рейдерству в России // Российский следователь. 2020. № 9. С. 32–36.

9. Уланова О. В. Проблема рейдерства в современной России // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 1. С. 44–46.

Николаева Ю. В.[1],
заместитель начальника кафедры
психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Специфика служебной и учебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России оказывает большое влияние на их семейные отношения, поскольку зачастую является причиной возникновения семейных конфликтов. Это обусловливает необходимость проведения профилактической работы в целях поддержания благополучия в семьях курсантов образовательных организаций МВД России, нормализации семейного микроклимата и преодоления дезадаптации семей различными психологическими и социальными службами.

С целью выявления особенностей влияния служебной и учебной деятельности на семейные отношения был проведен опрос курсантов и слушателей Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (с 1 по 5 курс). В данном опросе приняли участие 28 человек, состоящих в браке.

На вопрос «Как часто Ваши служебные и учебные обязанности служат причиной разногласий и конфликтов в семье?» ответы респондентов распределились следующим образом:



Рис 1. Результаты опроса курсантов: частота возникновения семейных конфликтов

Вариант «всегда» выбрали 1 курсант – 3 %.

Вариант «часто» выбрали 14 курсантов – 50 %.

Вариант «редко» выбрали 11 курсантов – 40 %.

Вариант «никогда» выбрали 2 курсанта – 7 % от общего числа респондентов.

Из представленных результатов на рис. 1 можно сделать вывод, что служебная и учебная деятельность курсантов оказывает существенное влияние на семейные отношения.

---

[1] © Николаева Ю. В., 2022.

Среди основных причин конфликтов курсанты и слушатели выделяют следующие:

а) суточные наряды, специфика учебной деятельности, требующие от курсанта полной занятости, без возможности полноценного отдыха с семьей и друзьями (юноши – 50 %; девушки – 13 %);

б) ежедневная психическая перегрузка, которая создает всплеск негативных эмоций (юноши – 48 %; девушки – 0 %);

в) отсутствие должного отдыха, из-за чего провоцируется физическая усталость после учебы, невозможность выполнять домашние обязанности (юноши – 37 %; девушки – 17 %).

Таким образом, в семьях девушек-курсантов, где причиной является физическая усталость, неспособность выполнять домашние обязанности, конфликты наблюдаются чаще, чем в семьях юношей-курсантов, где причиной является нехватка времени для отдыха, проведения времени с семьей, а также проявление негативных эмоций.

На вопрос «Влияют ли семейные проблемы на качество выполнения Ваших служебных и учебных обязанностей?» респонденты ответили следующим образом (рис. 2):

Вариант «всегда» выбрали 1 курсант – 3 %.

Вариант «часто» выбрали 14 курсантов – 54 %.

Вариант «редко» выбрали 9 курсантов – 30 %.

Вариант «никогда» выбрали 4 курсанта – 13 % от общего числа респондентов.



Рис. 2. Результаты опроса курсантов: влияние семейных проблем на выполнение служебных и учебных обязанностей

Так, более половины курсантов и слушателей (54 % респондентов выбрали ответ «часто», 3 % респондентов выбрали ответ «всегда») отмечают влияние семейных проблем на качество выполнения своих учебных и служебных обязанностей.

Также был проведен опрос психологов ОПР УРЛС Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя с целью выявления запросов обращения курсантов. На рис. 3 представлены полученные результаты.



Рис. 3. Результаты опроса психологов образовательной организации: причины обращения к психологу

43 % от общего количества обращений – личные и семейные проблемы.
19 % обращений – проблемы с руководством.
14 % обращений – адаптация в коллективе.
10 % обращений – снятие стресса, напряжения.
9 % обращений – повышение самооценки.
5 % обращений – фобии и внутриличностные конфликты.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что 43 % обращений курсантов за психологической помощью к специалистам возникают по причине личных и семейных конфликтов, что свидетельствует о значимости этой проблемы в курсантской среде.

Далее был проведен анализ причин конфликтов в семьях курсантов и слушателей на основе их обращений к психологам ОПР УРЛС и оказанной им психологической помощи. Результаты полученных данных отражены в диаграмме (рис. 4).

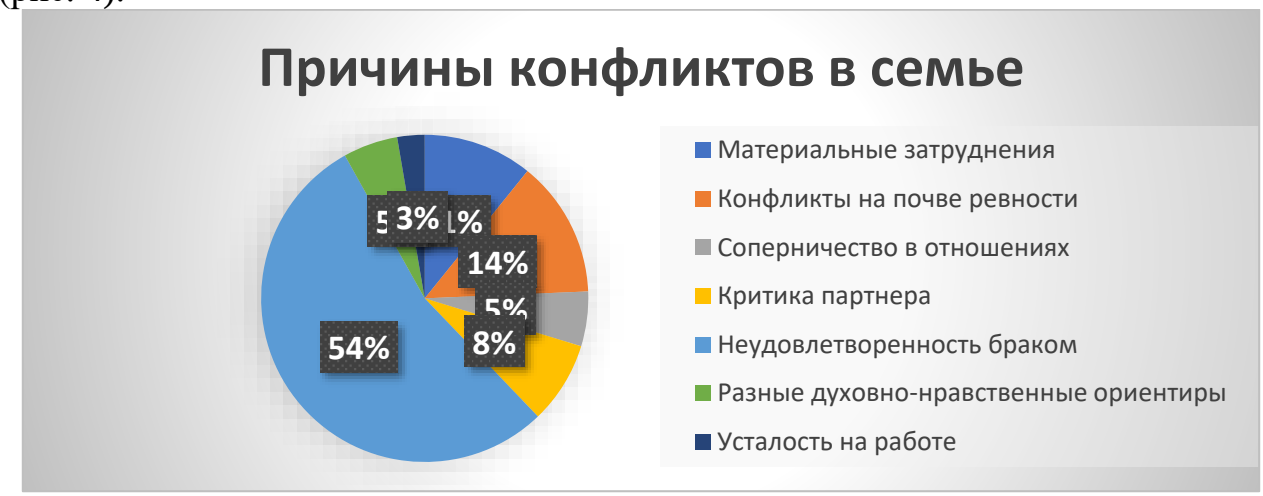


Рис. 4. Результаты опроса психологов образовательной организации: причины конфликтов в семье курсантов

54 % от общего числа запросов – неудовлетворенность браком.

14 % обращений – конфликты на почве ревности.
11 % обращений – материальные затруднения.
8 % обращений – критика партнера.
5 % обращений – разные духовно-нравственные ориентиры.
5 % обращений – соперничество в отношениях.
3 % обращений – усталость на работе.

Как видно из данных, представленных на рисунке, половина запросов курсантов по семейным вопросам происходит по причине неудовлетворенности браком (54 %). Это свидетельствует о необходимости проведения профилактической и коррекционной работы в целях поддержания социально-психологического благополучия в семье, нормализации семейного климата, так как их конфликты в семье снижают эффективность служебной и учебной деятельности курсантов и слушателей.

Психологические мероприятия, проводимые в образовательных организациях МВД России, должны быть направлены не только на помощь в решении возникающих трудностей в молодых семьях курсантов и слушателей, но также и на профилактику их возникновения. Мероприятия, проводимые с указанной целью, должны иметь комплексный подход и задействовать всех субъектов образовательной организации (рис. 5).



Рис. 5. Субъекты профилактики социально-психологического благополучия курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России

Руководителям, в число которых входят: начальники курсов, заместители начальников курсов, командиры взводов – в рамках проведения профилактической работы рекомендуется осуществлять следующие мероприятия:

– проводить беседы с личным составом (дополнительные) с целью оценки эмоционального фона и определения проблем в семейных отношениях;

– поддерживать взаимодействие с родителями и членами семей курсантов;

– осуществлять проверку бытовых условий проживания курсантов с целью изучения состояния социального климата в семье, выявление жилищных и иных проблем.

Младшему начальствующему составу, к которому относятся командиры отделений и заместители командиров взводов, в рамках профилактической работы необходимо осуществлять следующие мероприятия:

– мониторинг учебной и служебной деятельности курсантов и слушателей, возможных изменений в семейных отношениях;

– своевременное выявление наличия проблем в семейной жизни курсантов и слушателей;

– в случае необходимости определение направлений оказания помощи совместно с психологом и руководством курса.

Для психологов образовательных организаций МВД России в рамках проведения профилактической работы можно рекомендовать проведение таких мероприятий, как:

– взаимодействие с руководством курса для своевременного выявления курсантов, имеющих проблемы в семейных отношениях;

– использование различных форм осуществления процесса семейного консультирования: индивидуальное консультирование, параллельное консультирование и совместное консультирование супругов;

– использование в практической деятельности тренинга, направленного на повышение удовлетворенности браком курсантов и слушателей.

Осуществление комплексной и качественной социально-психологической работа с семьями курсантов образовательных организаций МВД России способствует не только сохранению семейных отношений и повышению удовлетворенности браком, а также показателей учебной и служебной деятельности, личностному росту, достижения высокого уровня профессионализма в будущем.

Список литературы

1. Алешина Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни : дис. … канд. психол. наук. М., 2005.

2. Добрынина О. А. Проблема формирования благоприятного социально-психологического климата семьи : дис. … канд. психол. наук. Новокузнецк, 2002.

3. Кудряков Ю. Н. Профилактика семейно-бытовых конфликтов среди сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. М. : ВНИИ МВД России, 2018.

4. Николаева Ю. В. Особенности обучения психологическому консультированию курсантов образовательных учреждений МВД России // Актуальность педагогического наследия А.С. Макаренко в современных условиях : сборник статей. М., 2019. С. 424–431.

5. Николаева Ю. В. Основные направления и техники в практике психологического консультирования сотрудников ОВД // Психолого-педагогические аспекты становления развития сотрудника ОВД в условиях вузовской подготовки : Межведомственная научно-практическая конференция : сборник научных трудов. М., 2021. С. 313–316.

6. Николаева Ю. В. Особенности использования приемов психологического консультирования в практике психологов подразделений МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12.

7. Николаева Ю. В., Михайлова С. Ю. Психологическое консультирование как вид профессиональной деятельности практического психолога // Актуальные проблемы психологической работы и профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел и силовых структур : сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции. М., 2021. С. 287–292.

Алпатова О. Б.[1]*,*
доцент кафедры специального
дефектологического образования
Московского института психоанализа,
кандидат педагогических наук, доцент

ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ

В современных реалиях система высшего профессионального образования работает в новых социально-экономических условиях, определяющих ряд противоречий и трудностей в реализации ФГОС ВО. Одним из противоречий является несоответствие между возрастающими требованиями к качеству подготовки выпускников высшей школы и реальным уровнем компетентности будущих специалистов. В настоящее время многие исследователи связывают разрешение этой проблемы с организацией благоприятной учебно-пространственной среды в вузах, позволяющей формировать учебную мотивацию студентов.

В психологии обучения одной из ведущих является проблема формирования мотивации учебной деятельности. Необходимо отметить, что формирование учебной мотивации в ходе профессиональной подготовки позволяет успешно регулировать весь учебный процесс в вузе.

Учебная мотивация – это система стимулирования, которая побуждает активность учащихся и формирует направленность и характер учебной деятельности. Обладает системностью, направленностью, устойчивостью и динамичностью [3, с. 541].

На разных этапах обучения студентов в вузе происходит смена видов учебной деятельности от учебно-познавательной к учебно-исследовательской, а затем – учебно-профессиональной, что приводит к мотивационным изменениям. Соответственно, меняются мотивы от 1-го к 4-му курсу у студентов факультета психолого-педагогического и дефектологического образования. Формирование мотивации проходит путь от «формально-академического достижения» через «потребности достижения» к «творческому достижению». По окончанию обучения в вузе в результате проведенной учебно-воспитательной работы должны сложиться мотивы профессионального самообразования из группы учебно-профессиональных мотивов, а из группы социальных мотивов – мотивы профессионального сотрудничества [2, с. 248].

При проведении нашего исследования мы поставили задачу выявить и сравнить структуру учебной мотивации студентов на разных курсах обучения в вузе. Исследование проходило на базе Московского института психоанализа на факультете психолого-педагогического и специального образования. В исследова-

[1] © Алпатова О. Б., 2022.

нии приняли участие 35 человек: студенты 1 курса и 3 курса бакалавриата, обучающиеся по направлениям подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое образование)» и 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование».

Личностную значимость мотивов учебной деятельности студентов на разных курсах обучения в вузе мы исследовали с помощью методики «Мотивация учения студентов педагогического вуза» С. А. Пакулиной, М. В. Овчинникова.

Значения внешней (70 %) и внутренней мотивации (48 %) от максимально возможного говорят нам, что наибольшую личностную значимость для первокурсников представляют внешние мотивы (реально действующие мотивы учения, мотивы поступления в вуз и профессиональные мотивы). Общие показатели внешней (49,5 %) и внутренней мотивации учения (80 % от максимально возможного показателя) говорят, что большую личностную значимость студентов третьего курса бакалавриата играют внутренние мотивы, например реально действующие мотивы учения (широкие учебно-познавательные мотивы) и мотивы, соответствующие профессиональной деятельности. Наименее значимы, связанные с поступлением в вуз, – внутренние и внешние и мотивы. Такие результаты связаны с тем, что студенты обучаются уже на третьем курсе института.

Подведем итоги:

– в структуре учебной мотивации первокурсников наиболее представлены, наряду с внутренним мотивом успешного продолжения обучения на последующих курсах, внешние положительные мотивы («не запускать изучение предметов…»), а также отрицательный мотив избегания наказания. Необходимо отметить, что наибольшую субъективную значимость имеют внешние мотивы учения, наименьшую – профессиональные мотивы. Мотивационную сферу обучающихся на первом курсе нельзя считать позитивной, так как составляющие ее компоненты в основном находятся на «низком» и «ниже среднего» уровнях выраженности;

– в структуре учебной мотивации третьекурсников преобладают внутренние мотивы учения и мотивы, важные для профессиональной деятельности. Мотивационная сфера бакалавров третьего года обучения более позитивна и гармонична, по сравнению со студентами первого курса. Это подтверждают средние уровни выраженности ее базовых психологических компонентов.

Структуру мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов необходимо учитывать при организации образовательного процесса на разных этапах вузовского обучения и организации коррекционно-развивающей работы [2, с. 247].

В Московском институте психоанализа реализуется специально разработанная программа по оптимизации структуры учебной мотивации студентов, подготовленная с учетом этапа обучения в вузе. Эта программа помогает преодолевать трудности адаптационного процесса к обучению в вузе и обеспечивает высокое качество профессиональной подготовки. Для создания профессионально направленной мотивации учебной деятельности вуз заинтересован в организации профессионально ориентированной учебно-пространственной среды.

В институте уделяется много внимания работе по формированию профессиональной мотивации будущих психологов, педагогов и дефектологов, так как эти специальности подразумевают работу с людьми, которые находятся в трудных жизненных ситуациях, детьми с девиантным поведением. В студентах воспитываются такие профессионально необходимые качества личности, как толерантность, отзывчивость, эмпатия. В работе по программе участвуют кафедры; деканаты факультетов; отделы внеучебной работы, психолого-социологической службы; музей; тематические аудитории, посвященные известным психологам и педагогам [1, с. 17].

Преподаватели активно внедряют новые методы внеучебной работы со студентами. Привлечение студентов к организации мероприятия, а затем коллективная рефлексия и обсуждение проведенного дела. Такая совместная деятельность дает возможность студенту окунуться в профессиональную среду и почувствовать себя профессионалом. Студенты института с первого курса работают в качестве волонтеров от Московского института психоанализа в детских садах, школах и психолого-педагогических центрах г. Москвы.

Целями учебно-воспитательной работы кафедр являются создание предпосылок для личностного роста будущего психолога и дефектолога; поощрение учебно-исследовательской позиции студентов; формирование устойчивого научно-познавательного интереса студентов к исследованиям в сфере психологии; педагогики и дефектологии, формирование целостного профессионального самосознания будущего специалиста [1, с. 18].

В Московском институте психоанализа активно применяются различные формы внеучебной работы: вузовский смотр-конкурс студенческих работ, конференции, круглые столы и дискуссии, профильные КВНы и викторины. Это дает возможность вести целенаправленную работу по формированию смысложизненных и профессиональных ориентаций студентов института. В Центре толерантности Еврейского музея действует лекторий «Территория ребенка» – совместный проект Еврейского музея и центра толерантности и Московского института психоанализа. В нем принимают активное участие студенты старших курсов. Совместно с педагогами и психологами они помогают родителям разобраться в вопросах воспитания и наладить диалог с ребенком.

Студенты Московского института психоанализа принимают участие в разработке и реализации Комплексной программы профилактики деструктивного поведения в интернете у подростков и молодежи «Мы в ответе за цифровой мир».

Мы рассматриваем формирование учебной мотивации студентов как одно из важнейших условий подготовки специалистов и будем продолжать работу по организации профессионально ориентированной учебно-пространственной среды.

Список литературы

1. Алпатова О. Б. Особенности формирования мотивации учения в образовательных учреждениях высшего образования // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 2. С. 16–19.

2. Карякина С. Н. Структура учебной мотивации студентов на разных этапах обучения в вузе// Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 1 (78). С. 246–252.

3. Ульянова И. В., Алпатова О. Б. Специфика воспитательной среды образовательной организации МВД России // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5.